Материалы по **А**рхеологии и **И**стории **А**нтичного и **С**редневекового **К**рыма

выпуск IV

Materials in **A**rchaeology and **H**istory of **A**ncient and **M**edieval **C**rimea

volume IV

Севастополь–Тюмень
2012

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Издается по решению Ученых советов
Института истории и политических наук Тюменского государственного университета
и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. IV.
Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. – Севастополь–Тюмень, 2012.
с. 296 – илл.

ISSN 2219-8857

Содержание

Великому российскому антиковеду посвящается 5

Археология

В.В. Дорошко, С.В. Ушаков. О времени и обстоятельства гибели Крымской Скифии: аланы, 224 г. (?) 9

М.Я. Чореф. Терракоты из Айвового 13

В.А. Скарбовенко, Н.А. Лифанов. Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) 22

История

А.Ж. Арутюнян. Возникновение института губерний на территории Древнеармянского государства (согласно античным источникам) 47

М.Ю. Рахно. Кельтский субстрат Крымской Готии 55

М.В. Фомин. К вопросу о формировании христианской общины в позднеантичном Херсонесе 69

В.В. Хапаев. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории разрушения города в начале XI века 77

К.В. Белый. К истории государственного переворота 1259 года в Никейской империи 85

К.Ю. Рахно. «Трактат о двух Сарматиях» Мацея Меховского как источник по исторической этнографии Северного Причерноморья 91

Т.А. Прохорова. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века 97

Т.А. Прохорова. Крымские древности в произведениях малоизвестных путешественников первой половины XIX в. (на примере путевых заметок Ж. де Сен-Совера) 103

Церковная археология

Ю.Ю. Шевченко. Еще раз о Готской митрополии 109

Н.В.Днепровский. К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене 125

Н.В. Днепровский. История с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики 194

А.М. Байбуртский, А.В. Джанов, Н.В. Днепровский, А.М. Фарбей. Культовое пещерное сооружение в урочище Бор-Кая 207

Нумизматика

М.М. Чореф. Денежная реформа Михаила III и Василия I Македонянина: переход к эмиссии таврических фоллисов………………………………………………………………… 243
А.П. Козлов, М.М. Чореф, А.В. Якушечкин. К вопросу об атрибуции медных монет серии «القوه قريم» ……………………………………………………………………………………….. 253
Н.М. Фомичев. О реконструкции полных изображений оттисков азакских штемпелей для чеканки дирхамов Тохтамыша ………………………………………………………………. 259
А.В. Якушечкин. Монетная стопа Крымского ханства в середине XVIII в. (по письменным источникам) ……………………………………………………………………………... 274

Список сокращений ……………………………………………………………………….. 291

Правила оформления статей, предоставляемых для публикации в «Материалах по археологии и истории античного и средневекового Крыма» ………………………………. 292

ВЕЛИКОМУ РОССИЙСКОМУ АНТИКОВЕДУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

20 октября 2012 г. исполнилось 60 лет со дня смерти великого российского ученого Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952). Он был не только великим историком–антиковедом и экономистом. М.И. Ростовцев был верным сыном своей великой Родины, оставаясь ее патриотом даже в добровольном изгнании.

М.И. Ростовцев родился 29 октября (10 ноября по нов. ст.) 1870 г. в Житомире в семье учителя местной гимназии. Его предки были ростовскими купцами. Однако уже дед получил право на потомственное дворянство, а отец был попечителем учебного округа. Таким образом, будущий историк принадлежал к буржуазно-дворянской служилой интеллигенции. Поэтому не стоит удивляться тому, что идеологической «русской подосновой» исторических концепций М.И. Ростовцева являются устремления той среды, к которой он сам принадлежал. Этим же можно объяснить и его исторические предпочтения. В жизненных установках дорогой его сердцу римской городской буржуазии присутствует столь характерный для него набор ценностей. Понятия: «дисциплина», «долг», «служба государству» и «повиновение» были наполнены для М.И. Ростовцева вполне определенным смыслом.

Подобное понимание жизни и истории породило тягу к знаниям, причем с упором на классическое гуманитарное образование. М.И. Ростовцев обучался в гимназиях Житомира и Киева. Сравнительно рано у него пробудился осознанный интерес к античности. Уже в гимназические годы им было написано сочинение «Администрация римских провинций во времена Цицерона», в котором проявилось столь характерное него в последующем направление научной мысли. По окончании гимназии он поступил в 1888 г. на историко-филологический факультет Киевского университета, где также стал специализироваться на изучении античности. Его учителями стали Ю.А. Кулаковский, А.И. Сонни и В.Б. Антонович.

Через два года М.И. Ростовцев перевелся в Санкт-Петербургский университет, где проучился до 1892 г. Его преподавателями стали Ф.Ф. Соколов, И.В. Помяловский и П.В. Никитин. Особо близкие отношения у будущего ученого сложились с профессором Ф.Ф. Зелинским – одним из самых блестящих на тот момент знатоков древней греческой и латинской литературы и древнегреческой религии, а также блестящим лектором и пропагандистом античной культуры. Ему М.И. Ростовцев был обязан своим глубоким знанием литературной традиции, умением представить творчество древних писателей в контексте современных им идей и настроений, и, наконец, интересом к изучению религиозных древностей. В годы обучения в Санкт-Петербургском университете М.И. Ростовцев сблизился с Н.П. Кондаковым, который обучал его методике иконографического анализа.

Во время учебы в Санкт-Петербургском университете М.И. Ростовцев увлекся социальной историей. Объектом его изучения стали Помпеи. В 1892 г. он совершил первую поездку за границу, в ходе которой посетил Италию и этот древний город.

После окончания учебы М.И. Ростовцев три года проработал в Царскосельской Николаевской гимназии. Он сдал магистерские экзамены, после чего получил от Санкт-

Петербургского университета трехлетнюю командировку за границу для завершения профессиональной подготовки.

Годы заграничной стажировки (1895–1898) стали важным этапом в становлении М.И. Ростовцева как ученого. Он не только совершенствовал свои знания, устанавливал контакты с западноевропейскими коллегами, но и намечал темы будущих научных работ. Историк решил заняться изучением системы государственного откупа в Риме и изданием античных коммерческих пломб.

По возвращении в Россию он стал преподавать в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. М.И. Ростовцев учил латыни, римской истории и вел специальный семинар по римским древностям. В 1899 г. М.И. Ростовцев защитил магистерскую диссертацию «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)», в 1903 г. докторскую «Римские свинцовые тессеры». В 1901 г. ученый был избран профессором Санкт-Петербургского университета, в 1908 г. стал членом-корреспондентом, а в 1918 – действительным членом Российской Академии наук.

Наряду с преподавательской и научной деятельностью М.И. Ростовцев активно участвовал в общественной жизни: был видным деятелем Конституционно-демократической партии, печатался в литературных и научно-политических журналах, таких как «Вестник Европы», «Мир Божий» и «Русская мысль». В публицистических произведениях нашла отражение его любовь к Родине, стремление направить ее на прогрессивный путь развития.

Но куда примечательней его научная деятельность. М.И. Ростовцев стал одним из основоположников современного российского антиковедения. Он первым попытался проследить историю древней экономики. В результате в поле зрения ученого оказался богатый, крайне информативный материал. В предисловии к своей магистерской диссертации он писал: «*Распространяться о том, какое значение имеет экономическая история человечества для понимания его судеб, излишне; не надо настаивать и на том, каким важным показателем экономической жизни народа является его финансовая администрация. Базу же финансовой администрации составляют агенты взимания, способ взимания стоит в тесной и непосредственной связи с экономической жизнеспособностью народа, и если это откуп, то нет ничего важнее для выяснения себе экономического состояния страны, как уразуметь, какая форма откупа господствует в стране, в какие отношения становится государство к свободным предпринимателям, в какой мере оно регулирует и направляет их деятельность*». Именно это обстоятельство позволило ему по-новому проследить становление Римского государства. В той же работе читаем: «*Римское государство основалось на двух главных формах античной государственности: на эллинской политии и на эллинистической монархии, слившей элементы политии с восточным территориальным единовластием… Отделить элементы эллинской политии и эллинистической монархии от того, что было продуктом чисто римской государственной мудрости, указать на то, как из этих элементов создалось то, что мы зовем римским государственным откупом императорского времени, явилось второй нашей задачей*».

Столь же обдуманно ученый приступил к исследованию тессер, как оказалось, ценнейшего источника по истории культуры и экономики античного мира. Введение их в оборот – несомненная удача и научная заслуга М.И. Ростовцева.

После защиты диссертаций ученый продолжил исследовать систему административного управления и финансовую политику Римской империи. Он успешно коррелировал сведения письменных источников с результатами изучения «живой», предметной античности – ученый должным образом оценивал археологию. М.И. Ростовцев интересовался открытиями итальянских археологов, старался воссоздать облик римского дома и сельской усадьбы, а также города в целом. Идеи историка были изложены в работах «Римский дом» (СПб., 1902) и «Древний город Рим» (СПб., 1910), и в монографии «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж» (СПб., 1908).

Ученый также интересовался жизнью римского крестьянства. Он с особым вниманием занялся изучением проблемы колоната, стремясь понять судьбы едва ли не самого многочисленного класса сельского населения Римской империи, природу его закрепощения. В результате появилась и монография «Studien zur Geschichte des romischen Kolonates» (Leipzig-Berlin, 1910), которая до сих пор остается одним из самых фундаментальных трудов по истории колоната.

Отметим, что социально-экономическая история Рима и эллинизма не была единственной темой его исследования. Много внимания ученый уделял изучению истории античного Причерноморья. Из-под его пера вышла «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913–1914). Он написал большой цикл статей, в которых освещалась история Ольвии, Херсонеса и Харакса. Но особо интересовал М.И. Ростовцева античный Боспор. Его привлекали проблемы взаимоотношений и устройства античных государств, в частности, вопрос о природе монархической власти этом регионе. Стоит отметить его фундаментальные монографии «Эллинство и иранство на юге России» (Пг., 1918) и «Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических)» (Пг., 1925), до сих пор не потерявших своей актуальности.

Заметим, что в этом он следовал традиции, издавна сложившейся в российском антиковедении. Ведь историю древнейших государств на территории России стали активно изучать уже со времен П.С. Палласа. Но М.И. Ростовцев интересовала не столько атрибуция античных древностей, сколько возможность изучения процессов взаимодействия Запада и Востока. В любых взаимодействиях цивилизационных начал он искал подтверждения своим историко-политическим расчетам.

Однако в работах М.И. Ростовцева есть существенные недостатки. Начнем с того, что он слишком свободно использовал такие термины, как «пролетариат», «буржуазия» и «капитализм», а также несколько шире, чем принято сейчас в научной среде, понимал сущность древнеримского среднего класса. Ученый относил к нему сенаторов эпохи Антонинов и верхушку провинциальной элиты, на самом деле, являвшихся правящим сословием империи. Очевидно, что их нельзя отнести к буржуазии в строгом значении этого слова.

К сожалению, М.И. Ростовцев не счел нужным проследить изменения в положении сенаторского сословия. Он фактически игнорировал социальную мобильность, благодаря которой армия и сенат срослись. На самом деле военные командиры не уничтожили сенат, а наоборот, спасли его.

Следует отметить и зависимость ученого от сравнительно небольшой группы литературных текстов, анализ которых привел его к мысли об упадке Рима в III в. Нам же кажется, следовало бы говорить не столько о кризисе этой средиземноморской империи, сколько о начале длительного процесса возникновении Византии.

Собственно, об узости круга задействованных им источников говорит и то, что ученый не уделил должного внимания римскому праву. Также историк не использовал уже достаточно широко распространенный в его время просопографичекий метод.

К сожалению, не избежал он ошибок и в своих экономических исследованиях. Дело в том, что его подход не был профессионально–обществоведческим. Оставаясь гуманистом, он игнорировал статистику, делая упор на анализ хорошо известных ему письменных памятников.

Но все это не так важно, как может показаться на первый взгляд. М.И. Ростовцев был последним антиковедом, писавшим «большие» книги на «большие» темы, что, как мы понимаем, было крайне трудно. Вернее сказать, практически невозможно. Именно это стало причиной допущенных им неточностей. Так что даже выявленные недостатки не умаляют высокое историческое значение его фундаментальных работ. Они стали основой позднейших исследований, освещающих отдельные проблемы античной истории.

К сожалению, ученая деятельность М.И. Ростовцева в России продолжалась недолго. В 1918 г. ему пришлось спешно прервать эти исследования. Он опасался репрессий, неизбежных в виду

его активной гражданской позиции. Его отъезд, оформленный как академическая командировка для научных занятий в библиотеках и музеях Западной Европы, фактически был бегством. Он не смог взять с собой даже свой архив.

Оказавшись за границей, М.И. Ростовцев через Швецию при поддержке О. Альмгрена добрался до Англии, где провел самые трудные для него первые два года эмиграции. Ему не дали возможности преподавать в каком-либо из университетов страны – сказались противоречия с местными антиковедами. Он кое-что перепечатывал из своих прежних работ в английских или французских изданиях, а также активно занимался политической публицистикой. Из-под его пера выходили язвительные статьи против большевиков и новой утвердившейся в России власти.

Жизнь ученого нормализовалась только после получения приглашения в США. В 1920 г. М.И. Ростовцев был принят в университет Мэдисона. Через пять лет он перешел в Йельский университет. Там его по-настоящему оценили. По предложению М.И. Ростовцева, Йельский университет даже включился в начатые французскими учеными широкомасштабные раскопки Дура-Европос. Совместная экспедиция провела десять археологических сезонов (1928–1937 гг.), благодаря которым крепость Дура-Европос стала «сирийскими Помпеями». М.И. Ростовцев руководил как самими археологическими работами, так и изданием девяти томов предварительных сообщений.

Но этим его издательская деятельность не ограничилась. Он участвовал в написании первой версии «The Cambridge Ancient History» (Cambridge, 1923–1939). Из-под его пера вышли монографии: «The Social and Economic History of the Roman Empire» (Oxford, 1926) и трехтомная «Social and Economic History of the Hellenistic World» (Oxford, 1941). К сожалению, они так и не переведены на русский язык. Зато на Западе он до сих пор остается единственным известным русским античником. Об остальных, к сожалению, знают только в узкопрофессиональной среде.

Важно отметить и то, что М.И. Ростовцев использовал свой научный авторитет для того, чтобы облегчить жизнь своим бывшим соотечественникам. Он помогал русским эмигрантам-античникам перебраться в США. Так, благодаря ему Н.П. Толль стал сотрудником Art School и принял участие в раскопках в Дура-Европос.

В Йельском университете М.И. Ростовцев активно работал до 1939 г., когда, отойдя от преподавания, перешел на положение заслуженного профессора. Ученый тяжко переживал начало Второй мировой войны, которая вновь пробудила в нем опасения за судьбу западной цивилизации, мировой культуры и науки. Историка мучила и сильная тоска по Родине. В довершение ко всему в последние годы жизни его постиг тяжелый недуг, лишивший возможности продолжать творческую работу. Он умер в Нью-Хейвене 20 октября 1952 г.

В России же имя М.И. Ростовцева оказалось надолго забытым. Реабилитировано оно было только в конце Перестройки. В последние десятилетия русскоязычный научный мир начал открывать богатое научное наследие великого историка. Его работы оказались крайне актуальными. Его идеи оказались по-новому понятыми. К сожалению, М.И. Ростовцев так и не получил возможность вернуться на Родину. Только теперь его интеллектуальные сокровища возвращаются к нам.

Но, согласитесь, этого, очевидно, мало. Нужно ведь не только изучать старое, многим уже известное, но и открывать новое. В нашем сборнике представлены статьи исследователей из разных государств СНГ. Их работы очень разноплановые. Сборник включает статьи по античной и средневековой археологии, истории, нумизматике и этнографии. Не все они посвящены вопросам, затронутым М.И. Ростовцевым. И среди них нет «больших», крупномасштабных работ. Но сама методика изучения проблем, используемая современными исследователями, весьма близка к той, которая была разработана великим российским историком. Авторы сборника стараются сочетать различные источники информации, и, в любом случае, не игнорируют археологию. Современные ученые продолжают дело, начатое М.И. Ростовцевым.

АРХЕОЛОГИЯ

В.В. Дорошко, С.В. Ушаков

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ: АЛАНЫ, 224 г. (?)

В отечественной историографии, посвященной римскому периоду истории Северного Причерноморья, есть несколько ключевых («вечных») проблем, которые традиционно привлекают внимание почти всех исследователей этой эпохи. Среди них, например: поход Плавтия Сильвана Эллиана в Таврику, время начала и окончания дислокаций римских гарнизонов в Херсонесе, существование так называемого Таврического лимеса, позднескифская государственность, время и причины гибели Поздней Скифии в Крыму.

Время и причины гибели поздескифских поселений в Предгорном Крыму большинство специалистов традиционно связывало с нашествием воинства так называемого гото-аланского племенного союза середины III в. н.э.[1] В настоящее время ряд исследователей обращают внимание на то, что резкое изменение военно-политической обстановки в Северном Причерноморье в целом и Крыму в частности, скорее, нужно связывать с варварскими вторжениями, которые можно отнести к чуть более раннему времени.

Таких исторических событий, которые, прежде всего, фиксируются данными археологии и нумизматики, достаточно много. Приведем их краткий перечень.

Во-первых, это разгром Фанагории в конце второго десятилетия III в.[2]; во-вторых, восстановление агоры в Танаисе около 220 г.[3]

Кроме того, к этому времени относится сокрытие многочисленных кладов на территории Предгорного Крыма, в том числе (1) клад серебряных монет с младшей монетой Макрина (217-218 гг.) у с. Луговое (б. Чокурча); (2) 151 серебряная монета с самой поздней из них времени Элагабала (218-222 гг.) в долине реки Альмы у с. Дорожное (б. Бий-Эли); (3) 130 серебряных монет времени от Нерона до Макрина (217-218 гг.) в западной части Неаполя[4]. Добавим, что по младшей монете из клада в Балаклавском римском военном лагере датируется время его гибели около 223 г. или немного позднее[5]. Последний клад из этой серии был найден в 2003 г. у с. Брянское[6] (См.: рис. 1). Анализ монетных кладов позволяет (пусть и осторожно) сузить дату событий до 224 г.[7]

Среди других «археологических» событий этого времени нужно назвать также следующие. Это: прекращение дислокации некоторых римских воинских подразделений в Юго-Западном Крыму (Алма-Кермен, Кади-Кой – Балаклава, высота Казацкая, высота Суздальская, святилище на Сакской пересыпи); гибель поселений и укреплений в Северо-Западном Причерноморье (Ольвия, Тира, вероятно, Никоний и Орловка).

---

[1] *Высотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 186-187.
[2] *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155-172.
[3] КБН, №1245.
[4] *Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4 – 4. М., 1961. С. 64-65.
[5] *Филиппенко А.А., Алексеенко Н.А.* Клад римских денариев из Балаклавы // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warshau, 2000. С. 169-175.
[6] *Сидоренко А.В.* Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского района // МАИЭТ. Вып. XV, 2009. С. 534-549.
[7] Там же. С. 540; *Филиппенко А.А., Алексеенко Н.А.* Указ. соч.

На территории самой Крымской Скифии этим временем датируется разрушение Неаполя Скифского (слой горения и человеческие останки под завалами)[8]. В то же самое время на пепелище Усть-Альминского городища был погребен аланский воин[9]. Тогда же прекращают функционировать ряд некоторых могильников. Среди них – могильник у с. Танковое (первые десятилетия III в.)[10]. В Усть-Альминском некрополе в первой половине III в. происходит ограбление склепов и могил I – II вв. и в них совершают новые подзахоронения представителей аланских племён[11]. Добавим, что могильник Скалистое III существовал, судя по материалу, во II – начале III вв.[12], а Битакский могильник прекратил свое существование в первой половине III в. н.э.[13]

Несомненно, что эти катастрофические события следует отнести к концу первой четверти III в. и связаны они именно с одним из варварских вторжений в Крым. И в этом случае это должны быть аланы, хотя, может быть, и не только они.

Варвары (и, в первую очередь, аланы), конечно, виновны в гибели Крымской Скифии, но это причины внешние. Что же касается глубинных причин гибели позднескифских поселений в это время, то нужно обратить внимание и на внутреннюю слабость этого образования. Во-первых, это связано с тем, что свою государственность поздние скифы утратили ещё во времена Митридата VI Евпатора, и теперь говорить о скифской государственности как таковой становится просто неуместно. А в эпоху римского и боспорского контроля в конце II – первой половине III вв. над этими территориями скифской государственности тем более не могло существовать как токовой[14]. Скифы (как они названы в текстах надписей) терпят ряд поражений от боспорских царей – Савромата I (рубеж I-II вв. н.э.)[15] и Котиса II[16] и, вероятно, Савромата II[17] и Рескупорида III[18], который прямо назван «царем всего Боспора и Тавроскифов».

Во-вторых, саму эту общность в первые века н.э. мы именуем позднескифской скорее по инерции. К этому времени территория Предгорного Крыма была плотно заселена сарматами, которые заполонили территорию полуострова несколькими волнами вторжений еще с конца II – начала I вв. до н.э. Особенно массовым сарматское присутствие стало ощущаться с конца I – II вв. н.э.[19] И поэтому этнически население Поздней Скифии (в Крыму) на заключительном этапе ее существования (II - первая половина III вв. н.э. – это традиционная дата) нельзя назвать чисто скифским: по материалам большинства могильников прослеживается значительная, все увеличивающаяся со временем масштабная сарматизация. Особенно активно этот процесс протекал на окраинах позднескифского ареала и среди рядового населения[20].

---

[8] *Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003. С. 20.
[9] *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994. С. 145. Рис. 42.
[10] *Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.* 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь. С. 86.
[11] *Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. С. 137, 145.
[12] *Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I –III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 147.
[13] *Пуздровский А.Е.* Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 122.
[14] Зубар В.М. Про пізньоскіфську державність // Археологія. 1992. №1. С. 101-102; Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – перш. пол. III ст. н.е. // Археологія. 1992. № 2. С. 132.
[15] КБН № 32.
[16] КБН № 33.
[17] КБН №1237.
[18] КБН №1008.
[19] *Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. - III в. н.э.) // ХСб. 1999. Вып. X. С. 216-217.
[20] *Висотська Т.М.* Питання єтнічного складу населення Південно-Західного Криму початку н.е. // Археологія. 1970. Т. 23. С. 106-107.

Если же говорить в целом о характере этносоциальных процессов в это время на территории Позднейшей Скифии, то можно заключить следующее: прежняя (позднескифская) этническая система вследствие давления сарматских пришельцев, резкого изменения политической ситуации – победы Боспора и контроля Рима над значительной частью территории Юго-Западного Крыма[21] была насильственно сломана. Это даже не этноэволюционный (угасание позднескифского этноса), а этнотрансформационный процесс. «Поздние» скифы (частью эллинизированные) не были уничтожены, а сохранились как антропологический (и в какой-то мере этнический) субстрат. Этот процесс ассимиляции, подчеркиваем, – скифов сарматами – хотя и все углублялся, но был еще очень далек от завершения. К схожему выводу о сложении скифо-сарматского объединения (контролируемого Боспором и Херсонесом) при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции) пришел и А.Е. Пуздровский[22]. Наконец, нельзя не отметить определенное влияние греческой культуры на поздних скифов.

Таким образом, в Юго-Западном и Центральном Крыму в это время начинает складываться новая «сармато-позднескифская» этносоциальная общность[23], а эту территорию мы теперь с некоторым основанием должны именовать не «Поздней Скифией» а «Поздней Сарматией». Однако этот процесс был еще очень далек от завершения, что предопределило его внутреннюю слабость и неустойчивость. Одна из новых волн вторжений аланов и «накрыла» непрочное образование – так называемую Крымскую Скифию, а вместе с ней и непрочную систему римских укреплений в конце первой четверти III в.

Резюме

В статье анализируются археологические и нумизматические материалы, времени гибели Поздней Скифии в Крыму. Они позволяют утверждать, что эти события можно связать с вторжениями отрядов аланов в Крым в конце первой четверти III в. н.э. (224 г.). В тоже время эта гибель непосредственным образом зависела от внутренней непрочности самой Поздней Скифии, где отсутствовала государственность и только начинала складываться новая этносоциальная общность.

Ключевые слова: Крым, Скифия, аланы.

Summary

The paper analyzes the archaeological and numismatic material, since the death of late Scythians in the Crimea. They suggest that these events may be related to the invasion troops of the Alans in the Crimea at the end of the first quarter of the III. AC (224). At the same time, the death is directly dependent on the internal instability of the very late Scythia, where there was no state and only start to develop new ethnosocial community.

Key words: Crimea, the Scythians, Alans.

---

[21] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя (очерки военно-политической истории). К., 1994. С. 112-113; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004. С. 186-191.

[22] *Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии. С. 209-225.

[23] *Ушаков С.В.* К вопросу об этническом составе населения поздней Скифии во II-IV вв. // Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 153.

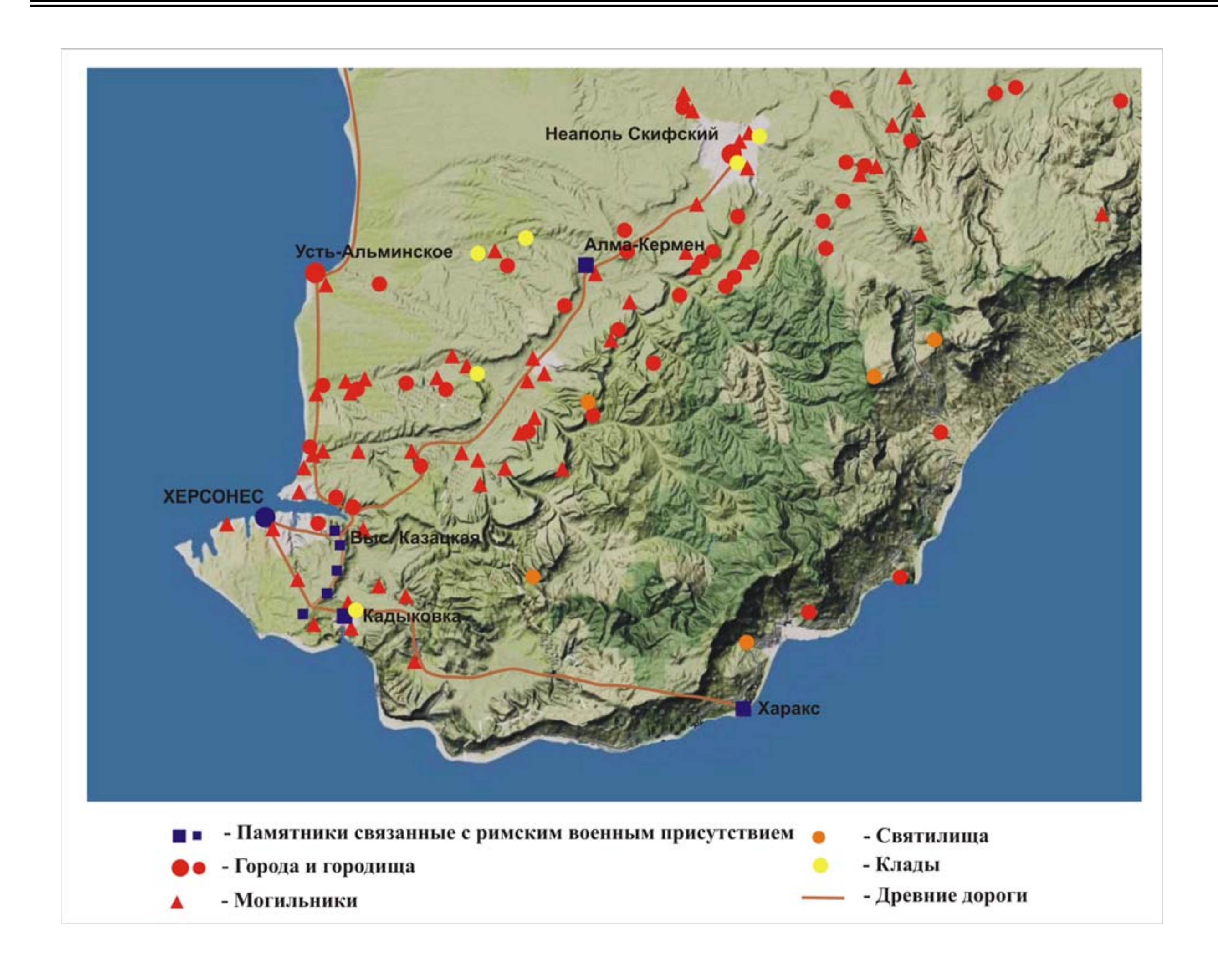

Рис. 1. Юго-Западный Крым в первой четверти III в.

†М.Я. Чореф

ТЕРРАКОТЫ ИЗ АЙВОВОГО

В декабре 1971 г. в 500 м к юго-западу от с. Айвовое Бахчисарайского района на распаханном поле были найдены фрагменты нескольких женских терракотовых статуэток. Они были обнаружены на западном склоне безымянной высоты, расположенной на левом берегу р. Качи[1].

Исследования места находки показали, что здесь некогда находилось позднеантичное поселение. Из найденных коропластовых фрагментов удалось выделить пять отдельных женских статуэток, условно по величине разбиваемых на две группы.

В первую включаем две одинаковые полые статуэтки, изображающие молодую обнаженную женщину. Высота этих статуэток 42 см (рис. 1,*1,2,3*). Ко второй группе относим фрагменты трех небольших односторонних статуэток (рис. 4**)**. Они изображали женщин в длинных просторных одеяниях.

Терракоты первой группы были изготовлены в одних и тех же матрицах. Статуэтки сильно заизвесткованы. Поверхность их не сохранила следов окраски и имеет красновато-оранжевый цвет. Поверхностный слой местами шелушится и осыпается. Под ним открываются участки красного, а местами темно-серого цветов.

В глинистом тесте больших терракот заметны мелкие черные вкрапления, что не отмечается у малых статуэток. Судя по заглаженным боковым швам передние и задние части туловищ фигурок формовались отдельно, после чего скреплялись глинистым раствором (рис. 1,*3*). Подобный способ изготовления терракот отмечался при изучении статуэток Ольвии[2]. Места присоединения ног больших терракот с туловищами имели зубчатую насечку, что обеспечивало большую их сцепляемость.

По-видимому, для обеспечивания одинакового температурного режима при обжиге на тыльных частях шеи, голов и туловищ статуэток были сделаны отверстия. На головах и на шеях – щелеобразные, проткнутые узким плоским орудием. На туловищах, в областях правых лопаток – овальные, размерами 2,6 на 2,3 см (рис. 1,*3*). Подобного типа отверстия в спинах терракот отмечал Г.Д. Белов, описывая херсонесские статуэтки[3].

Несмотря на то, что ноги статуэток формовались по частям и были довольно массивны, отверстий в них сделано не было. Отсутствие рук у обеих фигур затрудняет их реконструкцию. Судя по положению слегка опущенных левых плеч и мягких изгибов туловищ терракот вправо, левые руки статуэток были опущены, а правые – приподняты (рис. 1,*2,3*). Сохранность ног статуэток позволяет более определенно представить их положение. Левые ноги терракот были выпрямлены, ступни – плоскими. Правые ноги согнуты в коленях и отставлены несколько назад. Очень возможно, что они опирались на носки. Категорически этого утверждать нельзя, так как ступни правых ног не сохранились. Подобное положение ног обеспечивало не только устойчивость статуэткам, но и придавало им определенную динамичность. Мягкая модулировка тел терракот, небольшие округлые груди, несколько выдающийся вперед живот создавали впечатление привлекательности и девственности (рис.

---

[1] *Чореф М.Я.* Отчет об археологических охранных работах, проведенных в Бахчисарайском районе в 1972 году / Архив ИА НАНУ.

[2] *Винницкая Г.Г.* Технологические основы производства терракот в Ольвии // КСИИМК, 1951. Вып. XXXIX. С. 37–38.

[3] *Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1914 гг. // ХСб. 1930. Т. III. С. 12.

2). Покрытые стефаной волосы терракот были уложены четкими, несколько волнистыми пластичными прядями в прическу с пробором впереди. Сзади пряди были несколько смазаны и нечетки. Подобранные валиками волосы завершают эту прическу внизу, закрывая уши статуэток (рис. 1,*1*).

По-видимому, склеенные терракоты досушивались, лежа на спине. Вот почему затылочные части их голов несколько приплюснуты.

Слегка покатый назад лоб, без четкого выделения переносицы плавно переходит в сравнительно крупный, прямой нос. Брови изображались едва заметными валиками. Большие, слегка скошенные в переносице глаза окружены четко выделенными веками. Ресницы отсутствуют. Нижнее веко очень мягко поднимается к глазу, верхнее, несколько тяжелое, полуопущено. Зрачки не выделены. Щеки полные. Линии маленького рта четко выделены. Округлой формы подбородок несколько мал по сравнению с остальными частями лиц статуэток. Сравнительно длинная и массивная шея расширяется к плечам и несколько наклонена вперед. Линии плеч мягко и плавно переходят к предплечьям. Груди не имеют сосцов. Живот с четко выделенным пупком несколько впал в верхней части и слегка выдается вперед в нижней. Половые органы не выделены. Ноги несколько массивны и крупны. Стройность, а также отсутствие подчеркнутой мускулатуры ног придает им мягкость и своеобразную привлекательность. В нижних частях ноги формовались сплошными. Ступни невелики – 6 на 2,2 см. Пальцы ног изображались с помощью врезных линий. Ногти на них не выделены.

Судя по кусочкам обожженной глинистой обмазки на сохранившейся ступне левой ноги одной из терракот, статуэтки с помощью глинистого раствора могли быть укреплены на глиняных подставках, обжигаемых вместе с терракотами.

Истолковать назначение этих двух статуэток нелегко, тем более, что отсутствие рук не позволяет дать исчерпывающую реконструкцию их поз.

Однако наличие стефаны на головах статуэток (рис. 3) позволяет предположить их культовое предназначение[4]. Скорее всего, они изображали Афродиту.

Аналогичные прически и стефаны мы видим на Афродитах из Тиры[5], Пантикапея[6] и Мирмекия[7]. Размеры описываемых статуэток сближает их с большими терракотами Афродит из Северного Причерноморья[8]. Эта богиня часто изображалась в виде обнаженной или обнажающейся женщины.

Культ Афродиты – богини жизни в самом широком смысле этого слова, божества природы, плодородия, моря, любви, земного счастья и покровительницы семейного очага был широко распространен в античном мире[9]. А в Боспоре[10] культ Афродиты превратился в государственную религию[11].Существовал этот культ и среди скифо-сарматского населения Таврики[12].

Не противоречит предположению о существовании этого культа среди позднеантичного населения в районе нынешнего с. Айвового и вторая группа терракот. Они представляют собой фрагменты статуэток, изображавшей стоящую женщину в длинной, свободно ниспадающей одежде (рис. 4,*а,б,в*). Головы статуэток не сохранились. Нижние части их туловищ утеряны.

---

[4] *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 12.
[5] *Клейман И.Б.* Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1-11. 1970. С. 27. №3.
[6] *Лосева Н.М.* Головка Афродиты из Пантикапея. Искусство. 1963. № 5. С. 68–69.
[7] *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 57. № XVБ.
[8] *Кобылина М.М.* Указ. соч. С. 144.
[9] *Кондаков Н.П.* Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1879. Т. XI. С. 154–155.
[10] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л. 1949. С. 376.
[11] *Марченко И.Д.* О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977. С. 121–122.
[12] *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979. С. 161–163.

Близки описываемым терракотам статуэтки Афродиты из Ялтинского святилища II–III вв. н.э.[13] Подобного типа фигурки богини местного производства, изготовленные во II в. н.э. были найдены в Фанагории[14]. Этот тип статуэток бытовал еще и в III в. н.э. Здесь явно проявилось влияние античного мира на культуру народов его варварских окраин[15].

Переходим к детализированному описанию статуэток второй группы. Наиболее хорошо сохранилась односторонняя фигурка (рис. 4,*а*), изображающая широкоплечую женщину в просторной длинной одежде с двумя продольными отчетливо выделенными складками впереди. Руки статуэтки скрыты под платьем. Судя по их очертаниям, правая рука прижата к груди, а левая – к животу. У терракоты не сохранилась голова и нижняя часть туловища.

Близка она по характеру изготовления статуэткам из Херсонеса[16] и Мирмекия[17] и фигурке Афродиты–Апатуры I в. до н.э. – I в. н.э. из хутора «Рассвет»[18]. Судя по глиптике, эта терракота местного производства. Длина сохранившейся части статуэтки – 9 см, ширина в плечах 4,5 см, ширина в нижней части – 4 см.

Две другие терракоты близки к описываемой статуэтке по технологии изготовления и, вероятно, по внешнему виду – у них схожее положение рук (рис. 4,*б,в*).

Среди собранных коропластовых фрагментов имеется обломок маски, размерами 7 на 2,3 см. На его поверхности четко выделены волосы в виде рельефных косых полосок (рис. 4,*г*). Глина красная с мелкими черными вкраплениями. Близка этой маске женская маска из Танаиса, датируемая I в. н.э.[19]

Следует отметить и фрагмент (6,5 на 3,5 см) торса, по-видимому, большой статуэтки. К сожалению, реконструировать по этому остатку фигуру невозможно.

Остальные обломки терракот маловыразительны. Их так и не удалось реконструировать.

Помимо статуэток, в с. Айвовом был собран сопутствующий им керамический материал: фрагменты амфор, мисок и кувшинов (рис. 5). Кроме того, были найдены агатовая бусина, астрагалы с отверстиями и два лепных пряслица.

Обнаружение терракот вблизи с. Айвового свидетельствует о культурно-экономических связях варварского населения Юго-Западной Таврики с культурными центрами позднеантичного мира. Отсутствие же четких аналогий большим статуэткам Афродит позволяет предположить о существовании неизвестных до сих пор коропластовых центров в позднеантичном мире.

---

[13] *Клейман И.Б.* Описание терракот из Ялтинского святилища // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1-11. 1970. С. 78.
[14] *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 26.
[15] *Пятышева Н.В.* Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3. С. 175–182.
[16] *Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса Таврического // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1-11. 1970. С. 77. табл. 19,3.
[17] *Денисова В.И.* Указ. соч. табл. XVII–XVIII.
[18] *Крушкол Ю.С.* Терракоты античного поселения близ Горгиппии (хутор «Рассвет») // Придонье и Таманский полуостров. САИ. Г1-11. 1974. Ч. 4. С. 50. табл. 58.
[19] *Арсеньева Т.М.* Терракоты из Танаиса // Придонье и Таманский полуостров. САИ. Г1-11. 1974. Ч. 4. С. 9.Табл. 4.

Резюме

В 1971 г. в районе села Айвовое были найдены две терракотовые женские статуэтки. Сам факт их находки свидетельствует о культурных и экономических связях между варварскими народами Юго-Западной Таврики с поздним римским миром. Судя по фрагментам керамики, найденных вместе с терракотами, их можно датировать I-III вв. н.э.

Ключевые слова: Айвовое, Афродита, варвары, Рим, терракота.

Summary

Two female terracotta figurines were found in 1971 near the village Ayvowoe . The fact that they've found evidence of cultural and economic ties between the barbarous peoples of Southwest Taurica late Roman world. Judging from the fragments of pottery found with terracotta tiles, they can date the I-III centuries. BC.

Keywords: Ayvowoe, Aphrodite, the barbarians, Rome, terracotta.

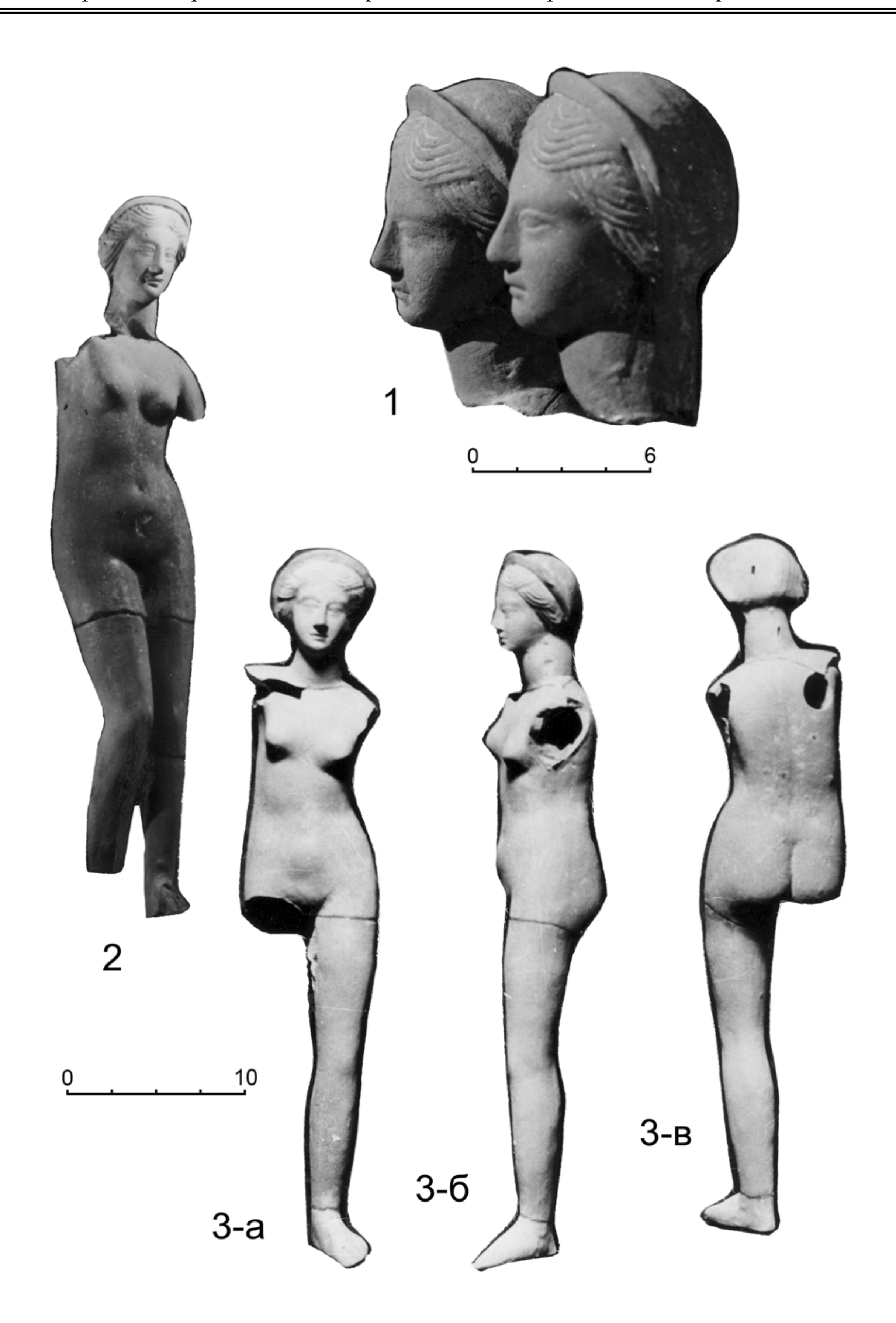

Рис. 1. Терракоты из Айвового

1 – Головы больших терракот; *2* – большая статуэтка № 1; *3* – большая статуэтка №2 (*а* – вид спереди, *б* – вид сбоку, *в* – вид сзади).

Рис. 2. Большая статуэтка из Айвового № 2. Торс.

Рис. 3. Большая статуэтка № 2. Голова.

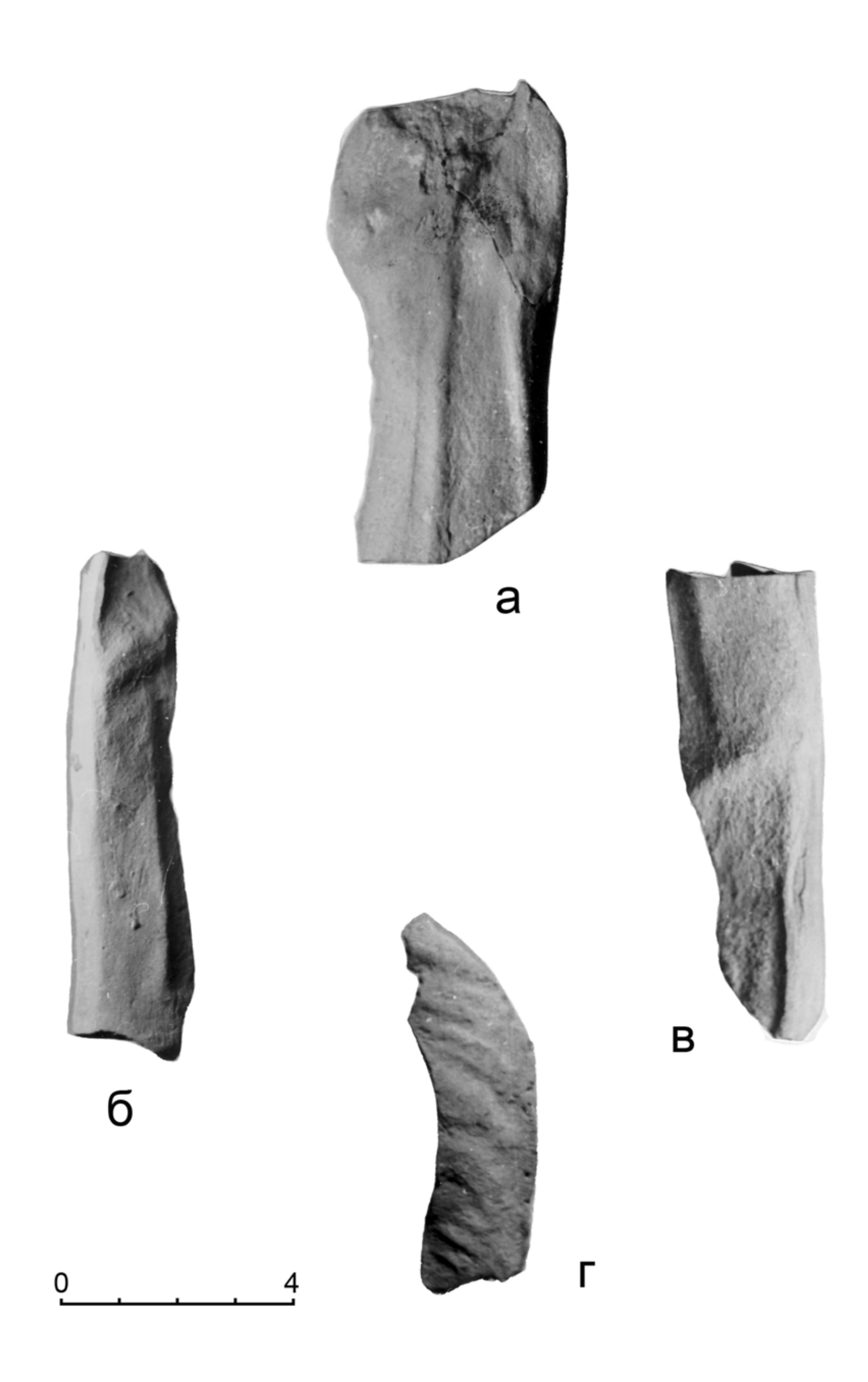

Рис. 4. Фрагменты малых терракот

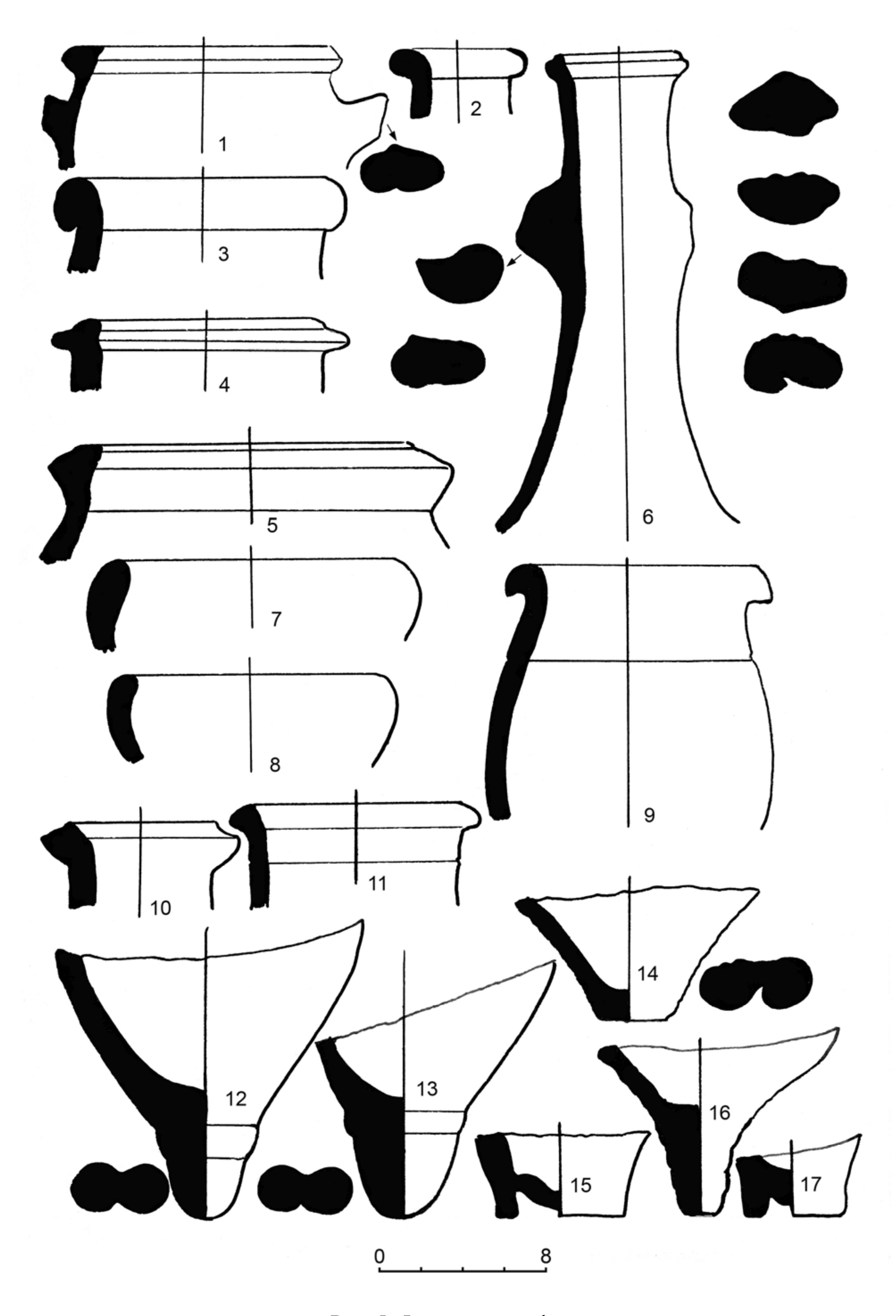

Рис. 5. Фрагменты амфор.

В.А. Скарбовенко, Н.А. Лифанов

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКОВ ЛЕБЕДИ IV И ЛЕБЕДИ VIII В 1980 Г.)

В 1980 г. один из отрядов археологической экспедиции Куйбышевского университета проводил охранно-спасательные раскопки курганных могильников в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы на территории Калининского района Краснодарского края. Местом проведения раскопок был участок Кубано-Приазовской низменности в 11-13 км северо-восточнее хутора Лебеди, на правобережной стороне р. Понуры, превращённой к тому времени в оросительный канал–базу строящейся рисовой оросительной системы. Работы велись на курганных могильниках Лебеди IV-XI, которые располагались полосой протяжённостью около 6,5 км вдоль правого берега Понурского канала, отступая от него в степь в среднем на 4 км. Местность, где были насыпаны курганы вышеназванных могильников, характеризовалась относительно ровным рельефом, перепад высот в границах участка не превышал 2 м, причём могильники занимали наиболее высокие элементы рельефа–возвышенности и протяжённые гривы. Всего в 1980 г. был раскопан 41 курган с 376 погребениями различных эпох и культур. В настоящей работе публикуются погребальные комплексы раннесредневековых кочевников, исследованные В.А. Скарбовенко в курганных могильниках Лебеди IV и Лебеди VIII (рис. 1[1]).

Курганный могильник Лебеди IV располагался в 11 км к северо-востоку от хут.Лебеди. При проведении разведочного обследования зоны будущей оросительной системы под общим названием «Лебеди IV» до некоторой степени условно были объединены курганы, которые, как представляется автору раскопок, принадлежали трём вполне самостоятельным могильникам. Большинство курганов было сосредоточено вокруг небольшого заболоченного старичного озерца. При этом курганы №№7-9 располагались цепочкой на возвышенной гривке, простиравшейся вдоль восточного берега озера. Восточная группа возникла в эпоху ранней бронзы: основное погребение наиболее раннего кургана №8 относилось к майкопской культуре, первые впускные погребения–к ямной культуре. Захоронения в кургане №8 продолжались в эпоху средней бронзы и были оставлены племенами катакомбной культуры, тогда же возникли соседние курганы № 7 и 9. Позднее курганы использовались в качестве места совершения захоронений срубными племенами эпохи поздней бронзы, сарматами и мусульманским населением Прикубанья. Курганы №№ 1-6 образовывали собой цепочку на противоположном, более высоком, западном берегу озерца. Большинство курганов западной группы возведено в эпоху средневековья; позднее на территории западного могильника было устроено мусульманское кладбище. Курган №10 отстоял на расстояние 1 км к северу от заболоченного озерца и был насыпан в эпоху средневековья.

Курган №1 находился на юго-западной оконечности цепочки курганов, расположенной на западной берегу озерца. Насыпь кургана в её современном состоянии имела неправильную, близкую к овальной форму, диаметр 35×40 м и высоту 1,7 м (рис. 2).

[1] Авторы выражают признательность П.В. Ломейко за подготовку иллюстративного материала к статье.

Первоначальный диаметр кургана равнялся 33 м. В насыпь кургана было впущено 65 мусульманских погребений.

На уровне древней поверхности в центре кургана был зафиксирован ров четырёхугольной формы. Ширина рва в верхней части варьировала от 0,95 м до 2,55 м, у дна–от 0,15 м до 1,10 м. Стенки рва были наклонными, в разрезе ров имел форму трапеции. Глубина рва составляла 1,56-1,90 м от уровня фиксации. Ров окружал собой подпрямоугольную площадку размером 20,6×17,0 м.

В нижней части насыпи, ближе к центру кургана, а также в заполнении рва и вблизи него сделаны следующие находки[2]:

1. Кость конечности мелкого рогатого скота в насыпи, на глубине -1,54 м от условного «0», соответствующего центру насыпи кургана в ее современном состоянии;
2. Фрагмент челюсти крупного рогатого скота в насыпи, на глубине -0,70 м от условного «0»;
3. Кость конечности мелкого рогатого скота в насыпи, на глубине -0,90 м от условного «0»;
4. Кость конечности мелкого рогатого скота в насыпи, на глубине -0,99 м от условного «0»;
5. Две деревянные плашки небольшого размера в насыпи, на глубине -0,97 м от условного «0»;
6. Фрагмент ручки красноглиняного гончарного сосуда в насыпи, на глубине -1,76 м от условного «0». Поперечное сечение ручки линзовидное, с острыми боковыми рёбрами; ширина ручки 3,2 см, толщина 1,4 см. Со стороны наружной поверхности вдоль всей длины ручки проходит желобок шириной 1,0–1,5 см, на одном из концов ручки в ложе желобка сделано дополнительное углубление;
7. Зуб лошади в заполнении рва, на глубине -2,26 м от условного «0»;
8. Череп молодой особи мелкого рогатого скота в заполнении рва, на глубине -1,90 м от условного «0» (перевёрнут теменем вниз);
9. Череп молодой особи мелкого рогатого скота в заполнении рва, на глубине -2,70 м от условного «0»;
10. Линза золы с древесными углями в заполнении рва, на глубине -2,16 м от условного «0». Линза овальной формы, размером 0,90×0,70×0,03 м;
11. Фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда в заполнении рва, на глубине -1,28 м от условного «0»;
12. Обугленные кости животного на дне рва, на глубине -2,95 м от условного «0»;
13. Череп лошади в заполнении рва, на глубине -2,79 м от условного «0», лежавший наклонно вдоль стенки рва;
14. Череп лошади, лежавший на боку в овальной ямке, выкопанной в 0,1 м к югу от рва с внешней стороны последнего;
15. Скопление обломков костей животных в заполнении рва, на глубине -1,91 м от условного «0»;
16. Фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда в заполнении рва, на глубине -1,97 м от условного «0». Стенка орнаментирована двумя горизонтальными поясками из восьми прочерченных линий каждый;
17. Кость животного в заполнении рва, на глубине -1,39 м от условного «0»;
18. Ребро животного в заполнении рва, на глубине -2,07 м от условного «0»;
19. Фрагмент кости животного в заполнении рва, на глубине -2,11 м от условного «0».

В центре площадки, оконтуренной рвом, на уровне древней поверхности кургана обнаружены остатки сооружения. От сооружения сохранилось скопление комьев и более

[2] Нумерация находок в списке соответствует нумерации на рис. 2.

крупных глыб плотного слежавшегося грунта с выпуклыми поверхностями, напоминавшими своими очертаниями поверхность валунов. Комья и глыбы состояли из супеси различных оттенков–от тёмного коричневато-бурого до светлого коричневато-жёлтого, с включениями древесных угольков и частиц синеватого тлена. На поверхности комьев и глыб фиксировался слой истлевшего тростника. В расположении описываемых объектов не наблюдалось какого-либо определённого порядка. Между комьями и глыбами грунта на древней поверхности подкурганной площадки прослежено несколько очень тонких слоёв слежавшегося мелкого белого песка, напоминающих осадок на дне высохшей лужи. Некоторые слои песка имели выраженный струйчатый рисунок, указывающий на то, что песок отложился здесь в результате стекания струек воды. Прослеженные в кургане №1 остатки сооружения не позволяют однозначно реконструировать его облик. Имеются некоторые основания предполагать, что сооружение представляло собой лёгкую наземную постройку (возможно даже, из тростника), через щели которой во время дождя внутрь конструкции неоднократно затекала вода.

Через некоторое время центральное наземное сооружение было перекрыто небольшой насыпью, целиком помещавшейся внутри площадки, ограниченной рвом. На поверхности насыпи зафиксированы остатки слоя тростника.

Ров в течение некоторого времени оставался открытым, о чём свидетельствует характер его заполнения. Нижняя часть заполнения состояла из чередующихся прослоек гумусированной супеси и осаждённого на их поверхности песка; в этой части заполнения на разной глубине встречались кости животных, фрагменты керамики и линзы золы. Верхняя часть заполнения рва по составу грунта была идентична насыпи и отделялась от нижней части несколькими тонкими горизонтальными прослойками песка.

Последним актом возведения кургана было сооружение большой насыпи, перекрывшей собой как ров, так и первоначальную небольшую насыпь.

Под насыпью кургана №1 отсутствовала грунтовая могильная яма, содержавшая погребение человека. Место могильной ямы занимала лёгкая наземная постройка, предположительно ритуального назначения, которая образовывала единый комплекс с курганом №2, синхронным и близким по некоторым обрядовым деталям кургану №1.

Курган №2 был возведен на естественном всхолмлении. Насыпь кургана в её современном состоянии имела неправильно-округлые очертания. Диаметр насыпи 35,8×37,5 м, высота 1,2 м. В древности диаметр кургана составлял около 23,5 м (рис. 3).

В центре кургана с уровня древней поверхности был выкопан ров, имевший форму четырёхугольника с сильно скруглёнными углами. Ширина рва на уровне фиксации колебалась в пределах 0,45-0,90 м, у дна–0,15-0,55 м, глубина рва от древней поверхности составляла 0,41-0,76 м. Ров окружал площадку размером 15,0×11,45 м.

В заполнении рва зафиксированы находки[3]:

1. Череп козла на дне рва, на глубине -1,83 м от условного «0» , соответствующего центру насыпи кургана в ее современном состоянии;
2. Ребро животного в заполнении рва, на глубине 1,79 м от условного «0».

В кургане обнаружены два погребения.

Погребение №1–впускное, прорезало подкурганный ров в его южной части. Могильная яма имела, по всей видимости, овальную форму. Ее глубина составляла не менее 0,28 м от уровня древней поверхности (рис. 4,*1*).

Костяк погребенного лежал в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Комплектность костяка неполная, видимо, вследствие деятельности землероев: от черепа сохранился лишь фрагмент нижней челюсти, отсутствовали плечевая кость левой руки и верхняя часть позвоночного столба. Правая рука погребенного была вытянута вдоль тела,

---

[3] Нумерация находок в списке совпадает с нумерацией на рис. 3.

левая–согнута в локте и кистью помещена на животе. У правого плеча погребённого располагалась часть черепа лошади. Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение №2 находилось в центре площадки, окружённой рвом. Могильная яма была вырыта с уровня поверхности древней почвы, её глубина составляла 0,7 м. Яма имела форму, близкую к квадрату с закруглёнными углами и полукруглым выступом в северной части восточной стенки. Размер ямы на уровне фиксации 2,45×2,32-1,63 м. Стенки ямы наклонные, размеры её дна сокращались до 2,30×1,96 м (рис. 4,*2*).

Могила была серьезно нарушена крупной норой грызуна, повредившей скелет погребённого, однако поза последнего поддаётся реконструкции. Покойный был вытянут вдоль северной стенки ямы, его голова находилась в указанном выше полукруглом выступе. В этой же части ямы обнаружен череп барана, остальные его кости встречались в заполнении норы вперемешку с человеческими. По всей видимости, останки барана располагались по левую сторону от погребённого. Кроме того, в центральной части могилы были найдены рога благородного оленя.

Предметы, входившие в состав погребального инвентаря, были обнаружены в заполнении норы. В их число входили элементы бронзовой наборной поясной гарнитуры.

1[4]. Цельнолитая бронзовая пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком. В передней части рамки имеются два выступа и желобок между ними для фиксации язычка. На тыльной стороне щитка имеются 4 штифта с медными пластинками-шайбочками (рис. 4,*3*). Размер пряжки 3,3×3,2 см;

2. Цельнолитая бронзовая пряжка с трапециевидной рамкой. На передней грани рамки имеется желобок для фиксации железного язычка. Щиток пряжки имеет форму геральдического щита, к ремешку он крепился при помощи гвоздика-заклепки и медной шайбочки (рис. 4,*4*). Размеры 2,1×1,65 см;

3. Две одинаковой формы накладки: каждая представляет собой пластину с прямоугольным расширением, в месте которого пластина согнута пополам. Один из концов пластины (тыльный) закруглен, другой (лицевой) имеет форму геральдического щита, края его подчёркнуты врезной линией. Оба конца накладки скреплены при помощи гвоздика-заклепки (рис. 4,*5*). Размеры пластин 2,5×1,2 см;

4. «Коробчатый» наконечник ремня в форме прямоугольника с закругленной торцевой стороной. Изготовлен из двух пластин, напаянных сверху на боковую окантовку. В верхней части наконечника имеется штифт для крепления ремешка (рис. 4,*6*). Размеры наконечника 3,0×1,2 см;

5. Фрагментированная деталь поясной гарнитуры в форме геральдического щита. Середина щита, имеющая полукруглую форму, углублена. Края щита выпуклые, по их периметру проходит врезная линия, повторяющая внешние контуры щита. Посередине углубленной части находится штампованная четырёхлепестковая розетка. На тыльной стороне накладки сохранились два (вероятно, их было 3–по углам) шпенька для крепления к ремню (рис. 4,*8*). Вторичность залегания не позволяет однозначно определить назначение предмета: он может являться щитком от пряжки или поясной накладкой с прорезью вдоль края. Размеры предмета 1,8×2,2 см;

6. Сильно корродированная железная обойма. Изготовлена из прямоугольной пластины. Края пластины заходят друг за друга (рис. 4,*9*). Размеры обоймы 2,2×0,6–0,7 см;

7. Фрагмент сильно корродированного железного кольца, изготовленного из круглого в сечении прута (рис. 4,*7*). Диаметр кольца 3,4 см.

Курган №5 находился в 12 м к северо-востоку от кургана № 2.

Насыпь кургана в её современном состоянии имела округлую форму. Диаметр насыпи 26 м, высота 0,32 м. Курган был возведен на естественном всхолмлении. Первоначальный

[4] Нумерация совпадает с нумерацией на рис. 4,*2*.

диаметр кургана составлял 19 м. Насыпь сооружена в один приём над единственным погребением (рис. 5).

Погребение располагалось в центре кургана. Могильная яма имела форму неправильного овала и размеры 3,62×1,60 м. Глубина ямы от уровня древней поверхности составила 0,93-0,98 м. По мере углубления в грунт яма постепенно сужалась. В центральной части ямы было сделано дополнительное углубление–погребальная камера, со всех сторон окруженная ступенькой (рис. 6).

В юго-западной части могилы на краю ступеньки лежали кости обрубленной чуть выше колена ноги лошади. В противоположном конце могилы находился конский череп, ориентированный мордой на северо-восток; своим основанием он лежал непосредственно на черепе погребённого человека. В этой же части могилы на одном уровне с конским черепом была обнаружена костяная подпружная пряжка трапециевидой формы (рис. 6,*1*, 7,*14*). В передней части пряжки сделана сквозная Т-образная прорезь, к которой со стороны переднего края пряжки примыкает неглубокая выемка для язычка. С другой стороны от Т-образной прорези сделана ещё одна овальная прорезь. Посередине длины тело пряжки пересекает поперечное круглое сквозное отверстие. Длина пряжки 6,2 см, ширина 2,0-2,7 см, толщина 0,25-0,85 см.

На дне погребальной камеры был зафиксирован тёмно-коричневый органический тлен от подстилки. Поверх остатков подстилки на спине лежал костяк человека, ориентированный головой на северо-восток. Справа от черепа погребённого на дне могилы обнаружен крестец и примыкающий к нему позвонок животного.

В области левого виска черепа погребённого найдена бронзовая калачевидная серьга диаметром 1,6×1,5 см (рис. 6,*2*, 7,*10*), изготовленная из круглого в сечении прута неодинаковой толщины. Между локтем правой руки и рёбрами лежал пучок скипевшихся наконечников стрел (рис. 6,*3*). Форма восстанавливается только у трёх из них: наконечники трёхлопастные, с уступом при переходе к черешку. Сохранились следы обмотки черешков нитью или сухожилием (рис. 7,*18-20*). Длина наконечников 9,6-11,5 см. Вблизи от пучка наконечников, справа от костяка между нижним ребром и тазом найдено железное четырёхгранное остриё (шило?) с деревянной рукояткой (рис. 6,*4*, 7,*12*). Общая длина изделия – 4,1 см.

Под тазом костяка и рядом с ним обнаружены детали поясной гарнитуры.

Под правым крылом таза находился бронзовый «коробчатый» наконечник ремня в форме прямоугольника с закруглённой торцевой стороной (рис. 6,*5*, 7,*4*). Наконечник изготовлен из двух пластин, напаянных сверху на боковую окантовку. На лицевой стороне наконечника имеется прорезной орнамент в виде продольной узкой прямоугольной щели с округлым расширением на конце и двух круглых отверстий в верхней части по сторонам щели. Верхняя часть наконечника повреждена, у края повреждения имеется штифт для крепления ремешка. Размеры наконечника: 2,95×1,05-1,10×0,35 см.

Рядом с наконечником ремня, также под правым крылом таза, лежал обломок тонкой бронзовой пластинки (рис. 6,*6*). Он представляет собой часть накладки, аналогичной по форме вышеописанному наконечнику (рис. 7,*6*).

Также под правым крылом таза, но ближе к позвоночнику находилась корродированная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 6,*7*). Рамка пряжки округлая, с прямо срезанным основанием, изготовлена из овального в сечении прута. Язычок уплощенный, овальный в сечении, закреплён на основании пряжки загнутым концом. К основанию рамки прикипели два тонких бронзовых штифта для крепления пряжки к ремню. На тыльной стороне пряжки сохранились следы тонкой ткани (рис. 7,*15*). Приблизительный диаметр пряжки 2,6 см (металл сильно корродирован).

Под позвоночником костяка найден обломок серебряной(?) поясной накладки (рис. 6,*8*). Сохранившаяся нижняя часть накладки имеет вид геральдического щита с широким

прорезным отверстием. На тыльной стороне накладки сохранились два штырька с уплощенными шляпками (рис. 7,*9*). Изначально накладка имела, судя по аналогиям (см. ниже), Т-образную форму.

Под копчиком погребённого лежала бронзовая пластина от «коробчатого» наконечника ремня, идентичного п.1 (рис. 6,*9*). Вторая пластина и большая часть окантовки не сохранились. В верхней части пластины имеются остатки штифта для крепления ремешка, к внутренней стороне пластины прикипели остатки органики (рис. 7,*3*). Размеры изделия 2,9×1,2 см.

Под левым крылом таза обнаружен обломок серебряной накладки в форме прямоугольника (вероятно, с закругленной торцевой стороной) (рис. 6,*10*). На лицевую часть накладки нанесён прорезной орнамент. В верхней части накладки имеется штифт для крепления ремешка (рис. 7,*5*). Размеры накладки 2,2×1,1 см.

Рядом с нижней частью предплечья левой руки погребённого лежал бронзовый наконечник ремня, идентичный по конструкции п.1, но более крупный (рис. 6,*11*). В верхней части наконечника имеется штифт для крепления ремешка, прорезной орнамент отсутствует (рис. 7,*1*). Размеры наконечника 5,4×1,2×0,45 см.

У правого края внутреннего отверстия таза найден сильно корродированный железный колчанный крючок, изготовленный из овального в сечении прута (рис. 6,*12*). Один конец прута загнут, второй раскован в щиток. Щиток сохранился частично, его лицевая сторона выпуклая, тыльная–вогнутая. В центре щитка имеется отверстие, в которое вставлена медная втулка, а в неё–медный шуруп. Шляпка шурупа круглая, выпуклая, имеет поперечную прорезь. На тыльной стороне щитка сохранились отпечатки и следы окислов от округлой медной бляхи, с помощью которой крючок, вероятно, крепился к колчану (рис. 7,*17*). Длина крючка 5,5 см.

К внутренней стороне левого бедра погребённого вплотную лежал железный нож (рис. 6,*13*). Лезвие ножа треугольное в плане и в поперечном сечении, спинка прямая, на ней кое-где сохранились остатки деревянного тлена. Черенок ножа длиной 3,5 см плоский, отделён от лезвия тонкой поперечной пластинкой шириной 0,2 см с каждой стороны. На черенок надета деревянная рукоять (рис. 7,*11*). Длина ножа 14,3 см, ширина рабочего полотна 1,6 см.

С внутренней стороны правой бедренной кости обнаружен обломок железного кольца с выступом на одной стороне (рис. 6,*14*, 7,*16*).

Под правой ногой погребённого ниже коленного сгиба найдена бронзовая обойма в виде пластины с прямоугольным расширением, в месте которого пластина согнута пополам. Один из концов пластины (тыльный) закруглён, другой (лицевой) представляет собой плоский щиток полуовальной формы со слегка загнутыми вниз краями. Оба конца накладки скреплены при помощи гвоздика-заклепки (рис. 6,*15*, 7,*8*). Длина изделия 2,2 см, ширина 1,15 см.

Поверх щиколоток погребённого лежали две одинаковые бронзовые пряжки с железными язычками (рис. 6,*16*). Рамки пряжек трапециевидные в плане и желобчатые в сечении. На передней части рамок имеется желобок для фиксации язычка, которому на тыльной стороне соответствует выпуклость. Щитки пряжек имеют форму геральдического щита. На тыльной стороне щитка каждой пряжки имеется штифт для крепления ремешка (рис. 7,*13*). Длина одной пряжки 2,3 см, другой 2,4 см.

Под пяточной костью правой ноги и в области стопы левой найдены две одинаковые бронзовые обоймы (рис. 6,*17*). Каждая из них представляет собой пластину с ромбическим расширением посередине длины, в месте которого пластина согнута пополам. Лицевая часть пластины имеет форму геральдического щита с загнутыми вниз краями, украшенного прорезным орнаментом. На тыльной стороне щита находятся два штифта (один из которых скреплял её с другим концом пластины) с бронзовыми шайбочками (рис. 7,*7*). Размеры обойм 2,9×1,5 см.

Поверх костяка погребённого был положен сложносоставной лук «тюрко-хазарской» конструкции[5], от которого сохранились концевые и срединные костяные накладки, судя по расположению которых длина лука составляла не менее 1,36 м (рис. 6,*18-20*).

Первая пара концевых накладок находилась у правого плеча (рис. 8). Накладки изогнуты, один их конец острый (у первой накладки он целый, у второй обломан), другой–подпрямоугольный с выпуклым основанием. На вогнутой стороне подпрямоугольного конца имеется вырез для тетивы. По середине лицевой части накладок проходит продольное ребро (немного не доходящее до подпрямоугольного конца), наружная поверхность которого слегка выпуклая. Лицевая сторона накладок заполирована, но одна из продольных граней (имеющая вырез для тетивы) покрыта тонкой нарезкой в виде ромбической сетки. Тыльная сторона накладок слегка вогнутая, на ней имеются многочисленные продольные грубые борозды. Размеры первой накладки: 28,5×1,7–2,2×0,35 см, второй 27,9×1,7–2,15×0,35 см (острый конец накладки обломан).

В области живота погребённого находились две пары срединных накладок. Срединные боковые накладки–трапециевидной формы (рис. 8,*1*). Лицевая поверхность обеих выпуклая, заполированная, внутренняя–вогнутая, покрыта грубыми продольными бороздами. Концы обеих накладок покрыты с лицевой поверхности нарезной ромбической сеткой. Размеры накладок 32,2×2,85×0,2 см и 31,2×2,75×0,2 см.

Накладки второй пары (фронтальная и тыльная)–более узкие, короткие и толстые (рис. 8,*2*). Одна из них–стержень с сильно выпуклой лицевой поверхностью и слегка вогнутой внутренней. На концах стержня имеются расширения в форме трапеций с выпуклыми основаниями, от стержня они отделены чуть заметными уступчиками. От уступчиков к краям расширения толщина накладки сходит на нет. Наружная поверхность накладки заполирована (расширения покрыты нарезной ромбической сеткой), на внутренней имеются продольные грубые борозды. Вторая накладка близка к первой, но более плоская. Расширения на её концах выражены слабее. Размеры накладок: 22,4×1,5×1,7 см и 21,2×1,3×0,4 см.

Одна из срединных накладок лежала горизонтально, другая стояла на ребре. Фронтальная и тыльная накладки располагались между ними, будучи обращены друг к другу тыльными сторонами.

Вторая пара концевых накладок лежала на голени правой ноги погребённого (рис. 8,*4*). Они аналогичны по форме первой паре, отличаясь несколько более крупными размерами. Одна из накладок сохранилась только на две трети своей длины. Между этой парой накладок находилась костяная пластина вытянуто-треугольной формы (рис. 8,*5*).

При контрольной прокопке да могильной ямы на участке, примерно соответствующем местоположению таз погребённого, была найдена бронзовая прямоугольная накладка с закруглённым концом и прорезным орнаментом (рис. 7,*2*). Размеры накладки 2,15×1,1 см.

Курган №6 находился на северо-восточном конце цепочки курганов, расположенных на западном берегу озера. Насыпь кургана в её современном состоянии имела округлую форму. Диаметр насыпи 30 м, высота 0,44 м. В древности диаметр кургана составлял 20 м (рис. 9).

Единственное погребение располагалось в центральной части кургана. Могильная яма, частично разрушенная крупной норой, имела, по всей видимости, форму неправильного овала. Размеры ямы на уровне фиксации–1,75×0,55 м. Глубина ямы от уровня материка составила 0,35 м (рис. 10,*1*).

Костяк погребённого был ориентирован головой в северо-восточном направлении. Череп слегка повернут на левый бок. Левое плечо поднято вверх, ключица почти касается лица. Левая рука согнута в локте, кисть находилась на крыле таза. Правая рука вытянута вдоль тела, пальцы лежали на бедре.

---

[5] Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Том 4. – Хазарское время. С. 75.

На правой бедренной кости рядом с фалангами пальцев руки лежал осколок кремня серого цвета без следов обработки (рис. 10,*1–1*). На втором снизу поясничном позвонке находилась железная пряжка с овальной рамкой круглого сечения (рис. 10,*1–2*). Язычок пряжки загнут в виде хоботка (рис. 10,*2*). Размеры пряжки 3,2×4,5 см. Вторая железная пряжка располагалась на крестце костяка (рис. 10,*1–3*). Рамка пряжки прямоугольной формы, в сечении также прямоугольная (рис. 10,*3*). Размеры пряжки 3,0–3,5×2,5 см.

Могильник Лебеди VIII располагался примерно в 2,5 км к востоку от могильника Лебеди IV и в 1,2 км к юго-западу от хутора Могукоровка. Могильник состоял из трёх курганов, один из которых (№2) содержал впускное погребение №6, относящееся к эпохе раннего средневековья (рис. 11).

Могильная яма была зафиксирована на уровне материка. Нижняя часть могильной ямы, врезанная в материк, имела форму прямоугольника и размеры 1,75×1,0 м. На дне могилы вдоль западной её стенки была прослежена узкая полоса подстилки из древесной коры. На подстилке лежал костяк ребёнка, ориентированный головой на север. Костяк потревожен грызунами, кости черепа и верхней части тела частично отсутствовали, частично смещены (рис. 12,*1*).

Над правой ключицей погребённого была найдена бочонковидная бусина из белой пасты размером 1,4×0,7×0,9 см (рис. 12,*1–1*, 12,*2*). На поясничных позвонках лежала литая бронзовая бесщитковая пряжка с рамкой В-образной формы (рис. 12,*1–2*). Сечение пряжки выпукло-вогнутое, на её передней части имеется желобок-приёмник для язычка. Язычок крепился на задней части рамки, представляющей собой круглый стержень. Сечение язычка овальное, над отверстием рамки он прогибается, в месте соприкосновения с желобком имеет резкое расширение, затем снова сужается. Кончик язычка утолщен, выступает за пределы рамки (рис. 12,*3*). Размеры рамки 2,8×1,7 см.

С внутренней стороны правой бедренной кости погребённого найден фрагмент маленькой пряжки, изготовленной из тонкого бронзового листа (рис. 12,*1–3*). Рамка пряжки В-образная, на её передней части сохранился конец овального в сечении язычка. Фрагментированный щиток пряжки имел, по всей видимости, прямоугольную форму. На нём видны два отверстия для крепления к ремешку (рис. 12,*4*). Размеры рамки 1,6×1,0 см, длина щитка 0,9 см.

К востоку от погребённого на дне могилы лежали черепа и конечности животных–жеребёнка и овцы. Останки жеребёнка были вытянуты вдоль восточной стенки могильной ямы. Обрубленные выше колен конечности были обращены копытами в разные стороны: передние–к северу, задние–к югу. Между костями и частично на обрубке правой задней конечности находились остатки седла или попоны в виде тлена коричневого цвета. Поверх передних конечностей жеребёнка был помещён его череп, обращённый мордой на север. В зубах находились железные сильно корродированные двусоставные удила (рис. 12,*1–4*). Удила изготовлены из прямоугольных в сечении прутьев; концы каждого прута загнуты в кольца, расположенные во взаимно перпендикулярных плоскостях. На каждое внешнее кольцо удил надета П-образная рамка, к концам которой прикреплены зажимы (по два к каждой рамке) со штифтами, крепившими удила к поводьям. Также на рамках имеются следы древесного тлена (рис. 12,*6*). Длина звеньев удил 8,8 см и 9,5 см.

Во рту лошади, под черепом, с правой его стороны и слева у затылка найдено 9 бронзовых накладок на уздечку (одна целая, остальные фрагментированы) (рис. 12,*1–5*). Они представляют собой выпуклые полусферические бляшки, на внутренней стороне которых имеются штифты с бронзовыми шайбочками. Внутри бляшек сохранились следы органики (рис. 12,*7*). Диаметры бляшек 0,7–0,9 см.

У правой задней конечности жеребёнка лежала фрагментированная костяная пряжка (рис. 12,*1–6*). Поверхность пряжки заполирована, на передней части её тыльной стороны имеется сильная потертость от ремня (рис. 12,*5*).

Справа от черепа жеребёнка находился череп овцы, также ориентированный мордой на север. Кости конечностей овцы были обнаружены вдоль правой задней конечности жеребёнка и под ней. Часть из них была уложена копытами на юг, часть находилась в беспорядке, потревоженная норами грызунов. Под коричневым тленом от седла(?) лежали также фрагменты черепа ягненка.

Хронологическая позиция погребения Лебеди VIII 2/6 представляется наиболее ранней среди всей рассматриваемой совокупности. Северная ориентировка погребенного является наиболее распространенной в гуннскую и постгуннскую (огуро-савирскую) эпохи. Удила с составными грызлами и костяная сбруйная пряжка находят аналогии[6] в погребении, открытом на городище Беляус в Крыму в 1991 г. и датируемом первой половиной V в.[7] Однако в целом беляусский комплекс явно более ранний, чем захоронение из Лебедей VIII. В его инвентаре содержатся две пряжки: В-образная бесщитковая выпукло-вогнутого сечения и плоская из тонкого бронзового листа. Первая из них находит аналогии в к.6 могильника Каменный Амбар V в Южном Зауралье[8] и п.2 к.66 могильника Царев в Волгоградском Заволжье[9]. В состав первого из привлекающихся в качестве аналогий комплексов входила также пряжка «сасанидской» традиции с прямоугольным щитком с вогнутыми краями[10], в состав второго–овальнорамчатая пряжка с пластинчатым полуовальным щитком, близкая пряжке из к.2 Шиповского могильника[11]. Связь пряжек, аналогичных указанному экземпляру из Лебедей VIII, с пряжками постгуннского «шиповского» горизонта древностей усиливается наличием тех и других в погребениях могильника Коминтерн II в Среднем Поволжье[12].

Вопрос об абсолютных датах древностей «шиповского» круга (хронологические группы 2 по И.П. Засецкой и II по А.К. Амброзу) является предметом дискуссии, в которой намечаются две основные позиции. Ранняя: вторая половина V в.[13] или вторая треть V–вторая треть VI вв.[14] Поздняя: вторая половина VI–начало VII вв.[15] или даже VII в.[16] Среднюю позицию занимает А.В. Богачев, относящий пряжки из Шипова и Верхнего Погромного, как и аналогии В-образной пряжке из Лебедей VIII, к выделенному им так

---

6 Предпочтение в подборе аналогий отдавалось полным соответствиям анализируемым артефактам, происходящим из кочевнических комплексов степей Восточной Европы.

7 *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 73. Рис. 28,*7,9*.

8 *Костюков В.П.* Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. Рис. 2,*2*.

9 *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы... Рис. 4.

10 *Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А.Шера. Новосибирск, 2002. С. 195.

11 *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб, 1994. Табл. 42,8.

12 *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. Рис. 12,*2*, 30,*4*, 34,*9*, 36,*5,9,20*.

13 *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей… С. 127–128, 131; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М., 2003. Табл. 12,*40*.

14 *Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции... С. 196.

15 *Гавритухин И.О.* К изучению ременных гарнитур Поволжья VI-VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 115, 121–124; В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 190–193; *Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 52–53, 67; *Гавритухин И.О., Иванов А.Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 140; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья… Табл. 64,*16*.

16 *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. 1971. №3. С.114–115; Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989. С. 76, 85; Степи Евразии в эпоху средневековья / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1981. С. 13, 21.

называемому «предгеральдическому» стилю деталей поясных наборов третьей четверти VI в.[17] А.В. Комар, с одной стороны, причисляет комплексы кк. 2 и 3 Шипова и п.4 к.3 Верхнего Погромного к первой половине VI в.[18], но с другой–«омолаживает» погребение Царев 66/2 до конца этого столетия[19]. На наш взгляд, погребение Лебеди VIII 2/6 следует относить ко второй половине VI в.–периоду пребывания в восточноевропейских степях огурских и савирских кочевых объединений.

Погребения в курганах №№ 2, 5 и 6 Лебедей IV, отличающиеся северо-восточной ориентировкой костяков и специальным сооружением для них особых насыпей, составляют отдельную компактную группу. В ее составе захоронения 5/1 и 2/1 выделяются размещением над погребенным останков лошади[20], а 2/1 и 6/1 объединяет идентичное положение рук погребенного. К данной группе принадлежит к.1 того же могильника, как и к.2, характеризуемый наличием ровика.

Хронологию курганов этой группы определяют, в первую очередь, комплексы Лебеди IV 2/2 и 5/2. Близость их между собой демонстрируют практически идентичные детали обувных ремней–пластины-обоймы и цельнолитые геральдические пряжки с трапециевидными рамками и профилированными щитками.

Аналогии таким пряжкам в степных кочевнических комплексах встречены в п.1 к.111 могильника Бережновка II в Нижнем Поволжье, п.3 к.5 Виноградного и п.2. к.3 Сивашовки в Северном Причерноморье[21].

Помимо таких пряжек в обоих захоронениях из Причерноморья находят параллели Т-образные накладки с широким отверстием и наконечники ремней с прорезным орнаментом, а в сивашовском комплексе, кроме того,–крупный коробчатый наконечник без прорези (все–Лебеди IV 5/2)[22]. Все подобные детали геральдических поясных гарнитур вообще распространены в степных кочевнических древностях достаточно широко[23].

Обоймы с орнаментированным геральдическим щитком (Лебеди IV 5/2), помимо погребения к. 5 Виноградного[24], были обнаружены в захоронениях к.1 п.12 Дмитровки в Южном Побужье[25], п.3 к.30 у станицы Калининской[26].

---

[17] *Богачев А.В.* О поздней дате древностей гуннского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов международной научной археологической конференции 14-17 ноября 1995 г. Самара, 1995. с. 13; В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 2010. С. 157–158. Табл. I,*124*,*135–136*. Рис. 1,*2*, 2,*4,15*.

[18] *Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк, 2000. С. 44.

[19] *Комар А.В.* Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья 2-й половины VI–начала VII вв. // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 104.

[20] Можно полагать, что частично разрушенный череп лошади в могиле Лебеди IV 5/1 был смещен сверху в результате сооружения норы, уничтожившей человеческий череп.

[21] *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Том 5. Рис. 45,*31-34*; *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Том 5. С. 278. Рис. 12,*21,22*, 13,*20,21*; *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы... Рис. 23,*12*; *Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. М., 1960. №78. Рис. 39,*14*.

[22] *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв… С. 270–271. Рис. 12,*6,7,20*, 13,*1,2*, 14,*1–3,8,9*; *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы... Рис. 3,*13,14,16–19*.

[23] Сводки аналогий см.: *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… Рис. 48, 49; *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Том 5. С. 270–271.

[24] *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы… Рис. 23,*18,19*.

[25] *Комар А.В.* Погребение номада сер.VII в. у села Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Том 5. С.381, рис.3,*4-7*, 4,*6–9*.

[26] *Атавин А.Г.* Погребения VII–начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 217. Табл. 13,*7*.

Накладки в форме щита с прорезью (Лебеди IV 2/2) в кочевнических комплексах встречены в п.12 к.13 Рисового, «Царском кургане» и Арцибашеве[27].

Поясная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком (Лебеди IV 2/2) полных аналогий в степи, кажется, не имеет, однако таковая находится в п.63 могильника Суук-Су в Крыму[28]. Более отдаленную и, очевидно, более позднюю параллель составляет пряжка из кургана 66а Чир-Юртовского могильника в Дагестане[29].

Вышеназванные комплексы, содержащие аналогии элементам инвентаря из погребений Лебеди IV 2/2 и 5/2, в целом относятся к VII в. Однако оценки их более детальной хронологической позиции различными специалистами принимают подчас весьма далекие друг от друга значения.

Так, погребение 3/2 Сивашовки И.О.Гавритухин отнес к первой трети VII в.[30] Даты комплексов из Восточного Приазовья А.Г. Атавиным определялись соответственно: Калининская 30/3–второй-третьей третью VII в.; клад из «Царского кургана»–последней третью VII–первой половиной VIII вв.[31]

А.В. Комар в своей ранней статье, объявив методику датировки А.Г. Атавина устаревшей и неприемлемой, отнес все упомянутые восточноприазовские материалы ко времени не ранее 670 г.[32] Впоследствии его позиция стала более взвешенной: указанное погребение и клад из Восточного Приазовья были включены в раннюю группу рядовых раннехазарских погребений и синхронизированы с захоронениями «горизонта Сивашовки», датируемого 643-669 годами[33]. В состав последних, помимо эпонимного памятника, входят также Виноградное 5/3, Рисовое 13/12[34] и Дмитровка 1/12[35]. Лишь погребения Арцибашева и Бережновки II 111/1 отнесены автором к несколько более позднему «горизонту Уч-Тепе–Келегеев» (669-698 гг.)[36].

Аналогии обувным геральдическим пряжкам из Лебедей IV 2/2 и 5/2 в хронологической системе И.О. Гавритухина выступают в качестве «индикатора синхронизации 5» для первой половины VII столетия[37]. А.И. Айбабин помещает таковые в седьмую хронологическую группу второй половины VI–первой половины VII вв.[38] Это ограничение едва ли актуально для всех регионов: в Лебедях IV 2/2 такая пряжка сочеталась с поясной, составляющей аналогию пряжке из Суук-Су (см. выше) середины–второй половины VII в. Еще более поздние аналогии (помимо упоминавшихся Арцибашева и «Царского кургана») вызывает

---

[27] Там же. С. 218. Табл. 16,*9*; *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… Рис. 48,*5–27*; *Круглов Е.В.* Сложносоставные луки Восточной Европы… Рис. 11,*5*

[28] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Табл. XXX,*21*; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья… Табл. 20,*109*.

[29] *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983. Рис. 21,*1*; *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… Рис. *46*,18.

[30] *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст. М, 1996. С. 91.

[31] *Атавин А.Г.* Погребения VII–начала VIII вв. из Восточного Приазовья. С. 229–230.

[32] *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 115.

[33] При сравнении с датировками других исследователей уместнее использовать эту, а не «калиброванную» по историческим событиям дату 665–685 гг. (См.: *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… С. 238).

[34] *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… С. 113–114, 124. В списке памятников данной группы в статье А.В.Комара – неточность: вместо п.3 к.30 Калининской в него включено п.10 к.4 того же могильника, ниже отнесенное к группе 2.

[35] *Комар А.В.* Погребение номада сер.VII в. у села Дмитровка… С. 382–383.

[36] *Комар А.В.* Перещепинский комплекс… С. 102, 114, 124.

[37] *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст. С. 89, 91. Рис. 68а,87, 90; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья… Табл. 77,*75*, 78,*81*.

[38] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 275. Табл. XXX,*6*; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья… Табл. 20,*56,69*.

щитовидная накладка с прорезью из того же погребения–«индикатор синхронизации 34» по И.О. Гавритухину[39]. Наиболее ранние их экземпляры появляются, по А.В.Комару, на «сивашовском этапе» (Рисовое), да и сам И.О.Гавритухин относит их распространение ко времени никак не ранее второй половины VII в.[40]

Нам представляется наиболее вероятным датировать погребение 2/2 Лебедей IV серединой, а 5/2–второй половиной VII в. По всей вероятности, хронологически близкими являются и остальные комплексы группы–к.1, п.1 к.2 и п.1 к.6 Лебедей IV. В целом и погребальная обрядность, и состав инвентаря погребений кк.2, 5 и 6 могильника Лебеди IV хорошо соотносятся с кочевническими комплексами так называемого «типа Сивашовки»[41].

Такая датировка четко увязывает подкурганные ровики с погребальными традициями населения Хазарского каганата, бытовавшими, очевидно, с начального периода существования этого государства вплоть до начала IX столетия. Аналогии в раннесалтовских «курганах с ровиками» имеет и не содержащий захоронений к.1 Лебедей IV[42], и отдельно–поминальное(?) сооружение в пределах окруженной рвом площадки[43]. Как подквадратная без перемычек, так и округлая форма лебедевских ровиков находят соответствия в материалах VIII в.–к.1 Шиловки, кк.2 и 3 Урень II, к.1 Старомайнского II, кк.7, 11, 13, 14 Новинок II, к.5 Кривой Луки XXVII, к.13 Барановки I, к.13 Новоаксайского[44].

---

39 *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст. С. 90.
40 Там же. Рис. 90.
41 Археология Украинской ССР / Гл. ред. И.И. Артеменко. Киев, 1986. Т. 3. С. 228–231; *Орлов Р.С.* Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 101–105.
42 *Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1. С. 137. Рис. 2,*1,2*.
43 *Федоров-Давыдов Г.А.* Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 89.
44 *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998. Табл. I,*1,9,10*, V,*1*; Иванов А.А. Подкурганные конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 220. Табл. 1; *Круглов Е.В.* Хазарские погребения на р. Аксай // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. Рис. 4,*1*; *Круглов Е.В.* Хазарские погребения на р.Аксай // Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград, 1992. С. 146. Рис. 1,*8*; *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. Рис. 32, 33, 52, 53, 57, 65; Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени… С. 80. Рис. 1.

Резюме

В статье представлены материалы по археологии раннесредневековых кочевников из курганов на могильниках Лебеди IV и Лебеди VIII (территория Краснодарского края). Среди них выявлены погребальные комплексы пост-гуннского (вторая половина VI в.) и ранне-хазарского (середина – вторая половина VII в.) периодов.

Ключевые слова: пост-гуннский период, Хазарский каганат, кочевники, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Summary

In this article the archeologic materials of early Middle Ages nomads from mound burial cemetries Lebedy IV and Lebedy VIII (the territory of Krasnodar area) are presented. Among them the funeral complexes of post-Hunnic (second half VI century) and early-Khazar (the middle – second half VII century) periods are revealed.

Key words: Post-Hunnic era, Khazar Khanate, nomads, funeral-memorial rites, grave goods.

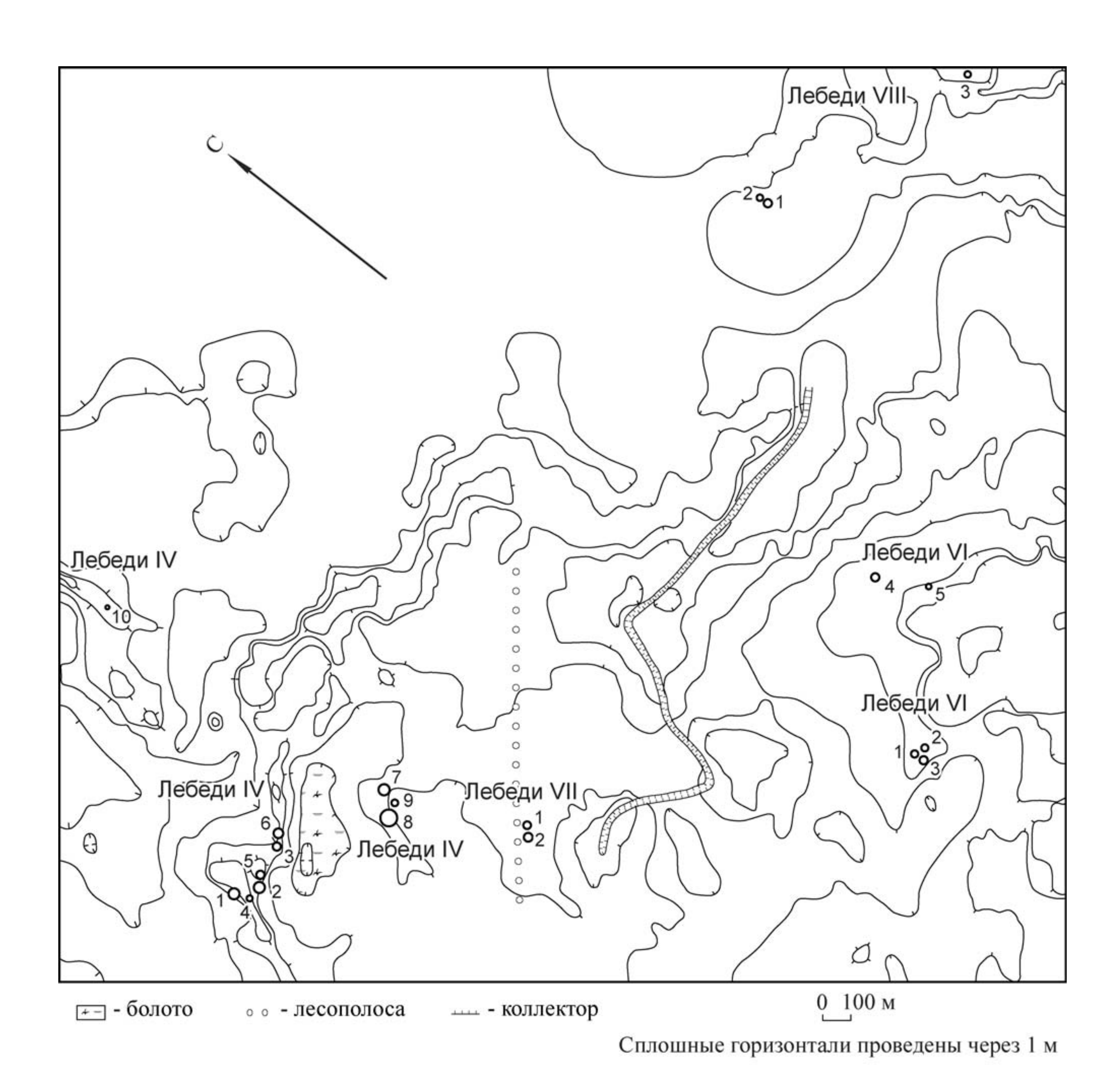

Рис. 1. План курганных могильников Лебеди IV и VIII.

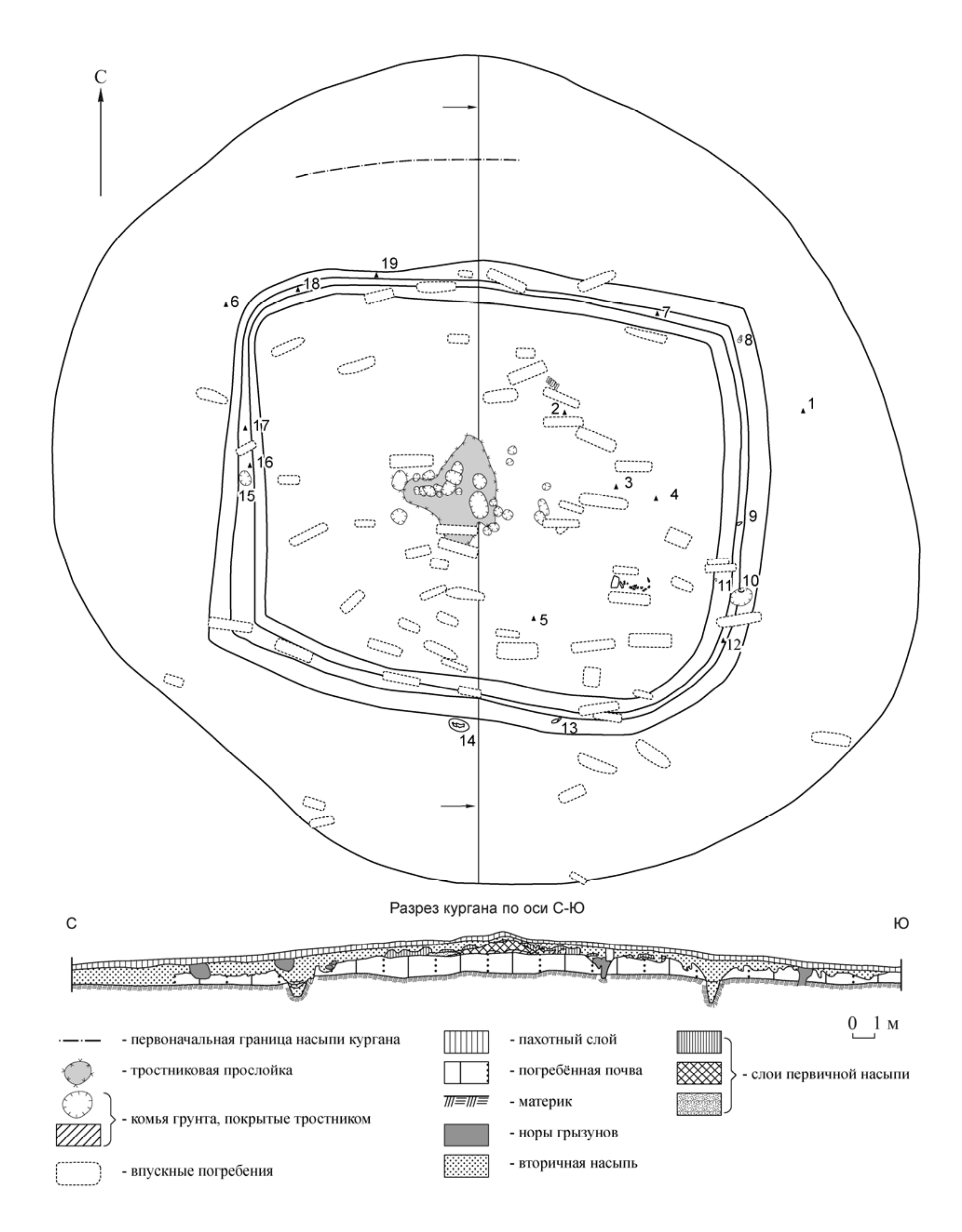

Рис. 2. Курганный могильник Лебеди IV. План и профиль кургана №1.

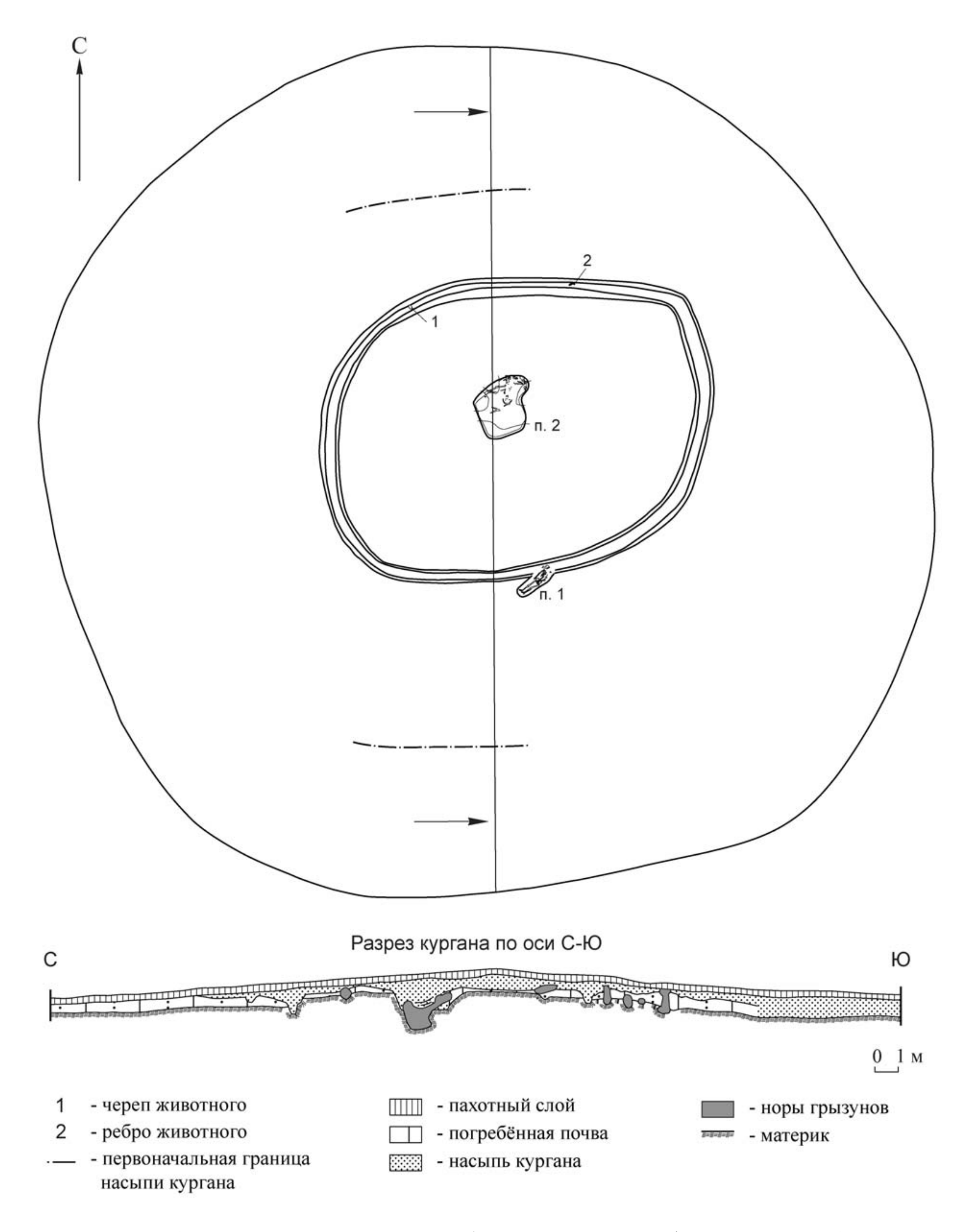

Рис. 3. Курганный могильник Лебеди IV. План и профиль кургана №2.

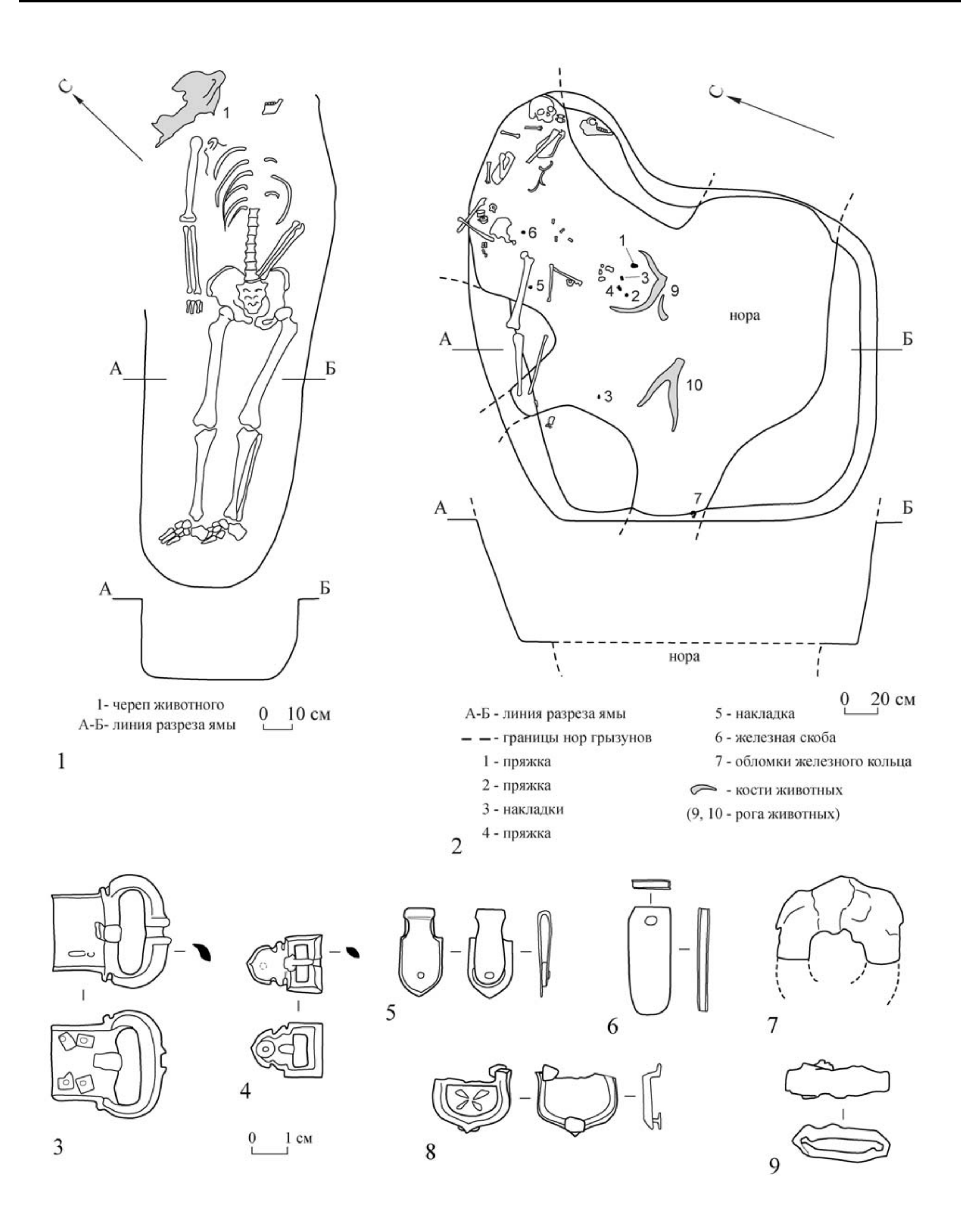

Рис. 4. Курганный могильник Лебеди IV. Курган №2, погребения №№1 и 2: 1 – план погребения №1; 2 – план погребения №2; 3-9 – инвентарь погребения №2.

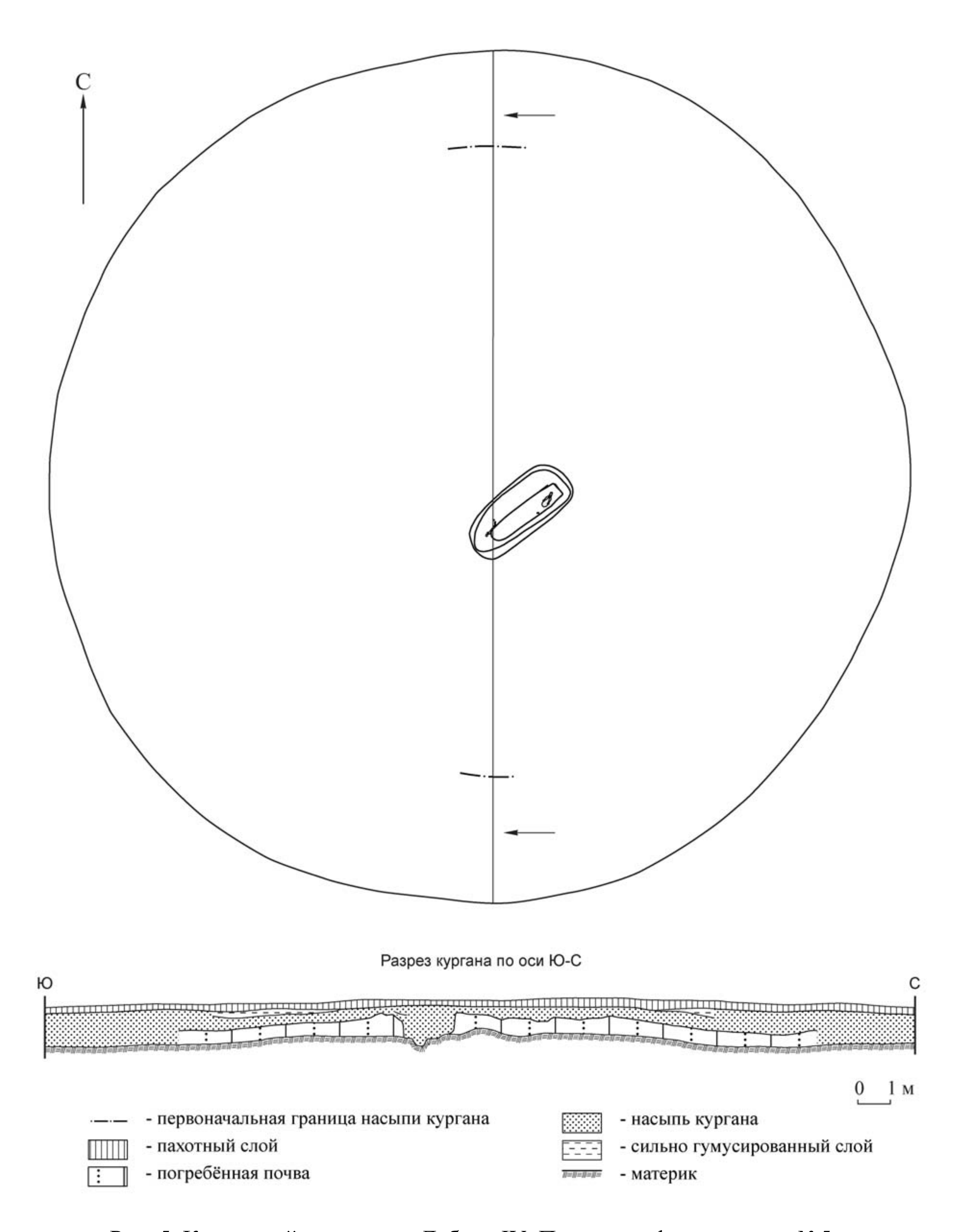

Рис. 5. Курганный могильник Лебеди IV. План и профиль кургана №5.

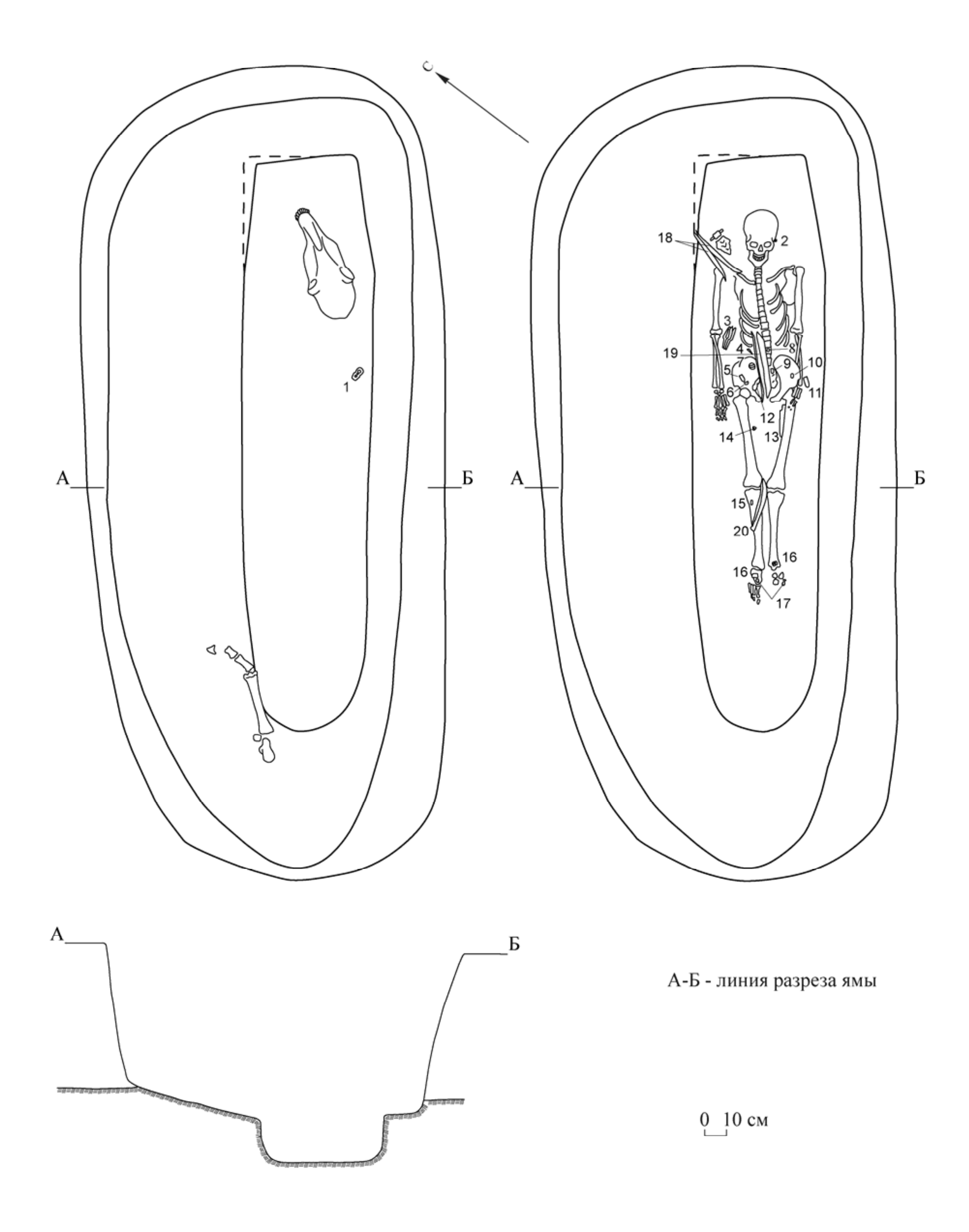

Рис. 6. Курганный могильник Лебеди IV. План погребения из кургана №5.

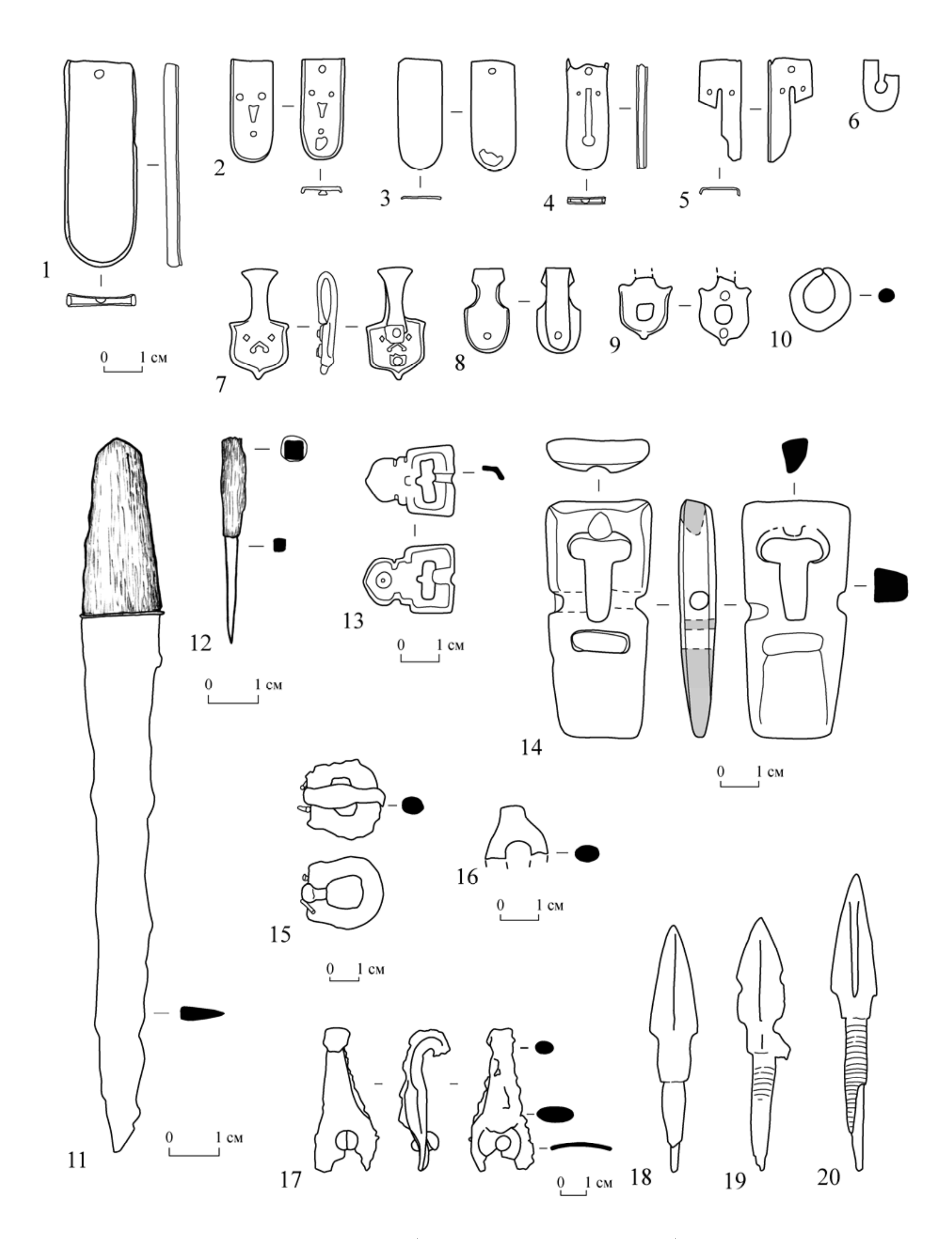

Рис. 7. Курганный могильник Лебеди IV. Инвентарь погребения из кургана №5.

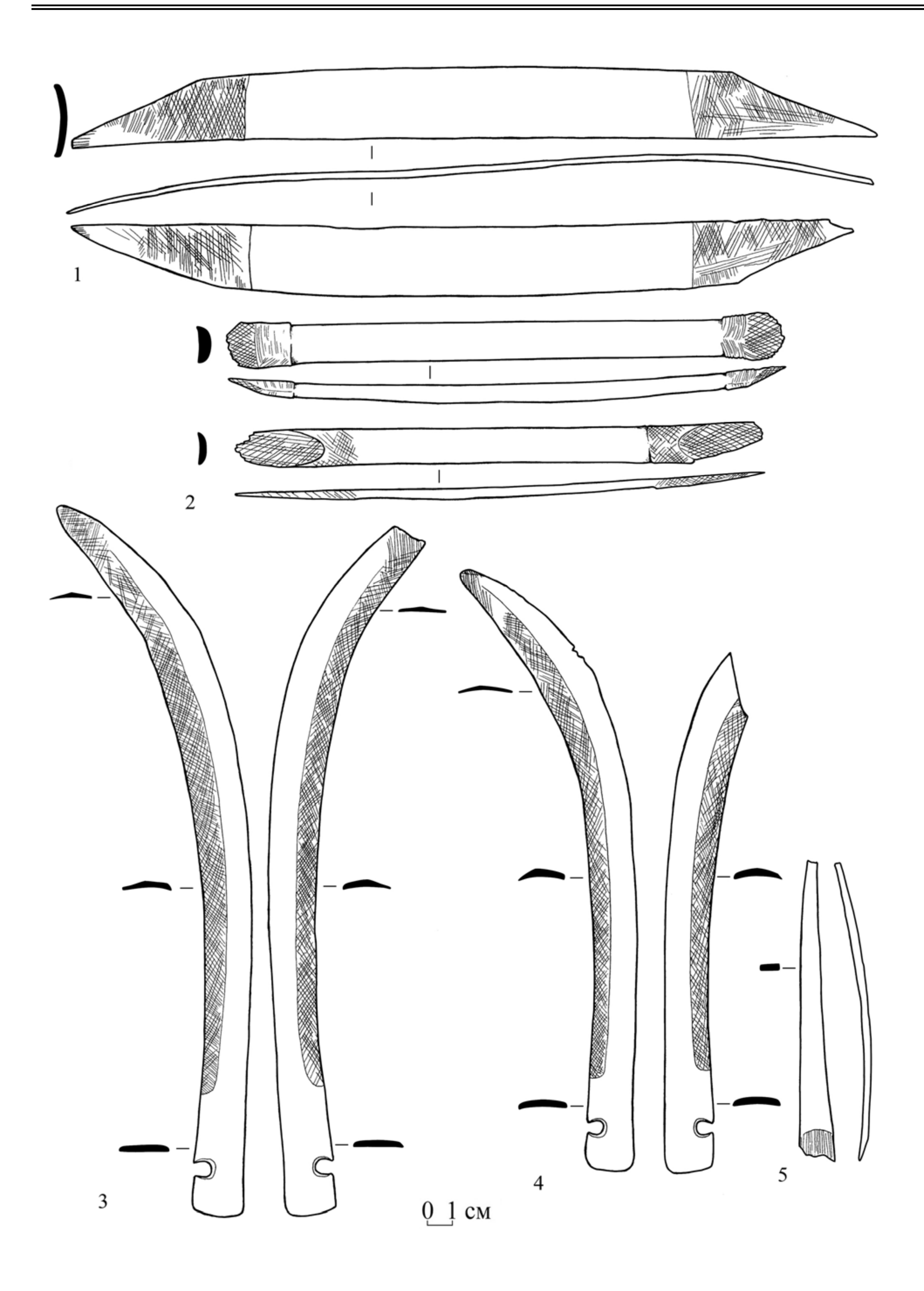

Рис. 8. Курганный могильник Лебеди IV. Костяные детали лука из погребения в кургане №5.

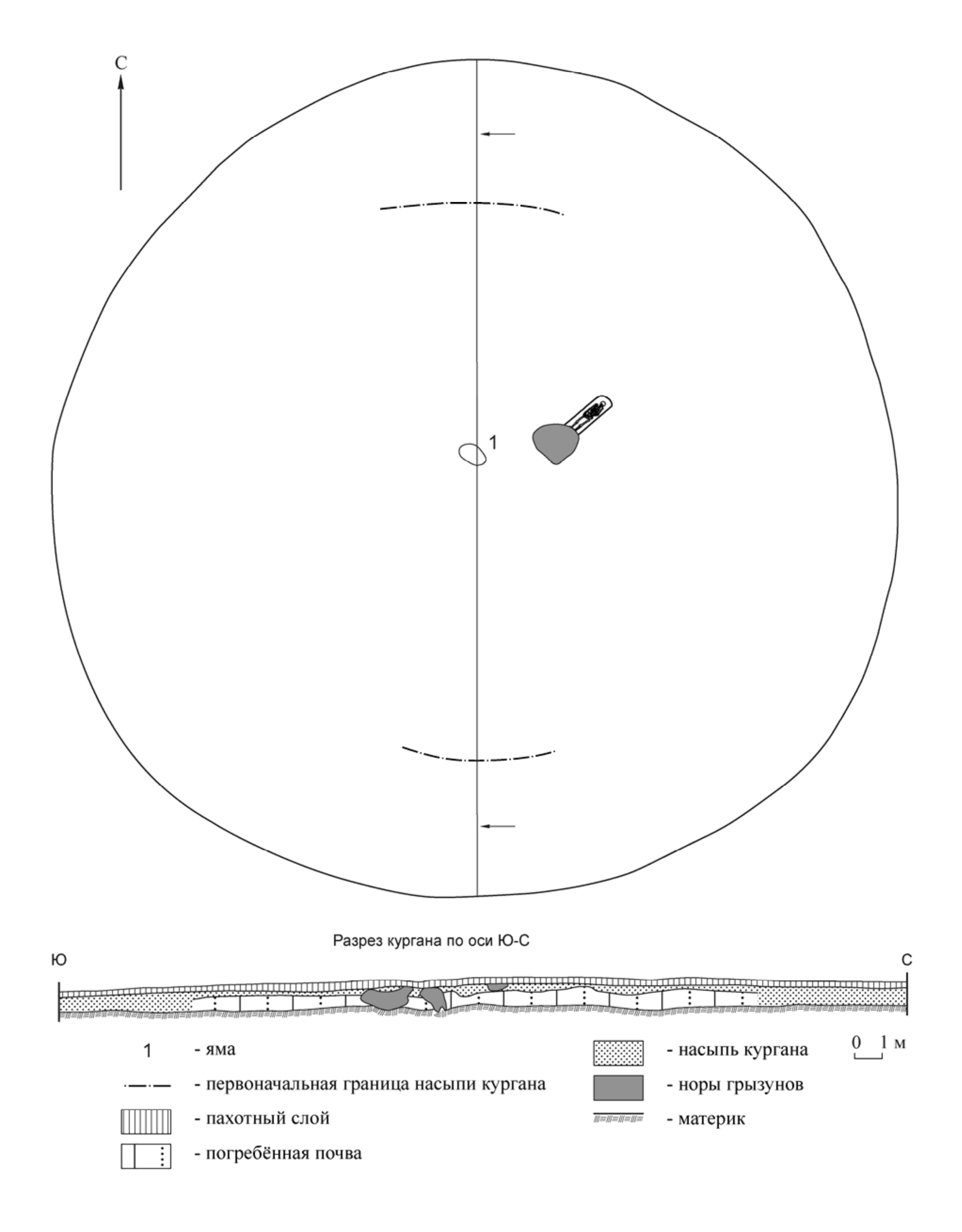

Рис. 9. Курганный могильник Лебеди IV. План и профиль кургана №6.

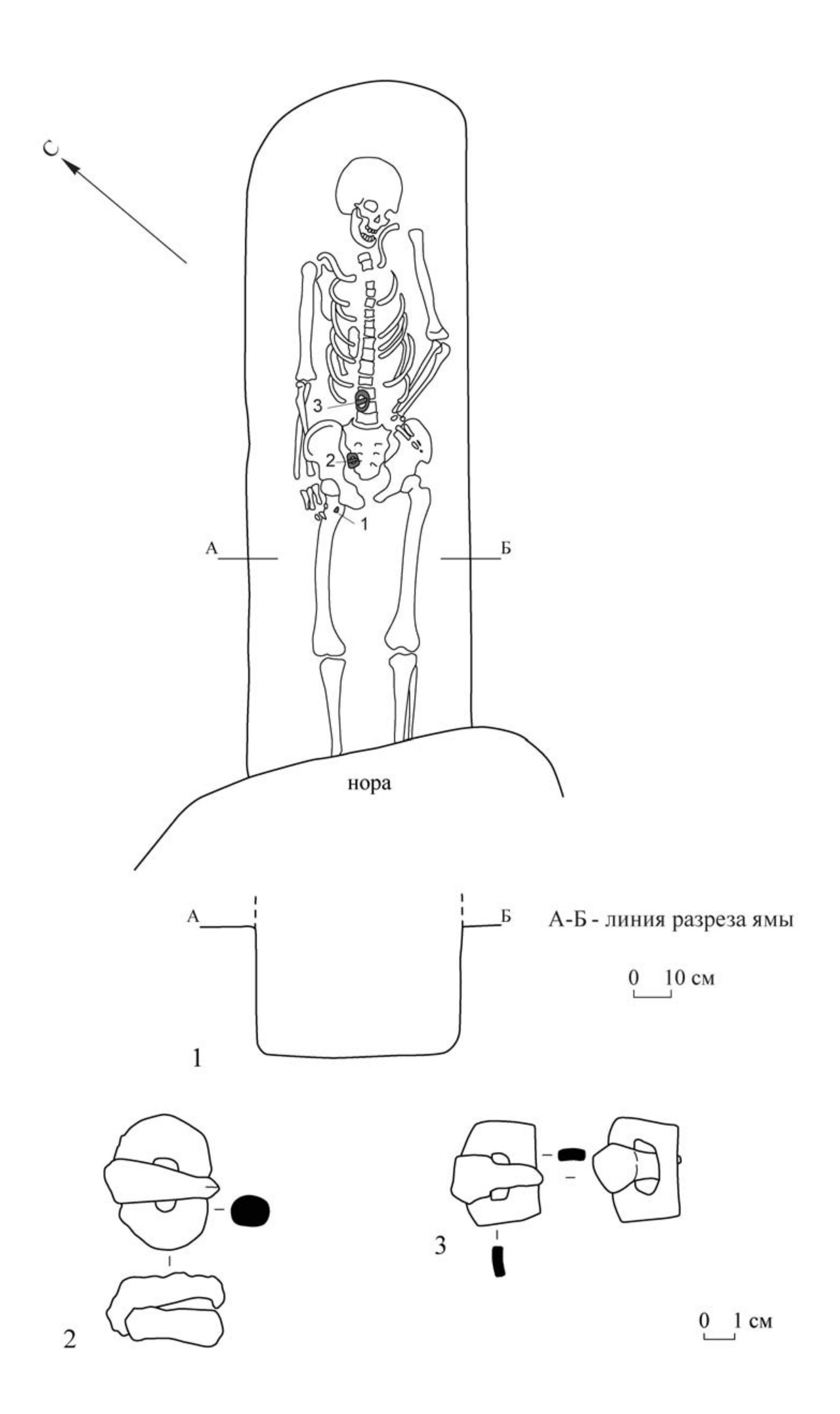

Рис. 10. Курганный могильник Лебеди IV. План погребения из кургана №6 и сопровождавший его инвентарь.

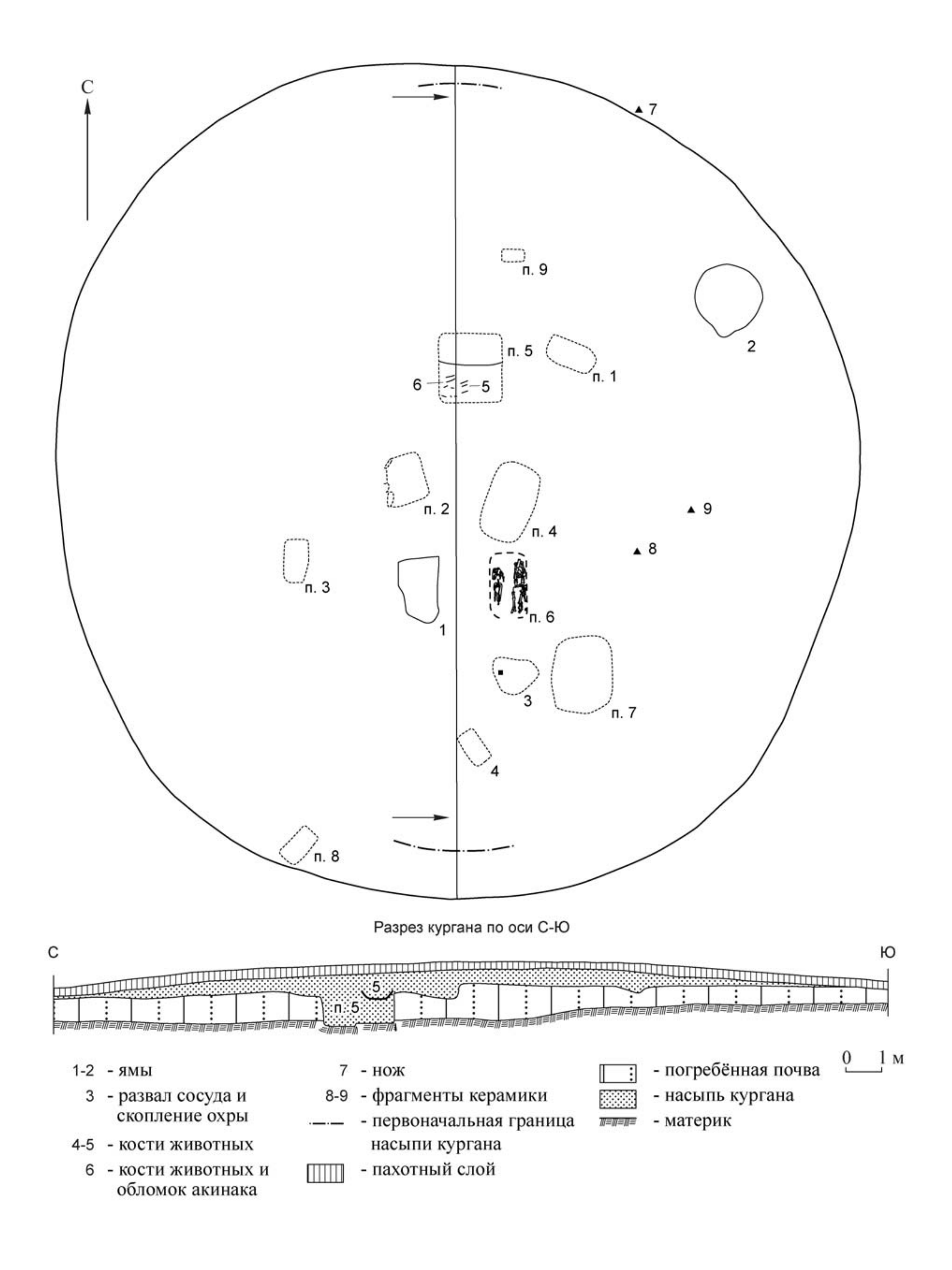

Рис. 11. Курганный могильник Лебеди VIII. План и профиль кургана №2.

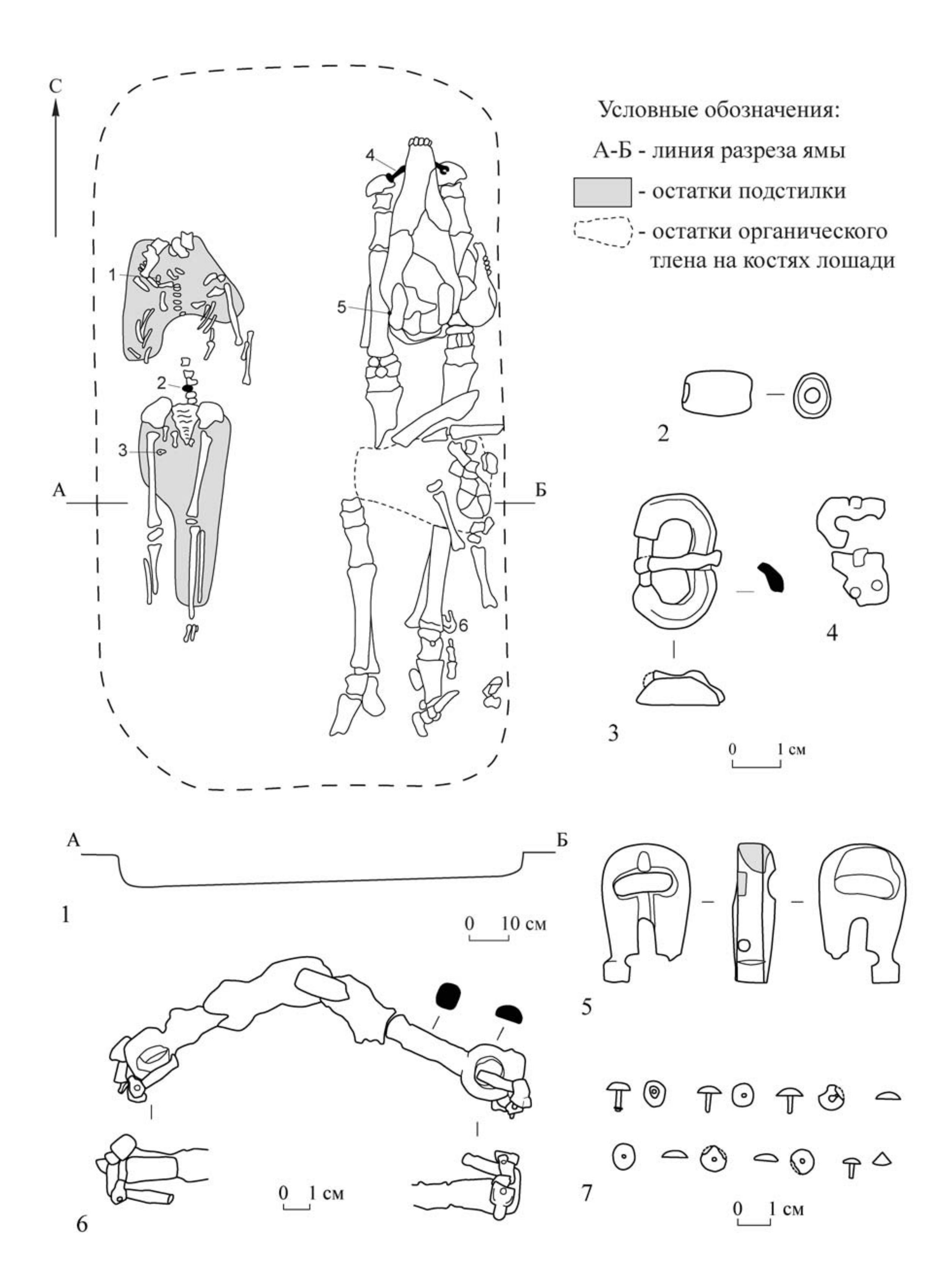

Рис. 12. Курганный могильник Лебеди VIII. План погребения №6 из кургана №2 и сопровождавший его инвентарь.

ИСТОРИЯ

А.Ж. Арутюнян

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСТИТУТА ГУБЕРНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА (СОГЛАСНО АНТИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Одной из нерешенных проблем в административно-территориальном делении древнеармянского государства эпохи Арташисидов (189 г. до н. э. – 1 г. н. э.) и Аршакидов (52 или 66–428 гг.) считается возникновение института губерний. Исследователи еще не дали окончательный ответ на спорный вопрос: когда и под воздействием каких сил в древнеармянском государстве возникли губернии? Мы наметили возможный путь решения данной проблемы – сопоставительный анализ существующих административно-территориальных делений соседних государств, что может привести к логическому заключению.

Начнем со сбора сведений об административно-территориальном устройстве Армении. Самые ранние данные содержатся у Плиния Старшего. По данным историка: «Армения разделена на префектуры, которые также называются стратегиями, некоторые из которых ранее были царствами. Их сейчас 120 и носят варварские названия»[1]. Это краткое сообщение стало яблоком раздора для целой плеяды исследователей. Из всех заключений ученых относительно данного упоминания выделим мнение академика С.Т. Еремяна: процитированное свидетельство относится к эпохе Арташеса I. Однако ученый не смог раскрыть смысл и значение цифры 120, о которой говорит Плиний. Можно предположить, что имело место какое-то недоразумение, и писцы вместо цифр 12, 10 и 20 ошибочно записали 120[2]. Однако это предположение не проливает свет на решение вопроса. Согласно «*Армянской географии*»[3], Великая Армения имела 15 *губерний (на арм. яз. – наханг)*, которые в свою очередь делились на *уезды (на арм. яз. – гавар*) или *провинции (на арм. яз. – gavar)*. Уезд (или провинция) составляли часть губернии. Их в 15 губерниях в общей сложности было от 190 до 195[4].

Какое соотношение существует между цифрами 120 и 190 или 195? «Армянская география» была написана в эпоху раннего феодализма (V–VII вв.), что убедительно

---

[1] Plin. NH. VI.10.27. Комментарии (См.: *Подосинов А.В.* Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.,1999. С. 224–225; *Подосинов А.В, Скржинская М.В.* Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший, тексты, перевод, комментарии. М., 2011. С. 189).

[2] *Акопян Т.Х.* Историческая география Армении. Ереван, 2007. (на арм. яз.). С. 128–129; *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у (Армянской географии VII века). (Опыт реконструкции армянской карты VII века на современной картографической основе). Ереван, 1963. (на арм. яз.). С. 8, 9, 21, 50–51; История армянского народа. Т. I. – Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя / Под ред. Еремяна С.Т. Ереван, 1971. (на арм. яз.). С. 836–842; *Юбшман Г.* Древнеармянские топонимы, Вена, 1907. (на арм. яз.). С. 42, 60, 89, 125; *Hewsen R.H.* Introduction to Armenian Historical Geography // Revue des Etudes Armeniennes. Nouvelle serie. T. XIII. Paris,1978. P. 77–97. С. 12, 35, 54, 86–87.

[3] На армянском – «Աշխարհացույց». Буквальный перевод – «*показ мира*».

[4] *Анания Ширакаци*. Избранные труды / под ред. Абрамяна А.Г, Петросяна Г.Б. Ереван, 1979. (на арм. яз.). С. 291–299; *Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у… С. 3–6; *Патканов К.П.* Армянская география VII века по р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877. С. 42–54; *Talbert R.J.A*. Atlas of the Greek and Roman World / Ed. Barrington. Princeton, 2000. P. 1268.

доказано известным историком-географом Э.Л. Даниеляном[5], а переход к раннему феодализму в Армении произошел в основном в IV веке. Таким образом, учитывая основную характеристику феодальной формации – территориальную раздробленность, – можно прийти к заключению, что на основании 120 централизованных префектур рабовладельческой Армении эпохи Арташисидов образовались 190–195 уездов в период раннего феодализма[6].

В ракурсе изучения вопроса административно-территориальных делений любопытно одно упоминание Страбона, в повествовании которого встречаются названия 30 административно-территориальных единиц Великой Армении, однако автор не оговаривает, губернии это или провинции. Например, из будущих губерний упоминаются *Гордиена-Гордиея* (или *Кордук*), *Сакапена* (*Утик*), *Софена* (по арм. – *Цопк*), *Гогарена* (или *Гугарк*), *Орхистене* (или *Арцах*), *Каспиане* (или *Пайтакаран*, у Плиния Старшего– *Колтена)*, *Басорапедеа* или *Парскаайк* (дословно – *Персоармения*). Из уездов (или провинций) упомянуты *Акилисене* или *Екехик*, *Сиспиритиду* (или *Спер*), *Хорзена* (или *Хордзеан*), *Каринитида* (*Карин*), *Таронотида* (*Тарон*) и т.д.[7] Возникает естественный вопрос: почему у Страбона сложился такой подход к административно-территориальному делению Армении. Ведь при описании административно-территориальных делений других стран он использует термины σφραγίς, что переводится как печать, ἐπαρχία – область (соответствует римской провинции) и др. Иная картина выявляется при описании Страбоном Армении, относительно административно-территориальных делений которой употреблены лексические единицы – *окружность* и *части* и т.д.[8]. Мы уверены, что Страбон знал о существовании 120 стратегий на территории армянского царства, о которых почти полвека спустя упоминает Плиний. Не вызывает никакого сомнения, что цифра 120 относится к периоду правления основателя Арташисидской династии Арташеса I (189 – ок. 160 гг. до н.э.). Следовательно, пробел следует искать в произведениях вышеупомянутых античных авторов.

Период творческой деятельности Плиния Старшего совпадают с окончательным установлением Аршакидской династии в Армении, где стал править Тиридат I (52 (окончательно 66) – 88 гг. н. э.). Мы постараемся доказать, что именно с его деятельностью связано начало деления территории царства Великой Армении на губернии.

Плиний использовал термины «*префектура*» и «*стратегия*», соответствующие русским лексическим единицам «*уезд*», «*область*», но, ни в коем случае не термину «*губерния*», поскольку совершенно очевидно, что в тот исторический период Армения не могла иметь 120 губерний. Автор в скупом перечислении географических названий, вероятно, не дифференцирует эти два деления. Из *губерний* Плинием упомянуты *Софена* и *Отена*, (последняя территориально почти соответствует страбоновской *Сакапене*), а из *провинций* отмечены *Каринитис*, *Дерксене*, говорится также о *кардухах* (или *гордиенцах*) как о народе, который проживал на территории губернии *Кордук*. О последней, как было отмечено выше,

---

[5] *Даниелян Э.Л.* Армянские космографические труды VII века о строении Вселенной. Ереван, 1978. С. 18–19; *Даниелян Э.Л., Мелконян А.А.* История Армении. Ереван, 2007. С. 143.

[6] *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. Ереван, 1971. С. 236–321; *Джавахов И.* Государственный строй древней Грузии и Армении. СПб., 1905. С. 100–110, 126, 132–135; *Кркяшарян С.М.* Государственное устройство древней Армении (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Ереван, 2005. (на арм. яз.). С. 147–148; *Манандян Я.А.* Труды. Т. I. – Тигран II и Рим. В новом освещении согласно первоисточникам. Ереван, 1977. (на арм. яз.). С. 187–436; *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с древнеарм. Саркисяна Г.Х. Ереван, 1990. С. 75–81, 105–112.

[7] Strabo, XI.14. 1-16. Комментарии (См.: *Hewsen* R.H. IAHG II. P. 123–143; IAHG // REArm. Nouvelle serie. T. XIII. P.: Association de la revue des etudes armennes,1978, P. 77–97; IAHG III. The Boundaries of Orontid Armenia // REArm. Nouvelle serie. T. XVIII. Paris, 1984. P. 347–366; IAHG IV. The Boundaries of Artaxiad Armenia // REArm. Nouvelle serie. T. XIX. Paris, 1985. P. 55–84).

[8] Strabo, XI. 14. 1–16. Комментарии (См.: *Арутюнян А.Ж.* Армения – Великая Армения. Вопросы пограничных полномочий согласно «Географии» Страбона. Закон и действительность. Ереван, 2006. № 10. (на арм. яз.). С. 31–32; Софена и царство Софены согласно «Географии» Страбона // Вестник ЕГУ. Ереван, 1996. № 1. С. 67–68.

также в статусе губернии свидетельствуют Плиний Секунд и Страбон: о Софене[9], об Отене[10], о Каринитисе[11], о Кардухах[12]. Однако все объясняется очень просто, особенно неясные отрывки в творчестве Плиния Старшего. Поскольку последний излагал не географию, а «Естественную историю», постольку, как свидетельствуют списки его географических перечислений, автор упоминает только те территориальные единицы, которые находились в *пограничной зоне* царства Великой Армении.

Изначально поставив целью провести сопоставительный анализ источников, на данном этапе следует прояснить некоторые фрагменты творчества Страбона, касающиеся исследуемой проблемы. Мы рассуждаем следующим образом. Из династии Арташисидов античный историк упоминает не только Арташеса I, но и его внука Тиграна II Великого (95 – 55 гг. до н. э.). О завоеваниях последнего древнегреческий историк пишет: «Потомком Артаксия (Арташеса I – *А.А.*) был Тигран, владевший в собственном смысле слова Арменией: эта область граничит с Мидией, Албанией и Иберией вплоть до Колхиды, Каппадокии на Евксинском Понте, потомком же Зариадрия был софенец Артан, которому были подвластны южные области и те, что лежат западнее их. Последнего победил Тигран, который стал владыкой всей страны. Тиграну выпало на долю испытать различные превратности судьбы. Вначале он жил заложником у парфян: затем ему удалось получить от них дозволение вернуться на родину, причем парфяне взяли выкуп – 70 долин в Армении. Потом, усилив свое могущество, Тигран не только отнял у парфян эти области, но даже опустошил их собственную страну – области около Нина и Арбел. Далее он покорил властителей Атропатены и Гордиены и с их помощью остальную часть Месопотамии. Перейдя Евфрат, он силой овладел самой Сирией и Финикией. Вознесшись столь высоко в своем могуществе, Тигран основал город недалеко от Иберии, между этой местностью и Зевгмой на Евфрате»[13]. Нам представляется очевидным, что переводчик Г.А. Стратановский в своем комментарии к «Географии» Страбона ошибается, когда пишет: «Слово, по видимому, испорчено: города Иберии в этой области не было»[14]. Хотя *Иберия* – это та же *Берия* - так именуется иногда *северная часть Сирии*.

О завоеваниях Тиграна написано много. По подсчетам специалистов, Армения из 300.000 кв. км превратилась в огромную державу, имея от 900.000 до 1.000.000 кв. км.[15] В рассматриваемый исторический период Великая Армения состояла из 120 провинций, а если учесть, что Тигран завоевал как минимум 600.000 кв. км, то, соответственно, он должен был создать как минимум 240 провинций. Таким образом, путем простого арифметического сложения получается 360 провинций или уездов, что представляется практически нереальным. Можно уверенно заключить, что Тигран должен был укрупнить как исконно армянские провинции, так всю территорию вновь основанной державы. На всех завоеванных территориях, равно как и в Армении, армянский царь установил *селевкидскую*, а впоследствии *западно-парфянскую модель административно-территориальных делений*, которые и стали зачатками губерний. Однако установленный новый порядок территориальных делений долго не просуществовал. И после римско-армянской войны 69–66 гг. до н. э. между Тиграном и Помпеем был заключен Арташатский мирный договор (66 г. до н.э.), согласно условиям которого Тигран должен был отказаться от всех завоеваний,

---

[9] Plin, V.19.66.
[10] Plin, VI.16.4. XII. 28. 43.
[11] Plin, V. 20. 83.
[12] Plin, VI. 47. 44, Strabo, XVI.1.24. О кардухах см. также Xen, Anab, III.5.15, IV.1.4.7, IV.3.8.22.
[13] Strabo, XI.14.15. Комментарии (См.: *Манандян Я.А.* Труды. Т. I. С. 413–414; *Манасерян Р.Л.* Тигран Великий. Борьба Армении против Парфии и Рима. Ер.: Лусакн, 2007. 255 с. (на арм. яз.). С. 42–43; *Саркисян Г.Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М.: Восточная литература, 1960. С. 18–19).
[14] *Страбон*. География в 17 книгах / Пер. Стратановского Г.А. М., 1994. С. 824.
[15] История армянского народа. С. 565–578; *Манасерян Р.Л.* Тигран Великий. Борьба Армении против Парфии и Рима. С. 61–101.

находившихся вне территории Великой Армении[16]. Таким образом, после Арташатского договра вновь основанные *губернии* были упразднены, и Армения вернулась к *провинциальному административно-территориальному делению*.

Какой вывод можно сделать на основе сопоставительного анализа упоминаний Страбона и Плиния? Творческая деятельность обоих авторов приходится на период после правления Тиграна II и, возможно, были определенным образом осведомлены о попытках административно-территориальных изменений армянского царя, однако их сведения были поверхностными. Именно поэтому, не зная всех подробностей проводившихся реформ, вышеупомянутые античные авторы ограничиваются лишь перечислением топонимов.

Для большей детализации фактов следует оговорить, что творчество Страбона приходится на период после правления Тиграна II и до восшествия на престол Тиридата I (52 или 66–88 гг.) А, как было отмечено выше, окончательное установление института губерний следует связывать с деятельностью последнего. Как свидетельствует изложение Плиния, он четко знал только о *провинциях*, поэтому ничего не говорил о *губерниях*, несмотря на то, что упоминает о двух – будущих: *Софене, Отене*.

Таким образом, основным делением Армении до Аршакидской эпохи были *стратегии – префектуры* (*провинции – уезды*). Кроме этого, как свидетельствует Хоренаци, еще при Арташесе I были созданы *деревенские общины* как *самая низшая административная единица*. Армянский историограф пишет: «…Арташес приказывает определить межи деревень и агараков, ибо он умножил население Армянской страны, приведя многие чужеземные народы и расселив их по горам, долинам и полям. Межевые же знаки он приказал установить так: вытесать в виде четырехгранников камни, выдолбить посередине чашеобразные углубления, зарыть их в землю и водрузить на них четырехгранные башенки»[17]. Однако и это территориальное деление не стало завершением административных реформ Арташеса, так как тот же Хоренаци упоминает об основании армянским царем еще и четырех *питиашхств*. В обязанности *питиашхов* (на арм. *бдеших*) входило обеспечение неприкосновенности государственной границы. Именно поэтому «…Арташес разделяет на четыре части начальства над войском: восточную рать оставляет за Артаваздом, западную отдает Тирану, южную вверяет Смбату и северную – Зареху»[18]. Об этих четырех областеначальниках упоминает также Плутарх: «При нем находилось много царей на положении слуг, а ***четырех*** (выделено нами – *А.А.*) из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами – становились по бокам, скрестив руки на груди»[19].

Вернемся к вопросу о 120 префектурах эпохи Арташисидов. Государства эпохи эллинизма обнаруживают почти идентичную систему административно-территориальные деления. Так, при детальном сопоставительном анализе административно-территориальных единиц стран исследуемого периода мы обнаружили большие сходства между арташисидской Арменией и Птолемеевским Египтом[20].

---

[16] Plut, Pomp, 23; Strabo, XI.14.15; App, Syr. 70; Mithr, 104. Цопк тоже был завоеван Тиграном в 94 г. до н. э., но был частью Армении, поэтому оставался в составе государства. Комментарии на свидетельства античных историков (См.: История армянского народа. С. 598–599; *Манандян Я.А.* Труды. Т. I. С. 575; *Манасерян Р.Л.* Тигран Великий. Борьба Армении против Парфии и Рима. С. 253–254.

[17] *Мовсес Хоренаци*. История Армении. II, 56.

[18] Там же. II, 53.

[19] Plut, Lucul, 21. Комментарии (См.: *Hewsen R.H.* The Geography Ananias of Sirak (Asxaracoys). The Long and Short Recensions, Wiesbaden, 1999. P. 271–319; *Markwart J.* Sudarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen // Studien zur Armenischen Geschichte. Wien, 1930 Vol. IV. S. 5–39.

[20] *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950. С. 173; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 167.

Упадок эллинизма хронологически почти совпал с крушением династии Артишисидов в Армении, и в последующие 50 лет страна превратилась для Рима и Парфии в театр своеобразной борьбы за первенство. Обе державы хотели окончательно обосноваться на этой территории и установить свое господство. Соперничество закончилось армяно-парфяно-римской 10-летней войной (54–64 гг.), в процессе которой Армения и Парфия воевали против Империи и добились успеха. Царем Армении стал брат парфянского царя Вологеза (Валарша) Тиридат (Трдат) I.

Восшествие Тиридата на армянский престол стало поворотной вехой в истории Армении не только во внешнеполитической сфере, но и серьезные перемены произошли и во внутриполитической жизни страны. Среди многочисленных позитивных реформ следует особо остановиться на административно-территориальных, которые провел именно Тиридат I. Если территориальные деления, реализованные Арташесом, соответствовали духу и требованием эллинистического периода, то в эпоху постэллинизма встала острая необходимость их дальнейшего усовершенствования. В свете всех административно-территориальных перемен лишней оказалась должность *деревенскго старосты*, то есть *общинная организация* изжила свой век.

У Плиния Старшего есть одно любопытное упоминание о Парфянском царстве. Он пишет: «Парфянское государство состоит из 18 царств и расположено между двух морей, на юге Красном, а на севере Гирканском»[21]. Парфяне, завоевавшие еще и территорию Селевкидского государства, на завоеванных территориях, равно как и на своих исконных землях в административно-территориальном аспекте ничего нового не вводили. Общеизвестно, что Селевкидское государство делилось на 72 *сатрапии*, которые делились на *епархии*, а последние – на *гиппархии*[22]. По своему назначению они почти идентичны арташесовским питиашхствам. Что касается епархий, то это своего рода губернии, о которых речь пойдет ниже, а гиппархии соответствовали провинциям или стратегиям.

О преемственности и сходствах селевкидских и парфянских административно-территориальных делений Н.В. Козырева замечает: «Так, в западных областях (Парфянского царства – *А.А.*) засвидетельствованы названия должностных лиц, восходящие – через Селевкидов»[23]. На восточной окраине той же Парфянской державы продолжали существовать старые деления и внизу административной лестницы был *диспат* (*глава деревни*), над ним – *сатрап*, а на верху – *марзбан*[24]. Парфян это особо не волновало, поскольку, имея мощную конницу, они считали, что нет силы, которая сможет их покорить. Поэтому Парфию того периода многие исследователи нередко рассматривают как феодальное государство[25].

В 66 г., став царем Великой Армении, Тиридат, помимо других преобразований, осуществил реформу административно-территориальных делений. В сочинении Птолемея, написанном по прошествии 70 лет со дня смерти Тиридата, мы находим уже четкое описание административно-территориального деления Армении. После Тиридата до середины II века правило несколько царей: Синатрук, Ашхадар, Партамасир, Вологез I и Сохемос. Перечисленные пять царей не отличились как выдающиеся государственные деятели так, как в свое время отличился Тиридат. Кроме того, с начала II в. возобновился натиск римлян на

[21] Plin, VI. 29, 112. Комментарии (См.: *Джавахов И.* Указ. соч. с. 128–129; *Колледж М.* Парфяне. Последователи пророка Заратустры. М., 2004. С. 12–13; The Geography of Strabo. L., 1960. V. 6. P. 1354).

[22] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 147–193; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 2002. С. 184–198.

[23] История Востока в шести тт. Т. I. – Восток в древности / Под ред. Рыбакова Р.Б., Якобсона В.А. М.: Восточная литература, 2002. С. 546.

[24] Там же. С. 546–547.

[25] *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим (исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М., 1966. С. 124–147; *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 176–182; История Востока в шести тт. Т. I. – Восток в древности. С. 546; Колледж М. Парфяне. Последователи пророка Заратустры. С. 71–92; *Фаррох К.* Персы. Армия великих царей. М., 2009. С. 122–193; *Фрай Р.* Наследие Ирана. С. 259–268.

востоке, поэтому приемники Тиридата I не имели ни времени, ни возможностей заниматься административно-территориальными реформами. Тиридат I прозорливо предвидел все события и наряду с восстановлением разрушенного римлянами *Арташата* и строительством языческого храма *Гарни* занимался также упорядочением внутренней административной ситуации. Впрочем, это одна из спорных страниц армянской историографии, и мы разделяем мнение исследователей, предполагающих, что Тиридат совершил реформы для упорядочения государственного аппарата. Однако какие именно реформы были осуществлены армянским царем, ученые не оговаривают[26].

Итак, Тиридат упразднил деревенские общины. Параллельно, воссоединяя провинции отдельных регионов, он основал губернии, укрупнив таким образом существующие территориальные деления. Согласно Птолемею, в середине II века аршакидская Армения состояла из 20 губерний и отдельной территории (или области), выделенной для проживания воинственного племени мардов. Вот список этих губерний, о которых нам сообщает Птолемей: *Котарзене* – Κοταρζηνή (Катарзене – Καταρζανή), Бохас – Βόχᾶ, Тосарене – Τωσαρηνη, Тотене – Τωτηνή (Отене – Ωτήνη), Колтене – Κολθηνη', Содукене – Σοδουκηνή (Солукене – Σολουκηνή), Сиракене – Σιρακηνή, Сакапене – Σακαπηνή, Басилисене – Βασιλισηνή, Оборденe – Ὀορδηνη (Бордене – Βορδηνη), Арсия – ’Αρσήα (Арсета – ’Αρσήτα), Акилисене –’Ακιλισηνη, Астаунитис – ’Ασταυνῖτῖ, Софене – Σωφηνη΄ (Цопк), Андзитине – ’Ανζιτηνη, Тоспитис – Θωσπῖτῖ (Тоспитес – Θωσπίτῆ), Кориайа – Κοριαία, Баграндауене – Βαγρανδαυηνη, Гордюене – Γορδυηνη΄, Котайя – Κωταία + территория для мардов (καὶ ῾υπ̓ ἀυτὴν Μάρδοι)[27].

Аршакидам такое деление упрощало управление страной: гораздо легче управлять двадцатью подчиненными, чем сто двадцатью. Именно эта реформа, на наш взгляд, способствовала долгому пребыванию Аршакидов на троне армянского государства. Хоренаци, вдохновенно свидетельствуя в 7 и 8 главах II книги «Истории Армении» о реформах царя Валаршака, имеет в виду и реформатора Тиридата, поскольку Валаршак – это собирательный образ: практически невозможно одному человеку присвоить столько деяний, сколько присваивает отец армянской историографии последнему[28].

После реформ питиашхи опять оставались вторыми лицами в государстве после царя, согласно «Табели о рангах», на третьем месте были правители двадцати новообразованных губерний, переместивших начальников провинций с третьего на четвертое место на иерархической лестнице. Как последние отнеслись к этому, нам неизвестно, однако можно уверенно предположить, что любое понижение в должности не воспринималось с ликованием, даже если это и происходило на благо родины.

До начала IV века обиженные царем правители провинций почти никак не проявляли себя, то есть практически не организовали центробежные выступления против правящей династии. Только с начала IV века, когда переход от древности к раннему феодализму вступил в завершающую фазу, не только правители провинций, но и губернаторы, а нередко и питиашхи стали восставать против центральной власти. Ситуацию, сложившуюся внутри страны, можно охарактеризовать как гражданскую войну между Аршакидами и верхушкой знати, которая уже стояла на пороге феодальной формации[29].

Нам следует также сопоставить сочинение Плиния и «Армянскую географию» в аспекте рассмотрения вопросов дальнейшего изменения и усовершенствования административно-территориальных делений армянского царства. Данный анализ необходим, поскольку свидетельства названных источников обнаруживают большие расхождения. Несовпадения

[26] *Манандян Я.А.* Труды. Т. IV. – Феодализм в древней Армении. Ереван, 1981. С. 18–19.
[27] Ptol. Geogr. V. 13. 9.13.18.20. Комментарии (См.: *Бронштэн В.А.* Клавдий Птолемей. II в. н. э. М., 1988. С. 136–153).
[28] *Мовсес Хоренаци*. История Армении II, 7,8.
[29] *Саркисян Г.Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960. С. 132–154.

настолько ощутимы, что без детального их анализа наши выводы не будут иметь научную ценность.

Итак, мы констатировали, что при Тиридате Великая Армения состояла из *4 питиашхств, 20 губерний и территории для проживания мардов* (север и северо-восток озера Урмия, или Капутан, или, согласно Птолемею, (П)Арсеса – (Π)Αρσήσσα) и, наконец, 120 стратегий или провинций. Перейдем к «Армянской географии», согласно которой Армения состояла опять-таки из *4 питиашхств, но уже из 15 губерний и 190 – 195 провинций*. Данные, приводимые армянским источником, представляются нам более убедительными, ибо Аршакиды «старались в свою пользу, чтобы как облегчить правление страной, так и укрепить свою позицию внутри страны».

В течение последующих 250 лет число губерний сократилось на пять. Это означает, что если Арташисиды в свое время имели дело со 120 правителями, то Аршакиды в начале – управляли 20-ю правителями, а затем только 15-ю. Если рассмотреть вопрос в аспекте перекройки границ внутри страны, то произошло дальнейшее *укрупнение губерний*, и после второй половины II века из 4 административных единиц (губерний) одна стала «жертвой» Аршакидов. Упрощая свои заботы в вопросе внутреннего правления, Аршакиды имели иное отношение к проблеме организации правления губернаторов на своих территориях. Это совершенно очевидно, поскольку число провинций как минимум увеличилось еще на 70. Таким образом, внутри губерний произошел обратный процесс раздробления, и некоторые новообразованные провинции оказались карликовыми. В стране одновременно происходили два противоположных явления. Если *укрупнение* – явление, присущее античности, то *раздробления* является спутником феодальных отношений, особенно в его ранней и развитой стадиях. После обоснования губернской системы административно-территориального деления Аршакиды почти век спустя реализовали двоякую политику: с одной стороны они были защитниками старых порядков, с другой – не мешали правителям уездов или областеначальникам установлению феодальных взаимоотношений.

Таким образом, одним из важнейших венцов деятельности Тиридата можно считать введение *губернской системы деления* Великой Армении. Отныне губернии стали основной административно-территориальной единицей. Это почти безошибочно констатируют армянские источники, и, в первую очередь, Хоренаци и Фавстос Бузанд. Идентичное восприятие этих делений не обнаруживается в других, в первую очередь – греко-римских источниках.

Введение новой системы деления имело большое значение в вопросе реорганизации государственности. Это способствовало улучшению не только административной системы, но и укреплению мощи, обороноспособности и боеспособности государства. Аршакидское царство превратилось в «единый кулак». Подтверждением этого являются политические события, происходящие вокруг царства Великой Армении со второй половины II века до конца IV века включительно.

Однозначно можно заключить, что без мощной продуманной административной системы невозможно было бы устоять внешнему натиску иноземных завоевателей. Сасаниды, захватившие власть в Персии, начиная со второй четверти III века, стали вести продолжительную войну как против Армении, так и Империи, имея целью завоевать не только Армению, но и весь Ближний Восток и выгнать римлян из этих территорий[30]. При этом они старались любым путем привлечь на свою сторону армянских правителей разных рангов и санов, но Аршакиды с помощью 15 губернаторов, не исключая и питиашхов, могли контролировать ситуацию, которая нередко была слишком напряженной и опасной.

---

[30] *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 287–288; *Фавстос Бузанд*. История Армении. / Пер. Геворгяна М.А. Ереван, 1953. III, 1.2 и сл.; *Фаррох К.* Персы. Армия великих царей.С. 196–197; *Markwart J.* Sudarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen. S. 45–46.

Таким образом, можно уверенно заключить, что введением губернской системы деления, Аршакиды добились своей первоочередной задачи: укрепили свою власть и авторитет на местах, параллельно укрепив мощь страны, которая имела буферное расположение, находясь между двумя великими державами, как между Харибдой и Сциллой. Одним из самых дальновидных мероприятий в течение трехсот с лишним лет их правления можно считать введение института губерний, краеугольный камень которого заложил Тиридат I.

Резюме

В статье рассматривается губернская система деления Древней Армении, которую попытался организовать Тигран II. В результате исследования мы пришли к выводу, что окончательно институт губерний был сформирован при Тиридате I. До распада государственности Армения была поделена на *190–195 провинций, 15 губерний и 4 питиашхства*.

Ключевые слова: Древняя Армения, деревенские общины, провинции, губернии, питиашхства.

Summary

We present how Tigran II the Great tried to reorganize the province system in further divisions. It was found that the final province was created by Tiridate the I-st, so that before its collapse the Armenian state was divided into 190–195 districts, 15 provinces and 4 pitiashkhity.

Key words: Ancient Armenia, village communities, provinces, regions (districts), pitiashkhity.

М.Ю. Рахно

КЕЛЬТСКИЙ СУБСТРАТ КРЫМСКОЙ ГОТИИ

Кельтское присутствие на территории Крыма периода поздней античности и раннего средневековья фиксируется как историческими, так и археологическими источниками. Изображение типично кельтских мечей историки-нумизматы находят на боспорских монетах еще второй половины III века. Некоторые данные, которые говорят о возможном присутствии кельтов в этом ареале, содержатся и в работах античных авторов. В этой связи можно сослаться на Плутарха[1], согласно которому «Кельтика – такая обширная страна, что она от Внешнего океана и холодных стран идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией». Там кельты и скифы смешиваются, «и именно оттуда», продолжает Плутарх, «где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным натиском, но каждое лето, двигаясь все вперед и воюя, прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско называли кельтоскифами»[2].

Топонимические данные, сохранившиеся в трудах авторов античности и раннего средневековья, подтверждают эти сведения о кельтском присутствии в Приазовье. В частности, фрагмент VII.5 Певтингеровой карты содержит словосочетание Tanasis. Galatiae. В первом слове большинство исследователей видит этноним Tanaitae – 'жители (города?) Танаита'. Что же касается второго слова, то его давно сопоставили с информацией «Notitia episcopatum» – Maeotis palus quae nunc Galatia 'Меотийское болото теперь называется Галатией'. Скорее всего, этот топоним отображает присутствие здесь кельтов-галатов. Действительно, Μαιώτις λίμνη ή νύν Γαλατία встречается в достаточно поздней византийской метономасии, и этот пассаж был признан исследователями загадочным. Примечательно, что фрагмент VIII, 2 той же карты содержит частично читаемое B[.]ruani, в котором, среди прочего, усматривают Britani[3].

Языковеды и историки предлагают также кельтское атрибутирование некоторых народностей Северо-Восточного Причерноморья и Приазовья готского времени, в частности упомянутых Иорданом из Равенны[4] и Приском Панийским[5] применительно к середине IV века боисков (Boiscos, Βοίσκας), которые достаточно надежно сопоставляются с кельтским племенем бойев. Сейчас их племенное название признается морфологически кельтским. Их продвижение из Центральной Европы подтверждает эпиграфика греческих городов северного побережья Черного моря, в частности, антропоним Βοισκος, который в I-II веках засвидетельствован в надписи из Каллатиса (ныне Мангалии) в Добрудже, а во II веке

[1] Plut. Mar, VI.

[2] *Казакевич Г.* Кельти на землях України: Археологічна, мовна та культурна спадщина. Київ, 2010. С. 167; *Фалилеев А.И.* Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы. Некоторые результаты и перспективы исследования // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2009. Том V. Ч. 1. С. 287-288; Кельты-танаиты: попытка интерпретации // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 683.

[3] *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 338-339; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999, С. 231; *Фалилеев А.И.* Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы. С. 288; Кельты-танаиты: попытка интерпретации // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 684.

[4] Iord. Get, 126.

[5] Prisc. Pan, 1.

дважды фигурирует в Херсонесе, отражая контакты греков и поздних скифов с латенизированным населением. Кельтским по происхождению признается также этноним соседей боисков – итимары (Itimaros, Ἰτιμάροις), этимологию которого возводят к галльскому itu-māro-, где первый компонент имеет явное индоевропейское происхождение и связан с древнеирландским ith- 'хлеб, зерно'. Эти лингвистические данные хорошо согласовываются с проявлениями кельтских влияний в черняховской археологической культуре. Ее возникновение связывают с приходом в Северное Причерноморье германских племен готов, которые на протяжении двух веков играли в этом регионе роль ведущей военно-политической силы. Полиэтническая среда черняховцев включала в себя также поздних скифов, сармат, аланов, славян и представителей других народов. Присутствие в материальной культуре, обряде погребения и антропологическом составе этого населения определенных реминисценций латенских традиций вызвало у исследователей предположение об инфильтрации потомков кельтов вместе с германцами в границы Украины и их дальнейшей ассимиляции[6]. Довольно интересно, что именно те кельтские основы, которые имеются в упомянутых выше причерноморских этнонимах, в дальнейшем будут присутствовать в именослове остроготов. В частности, Кассиодор Сенатор[7] в первой половине VI века упоминает имя остроготского комита в Массилии – Marabadus, которое содержит кельтский компонент *maro- 'большой, знаменитый' и имеет параллели в антропонимике кельтизированных германцев, в частности, Marobodu(u)s – кельтское по происхождению имя вождя германского племени маркоманнов, в I веке заселивших земли упомянутых выше бойев. У Кассиодора[8] можно отыскать также Bojo – имя неверного опекуна-острогота, засвидетельствованное в форме дательного падежа Boioni. Последнее считают кельтским по происхождению и родственным собственным именам кельтов типа Boiorix. Возможно, здесь представлена гипокористика от кельтского или кельто-германского антропонима двучленной структуры. Основной этимологией этого имени, по мнению языковедов, нужно считать сведение к этнониму того же кельтского племени бойев[9].

Учитывая давнее и тесное общение кельтов с германскими народами, представляется целесообразным поискать дальнейшие следы кельтскоязычного населения Северного Причерноморья в среде потомков остроготов, которые продолжали там жить на протяжении четырнадцати веков. Тем более, что в последнее время, после продолжительного перерыва, обусловленного вненаучными причинами, обострился интерес языковедов, археологов, историков и культурологов к крымско-готскому языку и судьбе его носителей[10]. Особое

---

[6] *Казакевич Г.* Кельти на землях України. С. 236-238, 288; *Стрижак О.* Кельти й Україна // Україна. Наука і культура: Щорічник. Київ, 1989. Вип. 23. С. 271, 272, 274-276; *Фалилеев А.И.* Кельтские лингвистические остатки юго-восточной Европы. С. 289-292; Кельты-танаиты: попытка интерпретации. С. 683-686; *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley-Los Angeles-London, 1973. P. 23, 402, 453-454; *Malzahn M.* Back Into the Fields and Into the Woods: Old Irish íath 'land, field' and fíad 'wild; deer; uncultivated land' Revisited // Journal of Indo-European Studies. Austin, 2011. Vol. 39.

[7] Cassiod. Var. III, 34, IV, 12, 46.

[8] Cassiod. Var. I, 38.

[9] *Ганина Н.А.* Готские имена: Проблемы и интерпретации // Именослов. История языка. История культуры. СПб, 2010. С. 45, 50-51; *Wrede F.* Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891. S. 111, 115-116. О судьбе Маробода (См.: *Щукин М.Б.* Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 41-43).

[10] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001; *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. СПб, 2011; К новой этимологической редакции крымско-готских данных // Latvijas universitātis raksti. 720. sējums. Valodniecība. Studia etymologica germano – balto – slavica. Rīga, 2007. С. 7-20; *Магомедов Б.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001; *Пиоро И.С.* Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев, 1990; *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. Київ, 2008; *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования-1982. М., 1983. С. 227-263; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье…; *Щукин М.Б.* Готский путь…; *Grønvik O.* Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische cantilena. Oslo, 1983; *Köbler G.* Gotisches Wörterbuch. Leiden, 1989; *Lehmann*

внимание теперь отводится сохранению готского языкового наследия, месту крымско-готского среди германских языков и отображению в его лексике контактов сообщества крымских готов с соседними народами, т.е. этнических процессов.

Судя по остготскому материалу, кельтизмы должны были бы сохраниться в антропонимике крымских готов. Окцидентальные ономастические реликты в Крыму и Северном Причерноморье весьма немногочисленны, тем не менее круг данных, как кажется, можно в некоторой степени расширить за счет византийской агиографии. Греческий прототип «Жития Стефана Сурожского» не сохранился, остались лишь краткое изложение и переводы. Тем не менее подробная редакция «Жития» этого крымского святого на киеворусском языке, особенно эпизод с его посмертными чудесами, приобрела большую огласку в истории Центрально-Восточной Европы: какой-то князь по имени Бравлин с большой ратью «из Новаграда» завоевал землю от Херсона до Корчева и захватил Сугдею (Сурож, т.е. современный Судак). Об этом же сообщает армянский перевод, называя нападающего Правлисом из злого и неверного народа. В лаконичной греческой версии сказание о посмертных чудесах и набег Бравлина отсутствует, зато оно попало в ряд киеворусских и московских летописей[11]. Состоялся описанный поход через несколько лет после смерти святого, поэтому едва ли позднее 800 года. Последний момент хронологии, а также то обстоятельство, что местом действия был Крым, весьма усложнили исторические построения при участии славян и норманнов. Достаточно логичнее усматривать в этой рати причерноморских германцев, как это делается уже давно. Очень перспективное отождествление «Новаграда» с Неаполем Скифским близ нынешнего Симферополя проливает свет на происхождение нападающих и показывает локальный характер этих военных действий: с одной стороны – прибережная полоса византийских владений, с другой – сложный к тому времени этнический конгломерат, который населял горный и предгорный Крым. После широкой германской экспансии готы занимали в нем ведущее положение, и князь «Новаграда», вероятнее всего, происходил именно из них. С учётом скудности и двусмысленности письменных свидетельств возрастает значение данных языка, в данном случае этимологии имени Бравлинъ, Бравалинъ, Pravlis, *Βραβ(α)λινος[12].

Существовало очень похоже визиготское имя Braulio – его носил епископ Цезаравгусты, т.е. Сарагосы в Испании, умерший в 651 году, автор «Жития святого Миллана» и эпистолярного сборника[13]. Для имени предводителя крымских варваров предложены по-своему убедительные индоарийское и германское истолкования, тем не менее интересным представляется факт, что его аналогии типа Breval, Brewal, Brewala, Brevalarz, Brevalan, Brewalan, Brewalen прослеживаются в средневековой и современной антропонимике

W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986; *Rousseau A.* Esquisse d'une histoire du Gotique de Crimée. La rôle du Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du Gotique. Travaux & Recherches. Lille, 1991; *Stearns M.* Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Stanford, 1978; *Tischler J.* Neu- und wiederentdeckte Zeugnisse der Krimgotischen. Innsbruck, 1978.

[11] *Васильевский В.Г.* Труды. Петроград, 1915. Том 3. С. CLII-CCLXXXVIII; *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи (по 969 год). М., 1878. С. 102-104; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 65-66, 80, 210-212.

[12] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 73, 139, 149; *Брайчевский М.Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. С. 37-41; *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь-Москва, 2000. С. 289; *Ганина Н.А.* Готские имена: Проблемы и интерпретации. С. 61-62; *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 67-72; *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. С. 25-30; *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье: Результаты и перспективы... С. 255; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье... С. 88-90, 263.

[13] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История средневековой Испании. СПб., 2003. С. 100; *Васильевский В.Г.* Труды. С. CCLXXXIV; *Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002. С. 154; *Циркин Ю.Б.* Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб., 2006. С. 207; *Шапошников А.К.* Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания 5. М., 2005. С. 39; *Thompson E.A.* The Goths in Spain. Oxford, 1969. P. 61, 168, 171, 173, 180, 184-187, 201, 195, 197-199, 241, 255, 289, 303, 316.

Бретони. Все они являются трансформацией древнебретонского имени Branwalatr, образованного от основ bran ‘ворон’ и uualatr ‘принц, вождь’, свойственных именам кельтских властителей, правителей, военачальников[14]. Можно предположить, что и крымско-готское и визиготское имена имеют то же происхождение.

В поиске кельтского исторического следа на Крымском полуострове могли бы помочь также географические названия. И, к величайшему сожалению, на данный момент приходится констатировать, что современная крымская топонимика пока что недостаточно исследована. Работы местных краеведов неспособны дать объективную ее картину. Огромный топонимический материал Крыма пока что очень мало упорядочен, не изучен в диахронном аспекте и почти не соотнесен с реальным этноисторическим фоном, в том числе с германцами. Наиболее надежными в плане идентификации остаются топонимы негреческого происхождения, зафиксированные средневековыми источниками, в том числе и эпиграфикой. В первую очередь это касается готского княжества Теодоро, которое даже после монгольского нашествия не потеряло своей самостоятельности и, как показывает надпись 1361-1362 гг., когда-то вставленная в одну со стен склепа в Мангупе, вело значительное крепостное строительство. Данная надпись сообщает о том, что местный князь Димитрий Хуитанис восстановил «Теодоро вместе с Поикой (μετα τον Ποϊκας)»[15]. Имелись в виду, очевидно, крепости в этих двух пунктах. Имя их строителя интерпретируется как готское, а название Поика (Ποϊκα), учитывая устоявшуюся передачу иноязычного прорывного b как π в греческом языке XII-XIV веков, нельзя не отождествить с горным массивом Бойка неподалеку от Мангупа, между реками Бельбек и Коккозка, на плато которого есть остатки крепостных стен, четырехстолбного храма и средневековых поселений[16]. Этот крымский топоним, который имеет также форму Бойко и довольно сомнительные индоарийскую и тюркскую этимологии, очень близок к Βοϊκι у византийского императора Константина Багрянородного[17] – названия земель в Прикарпатье, которые первоначально принадлежали кельтскому племени бойев и на которые в раннем средневековье жили белые сербы[18].

Во времена раннего средневековья горный район юго-западного Крыма, в котором жили готы, был известен в византийских источниках под названием Δορός, Δόρυ, Dori, Δόρας или Δόραντος. Готские и аланские этимологии названия неубедительны[19]. Существует объяснение, которое связывает и происхождение названия Доре, Дорос с кельтскими влияниями. Одно из кельтских слов, которое неоднократно встречается в качестве составной географических названий, – duro-, duru-, douro-, dor-. Эта основа часто фигурирует в качестве второй части сложных географических названий типа Augustodurum, Lactodorum, Batavodurum, Divodurum, Nemetodurum, Teodurum, Ibliodurum, Breviodurum, Venaxamodurum, Sorviodurum, Boioidurum, Iciodoro, Iciodorum, Brivodurum, Ernodorum, Autessiodurum, Ictodurus, Octodurus, Epamanduodurum, Salodurum, Vetatuduro, Vitudurum, Oktodouron, Ilduro, Mutudurum, Audurus, Boudoros, Boudoron, из которых одним из древнейших является Octodurus, сейчас Мартиньи, в Швейцарии. Однако это кельтское слово часто встречается также в первой части сложных географических названий в Великобритании, Ирландии,

---

[14] *Кузьмин А.Г.* Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 259, 408; *Baudoin J.* Grand livre des saints: culte et iconographie en Occident. Paris, 2006. P. 143; *Smith W.B.* Dictionnaire étymologique de la toponymie bretonne. New York, 1966. P. 20; *Stéphan A.* Tous les prenoms bretons. Paris, 1996. P. 7, 26, 117, 108.

[15] *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа. Л., 1933. С. 9-10.

[16] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 137-138, 182-187; *Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа. С. 10-14; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964. С. 123, 175.

[17] Const. Porp. De admin. 32.

[18] *Стрижак О.С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988. С. 74-76, 81; Кельти й Україна. С. 51, 119-120, 215, 262; *Шапошников А.К.* Indoarica в Северном Причерноморье. С. 43.

[19] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 105, 107, 119; *Пиоро И.С.* Крымская Готия… С. 61-66; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье… С. 45, 48, 234; *Rousseau A.* Esquisse d’une histoire du Gotique de Crimée... P. 163.

Франции и на Балканах: Durotriges, Durocornovium, Durobrivae, Durovigutum, Durocobrivis, Duroliponte, Durobrivae, Durolitum, Durovernum, Durocasses, Duro(i)coregum, Duronum, Durocortorum, Durocatalaunum, Durotincum, Douros, Duronia и т.п.. В Болгарии, в понизовье Дуная стоял город Durostorum, современная Силистрия, которая значится в источниках также как Dorostero, Durostero, Durosterus, Δορόστολος у Феофана Исповедника, Δορύστολον дьякона Льва Калойского, летописный Дърьстръ. Одни ученые признают это название кельтским, другие причисляют его к автохтонной балканской топонимике. Кельтское слово dūro-s, dūron означало ‘двор, площадь; укрепленную крепость’. За предположением исследователей, наименование готского центра в Крыму Доре – Дорос – Дорас словом с таким значением особенно отвечало его топографии – могущественной скале с обрывистыми склонами и плоской вершиной[20]. Итак, на территории Крымской Готии прослеживаются топонимы, которые имеют параллели на кельтском Западе.

К числу наиболее интересных и одновременно загадочных поздних свидетельств о кельтах Таврии принадлежит информация очень хорошего знатока Крыма и Кавказа, доминиканца Иоанна де Галонифонтибуса – судя по имени, выходца из Гайфонтена в Верхней Нормандии, которого в 1377 году римский папа Григорий XI назначил епископом Нахичевани, находившейся тогда под владычеством Тимура. В 1398 году Иоанн по велению папы Бонифация IX стал архиепископом Султании, которая также находилась во владениях Тимура, на северо-западе Персии. Потом архиепископ Иоанн возвратился на Восток, однако через несколько лет он снова был в Европе, на этот раз став одним из послов, отправленных Тимуром и его сыновьями к европейским дворам для ведения переговоров. В 1403 году, после посещения Генуи, Венеции и, возможно, ряда других государств, Иоанн появился в Париже, куда он был направлен с дипломатической миссией Тимуром и его сыном Миран-Шахом. Он доставил письма от них с латинским переводом королю Франции Карлу VI и другим европейским правителям. После получения ответа от французского короля, архиепископ Иоанн посетил двор короля Англии Генриха IV. По своей собственной инициативе король передал ему рекомендательные письма к европейским и азиатским правителям, включая императоров Византии и Трапезунда, короля Кипра, дожа Венеции и царя Грузии Георгия VII.

Здесь необходимо упомянуть о политической значимости Султанийского архиепископства. В начале XIV столетия Багдад все еще был одним из важнейших центров ислама, и в мировой торговле его обороту мог противостоять только Мосул. Однако за короткое время Тебриз, а позднее новая столица Султания, которая располагалась на запад от Казвина и была основана в 1305 году, достигла их уровня и вскоре превысила их значение. Султания при правлении Тимура превратилась в цветущий город. Персидские, китайские и индийские товары – шелк, золототканая одежда, пряности, ковры и драгоценные камни переходили из рук в руки на богатых городских базарах, а городские ярмарки были известные всему миру. Торговля была свободной для всех арабских, иудейских и христианских купцов, которые прибывали из Азии, Африки и Европы. Поскольку водный транспорт не мог удовлетворить перевозки многочисленных товаров и, особенно качественных пряностей, купцы нанимали караваны, которые оказывали содействие росту приоритета Султании над морскими портами. Во времена архиепископа Иоанна беспрерывные караваны гарантировали рынкам Султании постоянное наличие товара, процветали ремесленники, и их продукция также была взносом в разнообразие рыночных товаров. Западные купцы по дороге к епархии архиепископа останавливались в Кафе и Трапезунде, а большие торговые дома Венеции и Генуи основали в Султании свои постоянные пакгаузы. Многочисленные благоприятные возможности самые давали архиепископу Иоанну повод для установления контактов с

[20] *Falileyev A.* Celtic Dacia: Place-Names and Ethnic Names of Celtic Origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth, 2007. P. 12-13; *Sims-Williams P.* Ancient Celtic Place-Names in Europe and Asia Minor. Oxford-Boston, 2006. P. 75-78; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 56.

западным христианским миром, обогащая его знания о жизни народов бассейна Черного моря.

Архиепископство Султании было важным как с точки зрения престижа, так и популярности, а его руководитель имел титул архиепископа Султании всего Востока. С начала XIV столетия свыше пятидесяти лет высочайший сан в азийской католической церкви занимал архиепископ Ханбалика в Китае, и основал его папа Климент V в 1307 году. Юрисдикция архиепископа распространялась на всю Монгольскую империю, и позднее, когда в 1368 году из-за преследования христиан китайцами этот сан был упразднен и стал номинальным архиепископством, звание архиепископа было заменено на митрополита, который единолично возглавлял епископство на территориях, которые когда-то составляли империю монголов. Эта служба – когда она существовала – возглавлялась францисканцами. На других землях, также подвластных Ильханидам, включая большую часть Персии, Грузию и Армению, архиепископство Султания было высочайшим по рангу. Оно было основано папой Иоанном XII при молчаливом согласии ильхана Абу Саида, правившем в Султании. В юрисдикцию архиепископа входило пять, а временами и больше епископских епархий – Тебриз, Измир, Севастополь, Марага, Сивас, а позднее Самарканд, Тифлис и т.п. Восьмым архиепископом этого архиепископата, к которому среди других принадлежало и католическое население Грузии, был Иоанн де Галонифонтибус, который благодаря только исключительно своему рангу смог получать из первых рук информацию относительно образа жизни и существования народов Крыма и Кавказа. В 1410 году папа Иоанн XXIII поручил архиепископу Иоанну после его прибытия в Рим управление архиепископством Ханбалыка в Китае – событие, без сомнения, важное, поскольку оно означало, что архиепископ Иоанн получал контроль над существующими церквами в качестве митрополита епископов на землях монголов, и с этого времени руководство двумя азиатскими архиепископствами католической церкви было объединено в его лице. По дороге домой он посетил ряд королевских дворов и монастырей в Центральной Европе. Конец жизни провел в Крыму в качестве архиепископа Ханбалика, однако Крымское епископство также находилось под его юрисдикцией.

В своем произведении «Книга познания мира», которое был озакончено в 1404 году и подводит итог его пребывания на Востоке, Иоанн де Галонифонтибус приводит много ценных свидетельств о народах, которые жили по обеим сторонам Кавказских гор и на Крымском полуострове, их прошлое, быт и обычаи. Он неоднократно упоминает, что часть своей информации получил в основном от странствующих купцов, тогда как в других случаях он подробно указывает на факт, что упомянутые впечатления – его собственные. Это главным образом касается его кавказских и крымских переживаний, на которые до сих пор не обращали внимания исследователи крымско-готской проблематики. Среди прочего Иоанн отмечает: «Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народы: таты и определенное количество готов. В своей религии они следуют грекам и пользуются греческими буквами. Готы претендуют на происхождение от шотландцев и говорят как англичане. Они живут здесь вдоль побережья вблизи Кафы, равно как и в Татарии и Кумании» (VIII)[21]. Архиепископ Иоанн находился в Англии продолжительное время и его наблюдения над языком готов являются весьма важными, а осведомленность в церковной жизни готских христиан греческого обряда и их расселении вне границ Крыма вполне находит объяснение. Можно предположить, что под скоттами крымские готы, очевидно, имели в виду, в отличие от архиепископа, не шотландцев, а носивших это название в пору раннего средневековья и лучше известных им ирландцев, к которым когда-то простирались готские торговые пути и с

[21] *де Галонифонтибус И.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980. С. 13.

которыми они отождествили местных потомков кельтов. Немного дальше Иоанн упоминает готов в перечне народов Северного Кавказа[22].

Сведениям Иоанна де Галонифонтибуса о крымских народностях можно доверять. Есть много свидетельств существования в настоящее время в Причерноморье народа готов и бытования готского языка. В частности, анонимный венецианский торговец, осуществивший путешествие из Венеции через Константинополь к Тане в устье Дона с 1404 по 1407 год, называет всю землю на южном берегу Крыма к генуэзской Кафе странами готов[23]. Баварец Иоганн Шильтбергер, в 1396-1427 годах странствовавший Востоком в качестве воина, отметил наличие в Крыму области Готии, населенной христианами греческого вероисповедания, у которых был свой готский язык. Мусульмане называли ее Тат[24]. Венецианец Джосафат Барбаро, который прибыл в Тану в 1436 году и прожил там около шестнадцати лет, засвидетельствовал, что готы говорят на немецком языке и что его слуга-немец мог с ними объясниться так же, как носители близкородственных романских языков между собой. Как и де Галонифонтибус, Барбаро, интересовавшийся стариной, зафиксировал у готов нечто наподобие эпических пересказов о прошлых временах. Когда-то первыми в этих местах были аланы, затем пришли готы, которые завоевали эти страны и смешались с ними. Венецианец также отметил, что крымские готы, аланы и приазовские черкесы следуют обрядам греческой церкви[25]. Польский хронист Мацей из Мехова, фундаментальный труд которого появился в печати в 1517 году, сообщал, что два последних князя замка Мангуп, убитые турками почти полстолетия тому назад, были готами по происхождению и разговаривали на готском языке[26].

Силезский хронист Йоахим Куреус пересказал услышанную им около 1554 года историю о нюрнбергских торговцах, которые странствовали на венецианском корабле и потерпели крушение вблизи берегов Черного моря неподалеку от Боспора. Они услышали там, как один юноша, ехавший на телеге, пел на германском языке. Он сказал им, что родина его недалеко, в горах, и что там живет его племя, которое является готами[27]. Немецкий богослов и гуманист этой же эпохи, Иоганн Кохлеус (1479-1552), который интересовался историей остроготов, со слов ученого волоха Николая Спафария, проведшего в качестве переводчика немало лет в Константинополе при османском дворе, утверждал, что в Крыму есть около трех сотен сел с населением готского происхождения. Эти люди применяют особый германский язык и являются христианами. У них есть готский епископ с резиденцией в Кафе, она же Теодосиополис, и они называют свой язык готским[28]. Проживание готов, которые занимаются виноградарством, в горах Крыма засвидетельствовал в 1555 году также

---

[22]Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 221-222; *де Галонифонтибус И.* Сведения о народах Кавказа… С. 15.

[23] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 230.

[24] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 234; *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. С. 45, 65; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere: eine ethnologische Untersuchung. Halle, 1896. S. 114-116, 242; *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 56.

[25] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 237-238; Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 131-132, 157; *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. С. 360-361; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 21, 51, 55, 116, 177, 178, 197, 201, 254.

[26] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936. С. 71, 91, 166, 169; *Равдоникас В.С.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Готский сборник. Известия ГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С. 10; 62, S. 51, 86-88, 90, 124, 181, 222.

[27] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 242-243; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 47-48, 116-124; *Rousseau A.* Esquisse d'une histoire du Gotique de Crimée... P. 152; *Stearns M.* Crimean Gothic... P. 7; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. P. 273-274.

[28] *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 187-192; *Stearns M.* Crimean Gothic… P. 16; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. P. 274.

швейцарский ученый Конрад Гесснер[29]. Немецкий богослов и историк Георг Торкватус в своей работе, написанной около 1561 года, сообщал, что остатки готов живут в горах Таврического полуострова близ Боспора, говоря дома на своем собственном языке, очень похожем на язык саксонцев, но вне дома и общаясь с иностранцами, – на греческом, татарском и венгерском[30]. Поэтому можно думать, что крымские готы действительно сохраняли память о каком-то населении кельтского происхождения, с которым они контактировали в прошлом.

Однако наиболее интересные для германистов и кельтологов данные содержатся у Ожье Гислена де Бюсбека (1522-1592) – всесторонне просвещенного фламандского гуманиста, писателя, ботаника и дипломата на службе у трех поколений австрийских монархов. Родился он во Фландрии как подданный Карла V и до конца своей жизни оставался связанным с династией Габсбургов. Ожье был внебрачным сыном Георга Гислена, сеньора де Бюсбека, и его возлюбленной Екатерины Геспиель, и позже его признали. Он рос в замке Бюсбеков[31], учась в Вервике и Комине – к тому времени это все была Испанская Западная Фландрия, провинция Священной Римской империи. Интеллектуальные способности мальчика побуждали его получить дальнейшее образование в латиноязычном университете Лёвена, где он зарегистрировался в 1536 году как Ожье Гислен из Комина. После этого он учился в лучших университетах Европы – в Париже, Венеции, Болонье и Падуе. Бюсбек был учеником Эразма Роттердамского и с 1552 года, как и его отец и дед, избрал дипломатическую карьеру: сначала побывал секретарем при посольстве в Англии, которое должно было заключить в Винчестере брак между английской королевой Марией Тюдор и Филиппом II Испанским. Осенью 1554 года римско-германский король, а со временем император Фердинанд I прикомандировал его к Константинополю вести переговоры с турецким султаном Сулейманом II Пышным о перемирии, которое должно было освободить от бремени войны ослабевшую империю Габсбургов.

С 1556 года на протяжении семи лет Бюсбек занимал должность посла в Константинополе. Нелегкой задачей на протяжении большинства времени его пребывания в Константинополе была делимитация границы между его властителем, будущим императором Священной Римской империи, и султаном по спорной территории Трансильвании. Этому препятствовал визир султана, Рустем-паша, и лишь при его преемнике, Семиз Али-паше, дело начало продвигаться. Несмотря на недостаточное тогда еще знание языка и недостаток дипломатического опыта, миссия Бюсбека имела успех, многолетний мир ему удалось выторговать, вопреки тому, что империя была вынуждена выплатить туркам немалую контрибуцию и признать их ставленника в Трансильвании, венгра Яноша Сапойяи. За это время Бюсбек приобрел свыше ста греческих рукописей, которые теперь находятся в Национальной библиотеке в Вене, в частности, копию трактата Диоскорида о врачебных растениях, собрал много старинных монет, медалей и античных надписей, найденных в Анкаре в Малой Азии, в том числе известный «Monumentum Ancyranum», который сообщал о жизни и деяниях римского императора Августа. Посол идентифицировал его происхождение благодаря тому, что читал Светония, и опубликовал копию его частей в своих «Турецких письмах». Эту свою известнейшую работу, которая была собранием личной переписки с приятелем и коллегой, венгерским дипломатом Николасом Михольтом, в то время находившимся в Фландрии, Бюсбек написал, пока пребывал в Константинополе. Письма описывают его приключения, связанные с турецкой политикой, и остаются одним из

[29] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 243; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 119, 124; *Rousseau A.* Esquisse d'une histoire du Gotique de Crimée... P. 152; *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. S. 56.

[30] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 242-243; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 47-48, 121, 125; *Rousseau A.* Esquisse d'une histoire du Gotique de Crimée... P. 152; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. P. 274.

[31] Сейчас Бусбек в департаменте Нор во Франции.

основных первоисточников для исследователей османского двора XVI века. Ожье также чрезвычайно много рассказывал о растениях и животных, с которыми он встретился в Турции. Бюсбек был страстным коллекционером, любителем древностей, редкостей и разнообразных курьезов, который ввез из Турции в Западную Европу тюльпан, сирень и конский каштан. Его страсть к ботанике побудила его послать клубни турецкого тюльпана своему другу Шарлю дель Эклюзу, который акклиматизировал их в Нидерландах. Менее, чем через столетие тюльпаномания охватила Объединенные Провинции и разрушила их финансовые рынки. Бюсбеку также приписывают ввоз в Европу ангорской козы.

Посол императора глубоко интересовался турецким языком, и ориенталисты его по праву считают основателем современной тюркологии. Зная несколько языков, Бюсбек сочетал личную лингвистическую одаренность с лучшими достижениями науки того времени, что и определило его неоценимый взнос в германистику. Находясь послом в Константинополе, Бюсбек часто слышал, что на Крымском полуострове живут люди, язык, обычаи и внешний вид которых указывают на их германское происхождение. Около 1560 года он встретился с двумя мужчинами из Крыма, один из которых был готом и выглядел как фламандец или голландец, а второй был греком с типичной внешностью, но, живя среди готов, неплохо владел их языком. Это были посланцы от крымских германцев к султану. От них Бюсбек много узнал о готах – воинственном народе, который жил в многочисленных селах возле своих главных городов Мангуп и Скиварин, выставляя по требованию татарского хана восемьсот пехотинцев с ружьями. Нужно подчеркнуть заслугу ученого фламандца. В противоположность всем другим путешественникам, которые удовлетворялись упоминанием о германском наречии этих людей, Бюсбек имел научную совесть, которая побудила его записать 80 слов и коротких выражений, являющихся нашим единым источником о языке крымских готов[32].

Знаменитый крымско-готский словарь Бюсбека, изложенный в 1562 году в его «Четвертом турецком письме», не раз становился предметом лингвистических споров. В целом можно констатировать его германский характер. В лексике готов полуострова наиболее обширно представлены слова германской этимологии в наиболее широком смысле – от общегерманских слов индоевропейского происхождения и специфических общегерманских лексем (в том числе и ранних заимствований) до ареальных германизмов. При этом, как можно видеть даже на ограниченном материале, в некоторые весьма устойчивые группы лексики проникают заимствования.

Такое соотношение консерватизма, с одной стороны, и серьезных инноваций – с другой, характерно для крымско-готского как реликтового языка. Он содержит общегерманские кельтизмы, к которым, например, принадлежит крымско-готское mycha ‘ensis’ ‘меч’ (не ‘gladius’!). Готское соответствие – mēki к греческому μάχαιρα ‘короткий меч’ (винительный падеж единственного числа в контексте библейского послания апостола Павла к эфесянам[33]), которому соответствуют древнедатское руническое makija (Вимозе), древнеисландское mǽkir, древнеанглийское maece, древнесаксонское maki[34]. Основа его – не извечно германское обозначение меча, а кросс-культурный термин, который ведет начало из какого-то внешнего источника. Факт заимствования нового иноязычного названия какого-то вооружения обычно фиксирует импорт более совершенного, более качественного оружия. Поэтому наиболее убедительная версия его проникновения в германскую – из кельтского,

---

[32] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 244-258; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 127-179; *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. S. 57-58.

[33] Еф. 6:17.

[34] *Balg G.H.* A Comparative Glossary of the Gothic Language with Especial Reference to English and German. Mayville-New York-London-Halle, 1887-1889. P. 276; *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 250; *Loewe R.* Altgermanische Elemente der Balkansprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Gütersloh, 1906. Band XXXIX. Neue Folge Band XIX. S. 316; *Uhlenbeck C.C.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Amsterdam, 1900. S. 109.

как производное основы *mecc- ‘сиять, блестеть’, сохранившейся в бретонском mecet, micet ‘сиять, блестеть, искриться’, откуда andemecet ‘честь, достоинство’ и собственное имя Kenmicet, в галльском ed-mygu ‘любоваться’, myged ‘увлечение, восхищение’, ирландском de-mecimm ‘перетирать, портить’. Окончание глагола mecet, micet учитывая их побежалость, за такого их сближения с mēki, могут не приниматься во внимание. Нужно обратить внимание, кроме того, на собственные галльские имена Meccius (на территории современной Бельгии) и Maecius (на территории Германии), фонетически и территориально близкие к готскому *mēkeis в именительном падеже. Сюда же нужно отнести и древнекельтские собственные имена Mici-o, Micia, Mic-ius[35]. Источник культурного и языкового импульса при этом предлагается усматривать не на Кавказе, как ранее[36], а в Центральной Европе с ее расцветом металлургии железа и металлообработки латенской эпохи и такой технической новинкой, как длинные мечи, которые происходили именно оттуда и заимствовались соседями кельтов. Последняя гипотеза рассматривается как более убедительная, учитывая надежное семантическое и культурное обоснование: обозначение клинкового оружия как ‘белого, блестящего’ – известная линия развития семантики, а соотнесение основы с кельтским учитывает роль кельтов как металлургов и данного ареала как источника культурного влияния латенской эпохи накануне христианской эры[37]. Важно также отметить соответствие этой версии общей картине германских заимствований из кельтского (термины металлообработки, боевого снаряжения). Фонетическое оформление основы позволяет допускать заимствование до первому сдвига согласных, а чередование корневых e/i в кельтских языках объясняет возникновение крымско-готской формы. Из древнегерманского эта значимая основа была заимствована в финно-угорские и славянские языка[38].

Не менее интересными являются те кельтизмы, которые имеются среди крымско-готских слов неясной этимологии. По поводу происхождения последних в настоящее время выдвинуты новые версии, которые предполагают их исконный или же заимствованный характер. Одним из них является крымско-готское cadariou ‘miles’ ‘воин, солдат’. Этимология его неясна, гипотезы исключительно разнообразны[39]. Нужно учитывать специфическое оформление его корня. Диграф (дифтонг?) -ou в конце крымско-готского слова и вообще в крымско-готском материале является экзотическим; в записях Бюсбека нет других слов с таким сочетанием. Поэтому нужно либо принимать конъектуру *cadarion (при графической схожести u и n), либо искать объяснение диграфа. Далее обращает на себя внимание фонетический вид слова: начальный глухой k, звонкий прорывный d в конце или в середине корня, подобие сингармонизма корневых гласных, окончание слова латинского или греческого типа (-ion, *-io). В таком случае это или радикальная трансформация германской формы, или же негерманская форма[40]. Существует предположение о заимствовании из кельтского[41]. Его сторонники указывают на ранневаллийское kadur ‘воин’, ketwir, kedwir

[35] *Одинцов Г.Ф.* К истории др.-рус. мечь I // Этимология 1982. М., 1985. С. 106, 110; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1993. Вып. 18 (*matoga - *mękyšьka). С. 41-42.

[36] *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. С. 198-202.

[37] *Одинцов Г.Ф.* К истории др.-рус. мечь I. С. 107-111; Этимологический словарь славянских языков… С. 38-41.

[38] *Ганина Н.А*. Крымско-готский язык. С. 140-141; К новой этимологической редакции крымско-готских данных. С. 15; *Одинцов Г.Ф.* К истории др.-рус. мечь I. С. 106-112; *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье… С. 239; *Stearns M.* Crimean Gothic… P. 62,148.

[39] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 255, 263; *Ганина Н.А*. Крымско-готский язык. С. 117-118; К новой этимологической редакции крымско-готских данных. С. 9; *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 271; *Stearns M.* Crimean Gothic… P. 133-134.

[40] *Ганина Н.А*. Крымско-готский язык. С. 118; К новой этимологической редакции крымско-готских данных. С. 9.

[41] *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. С. 264, 380; *Diefenbach L.* Vergleichendes Wörterbuch der germanischen Sprachen und ihrer sämtlichen Stammverwandten, mit besonderer Berücksichtigung der romanischen, lithauisch-slavischen und keltischen Sprachen und mit Zuziehung der finnischen Familie. Frankfurt, 1851. Zweiter Band. S. 436; *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 271.

‘воины’, древнебретонское catuur, древнекорнуолльское cadvir ‘воин’, ‘солдат’. Они, в свою очередь, родственны галльскому catu-, древнеирландскому и гэльскому cath, валлийскому cad, средневаллийскому cat, cad, древнекорнуолльскому cat, корнуолльскому cas ‘битва, война, борьба’, ‘армия, толпа, группа’. Эта кельтская основа присутствует в кельтских локальных и этнических названиях, в частности, Catabolon, Catalienses, Κατουρακνιον у Птолемея, Cataractoni, Cataracta (Cataractone) – современный Каттерик в Йоркшире, Catenates, Cattenates, Καθουλκοι, Catora, Catorissium, Cantourisa, Κατρλευκός Птолемея в Лузитании, Cattharenses, Cađđar(enses), Catualienses (Catualinus), Catualium, Catuiacia, Catuonnenses и в именах континентальных кельтов, таких, как Biracatus, Canrucatus, Igocatus, Madacatus, Vellocatus, Cata, Catabar, Catacius, Catacus, Catalia, Catalos, Catamantaloedis, Catamanus, Catamocus, Catandioni, Catasextus, Catavignus, Catello, Catellus, Catenus, Cateri, Caterto, Cattara, Catucius, Catucus, Catuinus, Catullianus, Catullinus, Catullinius, Catullus, Catunius, Catunia, Catuos, Catussa, Catusso и многих других, в том числе и Catvalda – имени соперника и конкурента упомянутого уже Маробода. Кельтский корень был оформлен латинским суффиксом -arius, который позаимствовали как германские, так и кельтские языки, и отобразился в крымско-готском как *kadarius ‘воин’, ‘солдат’[42]. Таким образом, вполне вероятно, что перед нами заимствование кельтского слова в крымско-готский язык, тем более, что у кельтов германцы большей частью перенимали лексику для обозначения понятий общественной жизни и военного дела.

Крыимско-готское knauen ‘bonus, bonum’ ‘хороший, добрый’ Бюсбек зафиксировал также в выражении Knauen tag ‘bonus dies’ ‘добрый день’. На немецкое gut, нидерландское goed, шведское god оно не было похоже. Для объяснения семантики этого слова, кроме разных германских слов, притягивали древнеирландское gnōe ‘замечательный’, среднебретонское gnou ‘явный, особый’, валлийское go-gnaw ‘деятельный’, которые происходят от *gnavo ‘замечательный’[43].

Крымско-готское fers ‘vir’ ‘мужчина’ также имеет неясное происхождение, фонетически и семантически оно мало перекликается с теми германскими апеллятивами, которые предлагались. Ближайшими к нему являются древнеирландское fer, ирландское, гэльское fear, валлийское gŵr, средневаллийское gwr, gur, корнуолльское и древневаллийское gur, бретонское gour ‘мужчина’[44].

Из крымско-готского kilemschkop ‘ebibe calicem’ ‘пей чашу’, ‘пей до дна’ языковеды реконструировали готский глагол *kilan со значением ‘глотать’, которое не засвидетельствовано и не имеет параллелей в германском ареале. Из всех индоевропейских соответствий ближайшими к этому незафиксированному глаголу выступают древнеирландское gelim ‘ем,

---

[42] *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. С. 118; К новой этимологической редакции крымско-готских данных. С. 9; *Evans D.E.* Gaulish Personal Names: A Study of Some Continental Celtic Formations. Oxford, 1967. P. 171-175; *Falileyev A.* Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen, 2000. P. 23; *Fowkes R.A.* Crimean Gothic cadariou ‘miles’, ‘soldier’ // Journal of English and Germanic Philology. Chicago, 1946. Vol. 45. P. 448-449; *MacBain A.* An Etymological Dictionary of Gaelic Language. Stirling, 1911. P. 74; *Stearns M.* Crimean Gothic… P. 133-134.

[43] *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. С. 133; *Hamp E.P.* Western Indo-European Notes: 3. Gothic hallus, ON. hallr, etc., 4. Crimean Gothic knauen, ON. knār, 5. Crimean Gothic ich. // Indogermanische Forschungen. Berlin, 1976. Band 81. P. 39; Köbler G. Gotisches Wörterbuch. Leiden, 1989. S. 344; Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. P. 219-220; *Lewis H., Pedersen H.* A Concise Comparative Celtic Grammar. Göttingen, 1961. P. 354; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 176; Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung von Richard Loewe. Halle, Max Niemeyer, 1896, XII und 270 S. / Rez. Much Rf. // Anzeiger für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen. Straßburg, 1898. Band 9. S. 198; *Stearns M.* Crimean Gothic... P. 142; *Stephens T.* The Poems of Taliesin. No. IV. A Song to Gwallawg ab Lleenawg // Archaeologia Cambrensis, a Record of the Antiquities of Wales and its Marches, and the Journal of the Cambrian Archaeological Association. London, 1852. Vol. III. New series. P. 247.

[44] *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. С. 119-120; *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України С. 379; *Falileyev A.* Etymological Glossary of Old Welsh. P. 76; *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 113; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 176; *MacBain A.* An Etymological Dictionary of Gaelic Language. P. 168; *Stearns M.* Crimean Gothic. P. 135.

пожираю, пасусь’, gelid ‘пасется’, родственные ирландскому goile, gaile, среднеирландскому gaile ‘желудок, горло’, ‘желание есть’[45].

Значительно более трудным для идентификации является крымско-готское marzus ‘nuptiae’ ‘брак, свадьба’. Этимология его неясна, однако предложенные версии разнообразны и интересны. Для объяснения привлекались индоарийские языки и их причерноморские реликты, литовский, латышский, прусский, греческий, латынь, итальянский, французский, румынский, армянский и даже финский и арабский языки, а семантика задействованных слов сводилась к понятиям ‘свадьба’, ‘бракосочетание’, ‘молодой мальчик’, ‘молодая девушка’, ‘невеста’[46]. Привлекательной выглядит гипотеза, согласно которой в крымско-готском слове следует усматривать термин, родственный валлийскому morwyn ‘девушка’, merch ‘дочь’, бретонскому merc’h, корнуолльскому myrgh ‘дочь’, древнекорнуолльскому moroin ‘дева’, которые происходят от пракельтского *morignā и имеют соответствия в балтийских языках. Сюда же относятся гэльское smarach ‘юноша, подросток’, ирландское marlach ‘малое дитя’[47]. С учётом кельтско-иллирийских языковых связей интересно, что очень схожее происхождение от гипотетического иноязычного обозначения молодой женщины предполагают для албанских martesë ‘брак’, martoj ‘вступать в брак’, отдаленно родственных тем же балтийским лексемам[48]. Поэтому, возможно, что и албанские слова, и загадочное крымско-готское marzus также являются кельтизмами.

Всех этих слов кельтского происхождения не засвидетельствовано в классическом готском, который еще называют церковноготским, то есть языке перевода Святого Письма IV-VI столетий, в рунических надписях, которые интерпретируются как готские, в малых готских текстах, которые возникли в рамках церковной традиции, но не связаны с переводом или толкованием Библии, среди реликтов готской апеллятивной лексики и собственных имен, засвидетельствованных в разных средневековых памятках, в уникальном готском материале так называемого «Алкуиновой рукописи» конца VIII – начала IX века, которые ставят под сомнение мысль, по которой все эти кельтизмы должны были быть принесены готами из Центральной Европы. Усвоение хотя бы некоторых из них должно было состояться в Северном Причерноморье.

Бюсбек зафиксировал также начало песни на крымско-готском языке – текст, который не совсем понятен носителю немецкого или нидерландского языка: «Wara wara ingdolou / Scu te gira Galizu / Hoemisclep dorbiza ea». Интерпретаторы толковали Galizu как название определенного населенного пункта, о котором в песне упоминают с тоскою как об утраченном[49]. Как версию можно предложить Галич в Западной Украине – средневековый центр Галичской, а позднее Галицко-Волынской земли (terra Galicia), название которого

[45] *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. С. 131-133; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). М., 1979. С. 73; Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S. 130; *MacBain A.* An Etymological Dictionary of Gaelic Language. P. 201; *Stearns M.* Crimean Gothic. P. 141; *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. S. 62.

[46] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 253; *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык. С. 137-138; К новой этимологической редакции крымско-готских данных. С. 9; *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. С. 379; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье… С. 50, 167, 255; *Koskinen Y.* Kertomus Hämeenkyrön pitäjästä // Suomi: Tidscrift i fosterländska ämnen. Helsingfors, 1862. Elfte årgången. S. 61; *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 246; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere... S.175; *Stearns M*. Crimean Gothic… P. 146.

[47] *Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary. P. 246; *MacBain A.* An Etymological Dictionary of Gaelic Language. P. 329-330; *Quiles C, López-Menchero F.* A Grammar of Modern Indo-European: Language and Culture, Writing System and Phonology, Morphology, Syntax, Texts and Dictionary, Etymology. Badajoz, 2009. P. 647; *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Berlin, 1973. Band II. S. 281.

[48] *Diefenbach L.* Vergleichendes Wörterbuch der germanischen Sprachen... S. 50; *Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden-Boston-Köln, 1998. P. 246.

[49] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов… С. 258-258; *Grønvik O.* Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische cantilena. Oslo, 1983. S. 34, 77, 100; *Rousseau A.* Esquisse d’une histoire du Gotique de Crimée... P. 157-158; *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. S. 66-67.

давно рассматривают как кельтизм[50]. Эти территории были хорошо известны готам. Название города и области Галиция, очевидно, обязано своим возникновением кельтским этнонимам Galli, Galati, Γαλάται – буквально 'мощные, воинственные', в основе которых лежит корень, родственный древнерландскому gal 'отвага, мужество', бретонскому gallout 'храбрость', валлийскому gallu 'быть в состоянии', корнуолльскому gallos 'сила', древнебретонскому gal 'мощь, сила', галльскому *galia 'сила', отразившемуся также в ряде кельтских личных имен типа Galiagos, Galeotos, Galiatia[51]. Важно, что очень близкое название имеет гора под Мукачевом, на которой выявлено самое большое в регионе латенское поселение, – Галиш. На Закарпатье небольшие группы кельтов – носителей латенской культуры – жили в окружении численно превосходящего подчиненного фракийского населения, образовывая господствующую и привилегированную прослойку, поэтому не удивительно, что главное поселение завоевателей, их промышленный и политический центр получил название от их этнонима. Эта же закономерность прослеживается и в Западной Европе, где названия с аналогичной основой распространены как раз на пограничье кельтского мира. Например, в Испании существует Галисия, где группы кельтиберов жили среди кельтизированных местных варваров. Так же и Галатия в Малой Азии была землей, где кельты столетиями жили в окружении иноязычных соседей. Т.е. Галиция вполне могла означать границу кельтского расселения на востоке[52]. Таким образом, с определенной долей вероятности можно утверждать, что в фольклоре крымских готов фигурировал по меньшей мере один топоним кельтского происхождения. При этом следует отметить, что, судя по крымско-готскому, в восточноевропейские славянские наречия данный топоним, скорее всего, попал уже трансформированным под влиянием готского языка, т.е. при посредничестве готов, – Галичь, что в определенной мере подтверждает высказанные прежде гипотезы о его готском происхождении, хотя те предусматривали несколько иную, менее убедительную этимологию. Доказательством того, что в крымско-готской песне Galizu обозначает именно Галич в Западной Украине, является совсем тождественное ему средневековое скандинавское название Галисии, наименование которой, как уже говорилось, восходит к тем самым кельтским корням, – Galizuland 'Галисия; Испания' в «Саге о Кнютлингах», Galizoland 'то же' в «Круге земном» Снорри Стурлусона. Датский ярл, который осуществлял около 1030 года набеги на побережье Галисии, имел прозвище Galizu-Úlfr[53]. Испанская Галисия на северо-востоке Пиренейского полуострова, скорее всего, была неизвестна готам Крыма и едва ли могла занимать выдающееся место в их песнях. Этим названием они называли ту землю, в которой их предки жилы прежде, чем вышли в степи и достигли Тавриды.

Итак, из анализа материалов крымско-готских языковых реликтов становится очевидным, что усвоение готским языком кельтской лексики продолжалось в отдельных ее диалектах, которые развивались независимо от других. В Крыму и Приазовье большую роль в этом сыграл ассимилированный германцами местный кельтский субстрат, наличие которого можно предположить как по лингвистическим, так и по эстралингвистическим данным. Слов, являющихся заимствованиями, в списке Бюсбека вообще немного, однако они

---

[50] *Мачинский А.Д.* Кельты на землях к востоку от Карпат // Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 35; *Стрижак О.С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. С. 76-80, 89, 214; *Тищенко К.* Етномовна історія прадавньої України. С. 159-161; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 47.

[51] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К вопросу о происхождении этнонима «валахи». С. 83; *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003. С. 157.

[52] *Кузьмин А.Г.* Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 136-142, 191; *Мачинский А.Д.* Кельты на землях к востоку от Карпат. С. 35.

[53] *Alemparte J.F.* Arribadas de normandos y cruzados a las costas de la Península Ibérica. Madrid, 1999. P. 59; *Ebel E.* Der Groenlendinga þáttr – aktuelle oder antiquarische Geschichtsperspektive? // Die Aktualität der Saga. Herausgegeben von Stig Toftgaard Andersen. Berlin, 1999. S. 17; *Krüger J.* «Wikinger» im Mittelalter: die Rezeption von vikingr m. und viking f. in der altnordischen Literatur. Berlin, 2008. S. 195, 197, 200; *Sturluson S.* Heimskringla: the Norse King Sagas. London-New York, 1951. P. 277.

убедительно свидетельствуют об интенсивных контактах крымско-готского с другими языками и, как это не парадоксально при малом количестве заимствованных лексем, – о значительном иноязычном влиянии. Кельтский, как и наречия остального негреческого и нетюркского населения – аланов и славян, послужил источником заимствований для языка таврийских готов, причем часто заимствовались повседневные слова, которые не обозначали специфических реалий или понятий. Отдельные возможные кельтизмы присутствуют также в крымско-готской антропонимике и топонимике. Эти обстоятельства должны побудить языковедов, историков и археологов к дальнейшему поиску следов кельтского субстрата в Таврике.

Резюме

Археологическое, лингвистическое и культурное наследие кельтских народов в Украине в настоящее время является объектом внимания ученых. Однако поиск следов кельтов на юге Украины, в Крыму, следов этнокультурных взаимодействий между кельтами и германцами, невозможен без привлечения крымских готских материалов. Некоторые слова из языка крымского готов, в частности, личные имена и географические названия, имеют кельтское происхождение. В статье обобщены результаты последних этимологических исследований, а также предложены некоторые соображения по поводу кельтской этимологии крымских готических языковых реликтов.

Ключевые слова: Крым, кельты, крымские готы, крымский готский язык, реликтовых языков, Бюсбек, этимология, заимствования, субстрат.

Summary

The archaeological, linguistic, and cultural heritage of the Celtic nations in Ukraine is the object of the attentions of the scientists at the present time. The search of the traces of the Celts in the south of Ukraine, in the Crimea, in the view of the ethnocultural interaction between the Celts and the Germans, requires to take up the Crimean Gothic materials. Some words from the Crimean Gothic language, the separate personal names and place-names of the Crimean Gothia are of Celtic origin. The latest etymological solutions in this sphere are generalized in this article, some Celtic etymologies for the Crimean Gothic linguistic relics are proposed too.

Key words: the Crimea, the Celts, the Crimean Goths, the Crimean Gothic language, relict languages, Busbecq, etymology, loanwords, substratum

М.В. Фомин

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

Вопрос проникновения, распространения и утверждения христианства в Херсонесе–Херсоне, несмотря на более чем столетнее изучение, все еще остается спорным. Историография данной проблемы отражает общую противоречивость рассматриваемой темы. Большинство специалистов (В.Ф. Мещеряков[1], В.М. Зубарь[2], М.И. Золотарев[3], И.А. Завадская[4], К. Цукерман[5] и С.Б. Сорочан[6]) являются сторонниками поздней даты христианизации города и определяют ее концом IV–V вв. Но существует и другая точка зрения, относящая этот процесс к III–IV вв. В основном ее придерживались ученые XIX – начала XX ст. Среди них следует назвать М.И. Ростовцева[7], Ю.А. Кулаковского[8], А.И. Маркевича[9] и А.Л. Бертье–Делагарда[10]. Современными сторонниками ранней даты являются С.А. Беляев[11], П.Д. Диатроптов[12].

Причин столь существенных расхождений во мнениях достаточно много. Во всем мире немного памятников христианства I–IV вв., причем даже в центрах, где ранняя дата христианизации не вызывает сомнений. Так, в Восточном Причерноморье, в районе позднеантичного Питиуса (Пицунда), рядом с кафедрой еп. Стратофила[13], открыт позднеримский некрополь, в котором христианские находки также единичны. Однако

[1] *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121–144; Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Вісник ХДУ. 1975. № 118. Історія. Вип 9. С. 100–108.

[2] *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические чтения в музеях. Л., 1988. С. 3–14; Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 8–29; *Зубарь В.М., Павленко Ю.П.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000.

[3] *Золотарев М.И., Хапаев В.В.* Херсонесские святыни. Севастополь, 2002. С. 15–21.

[4] *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. 2004. Вып. 10. С. 402–426.

[5] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1994. Вып. 4. С. 445–456.

[6] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 157.

[7] *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

[8] *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 51–52.

[9] *Маркевич А.И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины Св. Климента // ИТУАК. 1909. Т.43. С. 106.

[10] *Бертье–Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 60–64.

[11] *Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. М., 1994. С. 51; Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Рождественские чтения. Церковные древности. Сборник докладов. М., 1999. С. 256–258.

[12] *Диатроптов П.Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв.// Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986. С. 127–151.

[13] Участник Никейского собора.

широкое распространение христианства в этом районе не вызывает сомнений[14]. Тоже можно сказать и о Малой Азии[15].

В отсутствии археологических данных большое значение могли бы сыграть письменные источники, но их количество ограничено и они имеют специфический характер. Основную массу составляют агиографические тексты, посвященные жизнеописанию Андрея Первозванного, Св. Климента, Свв. епископов Херсонских. Они не создавались авторами как исторические трактаты, их нельзя воспринимать однозначно, и каждый текст нуждается в дополнительном глубоком критическом осмыслении.

Помимо этого существует ряд косвенных источников, не имеющих непосредственного отношения к Херсонесу, но позволяющих проследить некоторые отголоски событий первых веков.

Тем не менее, несмотря на все сложности, анализ имеющихся памятников все же позволяет с достаточной вероятностью отобразить процесс распространения христианства в Херсонесе.

После окончания Митридатовых войн Херсонес входит в сферу интересов Римской политики в регионе, становиться частью *Pax Romanum*. Город традиционно имел тесные торговые и культурные связи с северными областями Малой Азии и Северного Причерноморья[16]. Херсонес активно поддерживал связи со своей митрополией Гераклеей Понтийской, а также с Синопом, Амисом. Торговые пути традиционно были также способом распространения новых идей и течений, культурного диалога.

Малая Азия стала территорией раннего и весьма активного распространения христианства. Свидетельства об этом сохранились в текстах апостольских Посланий и Деяний святых апостолов, апокрифических и гностических текстов. Упоминают об этом и более поздние церковные труды, в частности, жития некоторых святых, но особый интерес представляют сохранившиеся свидетельства нехристианского происхождения[17].

Среди последних – письмо наместника Вифинии Плиния Младшего императору Траяну (98–117)[18]. В своем послании он выражает обеспокоенность широким распространением христианства в подконтрольной ему провинции: «Зараза этого суеверия, прошла не только по городам, но по деревням и поместьям. Храмы запустели, и корм для жертвенных животных перестал покупаться». Не менее важны свидетельства Лукиана Самосатского. О христианах он упоминает в сатирических произведениях «Александр или лжепророк» и «О кончине Перегрина»[19].

Места, о которых упоминают источники, находились не далеко от побережья Понта Эвксинского. Так, город Абонутейх или Ионополь (сов. турецкий Инеболи), находиться

---

[14] *Якобсон А.Л.* О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 38–45; 44, с. 170.

[15] *Алеексеева А.И., Курбатов А.А.* Проникновение христианства в Северное Причерноморье // Христианство и культура (к 2000-летию христианства): материалы международной научно-практической конференции. Астрахань, 2000. Ч. 2. С. 193.

[16] *Кадеев В.И Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам Херсонеса). Харьков, 1989. С. 57–59; *Шелов Д.Б.* Колхида в системе панпонтийской державы Митридата VI // ВДИ 1980. № 3. С. 28; Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 3. С. 55–56.

[17] *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. К., 2007. Т. 2. С. 253–258; *Бонгард-Левин Г.М. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Распространение христианства на Востоке (в свете исследования памятников Дура Европос) // ВДИ. 2005. № 3. С. 58–72; *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005. С. 122–124; *Плиний мл.* Письма. М., 1982. С. 205–206; *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения церквей – 1054). Брюссель, 1964. С. 79–81; *Rostovtzeff M.I.* Dura–Europos and its Art. Oxford, 1938.

[18] *Плиний мл.* Письма. С. 206–206.

[19] *Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 139–144, 248–263.

примерно в 120 км от Синопы[20]. Плиний Младший писал находясь предположительно в восточной части Вифинии неподалеку от Амиса[21].

Христианская община существовала и в самом городе Синопа. Так М.И. Максимова указывает: «… на рубеже I–II веков Синопа насчитывала среди своего населения много последователей, организованных в общину, возглавляемую епископом, и ... слова Плиния о широком распространении христианства в провинции Вифиния–Понт в полной мере относятся также и к Синопе»[22]. Херсонес, имевший торговые и культурные связями с Синопой, вполне мог стать местом проповеди христианства.

О влиянии Синопской христианской общины может свидетельствовать почитание в Херсонесе синопского святого Фоки († 117 г.), известного покровителя мореплавания. Во второй половине IV в. епископ города Амасий Астерия упоминает о культе святого в Северном Причерноморье[23]. Во время раскопок на территории Херсонесского городища была найдена форма для оттиска с изображением св. Фоки и надписью, предположительно датируемая V в.[24]

Также интерес представляет распространенная в городе традиция почитания св. война Феодора Стратилата (†319 г.), который пострадал в Гераклее Понтийской во время правления Лициния[25].

Наиболее ранние следы присутствия христиан в Северном Причерноморье обнаружены на территории Боспора и Боспорского царства. В Пантикапее было открыто граффити с изображением креста, датируемое временем не позднее середины II века. Автор раскопок В.П. Толстиков указывает на то, что изображение является «одним из наиболее ранних, — если не самым ранним, – из надежно археологически датированных изображений главного христианского символа»[26]. Такая находка служит подтверждением факту распространения во II в. христианства на Боспоре. В апостольских списках (IV в.) упоминается о проповеди на Боспоре ап. Симона Зелота[27].

Среди ранних христианских памятников надгробие Евтропия 304 года[28] («Здесь покоится Евтропий. 601 г.» дата обозначена по боспорской эре). Значительный интерес представляет перстень с геммой, на которой изображение двух рыб по сторонам креста, датируемый тем же временем[29]. Подобные свидетельства не единичны и позволят судить не только о существовании общины, но и о постепенном росте последней. К началу IV в. на Боспоре уже существовала епископская кафедра (среди участников I Вселенского собора (325 г.) упоминается епископ Боспорский Кадм.

Существует еще одна группа источников, представляющих значительный интерес, это апокрифические сочинения, отдельные из которых могут быть отнесены к концу I–II вв.[30] Среди них текст «Деяния блаженного апостола Варфоломея». В нем упоминается имя царя

[20] *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.-Л., 1956. С. 326.
[21] Там же. С. 425.
[22] Там же. С. 424–425.
[23] *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса I–VI вв. СПб., 1908. С. 15.
[24] Византийский Херсон: Каталог выставки. М., 1991. С. 30–31.
[25] Св. Феодор Стратилат. – в кн. Христианство: энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М., 1995. Т. 3. – Т – Я. С. 86.
[26] *Толстиков В.П. Журавлев Д.В.* Древнейший символ христианства на Боспоре // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002. С. 51–56.
[27] *Виноградов А.Ю.* Симон Зелот – «апостол Крыма»? // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Т.2. К.; Судак, 2006. С. 55–57.
[28] *Шкорпил В.В.* Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 59; *Юрочкин В.Ю.* Древнейшее изображение Креста Господня // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002. С. 21–50.
[29] *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству… С. 122–124. Илл. 51.1, 59.
[30] *Петровский С.П.* Сказание об апостольской проповеди по северо-восточному черноморскому побережью // ЗООИД. 1897. Т. 20. Ч. 1. С. 147.

Полимия, обращенного апостолом в христианство. Скорее всего, речь идет о понтийском правителе Полемоне II. Упоминается также брат царя, гонитель веры[31]. Иосиф Флавий упоминает, что Понтийский царь Полемон II около 52 года принял иудаизм[32]. В первом веке христианство фактически никто не отделял от иудаизма, более того, нередко новозаветная Церковь воспринималась как иудейская секта.

Другой источник – апокрифические сочинения. Деяния Павла и Феклы рассказывают о том, что царица Трифена защищала св. Феклу. Трифена Понтийская, внучка триумвира Антония и мать Полемона II известна и по другим источникам[33]. Старший брат Полемона, Артакс III, действительно был гонителем иудеев. Ап. Варфоломей в источниках упоминается как спутник ап. Андрея Первозванного[34].

В I – первой половине II вв., до предоставления Римом автономии Херсонесу, город находился под Боспорским влиянием. Это отражено в трудах Константина Багрянородного[35]. «Легенда о Гикии», которую относят обыкновенно к периоду зависимости Херсонеса от Боспора, указывает на существование связей между жителями двух городов и на существовавшую практику гостеприимства. Можно констатировать общение жителей обоих центров, которое могло способствовать становлению и развитию христианских общин.

Таким образом, письменные источники с высокой долей вероятности подтверждают предположение о раннем распространении христианства на территории Северного Причерноморья. Опираясь на все вышесказанное, становиться очевидным, что Северное Причерноморье может быть отнесено к территориям наиболее раннего знакомства с христианством.

Апостол Андрей в Причерноморье и Херсонесе

В церковной традиции существует придание о проповеди ап. Андрея в Крыму и Херсонесе в 60-е г. I в. Сегодня принято считать это известие недостоверным, но есть и защитники подлинности придания. Так, В.Г. Васильевский и С.П. Петровский выявили взаимосвязь между собой древних текстов, позволяющую с высокой степенью вероятности проследить события начала становления Церкви[36].

Традиционно авторство самого раннего упоминания относят Оригену (около 254 г.). Сам текст сохранился в пересказе Евсевия Кесарийского, церковного историка начала IV в. Ориген, перечисляет земли, доставшиеся в удел каждому из апостолов, в частности указывает, что Андрею досталась Скифия[37]. О проповеди св. ап. Андрея скифам и фракийцам упоминает Ипполит Римский († около 235 г.)[38]. Наиболее подробный рассказ о миссии ап. Андрея, который содержит упоминание о проповеди в Херсонесе, был собран малоазийским монахом Епифанием (кон. VIII – нач IX вв.) повторившим путь святого апостола и собравшим местные предания о нем.

---

[31] Там же. С. 188–193.
[32] *Иосиф Флавий*. Иудейские древности / Пер. с греч. Г.Г. Геакеля. СПб., 1900. XX, 7, 3.
[33] *Сагарда А.И.* Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли. Актовая речь проф. Петербургской Духовной академии. Раздел II; *Мещерская Е.П.* Апокрифические деяния апостолов. М., 1996. С. 424.
[34] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса («Херсонес христианский Том 1. Выпуск 1») / Отв. ред. С.А.Беляев. СПб. 2009. С. 199–201.
[35] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1987. С. 295.
[36] *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. С. 219.
[37] *Евсевий*. Церковная история / Пер. М.Е. Сергеенко // БТ. М., 1982. III, 1.
[38] Византийский Херсон: Каталог выставки. С. 219; *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 92.

По замечанию С.А. Беляева для проповеди апостолов был необходим ряд условий[39]. В первую очередь - существование налаженных торговых путей подразумевавших регулярное сообщение. Данный факт подтверждается как письменными, так и археологическими источниками. Также необходимо было наличие иудейской общины. Существуют надежные свидетельства фиксирующие присутствие на Боспоре в Херсонесе и Ольвии значительных еврейских диаспор. В первом веке проповедь христианства охватывала центры иудейской колонизации и была обращена, прежде всего, к овцам дома Израилева, как к наиболее подготовленным слушателям[40]. Позднеантичные города Северного Причерноморья соответствовали таким требованиям. Все это повышает вероятностную достоверность письменных источников.

Римский епископ Климент

Согласно церковной традиции в правление императора Траяна (98–117 гг.) в Херсонес был сослан епископ Римский Климент. Наиболее ранним упоминанием об этом является «История» Григория Турского VI в. С.П. Шестакова указывает на существование в Херсонесе в начала VI в. местной традиции почитания святого, тем самым указывая, что факт ссылки римского епископа Климента в окраинный город Империи вполне вероятен[41].

В тексте Жития епископов херсонских можно встретить косвенные упоминания о существовании в Херсонесе или его окрестностях некой христианской общины, возможно основанной ап Андреем и св. Климентом[42].

Можно предположить, что в I–II вв. в Северном Причерноморье и в Херсонесе в частности присутствовали все необходимые условия для зарождения христианской общины.

Свв. епп. Херсонские и победа христианства в городе

Окончательная победа христианства в городе связана со святыми семью епископами Херсонскими. Текст Жития епископов Херсонских единственный письменный источник, повествующий о трагичной истории христианизации города, сопровождавшейся ожесточенной борьбой и гонениями. Подлинность этого источника сегодня уже не вызывает сомнений, он был составлен местным автором по пришествию не значительного времени после описываемых событий. Подробность, с которой были описаны некоторые факты, позволяет восстановить элементы топографии города и его ближайшей округи.

На сегодняшний день существует масса работ, посвященных исследованию данных текстов. Первенство в этом деле принадлежит, несомненно, В.В. Латышеву[43]. В 2011 г. вышло в свет исследование А.Ю. Виноградова[44]. В нем он попытался провести анализ текстов и увязать их с реалиями топографии города. Одной из самых последних работ стал труд группы авторов, в котором были собраны и системно проанализированы все известные на сегодняшний день варианты текстов Житий св. епископов[45].

Согласно сохранившимся письменным свидетельствам в 6-й год правления Диоклетиана, (299–300 гг.) епископом Иерусалимским Ермоном «для Евангельской проповеди разослал в разные страны многих епископов. Двое из них, Ефрем и Василей, прибыли в Херсонес и

[39] *Беляев С.А.* История христианства на Руси... С. 51.
[40] *Филиппов А.Е.* Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического… С. 199–201.
[41] *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса… С. 15.
[42] Там же. С. 15.
[43] *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских: Исслед. и тексты. СПб., 1906.
[44] *Виноградов А.Ю.* Симон Зелот… С. 55–57.
[45] *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2012. Т. 1.

насаждали там Слово Божие». Так начинается легендарный рассказ о миссионерской деятельности свв. епископов Херсонских[46].

Епископ Ефрем отправился проповедовать «скифам» и по предположению А.Ю. Виноградова мог быть отождествлен с безымянным епископом Скифским, участником I Вселенского Собора 325 года (упоминается Евсевием Кесарийским[47]).

В Херсонес прибывает св. еп. Василей. Житие косвенно указывает на существование к этому времени некоторого числа христиан. В пользу этого свидетельствует тот факт, что сам епископ вряд ли мог укрыться от преследователей, по всей видимости, ему кто-то помогал. Кроме того, когда в Житии рассматривался легендарный вопрос о воскрешении мальчика, в тексте источника упоминалось присутствие с епископом двух священников. Скорее всего, они были из числа местных христиан[48].

Чудо, совершенное Богом по молитвам св. Василея, привело к обращению в христианство некоторых представителей городской знати и их родственников. Но христианским Херсонес не становится, а сам епископ Василей принимает мученическую смерть.

Важен вопрос о датировке указанных агиографом событий. Текст памятника сообщает, что они происходят в период правления императора Диоклетиана (284–305 гг.), более того, называется 16 – й год правления, что соответствует 300 г.[49] (Епископ Ермон (Гермон, Гермоген) отправивший епископов в Херсонес возглавлял Иерусалимскую кафедру в 300 г.[50]) А.Ю. Виноградов приводит интересный факт – имя Василей характерно для Северного и Западного Причерноморья в III в. но не встречается в более позднее время[51].

После смерти св. еп. Василея в город, по призыву местных христиан прибывают епископы Евгений, Елпидий и Агафодор, также направленные из Иерусалима, херсонесские христиане отправляются за ними на Геллеспонт. Городская община могла поддерживать контакты с малоазийскими собратьями. Текст не уточняет, кем был человек, отправившийся на Геллеспонт но представляет интерес тот факт, что он ищет епископов палестинского происхождения, что, безусловно, свидетельствует о сиро–палестинских корнях херсонесской общины. Приглашения епископа свидетельствует о малочисленности Церкви в городе.

Епископы также принимают мученскую смерть. Тела их погребают к востоку от города. Им на смену прибывает Св. еп. Еферий, также из Иерусалима. И именно при нем местная община обретает контакты с Константинополем.

Жития единодушно говорят о языческом сопротивлении св. Еферию, но, не смотря на это, святой добивается официального статуса для своей паствы. С деятельностью св. еп. Еферия связывают строительство первого храма на территории города.

Упоминание о поездке «к имп. Константину» ставит вопрос о соотнесении Еферия Жития с Еферием, «епископом Херсонским», подписавшим акты II Вселенского Собора 381 года в Константинополе. В.В. Латышев и некоторые другие исследователи упоминают о возможно двух Ефериях: житийном, бывшем при Константине Великом, и втором, отмеченном в 381 году.

Несмотря на значительные результаты деятельности еп. Еферия, окончательная победа относится к прибытию в город св. еп. Капитона. Он приезжает из Константинополя, в сопровождении 500 воинов. В некоторых вариантах Жития указывается, что император специально послал воинов-христиан, но, скорее всего, отряд прибыл в город для усиления

---

[46] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 1256.

[47] Vita Constantini, 3, 7. *Виноградов А.Ю.* Симон Зелот… С. 55–57.

[48] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон… С. 1259.

[49] Там же. С. 1256.

[50] *Виноградов А.Ю.* Симон Зелот… С. 20.

[51] Там же. С. 23; A lexicon of Greek personal names / Ed. By P.M. Frazer and E. Mathewes. Vol. IV. Oxford. 2005. P. 56.

гарнизона. Этот факт согласуется с эпиграфическим материалом и подтверждается косвенно анализом политической ситуации на полуострове в этот период.

Разрешение конфликта, возможно даже имевшего характер вооруженного противостояния приводит епископа к диспуту с местными язычниками. Как следствие – по его молитве совершается Чудо в печи. Материальное свидетельство этого события – печь была открыта в юго-западном углу городища, под полом тетраконхиального храма, построенного в третьей четверти VI в. над остатками печи, которая была сооружена как раз в конце IV в.[52]

Святитель строит купель из извести, обожженной в той самой печи. Рядом с купелью строится храм во имя ап. Петра. Победа христианства в Херсонесе в скорости превращает город во влиятельный центр не только зарождения, но и распространения христианской культуры на территории всего Юго-Западного Крыма.

Необходимо отметить существование упоминания о херсонесском епископе Филиппе, принимавшем участие в работе I Вселенского собора. Однако его имя фигурирует лишь в некоторых списках, что вызвало у специалистов недоверие к подлинности этих упоминаний[53].

Исследования Херсонесского некрополя продемонстрировало, что и с середины III в. обряд кремации в погребениях постепенно вытесняется трупоположением. Традиционно такие изменения связывают в первую очередь с распространением среди горожан синкретических, восточных религиозных культов, требовавших сохранения тела для будущей жизни[54]. Но, с не меньшей убедительностью, этот факт может свидетельствовать и о появлении христиан на полуострове. Кризис полисного устройства общества и вместе с тем идеологии мог стать плодородной почвой для распространения нового учения. Потеря старых идеалов вела к активному поиску новых. Так происходило по всей Римской империи и, соответственно, могло иметь место и в Херсонесе. Несомненно, горячая проповедь христианства, сам образ жизни и верность, вплоть до мученической смерти столь почитаемых святых, не могли не повлиять на появление, пусть небольшого числа, сторонников нового учения среди горожан.

Этнический состав ранней христианской общины Херсонеса

Исследования текстов Житий святых епископов Херсонских наталкивают на ряд интереснейших выводов. Тексты упоминают о сложностях процесса христианизации, об активном сопротивлении местного греческого населения и косвенно затрагивают причины этого. Конфликт св. Василея с язычниками помимо прочего, является результатом противостояния большинства горожан-греков инородцам-иммигрантам, приезжим, разрушающим традиционный уклад греческого большинства: «побит местными жителями, как вестник некоего нового образа жизни и одновременно развратитель отеческих нравов и веры»[55].

Возможно, небольшая по численности группа христиан, существовавшая в городе до прибытия св. еп. Василея никого не интересовала. Это могла быть замкнутая община, состоящая в основном из приезжих, скорее всего выходцев из Малой Азии, сиро-палестинского региона.

Упоминание иерусалимского епископа подчеркивает связь херсонесской общины с сиро-палестинскими христианами[56]. Данный факт не уникален. Сиро-палестинское влияние

---

[52] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон… С. 851–857.
[53] Там же. С. 1275.
[54] *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса… С. 417–419.
[55] *Виноградов А.Ю.* Симон Зелот… С. 55–57.
[56] *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон… С. 771.

прослеживается не только на херсонесскую Церковь в III–IV вв., но и на крупнейший центр христианства – Рим, где большая часть общины и ее епископов были восточного – греческого или сирийского происхождения.

Проповедь епископа, его активная деятельность провоцируют репрессии. Ситуация усугубляется, когда христианство начинают принимать греки. Крещение «архонта» и его семьи приводит к расправе над святым. Приемников Василею ищут так же в сиро-палестинской среде в Малой Азии.

Скорее всего, лишь при еп. Еферии, получившем официальную поддержку из столицы, удается остановить волну репрессий. И лишь Капитон, прибывший из Константинополя и, возможно, сам грек по национальности, смог преодолеть столь сильное сопротивление.

Интересен так же и тот факт, что позднеантичных христианских погребальных комплексах было захоронено довольно много сармат. Об этом свидетельствуют следы искусственной деформации черепов[57].

Очевидно, первоначально община состояла из иммигрантов, прибывших с территории Малой Азии. В самом Херсонесе христианство распространялось среди романизированного сарматского населения. И только не ранее середины IV в. начинается массовое крещение местного греческого населения.

Таким образом, процесс формирования христианской Церкви в Херсонесе был довольно продолжительным. Первое знакомство с новым учением могло произойти еще в первых веках н.э. Христианская община сформировалась к концу III – началу IV вв. и была немногочисленной. В результате долгой и трагичной идеологической борьбы, сопровождавшейся преследованиями, только к 80-м годам IV в. христианству удалось пересилить сопротивление языческой идеологии. А со временем город становиться одним из важнейших центров распространения нового мировоззрения на полуострове.

Резюме

Проблема возникновения и утверждения христианства в Херсонесе – Херсоне остается спорным вопросом уже более ста лет. Анализ известных источников позволяет восстановить процесс развития Церкви в Херсонесе. Первое знакомство с христианством состоялось в первые века н.э., а христианская община была образована в конце III–IV вв. н.э. Но окончательная победа христианства произошло в 80-е годы IV в.

Ключевые слова: Херсонес, Херсон, христианизация.

Summary

The issue of emergence and claiming of Christianity in the Chersonese – Cherson remain controversial question for more than a hundred years. Analyzing of all known sources allows recovering a process of development of the Church in the Chersonese. The first exposure with Christianity took place in the first centuries A.D. Christian community was formed at the end of III - IV centuries A.D. But the final victory of Christianity occurred in the 80-s years of IV centuries.

Key words: Chersonesos, Cherson, Christianization.

[57] *Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. № 3856.

В.В. Хапаев

НЕКРОПОЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗРУШЕНИЯ ГОРОДА В НАЧАЛЕ XI ВЕКА

Как было показано мною в ряде работ[1], гипотеза А.И. Романчук[2] о том, что византийский Херсон был разрушен не в X в. в результате Корсунского похода князя Владимира, как полагал А.Л. Якобсон[3], а в XI в. в результате мощного землетрясения, является верной. Единственное, в чем моя точка зрения разошлась с мнением А.И. Романчук и поддержавшего ее С.Б. Сорочана касается датировки данного события. Если А.И. Романчук[4] относит его ко второй половине XI в., С.Б. Сорочан[5] – ко второй четверти XI в., то мною были представлены доказательства (на основе сопоставления археологических и письменных источников), что катастрофа произошла в начале XI в., не позднее 1015 г.[6] Аргументированных возражений против такой датировки в историографии пока не появилось[7].

Однако до настоящего времени в качестве источника по истории разрушения Херсона начала XI в. не привлекались материалы раскопок загородных и городских некрополей херсонесского городища[8], хотя, учитывая огромную разрушительную силу постигшей город катастрофы, есть основания полагать, что она сопровождалась массовой гибелью людей и травматизмом. Санитарная очистка города после катастрофы должна была привести к появлению массовых захоронений, не характерных для мирной христианской погребальной практики.

В настоящей статье предпринимается попытка изучить материалы захоронений именно под таким, сейсмоисторическим углом зрения.

На загородном некрополе следов постигшей Херсон на рубеже X-XI вв. катастрофы обнаружено немного, и сама их трактовка остается спорной. При этом захоронений IX-X вв. выявлено немало, но изучение представленных в них материалов сталкивается со значительными трудностями. Большая

---

[1] *Хапаев В.В.* Разрушение Херсонеса на рубеже X-XI вв. К изучению причин // БИАС. Симферополь, 2008. С. 143-160; Херсонесские монетные «клады» рубежа X-XI вв. как исторический источник: новая интерпретация // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь, 2008. С. 365; Византийский Херсон во второй половине X – первой половине XI вв.: проблема разрушения города: дис. … кандидата ист. наук: 07.00.02. Севастополь, 2010. Л. 161-169.

[2] *Романчук А.И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182-188.

[3] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №. 63. С. 65.

[4] *Романчук А.И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе… С. 182-188; Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 ч. Ч. 2. – Византийский город. Екатеринбург, 2007. С. 211, 495.

[5] *Сорочан С.Б.* Херсонесский сборник. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.) [под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной]. Рецензия // Археологія. 2008. № 1. С. 751.

[6] *Хапаев В.В.* Византийский Херсон… Л. 191-192.

[7] Единственным исключением, возможно, является статья И.А. Завадской, которая практически без аргументации, настаивает на передатировке разрушения Херсона с XI на конец X в., и вновь связывает его с Корсунским походом князя Владимира. Исследовательница приводит множество небесспорных аргументов против сейсмических причин разрушения Херсона, а в доказательство своей версии о разрушении города князем Владимиром доводов не приводит вовсе (См.: *Завадская И.А.* Катастрофа в Херсоне в конце X-XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 456-487).

[8] Единственным и крайне неудачным исключением является гипотеза А.А. Никонова о наличии санитарных захоронений X-XI вв. в Цитадели Херсонеса, на самом деле относящихся к севастопольского карантинному кладбищу Нового времени (См.: *Хапаев В.В.* Гипотеза А.А. Никонова о разрушительном землетрясении 1041 г. в Крыму: к вопросу о достоверности источниковой базы [Электронный ресурс] // МАИАСК. Вып. III. Севастополь-Тюмень, 2011. С. 281-282. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/ MAIASK1.pdf).

часть захоронений раскопана в конце XIX – начале XX вв. К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером[9], без должной фиксации находок. Особенно показательны в этой связи раскопки Р.Х. Лепера 1907-1910 гг., от которых не осталось отчетов и паспортизированных артефактов: только полевые дневники, опубликованные впоследствии К.Э. Гриневичем[10]. Скудные сведения, предоставляемые этой публикацией (а также информацию о раскопках некрополя, представленную в ОАК и ИАК), тщательно изучил А.Л. Якобсон[11]. Вот – основные выводы, вытекающие из его исследования.

1. Захоронений IX-X вв. на некрополе Херсонеса много, в отличие от относящихся к VII-VIII вв., которые не выявлены вовсе[12]. В частности, А.Л. Якобсон выделяет 14 склепов с коллективными захоронениями (от нескольких десятков до нескольких сотен человек в каждом)[13], в которых обнаружены находки исключительно IX-X вв. Количество склепов, в которых захоронения изучаемого нами периода сделаны поверх позднеантичных или раннесредневековых, исчисляется многими десятками. Больше всего грунтовых могил IX-X вв. с индивидуальными захоронениями обнаружено на участке некрополя близ башни XVII и 20-й куртины (256 единиц). По характеру погребального обряда они аналогичны погребениям расположенного близ крепости Горзувита могильника Суук-Су[14].

2. Надежно датировать захоронения удается только по монетному материалу, т.к. вещевые находки крайне немногочисленны и с трудом поддаются датировке: захоронения совершались, как правило, без инвентаря. Монетный материал, представленный в захоронениях – в основном бронзовые монеты херсонских выпусков от Василия I до Василия II [15].

3. Выявлено 2 типа захоронений: массовые – в склепах позднеантичного и раннесредневекового времени, и индивидуальные в неглубоких грунтовых могилах (0,5-1,5 м. от дневной поверхности), сделанные в наносном грунте поверх античных склепов.

4. Информации о том, что какое-либо захоронение отражает катастрофические события в Херсоне (следы травм, переломов, расчленений и т.п. признаков насильственной смерти), имеющиеся отчеты не содержат. О рядовом характере захоронений говорит, в частности, тот факт, что погребения в склепах вторичного использования нередко совершались в деревянных гробах[16], а грунтовые захоронения были индивидуальными.

5. Однако, один из обнаруженных склепов (№ 42) содержит иного рода свидетельство о катастрофе: на рубеже X-XI вв. (единственная датирующая находка – монета Василия II с монограммами «Василий-деспот») в одном из углов этого обширного подземного сооружения было оборудовано жилище[17] с печью и хозяйственным инвентарем[18]. Вероятно, это не

---

[9] *Лепер Р.Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. II. С. 187-256; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 260-267.

[10] К.Э. Гриневич высказался об этом так: «*Дневники написаны частью простым карандашом, частью чернилами мелким почерком в карманных записных книжках. Несомненно, в этом виде они не предназначались к опубликованию: это был сырой, черновой материал. Но т.к. Р.Х. Лепер до своего увольнения не удосужился написать настоящий отчет о раскопках некрополя, и так как эти дневниковые записи, часто отрывочного характера, являются единственным документальным источником для исследования раскопанного Р. Лепером некрополя, – поэтому мы сочли необходимым эти черновые записи напечатать почти без текстуального изменения…*» (См.: *Лепер Р.Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя. С. 255).

[11] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 260-267.

[12] Там же. С. 260.

[13] Там же. С. 263. Прим. 1.

[14] Там же. С. 262-263.

[15] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). Киев, 1977. № 358-441; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. Табл. VII,*9,12,16*, VIII,*3,8*, IX,*5*, X,*3,6,10*, XI,*3,5,9*. Уникальной является находка золотой монеты Никифора Фоки с дырочкой для подвешивания, сделанная в склепе № 1568 (См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 261).

[16] *Лепер Р.Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя. С. 215. Рис. 7.

[17] По сообщениям путешественников конца XVIII - первой половины XIX столетия (П.С. Палласа, Дж. Александера), часть вскрытых и ограбленных скальных склепов, расположенных на восточном берегу Карантинной бухты, использовались под жилье и в Новое время: сначала первыми поселенцами Севастополя (моряками), затем (в 1829 г.)

единственное нежилое помещение, приспособленное херсонитами под жилье после катастрофы начала XI в. Еще одним примером является водосборная цистерна в VII квартале, работа которой по прямому назначению прекратилась именно в это время. В первой половине XI в. она также была заселена, причем, как свидетельствуют граффити на ее стенах, проживали в цистерне, вероятно, не только взрослые, но и дети, процарапавшие по штукатурке ее стен изображения кораблей, лошадей, людей (в т.ч. на лошадях), птиц и христианские символы[19]. Среди обитателей цистерны было немало грамотных людей, оставивших на ее стенах свои имена и обращения к Всевышнему[20].

6. Абсолютное большинство захоронений IX-X вв. обнаружено вне пределов городских оборонительных стен. Это тем более важно подчеркнуть, что с XI в. херсониты перенесли некрополь внутрь города.

Возможно, первые такие захоронения были сделаны в период санитарной очистки Херсона после постигшей его катастрофы. Показательными в этой связи являются три братские могилы (в каждой – останки 30-40 человек)[21], обнаруженные С.А. Беляевым внутри периметра раннего храма «Базилики на холме» («Базилика Б»), но снаружи позднего храма («Базилика» А), т.е. между стенами нартексов двух храмов: «*Могила № 24 – самая восточная из них – была наполнена в основном черепами. В могиле № 22 погребенные были не положены, а брошены. Они лежали не ровными рядами, а кое-как, иногда наискось могилы. Не были выдержаны и горизонтальные слои. Следует отметить еще два обстоятельства: углубления для захоронения были вырыты в насыпном грунте, а сами могилы оформлены кое-как; стенками им служили положенные на землю архитектурные детали.*[22] *Бросается в глаза поспешность и некоторая небрежность при приготовлении могил и захоронении тел. Всем этим названные могилы резко отличаются от всех остальных захоронений, которые совершены в нормальных могилах, а сами погребенные положены по всем правилам, даже если их несколько в одной могиле*»[23].

С.А. Беляев высказал предположение, что эти захоронения связаны с катастрофическими событиями в городе. Однако, поскольку гипотезы о разрушении Херсона на рубеже X-XI вв. исследователь не разделяет, он предполагает иную причину массовых захоронений: «… *в этих могилах погребены или убитые во время военных действий, или умершие во время эпидемии – массовые захоронения эти были произведены одномоментно. Больше оснований полагать, что в этих могилах погребены убитые в бою, скончавшиеся от эпидемии были бы погребены за городом…*»[24].

К сожалению, автор не сообщает, обнаружены ли на костях следы травм: остается предположить, что их не обнаружено. Однако, предположение о том, что захоронения (сделанные одномоментно и беспорядочно), связаны с боевыми действиями, также не выглядит

– солдатами Балаклавского греческого батальона, а после них – турками, плененными в ходе войны 1827-1829 гг. (См.: *Храпунов Н.И.* Другая империя и полис: Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII–начала XIX вв. // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений III Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05-05.06.2011). Севастополь, 2011. С. 33-34).

[18] В том числе обнаружена «*верхняя часть поливной чаши на ножке*» (См.: *Лепер Р.Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя. С. 217). Возможно, речь идет о сосуде, включенном Дж. Хейсом в типологию GWW II как «кубки», без выделения в отдельный тип, или GWW II тип. 1 (См.: *Hayes J.W.* Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton. Vol. 2.: The Pottery. Princeton: The Princeton University Press & DOP Library & Collection, 1992. P. 22. Fig. 7.1-5).

[19] *Бжустовска А.* Иконография цистерны – проба прочтения // ХСб. 2006. Supplement 1. С. 55-84. (Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.)). С. 55-84.

[20] Там же. С. 56-59.

[21] Всего на кладбище XI-XIII вв. у «Базилики на холме» обнаружено около 150 могил, из них 10 – с массовыми захоронениями; последние расположены в разных местах кладбища (См.: *Беляев С.А.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 27). По мнению С.А. Беляева, «*кладбище существовало и активно использовалось несколько веков*» (См.: Там же. .С. 26).

[22] Мраморная раннесредневековая капитель разделяла могилы № 22 и № 23 (См.: Там же. С. 27. Илл. 11).

[23] Там же. С. 27.

[24] Там же. С. 28.

правдоподобным. Как известно, осада Херсона Владимиром велась долго и вяло[25]. Значит, у осажденных было достаточно времени, чтобы похоронить умерших по христианскому обряду, а не сваливать в кучу, и уж тем более не отделять покойникам головы, чтобы сбросить их в могилу № 24.

Поэтому, полагаю, что хоронили действительно погибших, но не при боевых действиях, а в результате катастрофы, постигшей город, когда от гниющих трупов необходимо было избавиться как можно скорее во избежание той самой эпидемии, о которой писал С.А. Беляев, справедливо полагавший, что заразные трупы, скорее всего, похоронили бы вне стен города. Описание погребений, сделанное С.А. Беляевым в отчете о раскопках и воспроизведенное в посвященной раскопкам «Базилики на холме» статье, свидетельствует, что погребение было не только массовым, но и одномоментным: «*В могиле было похоронено около 40 человек. Все погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Положение рук не ясно. Все кости находились в правильном анатомическом положении и ни один костяк не был потревожен при последующем захоронении. Это обстоятельство свидетельствует о том, что все захоронения были совершены одновременно. Погребенные лежали рядами, параллельно друг другу; но некоторые были положены неровно, так что, например, руки или ноги лежали наискось, перекрывая соседние погребения. От большого количества захоронений часть костей провалилась в нижние ряды, кости перемешались, что чрезвычайно затрудняло расчистку могилы*»[26].

Схожую картину возникновения кладбища на руинах наблюдал Г.Д. Белов, открывший базилики 1932 и 1935 гг. Исследователь отметил, что самые ранние захоронения были сделаны в нартексе этих храмов, хотя и полагал, что они возникли еще до разрушения базилик. Однако этому противоречит факт массовости трупоположений, которые невозможно себе представить в действующем храме.

Вот – информация о некрополе в Базилике 1932 г.: *«Раскопанные могилы можно разделить на три группы. Могилы первой группы (№ 18, 19 и 20)*[27] *находятся в нартексе, устроены на скале, покрыты насыпью второго слоя* (т.е. слоя разрушения Базилики 1932 г. – В.Х.) *и являются наиболее ранними; вероятно, они одновременны базилике. Отчасти это подтверждается и тем, что кости в них сильно истлели, чего не наблюдалось в других могилах. Могилы второй группы, наиболее многочисленной, находятся ниже мозаичного пола, который, при устройстве их, был прорублен, часть могил опущена до скалы, большая же часть расположена в насыпи третьего слоя* (предшествовавшего базилике – В.Х.). *Могилы этой группы устроены вскоре после разрушения базилики, когда второй слой был еще небольшой толщины и видны были стены базилики, возле которых могилы были устроены в шахматном порядке (напр. 4-8, 12-13). К третьей группе относятся могилы, находящиеся выше мозаичного пола, в насыпи второго слоя. Они были устроены в то время, когда накопилась уже значительной толщины насыпь второго слоя (№№ 1, 17, 22, 23, 27)»*[28].

---

[25] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. 1926-1928. Т. 1. Изд. 2-е. Стлб. 109; *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906. (Сборник в честь В.И. Ламанского. отд. отт.). С. 46. По контексту можно понять, что С.А. Беляев имеет в виду осаду Херсона Владимиром. То есть, по логике автора гипотезы, получается, что захоронения сделаны в городе, потому что загородный некрополь оказался недоступен осажденным горожанам.

[26] *Беляев С.А.* «Базилика на холме»… С. 44. Прим. 21.

[27] В могиле № 19 было погребено 14 человек, захоронения в могилах № 18 и 20 также были массовыми, но количество похороненных не удалось подсчитать из-за плохой сохранности остеологического материала (самой плохой на этом некрополе). Эти могилы редкостно богаты погребальным инвентарем (по сравнению с другими средневековыми захоронениями, как загородными, так и городскими): украшениями, белоглиняной поливной керамикой, деталями одежды, фрагментами тканей. Найдены даже костяные игральные шашки. Монеты не выходят за пределы X в. (См.: *Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 236-237).

[28] Там же. С. 240.

Добавлю, что сопровождающий погребения инвентарь в могилах второй и третьей группы гораздо беднее[29]. Создается впечатление, что похороненных в ранних могилах укладывали туда в той же одежде, с теми же предметами, в тех же украшениях, в которых они приняли смерть.

Очень схожая (но не аналогичная) картина наблюдается в Базилике 1935 г.: могилы находятся во всех помещениях храма (трех нефах и нартексе), а также перед ним. Они тоже делятся на три группы: ранние (в нартексе), второй группы (похороненные под полом базилики) и третьей группы – похороненные в мусорной засыпи выше пола храма[30]. «*Могилы, находившиеся в нартексе, были устроены ниже пола, кости в них истлели больше, чем в других могилах»*[31]. Захоронения в нартексе Базилики 1935 г. отличаются от таковых в Базилике 1932 г., во-первых, тщательностью исполнения (все захоронения аккуратно обложены мраморными или известняковыми плитами), во-вторых, большим количеством и массовостью захоронений, в-третьих, незначительным (т.е. обычным для средневековья) количеством сопутствующего инвентаря. В нартексе находились могилы:

- № 16 (около 12 похороненных)[32];

- № 20 «*кости истлели и превратились в мелкие куски*», поэтому, определить их количество невозможно[33];

- № 24 (25 похороненных) обнаружено 5 монет: Василия I, Романа II и Иоанна Цимисхия[34];

- № 25 (12 похороненных) обнаружена монета Константина VII[35];

- № 26 (17 похороненных) обнаружена монета Льва VI[36];

- № 31 (15 похороненных) обнаружены монеты Василия I и Романа II[37];

- № 32 (6 похороненных) обнаружена монета Василия II (с монограммами «Василий-деспот»)[38];

- № 33 (19 похороненных)[39];

- № 34 (около 20 похороненных) обнаружена монета Константина VII[40].

Таким образом, всего в нартексе Базилики 1935 г. было похоронено около 130 человек. Во всех вышеуказанных захоронениях костяки находятся в беспорядке, черепа, как правило, сдвинуты в один угол могилы. Поэтому, вероятно, в этих аккуратно устроенных могилах захоронения совершались последовательно и длительное время, так что ко времени нового трупоположения предыдущее успевало истлеть, и его кости можно было сдвинуть и даже «отсортировать».

В Базилике 1935 г. обнаружено несколько костяков со следами сросшихся переломов: в могиле № 6 – один неправильно сросшийся перелом бедренной кости, в могиле № 12 – один правильно сросшийся перелом бедренной кости, в могиле № 33 – один сросшийся перелом кисти руки[41].

Приведенная выше информация позволяет заключить, что захоронения в нартексах разрушенных храмов северо-западной части города совершались в следующем порядке: вначале в отдаленных базиликах «На холме» и 1932 г. были похоронены погибшие в катастрофе, причем,

[29] Там же. С. 232-238.
[30] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь, 1938. С. 113-129.
[31] Там же. С. 129.
[32] Там же. С. 119.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 121.
[35] Там же. С. 122.
[36] Там же.
[37] Там же. С. 123.
[38] Там же.
[39] Там же. С. 123-124.
[40] Там же. С. 124.
[41] Там же. С. 117, 118, 123-124.

судя по сопутствующему инвентарю, погребенные в Базилике 1932 г. были богаче, а в Базилике на холме – беднее. Затем стали совершаться регулярные захоронения: в нартексе Базилики 1935 г., перед новым храмом Базилики на холме и в нефах базилик 1932 и 1935 гг.

Возможно, что сразу после катастрофы захоронения были совершены и в других храмах: на руинах сгоревшей Базилики в базилике, Храма А, Базилики Крузе. Однако этот вопрос требует дополнительного и скрупулезного изучения.

С санитарной точки зрения логичнее предположить, что погибших хоронили в Северо-Западной части города, т.к. она обезлюдела и была относительно далеко от быстро возрождавшихся восточных районов. На руинах базилик 1932 и 1935 гг., а также перед новым храмом Базилики на холме были впоследствии захоронены и те, кто выжил в катастрофе. Наглядной иллюстрацией этого являются костяки со сросшимися переломами в могилах первой и второй хронологических групп некрополя Базилики 1935 г.

Открытым остается вопрос, когда херсониты перешли от трупоположений в городских могилах к захоронению истлевших останков в костницах. Полагаю, что не ранее XII в., т.е. когда начал вновь застраиваться Северный район, и с санитарной точки зрения хоронить там неистлевших покойников стало опасно. Замечу в этой связи, что в захоронениях с трупоположениями на руинах базилик северо-западной части города полностью отсутствует красноглиняная поливная керамика, т.е. за пределы XI – начала XII вв. они, скорее всего, не выходят[42].

Существует косвенное свидетельство того, что часть жителей, погибших в катастрофе рубежа X-XI вв. не была обнаружена, и их останки остались непогребенными. Это – фрагменты скелетов трех взрослых людей и одного трехлетнего ребенка, обнаруженные в нижних слоях (5-9) водосборной цистерны в VII квартале. Обстоятельства находки (мелкие фрагменты костных останков, находящиеся в разных слоях) говорят о том, что в период засыпания цистерны (конец XI в.) с момента смерти прошло достаточно много времени[43].

На некрополе XI-XIII вв., открытом С.А. Беляевым вокруг «Базилики на холме», обнаружена еще одна интересная группа захоронений. Исследователь предположил, что это кладбище использовалось, в частности, для упокоения представителей варяжского этнического элемента: таких могил обнаружено 10. Это – обычные индивидуальные захоронения (количество погребенных в одной могиле не превышало двух человек). Нехарактерным для херсонесского погребального обряда, по мнению исследователя, является «*положение рук погребенных – они были положены на плечи… Такое положение рук резко выделяет названные погребения не только из остальных могил данного некрополя и от средневекового Херсонеса в целом, но и от средневековых некрополей всего Крыма… Ближайшая по времени аналогия – некрополь под Десятинной церковью в Киеве. Но, согласно наиболее распространенной точке зрения, некрополь под Десятинной церковью – некрополь варяжский, принадлежит варяжской дружине, служившей у великого Киевского князя*»[44]. Исследователь не выдвинул гипотезы, были ли эти предполагаемые варяги воинами Владимира, погибшими при осаде Херсона, или наемниками на византийской службе, состоявшими в гарнизоне Херсона. Учитывая, что погребения совершены на христианском кладбище и являются индивидуальными, логичнее предположить, что это – могилы варягов «византийских», да к тому же крещеных. Причем,

---

[42] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг.; Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 202-267; *Беляев С.А.* «Базилика на холме»... С. 7-47.

[43] *Радочин В.Ю.* Антропологический материал // ХСб. 2006. Supplement 1. С. 217-218. (Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.)). С. 217-218; *Сорочан С.Б.* Херсонесский сборник… С. 107.

[44] *Беляев С.А.* «Базилика на холме»… С. 28-29.

сделаны эти захоронения, вероятно, после постройки «Базилики А», в период, когда кладбище было постоянно действующим, т.е. в XI-XII вв.[45]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что появление в Херсоне внутригородских некрополей с трупоположениями, предположительно локализованных в Северном и Западном районах, было вызвано тотальным разрушением города в начале XI в., сопровождавшимся массовой гибелью людей и необходимостью санитарной очистки города. Трупоположения людей со сросшимися переломами, обнаруженные на руинах Базилики 1935 г., свидетельствуют о том, что постигшая город катастрофа сопровождалась не только гибелью людей, но и травматизмом. Регулярное осуществление захоронений на руинах храмов Северного района оставалось возможным до тех пор, пока он не начал вновь застраиваться, т.е. примерно до XII в. В связи с тем, что Западный район оставался незастроенным до конца истории Херсона, здесь продолжало существовать кладбище вокруг нового (малого) храма «Базилики на холме». Использование античных погребальных сооружений под жилье в начале XI в. (как и водосборной цистерны в VII квартале) является свидетельством того, что выжившие после катастрофы жители Херсона остались без крыши над головой.

Таким образом, изучение материалов херсонесского некрополя дает дополнительные аргументы в пользу гипотезы о катастрофическом разрушении византийского Херсона в начале XI в. в результате природного катаклизма.

[45] Вероятнее отнести эти захоронения к XI в., т.к. на это время приходится пик «варяжского присутствия» в византийской армии (См.: *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // В. Г. Васильевский. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 176-377).

Резюме

Статья посвящена расширению доказательной базы гипотезы о землетрясении как причине разрушения византийского Херсона в начале XI в. Впервые в качестве источника информации об этом событии привлекаются публикации результатов раскопок загородного и городских некрополей. Автор приходит к выводу, что появление кладбищ с массовыми трупоположениями в нартексах разрушенных базилик «На холме» и 1932 г. связано с санитарной очисткой города после катастрофы. В ранних захоронениях на руинах Базилики 1935 г. обнаружены костяки со следами сросшихся переломов, вероятно, принадлежавшие жителям Херсона, травмированным, но выжившим в катастрофе начала XI в.

Ключевые слова: Херсон, базилика, землетрясение, некрополь.

Summary

The article is devoted to the evidence base expansion of the hypothesis about the earthquake as the cause of Byzantine Cherson destruction at the beginning of XI century. Publication of suburb and city necropolis excavations results is involved for the first time as a source of information about this event. The author comes to conclusion, that the appearance of cemeteries with mass burial places of corpses under narthexes of destroyed basilicas «On the hill» and «1932 year» due to sanitary cleaning of the city after the catastrophe. In the early graves under «Basilica of 1935 year» ruins skeletons with traces of fused fractures were found. Perhaps they belong to Cherson residents, who were injured, but survived in the catastrophe of the beginning of XI century.

Key words: Cherson, Basilica, earthquake, necropolis.

К.В. Белый

К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 1259 ГОДА В НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце августа или начале сентября 1259 г. (более точную дату источники не приводят) в Сосандрийском монастыре разыгралась кровавая драма, приведшая к смене власти в Никейской империи. Это был очередной государственный переворот в истории Византии, вызванный борьбой придворных группировок за влияние на трон и управление страной. Жертвами этих событий стало лишь 3 человека: царствующий император не пострадал и никакой социальной конфронтации, кроме разграбления имущества убитых, они не вызвали. Тем не менее, как отмечают византийские хронисты и современные историки, изучавшие эпоху Ласкарисов и Палеологов, драма в Сосандрийском монастыре оказала непосредственное влияние на дальнейшую судьбу Византийской империи, в некоторой степени даже предопределив ее исход[1].

По этой причине в трудах отечественных и зарубежных византинистов, посвященных политической истории Никейской империи, государственный переворот 1259 года непременно упоминается и анализируется. Ф.И. Успенский[2], К. Шампан[3], Ш. Диль[4], А.А. Васильев[5] и другие ученые отмечали, что главным его следствием стал приход к власти семейства Палеологов, правивших Византией последующие два столетия. Известно, что новая династия, начиная с ее основателя – Михаила Палеолога – изменила курс внутренней и внешней политики, проводившейся Ласкарисами, имела отличные от них внешнеполитические интересы, социальную базу власти, принципы экономической, фискальной и, наконец, церковной политики. И одна из главных причин столь резкого и долговременного изменения курса государственной политики, по мнению вышеназванных специалистов, кроется в способе прихода к власти первого Палеолога, который непосредственно связан с изучаемыми в настоящей статье событиями.

Поэтому, вызывает удивление тот факт, что в византинистике имеется немалое количество исследований, затрагивающих проблему переворота 1259 г., однако, нет ни одной работы, отдельно ему посвященной. Тем более что три дошедших до нас византийских источника, так или иначе описывающих ход событий тех дней, предоставляют исследователю достаточно большой объем информации. Это – сочинения двух современников сосандрийского мятежа – Георгия Акрополита и Георгия Пахимера, а также писателя XIV в. Никифора Григоры, пользовавшегося, однако, первоисточниками и свидетельствами очевидцев[6].

На этом основании мы считаем возможным и оправданным посвятить этой проблеме настоящую статью, в которой особое внимание будет уделено анализу причин государственного переворота, что, как правило, освещается историками недостаточно,

---

[1] Подробнее об этом (См.: *Васильев А.А.* История Византийской империи. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_we/vaa232.html).
[2] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI – XV вв. Восточный вопрос. М., 1997.
[3] *Chapman C.* Michael Paléologue, restaurateur de l'Empire Byzantin (1262-1282). Paris, 1926.
[4] *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948.
[5] *Васильев А.А.* История Византийской империи.
[6] *Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Том I / под ред. П. Шалфеева. СПб., 1862. С. 4-8.

анализу его прямых и косвенных участников и, конечно, последствий в исторической перспективе.

Предыстория событий такова. В конце августа (*«под осень»*, как передает Пахимер) от долгой и тяжелой болезни скончался Феодор II Ласкарис, процарствовав на никейском троне всего 4 года[7]. Наследником престола был его единственный сын Иоанн, которому только исполнилось 6 лет. Поэтому еще перед смертью император назначил царевичу двух опекунов. Ими стали ближайшие сподвижники Феодора II – его друг протовестиарий Георгий Музалон, ставший регентом, и патриарх Арсений Авториан, которым, по приказу умирающего василевса, придворные принесли торжественные клятвы в верности[8].

Когда император умер и его тело перенесли в Сосандрийскую обитель, были повсеместно разосланы послания, передававшие последнюю волю державного – назначить регентом Георгия Музалона, которому оставалось жить на тот момент 9 дней. Остановлюсь подробнее на описании специфики его карьеры и положения в высших кругах империи, чтобы понять всю сложность сложившейся ситуации.

Мальчик незнатного происхождения в детстве был взят из бедной семьи во дворец и рос вместе царевичем Феодором. Будучи умным и проницательным человеком, Георгий *«так скоро приноровился к характеру и нраву молодого царя, что быстро стал для него всем. Феодор говорил и делал все по мысли и желанию Георгия»*, – пишет Григора[9]. И неудивительно, что с воцарением Феодора II в 1254 г. он незамедлительно был возведен в должность протовестиария, оставаясь ближайшим сподвижником царя вплоть до самой его кончины. Получили должности и другие Музалоны, в частности, его брат Алексей.

Новый фаворит никейского двора Георгий Музалон был не только, по выражению Пахимера, *«правой рукой державного»*, но и активно участвовал в государственной политике[10]. Курс, взятый и успешно реализованный Иоанном III Ватаци, Феодор II продолжал: он проводил успешную реконкисту в Греции, Латинской империи, следовал протекционистской политике отца, приведшей, по словам хронистов, Никейское царство в цветущее состояние[11]. Но были, впрочем, и другие стороны политики Феодора II. Именно в них и кроется одна из причин заговора.

Как известно, династия Ласкарисов традиционно ориентировалась на усиление роли государства в экономике, поддержку стратиотской системы и мелких крестьян-общинников[12]. Напротив, с феодальной знатью: крупными землевладельцами и прониарами, значительно усилившимися при Ангелах, и у Феодора I, и у Иоанна III, и у Феодора II были прохладные отношения. В источниках не зафиксировано ни одного случая крупного дарения земли (кроме пожалований земель монастырям и некоторым придворным), зато упомянуты ее конфискации. Не практиковалось также предоставление каких-либо феодальных привилегий. Более того, Ласкарисы не всегда соблюдали неписанные законы никейской аристократии: нередко не обращали внимания на знатность, выдавая знатных невест за незнатных женихов, предоставляя кому-либо «из простых» высшие должности, чины при дворе, как, например, в случае с Музалонами[13].

Но если Феодор I и Иоанн III редко прибегали к открытым преследованиям знати, то с кратким правлением Феодора II связана целая серия репрессий. По мнению, Георгия Пахимера, не личные качества императора, а тяжелая болезнь послужила поводом для подобных действий. *«Едва схватывала царя болезнь,*- отмечает Пахимер, - *страдалец*

[7] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 1862.
[8] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / Под ред. И.Е. Троицкого. СПб., 1863. С. 177.
[9] *Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. С. 59-60.
[10] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 141.
[11] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах.
[12] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI – XV вв.
[13] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 26-28.

начинал испытывать как бы влияние демонских чар»[14]. У него резко усиливалась подозрительность, и любой человек, обвинявшийся в причастности к колдовству, незамедлительно арестовывался и подвергался казни. Тот же Пахимер, впрочем, отмечает и многочисленные случаи ложных доносов, которые, тем не менее, приводили к арестам и наказанию[15].

Подозрения в чародействе не были единственным поводом для репрессий. Акрополит и Пахимер в своих сочинениях упоминают лиц, попавших в опалу и подвергнутых наказанию по иным причинам. Это либо несогласие с царем в ходе обсуждения определенных вопросов, либо какая-то форма неприятия его решений. На этой почве ослеплению или разжалованию были подвергнуты представители многих знатных семейств: Георгий Загаромматис, Федор Филес, Алексей Стратигопул со своим сыном, ослепленным за спор с царем, Никифор Алиатта, которому за то же был отрезан язык и т.д.[16] Не оценивая политическую целесообразность названных мер, можно с уверенностью сказать, что этим император значительно ухудшил отношения с высшими слоями никейского общества. А вместе с ним, конечно, и Георгий Музалон.

Поэтому понятным становится описание Пахимером атмосферы, воцарившейся в придворных кругах после кончины Феодора II. *«Между тем вельможи*, - пишет он, - *втайне строили замыслы, а притворялись верными слугами царя-отрока, питая такое чувство негодования то против попечителя и дитяти, то против приставленных к нему лиц, от которых прежде тоже терпели ...»*. При этом, продолжает Пахимер, их ненависть должна *«быть умиротворена местью людям, несправедливо, по их мнению, получившим такие почести ...»*[17].

Очень точно, на наш взгляд, настроение представителей никейской аристократии выразил Георгий Акрополит – будущий сподвижник Михаила Палеолога, человек, занимавший при дворе высокую должность великого логофета, типичный представитель никейской знати. Описывая кончину Феодора II, он заметил, что державный *«оставил завещание как будто на сына, а на самом деле на протовестиария Георгия Музалона, потому что завещание его делало правителем всех римских дел ...»*[18]. Его, незнатного человека, любимца почившего государя, к которому значительная часть знати питала недобрые чувства. Таким образом, мотивы и поводы для агрессии по отношению к регенту у немалого количества представителей аристократии возникли уже давно.

Трудно сказать, когда впервые возник план заговора против Музалонов. Однако, судя по последовавшим событиям, на которых необходимо остановиться более подробно, это случилось уже в первые дни после смерти Феодора II. Как передают византийские хронисты, Георгий Музалон, будучи опытным царедворцем, прекрасно понимал всю шаткость своего положения. Он не мог не знать о настроениях в аристократических кругах и, *«видя, что зависть в империи сильна и ползет многими путями, что на многих падает подозрение в домогательстве царской власти ...»* регент решается на неожиданный шаг[19]. На третий день после кончины императора Музалон собирает сенат из представителей всех знатных родов, военачальников, высоких чиновников и влиятельных лиц. Для еще большей легитимности собрания регент приглашает братьев первого никейского императора Феодора I.

Первым перед сенатом выступил сам Георгий Музалон. В длинной речи, которую передает Пахимер, регент упомянул о смерти державного, о несправедливостях, обрушившихся на ряд знатных лиц по вине тяжелой болезни императора, и о своей роли в этих инцидентах. Затем Георгий Музалон идет на неожиданный шаг – отказывается от

[14] Там же. С. 24.
[15] Там же. С. 25.
[16] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 180.
[17] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 46-47.
[18] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 179.
[19] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 33-35.

регентства, считая себя недостойным такой ответственной должности, и предлагает собранию свободным голосованием выбрать нового опекуна царю. *«Если, следуя своим соображениям*, – добавил Музалон, – *вы захотите, чтобы я оставался при своем деле, соглашусь; а когда не захотите, распрощаюсь со всем и не пущусь в изыскание причин моего увольнения, хотя бы следствия его были для меня вредны»*[20].

После речи регента в зале, согласно Пахимеру, раздались «смешанные голоса»[21]. Однако, в основном, они были направлены в поддержку Музалона. Вскоре слово взял один из родственников Георгия Музалона – Михаил Палеолог, который в не менее длинной речи, с прибавлением всяких похвал, призвал своего племянника не принимать такое решение и остаться регентом. *«Ведь ты и по достоинствам выше других*, - сказал Палеолог, - *и по уму, в котором нет недостатка, над всеми первенствуешь. Итак, властвуй,— пекись и о царе, пекись и о делах Римской империи. Мы с удовольствием последуем за тобою»*[22]. Собравшиеся единогласно поддержали это решение. По свидетельству Григоры, Музалон еще долго отказывался от принятия должности, но был вынужден согласиться в результате единогласного решения собравшихся. Кстати, в своем сочинении Георгий Акрополит сознательно избегает упоминания о собрании и его решении. Причину этого поясню ниже.

Трудно предположить, развеялись ли сомнения у Георгия Музалона в лояльности к нему знати после роспуска сената, стал ли он чувствовать себя в большей безопасности, однако, по крайней мере, все последующие 6 дней, по сведениям хронистов, переизбранный регент не проявлял никаких активных действий против оппозиции. Он занимался государственными делами, казной, охраной царевича, благотворительностью, но никак не предотвращением возможных антиправительственных акций[23].

Наконец, настал 9 день по смерти Феодора II и, по традиции, все высшие должностные лица, сановники, воины и простые жители собрались в вифинском Сосандрийском монастыре, чтобы почтить память усопшего. Прибыли туда и Музалоны. Подробное описание всего, что произошло далее, имеется у Григоры[24], Акрополита[25], а также более обширное – у Пахимера[26]. При этом, в трех версиях данного эпизода мало противоречий и, следовательно, останавливаться на нем мы не видим необходимости. Опишем лишь кратко суть произошедшего.

Семейство Музалонов, клир и ближайшие сподвижники регента находились в монастырском храме, совершая заупокойное богослужение. В это время возле монастыря, в отряде итальянских и других иностранных наемников, вдруг начались волнения и прозвучали грозные требования показать народу царя. Вскоре воины смешались с толпой, стоявшей неподалеку, и начались беспорядки. Чтобы угомонить толпу, Георгий Музалон вывел царевича на балкон и предъявил народу, показывая, что тот в полной безопасности. Однако появление царя подействовало на толпу как сигнал, и она тут же ринулась в монастырь по обходной дороге. В храме продолжалась служба и братья Музалоны, вопреки советам монахов затворить ворота, оставались спокойны и думали, что солдаты спешат в обитель, дабы принять участие в богослужении.

Далее версии Пахимера[27] с одной стороны и Акрополита[28] с другой частично расходятся. Первый утверждает, что разъяренная толпа ворвалась в обитель. Чтобы узнать, что происходит вне храма, Георгий Музалон посылает своего секретаря Феофилакта, которого

---

[20] Там же. С. 34-40.
[21] Там же. С. 41.
[22] Там же. С. 44.
[23] Там же.
[24] *Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами.
[25] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 180-183.
[26] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 48-54.
[27] Там же. С. 49.
[28] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 182.

солдаты приняли за самого регента и мгновенно разрубили на части. А затем, ворвавшись в храм и алтарь, сделали то же самое с Музалонами.

По версии Акрополита, регент, почуяв неладное, попытался сбежать на коне, однако, наемники хитростью остановили его, прося Музалона принять новую присягу в верности. И тогда сотворили то же, что описал Пахимер.

Версия Пахимера выглядит предпочтительнее по многим критериям. Более того, он сам упоминает, что сведения о произошедшем получил от очевидцев этой драмы. К тому же, убитый секретарь Музалона был его родственником, близкие которого присутствовали в храме[29]. Георгий Акрополит вполне мог быть очевидцем убийства и, беря во внимание эту деталь и последующую карьеру великого логофета, к сведениям, содержащимся в его летописи, стоит относиться весьма осторожно.

Хотя тот же Акрополит сообщает нам интересные сведения об участниках переворота. Очевидно, что драма в Сосандрийском монастыре была хорошо спланированным мероприятием. Исполнители знали цель, ее достигли, а беспорядки окончились сразу же после разграбления имущества Музалонов. Остается только выяснить, кто был или мог быть лидером заговора. Или, другими словами, кто был наиболее заинтересован в смерти «одобренного всеми» регента.

Во-первых, как мы уже выяснили, это – представители высшей аристократии. Поводом для заговора в случае с ними служили и личные обиды, зависть, сведение старых счетов, и борьба за власть. Кстати, Акрополит даже указывает имена конкретных лиц, «подговоривших воинов». Это и Алексей Стратигопул, и Константин Торник, и Федор Филес, упоминавшиеся ранее[30].

Во-вторых, иностранные, преимущественно итальянские, наемники. В своем труде Георгий Пахимер упомянул, что у иностранных наемников, которых активно вербовали при Ласкарисах, были веские основания для недовольства Феодором II и, следовательно, Музалоном. Дело в том, что *«эти иностранцы, еще при жизни царя, лишены были прежних своих пенсионов, что чрез это выражено им презрение… загражден был им доступ к царю, и что унижение сделано им по повелению протовестиария»*[31]. При этом Пахимер отмечает, что при всем недовольстве правительством, наемники не отважились бы совершить убийство регента. Слаженность их действий говорит, в свою очередь, о том, что воины действовали при активной поддержке и руководстве своих начальников. История сохранила имя лишь одного из них: имя великого коноставла – придворного сановника, отвечавшего перед царем за действия данного отряда и лично им руководившего во время боевых действий. Звали его Михаил Комнин Палеолог.

Даже если предположить, что великий коноставл не был в числе заговорщиков, то, по крайней мере, он не мог не знать о готовящейся операции. Более того, именно Михаил Палеолог более всего выиграл в результате Сосандрийского переворота[32].

Вскоре после трагических событий экстренно созывается новое совещание знати и высшего духовенства, чтобы выбрать преемника убитого регента, дабы государство не оставалось без руководителя. После длительного обсуждения разных кандидатур собравшиеся остановились именно на Михаиле Палеологе, приобретшем к тому времени значительное влияние при дворе и популярность в народе[33].

Став регентом, затем великим дукой, а вскоре и деспотом, Палеолог отныне *« … поплыл к пристани царствования, так сказать, на всех парусах»*[34] пока, наконец, 1 января 1260 г. не был провозглашен василевсом ромеев. С этого времени и вплоть до 1453 г. византийский

[29] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах.
[30] *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. С. 179.
[31] *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 47.
[32] *Диль Ш.* История Византийской империи.
[33] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI – XV вв.
[34] *Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. С. 69.

трон занимали представители династии Палеологов. Династии, с которой связано постепенное ослабление Византии и окончательная победа феодальной партии – крупной земельной аристократии[35]. Именно с воцарением Михаила Палеолога, все свое царствование ориентировавшегося на интересы феодалов, попытка Ласкарисов создать независимое локальное государство доместиального типа провалилась[36].

Однако не следует всю вину за неудачи во внутренней и внешней политике возлагать исключительно на недостатки Михаила Палеолога как государственного деятеля. Необходимо понимать, что не только благодаря своему знатному происхождению, но и способу прихода к власти он был вынужден зависеть от феодальной партии, которая в течение 5 месяцев борьбы и интриг превратила своего ставленника в императора. И одно из самых важных и решающих мест в этой борьбе занимает драма в Сосандрийской обители – государственный переворот 1259 года.

Резюме

Статья посвящена одному из ключевых эпизодов истории Византии – государственному перевороту 1259 года. Автор приходит к заключению, что «Сосандрийская драма» заслуживает отдельного рассмотрения, так как в результате нее сменилась не только правящая династия, но и стратегия государственной политики.

Ключевые слова: Византия, Никейская империя, государственный переворот 1259 года.

Summary

The article is devoted to one of key episodes of Byzantine history – statehood upheaval of 1259. The author comes to conclusion that drama in Sosandry monastery deserves special consideration because not only the ruling dynasty changed as a result of it, but also the whole strategy of state policy.

Key words: Byzantine Empire, The Empire of Nicaea, a coup d'état of 1259.

[35] *Горянов Б.Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
[36] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI–XV вв.

К.Ю. Рахно

«ТРАКТАТ О ДВУХ САРМАТИЯХ» МАЦЕЯ МЕХОВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В истории изучения Восточной Европы явлением эпохального значения стал «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них» (1517) краковского каноника Матвея из Мехова или же Мацея Меховского, Меховиты. Это сочинение польского ученого сыграло важную роль в развитии западноевропейской украиники и беларусистики. Во-первых, оно было написано на латинском языке и предназначалось не так для польской, как для европейской аудитории, по представлениям того времени – для «республики гуманистов», то есть для ренессансной интеллигенции, которая была, безусловно, международной, в масштабах своего времени, конечно. Во-вторых, оно издавалось главным образом за пределами Польши, в разных странах Западной Европы, выдержав много переизданий, и на продолжительное время стало одним из главных источников для западноевропейских авторов, писавших о востоке Европы. Сочинение Меховиты выходило также в немецком и итальянском переводах. Оно вызвало интерес не только у ученых, но и у купцов, дипломатов, политиков.

Трактат Меховского ознаменовал качественно новый этап в истории ознакомления Западной Европы с Восточной, положив начало её научной географии. Он произвел в Западной Европе глубокое впечатление и вызвал острую и продолжительную полемику. Дело здесь прежде всего в том, что на Западе географические представления о Восточной Европе, особенно о её северной части, в то время все еще строились на далеких от реальности античных представлениях. Меховскому понадобилось немало мужества, дабы опровергнуть эти фантастические, но очень авторитетные мнения. Следует заметить, что для самих поляков трактат не был особым открытием: Меховита изложил то, что они уже в основном знали из рассказов русинов. При описании «Европейской Сарматии» он почти полностью сосредоточил свое внимание на землях нынешней Украины, которую он описал со знанием дела и не без симпатии, дополнив географически-этнографические выкладки о флоре и фауне, плодородии, природных богатствах, занятиях населения, экскурсом в историю Киевской Руси и монгольского нашествия, разрушившего русские города и княжества[1]. Непосредственную русскую информацию следует предполагать и в незаурядных сообщениях о Северном Причерноморье и Кавказе.

Следует заметить, что сочинение польского автора часто содержит уникальные, до сих пор надлежащим образом не использованные наукой сведения о многих этносах средневековья, в том числе о тех, которые спустя некоторое время исчезли. В частности, важны и интересны заметки Меховского об остатках хазар на Северном Кавказе: «К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Альбании, которые у русинов называются по имени народа Пецигорскии Чыркачи, то есть приблизительно Чыркачи пяти гор. Среди этих же гор живут газарские племена, которые, по словам вашей моравской легенды, обращены были в веру Христову святыми братьями Кириллом и Мефодием, посланными императором Константинопольским Михаилом. Газары и до сих пор следуют греческой вере и обрядности. Это – воинственные люди, имеющие связи по всей Азии и в

[1] *Наливайко Д.* Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. Київ, 1998. С. 109-113.

Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В наше время греки называют эти племена абгазары и абгазели (Ab meridiem versus mare Caspium sunt montes Iberiae et Albaniae, quos Ruteni a gente Piecihorscii Czyrkaczy, quasi quinquemontani Czyrkaczi vocant. Inter illos siquidem montes sunt Gasarorum gentes, quas, ut vestra Morauica legenda depromit, sanctus Cirullus et Metudius fratres, per Michalem, imperatorem Constantinopolitanum, missi, ad fidem Christi converterunt; et usque nunc fidem et ritum Graecorum profitentur. Sunt homines bellicosi, in tota Asia et Aegipto acceptabiles, apud hoc Thartari Zauolhenses tela comparant. Verum hac graeci illas gentes Abgazari et Abgazeli nominant)»[2].

Эти данные об обширных, вероятно, торговых связях крещеных хазар и их коммерческих операциях с заволжскими татарами любопытным образом коррелируют с подобными взаимоотношениями, существовавшими в предшествующее время в Крыму, Закавказье и на Северном Кавказе между хазарами-иудеями и половцами, когда первые выступали инициаторами набегов последних на Русь и Грузию. Помимо политических связей, источниками фиксируется наличие до монгольского нашествия группы купцов, специализировавшихся на работорговле и действовавших в постоянном контакте с тюркскими кочевниками, обеспечивая реализацию захваченных во время набегов людей. Находясь в глубоком тылу, они, очевидно, не только скупали пленников, но и обеспечивали кочевых воинов всем необходимым. Эта группа хазар действительно обладала обширными связями, включая, помимо окрестных земель, Ближний Восток, Переднюю и Малую Азию, Северную Африку, что показывают не только предполагаемые рынки сбыта живого товара, но также история местного мессианского движения и наблюдения путешественников[3]. Следует думать, что если даже со временем количество хазар, исповедовавших христианство, возросло под влиянием внешних факторов, то часть их всё равно продолжала придерживаться иудаизма. Рядом с православными хазарами во времена Меховского обитали другие христиане – адыги и мингрелы: «По соседству с ними находятся племена чиркассов и менгреллов. Все это – христиане греческого обряда, обращенные св. Кириллом (Et vicinae iuxta illas sunt gentes Circassi et Mengrelli omnes de ritu graeco, per beatum Cirullum in fidem Christi reductae)»[4].

Отдельный интерес представляют сведения Меховского о Крымской Готии и трагической судьбе её правителей: «С уходом югров или венгров из Сарматии Азиатской в Паннонию, остававшиеся на месте готты весьма размножились, но татары, пришедшие с востока, совершенно уничтожили их, а города и замки их разрушили, так что только на Таврическом острове кое-что уцелело. Генуэзцы из Италии получили от них знаменитый город Феодосию или Каффу на Таврическом острове и устроили там свою колонию. В дальнейшем татары из рода уланов, о которых будет сказано ниже, вступив на остров через северный проход, заняли весь его с городами, селами и полями, при чем князья Манкуп (по происхождению и языку готты) удержали только замок Манкуп. Наконец, Магомет, восьмой император турецкий, дед нынешнего императора Селямбека, занял Таврический остров, взял приступом Каффу, сделал своими данниками перекопских татар или уланов со всем Херсонесом, а вне пределов острова, севернее, на берегу Танаиса соорудил крепость Азов, и

---

[2] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.-Л., 1936. С. 62.

[3] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 443, 445; *Богданова Н.М.* Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Москва, 1991. Выпуск 1. К XVIII международному конгрессу византинистов. С. 61-62, 143; *Карпов А.Ю.* Несколько замечаний о преподобном Евстратии Постнике // Россия и Христианский Восток. М., 1997. С. 7-15; *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 478-495; *Кёстлер А.* Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. СПб., 2001. С. 81, 133, 139, 220-221; *Райт Дж.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988. С. 253, 257, 396; *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006. С. 362-363.

[4] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 62-63.

по сей день принадлежащую туркам. Двух братьев, князей Манкуп, единственных уцелевших представителей готтского племени и языка (и надежду на продолжение его), он зарубил мечом и овладел замком Манкуп. Так исчезли готты и в Сарматиях и в Италии, в Испании и Галлии. В истории они больше не появляются» (Iuhris autem sive Hungaris de Sarmatia Asiana in Panoniam abeuntibus reliquiae Gotthorum auctae et multiplicatae sunt, quas Thartari ab oriente supervenientes in toto deleverunt, sed et civitates castraque demoliti sunt, ut solum in Taurica insula residui reperirentur. Verum lanuenses ex Italia Theodosiam seu Caffam, urbem famosam, in Taurica insula sub ipsis obtinuerunt et coloniam fecerunt. Tandem Thartari de familia Vlanorum, de quibus intra dicetur, per portam septemtrionalem insulam ingressi totam cum oppidis, pagis et campis occupaverunt ducibus de Mankup, qui generis et linguae Gotthorum fuerunt, dumtaxat castrum Mankup retinenbus. Postremo Machomet VIII., imperator Thurcorum, avus moderni Selambeci imperatoris, Tauricam insulam comprehendit, Caffam expugnavit, Thartaros Precopenses seu Vlanos cum toto Chersoneso omagiales sibi fecit et ultra insulam ad septemtrionem castrum Azow in ripa Tanais incastellavit et in hunc diem Thurci tenent. Binos quoque duces et fratres de mankup, unicos Gotthici generis ac linguagli et superstites ac spem gregis Gotthorum prolificandorum, gladio percussit et castrum Mankup possedit. Sicque Gotthi penitus, tam circa Sarmatias, quam in Italia, Hispania et Gallia extincti sunt nec eorum geneologia peramplius comparet)[5].

Говоря еще раз о султане, Меховский повторяет, что «потом он с бою взял Нигропонт, бывший под властью венецианцев, взял Феодосию, ныне называемую Каффой, генуэзскую колонию на Таврическом острове, вместе с этим островом; зарубил мечом двоих князей из замка Манкуп (как говорят, последних представителей готтов) и подчинил себе Мендлигера, татарского императора, в названном Херсонесе Таврическом (Deinde Nigropontum sub Venetis expugnavit, Theodosiam, nunc Caffam nuncupatum, in Thaurica insula lanuensium coloniam, una cum praefata insula expugnavit et comprehendit binosque principes de castro Mancup, ut fertur, postremas Gotthorum reliquias, gladio percussit et Mendligeri, imperatorum Thartarorum in praedicta Chersoneso Thaurica, sui iuris fecit»[6].

К этому мрачному и знаковому для Северного Причерноморья событию автор трактата о двух Сарматиях возвращается не раз: «Третий город, Феодосия, ныне называемый Каффой, был взят приступом у генуэзцев Магометом II, императором турок. Завладев также замком Манкуп к западу от Каффы, вышеназванный турок Магомет убил мечом двух братьев князей, государей замка Манкуп и, как говорят, последних представителей готтов. Он укрепил также замок Азов близ устьев реки Танаиса, которым и ныне владеют турки» (Tercia civitas est urbs Theodosia, nunc Caffa dicta, quam expugnavit sub lanuensibus Machumetes secundus imperator Thurcorum, castrum vero mancup, quod est versus occasum a caffa, praefatus Thurcus Machumetes vi accipiens binos fratres principes et dominos castr Mancup (ut dicitur reliquias ultimas Gotthorum) gladio occidit Azow quoque castrum, circa hostia fluvii Tanais situm, incastellavit, et Thurci usque nunc tenent)[7].

Свидетельство Меховского считается весьма ценным доказательством готского происхождения династии Мангупа и бытования там на момент вторжения турок готской речи. Однако, как указывают историки, в изложении польского автора содержалась основная ошибка, а именно, что убийство правителей означало для народа потерю национальности и языка. Сообщение, что все государи Готии погибли, также не соответствовало действительности. Несомненно, турецкое завоевание Крыма было в ущерб готам, но если они существовали тогда, то продолжили существовать и после завоевания, уменьшившись числом. Что касается языка в составе иноязычного государства, то язык покоренных или подчиняющихся, если не вытесняет язык завоевателей, как это часто случалось в истории, то

[5] Там же. С. 71-72, 151.
[6] Там же. С. 88, 167.
[7] Там же. С. 91, 169.

сохраняется обычно как крестьянский диалект, а его полное исчезновение возможно только по прошествии веков[8]. И действительно, готы и их наречие продолжали жить в горном Крыму на протяжении еще нескольких столетий.

Самые интересные сведения о населении причерноморских степей Меховский сообщает в главе об аланах, вандалах и свевах: «Аланы – это народ, живший в Алании, области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней. Страна их – равнина, без гор с небольшими возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, а там погибли или были истреблены. Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев – ни аланов, ни пришлых. Иногда только проходят там казаки «ища», по их обычаю, «кого пожрать». Казак – татарское слово, а козак – русское, означает на латинском языке человека, находящегося в зависимости, служащего за плату (вариант перевода: холопа, подданного) – разбойного бродягу или рейтара. Они живут добычей, никому не подчинены и ездят по обширным и пустынным степям отрядами в три, шесть, десять, двадцать, шестьдесят человек и более. В той стране обильно растет пахучий тростник. Поляки называют его татарское зелье (tatarskee zielle), заимствуя имя у татар, так как растет он во множестве недалеко от татарского края (Alani fuere gentes in Alania, regione Sarmatiae Europinae flumini Tanai contiguae et conterminae. Et est regio plana sine montibus, paucas simositates et colles habens. Caret colonis et habitatoribus, qouniam ab invasoribus eiecti et dispersi in alienis provinciis consumpti et excinti sunt. Stant campi Alaniae late profusi, tam Alanis, quam advenis possessoribus orbati ac desert. Dumtaxat interdum Kazaci eam petranseunt, quaerentes, ut moris eorum est, quem devorent. *Kazak* Thartaricum nomen est, *kozak* vero Rutenicum, valens in lingua latina servilem, stipendiarium, grassatorem seu reytteronem: spoliis enim vivunt, nulli subiecti gregatim latissimos et vacuos campos tres, sex, decem, viginti, sexaginta etc numero percurrentes. Crescit in illa terra calamus aromaticus uberrime, *tatarskee zielee* a Polonis nomine a Thartaris mutuato nuncupatus, quoniam non longe a Thartarorum regione crescit et multiplicatur)[9].

Правильно отмечено, что это ценное, к тому же, одно из наиболее ранних подтверждений настоящего происхождения украинского козачества, которое показывает, что уже в начале XVI века козаки были заметным явлением в жизни Польско-Литовского государства[10]. Как отмечают исследователи процессов возникновения козачества, не следует понимать эти строки о зависимости как доказательство причастности крестьян к формированию козаков, поскольку конкретных документальных свидетельств того, что крестьянство имело отношение к их генезису, до сих пор не обнаружено. В Польше хлопом называли каждого, кто не имел герб. И даже бояр, которые шли козаковать, летописцы часто записывали в свои хроники хлопами со слов разгневанного воеводы или старосты[11]. Служилые бояре, зависимые от крупных феодалов, гораздо больше подходят под описание Меховского. Тем более, что сейчас историки настаивают на генетической связи украинского козачества именно с боярским сословием, отмечая вклад представителей боярства и мелкой шляхты в его генезис, а также влияние крупных феодалов[12]. Важно также, что Меховский не знает никаких татарских казаков, существование которых иногда предполагают сторонники

---

[8] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказапния Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 241; *Равдоникас В.С.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Готский сборник (Изв. ГАИМК. Т. 12. Вып. 1-8). Л., 1932. С. 10; *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere: eine ethnologische Untersuchung. Halle, 1896. S. 51, 86-88, 90, 124, 181, 222.

[9] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 72, 152.

[10] *Наливайко Д.* Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. Київ, 1998. С. 114.

[11] *Щербак В.* Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. Київ, 2000. С. 152.

[12] *Леп'явко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996. С. 27-44; *Щербак В.* Українське козацтво... С. 17, 34-41, 43-45, 47.

тюркской теории происхождения козачества, он только отмечает, как звучит их название в устах татар. Представляет интерес и его сообщение о трагической судьбе алан – ираноязычных жителей Причерноморья.

К аланам, козакам и другому нетатарскому населению степей Меховский возвращается, когда отдельно говорит о Руссии, ее округах, изобилии и о находящемся в ней: «После сказанного о Сарматии Азиатской, называемой Скифией, нам остается сказать о Сарматии Европейской. Первой тут перед нами лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией. Восточный край ее прилегает к реке Танаису и Меотидским болотам, отделяющим Азию от Европы. В давние века у реки Танаиса жили аланы, а за ними к югу роксоланы. Эти народы были совершенно уничтожены и погибли, а теперь там видны лишь широко раскинувшиеся степи, где изредка встречаются звери да козаки или разбойники (вариант перевода: бродяги), как выше сказано. Дальше к югу есть еще кое-какие остатки чиркассов. Это весьма дикий и воинственный народ, по происхождению и языку – русины. Далее есть замок, называемый Очарков, выстроенный во владениях литовцев императором перекопских татар… (Postquam diximus de Sarmatia Asiae, quae Scythia vocitatur, restat dicere de Sarmatia Europiana, et in ea primum occurit Russia, olim Roxolania dicta. Latus eius orientalis adiacet flumini Tanai et Paludibus Meotidis, secernentibus Asiam ab Europa. Priscis autem seculis Alani habitarunt ad flumen Tanais, deinde iuxta illos ad meridiem Roxolani. Hae autem gentes in totot deleyae perierunt, campique latissime patentes spectatur deserti, solis feris et Kosacis seu praedonibus pervii, prout supra dictum est. Post hoc supersunt reliquiae Circassorum versus meridiem et sunt gentes ferocissime et belicosissime, genere et lingua Ruteni. Deinde est castrum, Oczarkow nuncupatum, quod imperator Thartarorum Przekopensium extruxit, in dominio Lithuanorum…)»[13].

Упомянутые чиркасы не тождественны описанным выше пятигорским черкесам, это, очевидно, жители пограничного города Черкассы, уходники. Таким образом, сведения Меховского не подтверждают популярную в околонаучных кругах гипотезу об оседании на территории Украины групп адыгов, якобы ассимилировавшихся и принявших участие в формировании украинского козачества. Однако его утверждения о полном исчезновении алан, как и в отношении готов, выглядят несколько поспешными. Вполне возможно, что имел место процесс ассимиляции ираноязычного населения степей более крупными соседними этносами, и остатки аланского населения в степях Северного Причерноморья могли слиться не только с ногайскими татарами, но и со славянскими поселенцами, повлияв, таким образом, на формирования степной группы украинцев. Те же упомянутые выше козаки, рыскающие по степям, вполне могли быть их потомками. Причем этому находится подтверждение в рассказе Меховского о фауне степи:

«Звери, встречающиеся у них, это – олени, лани, козы и свак. Свак – это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно. Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тога испуганные сваки выбегают с разных сторон и все мечуться от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают (Ferae apud eos reperiuntur: cervi, damae, dorcae et swak. Et est animal quantitatis ovis, in terris aliis non visum, lana griseum, duo parva cornua habens, cursu velocissimum et esu carnium eius suavissimum. Et dum grex swak in aliquo campo inter gramina conspicitur, Cham seu imperator Thartarorum cum suorum multitudine equestres vadunt et omniquaque circumdant in altissimis graminibus delitescentes. Dumque timpanis incipiunt sonare, tunc swak, tanquam metu perculsae, rapidissime hinc atque illinc ab una parte circumstantium ad alyeram percurrunt et iterum

[13] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях… С. 95, 172.

decursando vadunt, usque quo fatigati deficiant: tunc irruentibus Thartaris cum clamore occiduntur)»[14].

Дело в том, что зафиксированное внимательным к лингвистическим нюансам Меховским степное, очевидно, козацкое или, что менее вероятно, татарское swak – явный иранизм, оно соответствует осетинскому дигорскому sovaq, sobaq «сайгак», которое восходит к сармато-аланскому слову, послужившему источником последующего заимствования для тюркских и славянских языков. В дигорском эпосе Qumi buduri i c'æx dudæqtæ æma sovæqtæ wæd ka kafuncæ «На Кумской равнине серые дрофы и сайгаки пускаются в пляс»[15]. Это особенно интересно ввиду многочисленных изоглосс, общих сюжетов фольклора и этнокультурных параллелей, существующих между украинцами, особенно позднесредневековыми козаками, и потомками алан – осетинами.

Подобных, еще не до конца осознанных и проанализированных учеными моментов в сочинении Мацея Меховского немало. Его трактат, принадлежащий к ренессансно-гуманистической традиции и представляющий собой одну из первых попыток Польско-Литовского государства рассказать о себе и своих соседях Западной Европе, содержит богатый этнографический материал, который еще надлежит сопоставить с фольклорными, лингвистическими, антропологическими, археологическими данными.

Резюме

Трактат «О двух Сараматиях» Матфея Меховского является важным источником по истории и этнографии Северного Причерноморья.

В шестнадцатом веке работа Матфея Меховского трактат «De duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana», был впервые напечатан в Кракове в 1517 году. Он был хорошо известен и выдержал много изданий. Он содержал сведения о современном автору нетатарском населении степей Северного Причерноморья, в том числе алан, готов, хазар, черкесов и русинов. Проблема происхождения украинского казачества не может быть проанализирована без привлечения фактов из работы этого польского ученого.

Ключевые слова: история, историография, этнологии, Мафей Меховский, аланы, готы, хазары, черкесы, русины, казаки, Крым, Кавказ, Украина, Польша, Северное Причерноморье.

Summary

Tractatus de duabus Sarmatiis by Matthias Miechovita as a Source for the Historical Ethnography of the Northern Black Sea Region.

In the sixteenth century the work of Matthias Miechovita, Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contends in eis, printed for the first time in Krakow in 1517, was very well known and had many editions. It consists a lot of information on the contemporary non-Tatar population of steppes of the Northern Black Sea region, including the Alans, the Goths, the Khazarians, the Circassians, and the Ruthenians. The problem of the origin of Ukrainian Cossacks could not be analyzed without the facts from the work of this Polish scientist as well.

Key words: history, historiography, ethnology, Matthias Miechovita, the Alans, the Goths, the Khazarians, the Circassians, the Ruthenians, Cossacks, the Crimea, Caucasus, Ukraine, Poland, Northern Black Sea region.

[14] Там же. С. 60, 141.

[15] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1979. Т. III. S–T'. С. 140.

Т.А. Прохорова

ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Победа Российской империи над Османской Портой и присоединение Крыма к России в 1783 г. положили начало его планомерному изучению. Широкая научная общественность «*проявила интерес к истории легендарной Тавриды*»[1]. Сведения о Крыме, оставленные нам древними греками, с интересом изучали путешественники I пол. XIX в. Это повлекло странствующих русских и европейцев по следам Геродота, Страбона, Плиния и Помпония Мелы, что неизбежно приводило их в Крым[2]. Первыми его исследователями были ученые Академии наук, которые имели сугубо научный интерес. В 1781–1782 гг. академическая экспедиция В.Ф. Зуева (1754–1794) отправилась на изучение Херсонского края и Крыма[3], в 1785 г. экспедицией Академии наук во главе с «обсерватором титулярным советником» Ф. Черным определены точные географические координаты наиболее крупных городов Крыма – Перекопа, Евпатории, Севастополя, Феодосии[4].

Физическое описание Таврической области подготовил ее вице-губернатор К.И. Габлиц (1752–1821)[5]. В 1783–1784 гг. опись побережья Крыма от Тарханкута до Боспора Киммерийского проводил капитан 2-ого ранга И.М. Берсенев[6]; его дело продолжил И.И. Биллингс (1761–1806), в 1797–1798 гг. составив описание берегов Черного моря в районе Тендры, Очакова, Одессы и устья Днестра[7]. Венцом академических исследований Крыма стало путешествие и работа П.С. Палласа (1741–1811)[8].

Экспедиции поначалу были посвящены фиксации памятников, затем они сменились поездками по разысканию предметов древности – экспедиции графа А.С. Уварова и Леонтьева на место древнего Танаиса и в Херсонес, раскопки князем Сибирским курганов в Феодосии[9]. Всл[10]ед за ними в Крым ехали путешественники ради новых впечатлений, оставившие сентиментальные заметки о полуострове (П.И. Сумароков (1767–1846), В.В. Измайлов (1773–1830)[11], П.П. Свиньин (1787–1839)[12]).

---

[1] Несмотря на столь запоздалый интерес, очень быстро возникла необходимость систематизировать написанные труды. Именно этой цели служило универсальное исследование А.И. Маркевича (См.: *Маркевич А.И.* Taurica: Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще: В 3 вып. // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–395; 1898. № 28. С. 92–189; 1902. № 32/33. С. 47–128).

[2] *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 3–114.

[3] *Зуев В.Ф.* Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787.

[4] *Курис И.* Астрономическое положение городов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881. Т. 12. С. 427–430.

[5] *Габлиц К.* Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. Симферополь, 1795.

[6] *Аркас В*. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: Описание Херсонеса // ЗООИД, 1848. Т. 2. С. 254.

[7] *Масленников Б.* Морская карта рассказывает. Москва, 1986. С. 247; *Половцев А.А.* Русский биографический словарь. Т. 3. – Бетанкур—Бякстер. СПб, 1908. С. 37–38.

[8] *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

[9] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 136.

[10] *Сумароков П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: В 2 т. СПб., 1803–1805. Т.1. 1803. 226 с.; Т.2. 1805. 244 с.

[11] *Измайлов В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: Новое издание, переработанное автором. М., 1805.

Богатая древними памятниками земля Тавриды, открытая для русских, притягивала к себе и европейских путешественников. По примеру Иосифа II Габсбурга, который вместе с Екатериной II совершил экскурсию по Крыму в 1787 г., увидеть этот образ Новой России приезжали многочисленные иностранцы. В начале XIX в. полуостров посетил английский профессор Эдуард Даниэль Кларк (1769–1822), затем сюда приезжали Форстер (1801 г.), Сифилд (1826 г.),Вебстер (1827 г.), Бруннер (1830 г.), Сен-Совер и Спенсер (1836 г.)[13]. Многие сочинения иностранцев до сих не переведены на русский язык и представляют собой уникальный источник по истории Крыма и его древностей.

Для многих вояжеров поездки не были праздным путешествием. Во время своих туров они изучали историческое прошлое Крыма и вещественные памятники его многовековой культурной жизни. Это началось еще при Г.А. Потемкине, который заботился о разыскании монет и медалей, зарисовке древних надписей. Именно он организовал исследования, проводившиеся Одерико, Бальдани и Габлицем[14]. Огромное значение в работе с древними надписями имели труды Л.С. Вакселя[15], В.В. Латышева[16], В.Н. Юргевича[17]. Развалины древних городов и зданий, монеты, надписи привлекали внимание образованных людей, попадавших в Крым.

Первое впечатление, которое получали здесь путешественники, заключалось в том, что Крым стремительно входил в новую эпоху, которая пришла на смену турецкому владычеству.

Отечественные вояжеры оценивали это как возрождение полуострова, как «*появление мира там, где еще недавно была пустыня*». Как отмечал Н. Надеждин в 1844 г., XIX век стал временем, когда рушились стереотипы. И если в XVII-XVIII вв. ученые верили в древние тексты, то теперь в современном ему ученом мире появилось больше поводов для сомнений и противопоставлений «мертвой букве»: «*столкнулись скептицизм XIX века и легкомысленный догматизм XVII века*»[18]. Ранее, отмечает исследователь, Северное Причерноморье было «*заперто варварством*» с четырех сторон, а теперь Скифия превратилась в Новую Россию, и «*ничто не мешает пригласить древнего гостя на места, ранее некогда им посещенные и описанные, пройтись с ним рука-в-руку, и оставшиеся от него сказания свести с живой действительной природой*»[19].

Иностранные визитеры порою сравнивали Россию со скалой: «*она величавая, прельщающая, но и устрашающая*», это «*гигант, который склонился к ним головою, глядит на них ясными и умными очами, но готов движением всеобъятной руки захватить их и стряхнуть с лица земли*»[20]. Южная Россия это – «*младший птенец монархии, который с каждым годом стремится более и более к усовершенствованиям*»[21]. Но чаще иностранцы, в частности, Джеймс Вебстер, склонялись к мысли, что русские это – «*варвары XIX века*», которые своим невежеством искореняют тонкую культуру Востока и древние свидетельства

---

[12] *Свиньин П.П.* Картины России и быт разноплеменных ея народов, из путешествий П. П. Свиньина. СПб., 1839. Ч. 1.

[13] *Мальгин А.В.* Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2006. С. 63.

[14] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: краткий исторический очерк. Киев, 1906. С.129.

[15] *Ваксель Л.С.* Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретены с древними наименованиями. СПб., 1801.

[16] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России: С объяснениями В. В. Латышева СПб., 1896.

[17] *Юргевич В.Н.* Греческая надпись из древнего города Одиссоса // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1868. Т. 5.

[18] *Надеждин Н.* Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 5.

[19] Та же. С. 114.

[20] *Княжевич В.* Путешествие по Южной-России И. Г. Коля, с эпиграфом из Овидия // ЗООИД, 1844. Т. 1. С. 454.

[21] Там же. С. 455.

прошлых эпох. Такая неоднозначная оценка давалась тому, как строили новые города на руинах старых, как поступали с редкостями, как велись раскопки курганов.

Вследствие того, что время и сменяющиеся владыки края изменили облик полуострова, путешественники гадали о местах расположения прежних городов – Нимфея, Мирмекия, Порфмия, Парфения, Пантикапея. Еще до начала археологических исследований Восточного Крыма П.И. Сумароков сумел локализовать древний Пантикапей на месте Керчи. На эту мысль его натолкнули находки многочисленных древностей. Однако, многие авторы, наоборот, вносят путаницу в историческую географию полуострова. К примеру, маршал Мармон, путешествовавший по Крыму в 1834 г., ошибочно называет Бахчисарай древним Палакионом[22]. Целая дискуссия разгорелась между Палласом и Келером с одной стороны и Кларком и Сестренцевич-Богушем с другой относительно локализации древнего Киммериона (последние помещали его на место, где, по мнению первых, был древний Нимфей).

Несомненно, тот факт, что древние города разбирались на камень для возведения новых, значительно осложнял изучение края. Второй проблемой было то, что изыскания путешественников слабо подкреплялись археологическими раскопками. Одним из немногих путешественников, который имел опыт полевых работ, был француз Фредерик Дюбуа де Монпере (1798—1850). Он изучал Южную Россию − Крым, Кавказ и Закавказье и посвятил им свое фундаментальное произведение[23]. Древние курганы привлекали внимание путешественника в первую очередь. И в этом прослеживается тенденция: к началу XIX в. в изучении древнего прошлого полуострова, на смену письменным памятникам, приходит исследование археологических.

Первоначальное обследование археологических памятников в Северном Причерноморье осуществлялось, главным образом, любителями, преимущественно из числа чиновников и офицеров, вынужденных по делам службы совершать частые поездки по местам, богатым всякого рода древностями. Однако энтузиазм не мог компенсировать им отсутствие необходимых знаний. Случайные раскопки на месте древней Ольвии, в Херсонесе, на Таманском полуострове превратили обнаруженные артефакты в вещи, лишенные определенного исторического значения. И хотя находки возбуждали в обществе интерес к археологии, привлекали внимание ученых, порождали дискуссии и даже вырабатывали постепенно требования, предъявляемые к археологическим исследованиям, промахи были значительными.

В первой четверти XIX в. раскопки стали субсидироваться правительством, заинтересованным в том, чтобы собрать найденные древности в столице, а не растерять их, ввиду отсутствия в Крыму музеев. В 1818 г. великий князь Михаил Павлович посетил Керчь и осмотрел раскопки П. Дюбрюкса, а в 1820 г. он уже выделил энтузиасту, «*какому-то французу*», по словам А.С. Пушкина, небольшую сумму денег. П. Дюбрюкс по праву считается первым археологом Боспора Киммерийского и основателем Керченского музея − именно его коллекция легла в основу музейного собрания, именно он продолжал археологические исследования даже при полном отсутствии финансирования.

Крым, богатый археологическими памятниками, открыл теперь свои не только наземные, но и подземные богатства: руины древних городов, оборонительных, жилых, хозяйственных, культовых, погребальных сооружений, а также утварь и оружие. Появляется новая категория людей, которые были движимы далеко не научными интересами, а наживой. Так появилась третья проблема – расхищение находок и камня из древних построек. Путешественники,

---

[22] *Княжевич В*. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную-Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину, Египет //ЗООИД, 1844. Т. 1.С. 503.

[23] *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: В 6 т. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.

приезжающие в Крым, все как один отмечали, что новые города строятся из камня древних строений – так были построены Севастополь, Перекоп, Феодосия, Керчь, и даже Симферополь возводился из камней Неаполя Скифского.

С целью описания памятников старины, «*коих сохранение должно быть поручено губернаторам и местному начальству в Крыму*», на полуостров был командирован академик Г. Кёлер. Император Александр I предоставил Кёлеру средства для его путешествия в Крым. По его докладам было принято Высочайшее распоряжение «Об ограждении от разрушения древностей Тавриды» (1805 г.), запрещающее вывоз антиков за границу. Камень древних построек расхищался с катастрофической быстротой: следы древних стен и фундаментов исчезали буквально на глазах. В 1822 г. было издано распоряжение о сохранении памятников древности в Крыму. На выделенные правительством 10000 рублей в течение последующих 10 лет были устроены два музея: в Керчи и Одессе, выкуплены у коллекционеров монеты и лапидарные памятники, проводились раскопки.

Проблема отсутствия музеев на юге России была далеко не последней. Находки помещались во временные хранилища, а затем отправлялись в столицу. Еще в 1787 г., когда императрица Екатерина Великая приезжала в Николаев, для нее специально привезли из Тмутаракани плиту князя Глеба. Монархиня повелела вернуть камень на место, но вскоре плита оказалась уже в Эрмитаже[24]. И так происходило со всеми находками – от монет до плит с греческими надписями. Тогда появляется проект И.А. Стемпковского, сыгравший огромную роль в сохранении памятников. Он впервые назвал задачи, ставшие программой классической археологии Северного Причерноморья: составление свода известий древних авторов по истории и географии Причерноморья, корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, фиксация всех без исключения памятников, проведение научных раскопок, консервация, реставрация и принятие мер к охране древних памятников, составление планов и чертежей, картографирование археологических остатков.

Руководствуясь этим проектом, М.С. Воронцов в апреле 1825 г. внес Александру I предложение открыть музеи в Керчи и Одессе. Открытие музеев способствовало оживлению археологических исследований и сбору древностей. Парадоксально, но открытие в 1830 г. погребения в кургане Куль-Оба вернуло все «на круги своя»: «*блеск золота Куль-обы ослепил царский двор в Петербурге*»[25]. Несмотря на открытие музея, из находок Куль-Обы в Керчи оставили лишь два медных котла, две поврежденные чаши, обломки железного оружия и деревянных вещей. Остальные находки отправились в Императорский Эрмитаж. Огромное количество вещей было украдено, несмотря на особые охранные распоряжения М.С. Воронцова. Именно поэтому путешественники, приезжающие посмотреть на древности Юга России, не находили в местных музеях оправдания своим ожиданиям. Им следовало оставаться в Петербурге, не совершая авантюрных поездок, чтобы увидеть все величие и богатство античных коллекций Таврики и Северного Причерноморья.

В связи с этим, еще одна проблема, о которой следует упомянуть, – сложность осуществления самой поездки. Для путешественников это была проблема номер один, поскольку в условиях бездорожья и отсутствия сменных лошадей вояж превращался в опасное приключение. Однако пилигримы были готовы к лишениям, находя бивуачный способ путешествия наиболее соответствующим характеру исследуемых мест. Так, например, Кастри де Во, посетивший Крым в 1798 г., не дождался ни смены лошадей, ни даже смотрителя на почтовой станции в Перекопе, поэтому, заночевал в экипаже. Прибыв в Симферополь, он не нашел ни места, где остановиться, ни чиновника, к которому можно обратиться за помощью. Перспектива ночевать на квартире у отставного матроса испугала

[24] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды… С. 129.
[25] *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 61.

его и заставила просить о ночлеге в доме академика Палласа[26]. Обстоятельства сложились так, что ему пришлось гостить в доме ученого в течение нескольких дней, что, несомненно, пошло на пользу его знакомству с историей и природой полуострова.

Путешественникам часто приходилось ночевать в домах у русских вельмож. Рост количества дворянских усадеб на Южном берегу Крыма, несомненно, облегчал их странствия. М.С. Воронцов, А.М. Бороздин, Ф.Ф. Вигель и многие другие с радостью принимали у себя гостей. Не одно поколение путешественников повидал на своем веку Бахчисарайский ханский дворец. В татарских деревушках, разбросанных по всему степному Крыму, пилигримы останавливались либо в ханах (татарских гостиницах или, скорее, ночлежках), либо в домах знатных тара (мурз), которые пускали приезжих неохотно – по письму или за деньги. Шарлю Жильберу Ромму и его юным спутникам пришлось спать в Армянском базаре на диване среди пяти или шести татар в доме каймакана Ибрагима Тахчуглу[27], а на Южном берегу Крыма они ночевали в домах без стекол и удобств. С назначением М.С. Воронцова генерал-губернатором края инфраструктура стала заметно улучшаться, но значительно ситуация не изменилась. В таких же условиях были и Джеймс Вебстер в 1827 г., и Сен-Совер в 1836 г.[28], и Анатолий Демидов в 1837 г.

Однако, несмотря на лишения, в Крым целыми вереницами продолжали ехать путешественники – государственные служащие, писатели, поэты, ученые, искатели приключений и монаршие особы. Таким образом, I половина XIX века стала временем подлинного «открытия» полуострова. Был собран и систематизирован огромный материал, который служит ценнейшим источником по истории, археологии и этнографии Крыма.

---

[26] [*Castres le comte de*]. Relation d'un voyage sur le bord septenrional de la mer d'Azof et en Crimee, dans la vue d'y etabir une colonie d'emigres; par le conte de Castres, lieutenant du genue, actuellement Marechal-de-Camp d'etat-major, l'un des commissaires envoys a set effet par S.A.S. le prince de Conde. Paris, 1826. P. 293.

[27] *Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году» / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2011. С. 79.

[28] [*Saint-Sauveur de*]. Exursion en Crimee et sur les cotes du Caucase, au mois de juillet 1836, par le de St-Sauveur, consul de France. Paris, 1837.

Резюме

В статье изучены проблемы, с которыми сталкивались российские и иностранные путешественники, посещая Крым в первой половине XIX в. Учитывая, что в путевых заметках, дневниках, мемуарах и научных трудах этих людей отражен большой (и ныне невосполнимый) пласт информации о древнем и средневековом прошлом полуострова, его архитектурных и археологических памятниках, изучение истории их путешествий представляет собой актуальную историографическую задачу. Автор приходит к выводу, что дальнейшее изучение записок путешественников первой половины XIX в., в том числе малоизвестных, позволит обогатить наши знания об историческом прошлом полуострова, как нового времени, так и древности и средневековья.

Ключевые слова: история, Крым, путешественники.

Summary

Problems which Russian and foreign travelers faced, visiting Crimea in first half XIX century, are studied in this article. In travelling notes, diaries, memoirs and proceedings of these people is reflected big (and nowadays irreplaceable) layer of information on the ancient and medieval past of peninsula, its architectural and archaeological monuments. Travel history studying of these authors is an actual historiographic problem. The author comes to a conclusion that further studying of XIX century first half traveler's notes, including little-known, will allow enriching our knowledge of the historical past of peninsula, both new time, antiquity and of the Middle Ages.

Key words: history, Crimea, travelers.

Т.А. Прохорова

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК Ж. ДЕ СЕН-СОВЕРА)

Судьба Крымского полуострова в конце XVIII – начале XIX вв. представляет собой одну из наиболее сложных и увлекательных исторических загадок. С появлением первых имений на Южном берегу в Крым потянулись экипажи состоятельных россиян и иностранцев, которые искали здесь возможности насладиться спокойной уединенной жизнью. Некоторые из них скупали земли крымской степи и Южнобережья с их природными красотами и древностями, вкладывали инвестиции в развивающуюся экономику края. Другие ехали в Крым ради самой поездки, авантюрного приключения, которое потом будет вспоминаться долгими вечерами и описываться в мемуарах. Оставленные ими путевые записки, мемуары, письма и дневники представляют собой нечто наподобие путеводителей с подробным описанием всех диковинок, которые встречались на их пути. Благодаря им оживает прежний Крым – нетронутый, неосвоенный, где курганы еще не разграблены, а крепости не превращены в каменоломни…

В словарях того времени термин «путешественник» интерпретировался следующим образом. «Словарь франко-провансальского языка, или словарь оксинского языка» С.Ж. Гонората (Динь, 1847) трактует слово «путешествие» как вояж «из одной страны в другую для того, чтобы совершить поездку», как «перевозку человека из того места, где он находится, в другое, расположенное достаточно далеко, где он должен оказаться»[1]. «Словарь Французской Академии» (Париж, 1694) разъясняет, что путешествие совершается обязательно в течение достаточно длительного времени, в довольно отдаленное место, как например, в Индию, Персию, Иерусалим.

Современные исследователи знакомы с несколькими десятками фундаментальных работ о Крыме: помимо трудов П.С. Палласа, это работы В.Ф. Зуева, П.И. Сумарокова, Н.Н. Мурзакевича, И.М. Муравьева-Апостола, Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Монтандона, Э.Д. Кларка… Но «в тени забвения» оставались записки путешественников, которые, описывая Крым, ограничились краткими эссе или скупыми замечаниями о его природе и населении. Перед современными исследователями открывается огромное поле деятельности – восстановить в наиболее полном объеме список путешественников, побывавших в Крыму в I половине XIX в., с тем, чтобы по оставленным ими описаниям составить картину прежнего полуострова. Эти малоизученные тексты еще нуждаются в профессиональном переводе, изучении, комментариях. В нашем случае это лишь скромная попытка показать огромный потенциал данного вида источников на примере записок французского дипломата Ф. де Сен-Совера, и обозначить отмеченные им памятники крымской античности и средневековья.

Французского дипломата Феликса Жака-Франсуа Буало де Сен-Совера можно отнести к числу «проезжих» путешественников. Он привлекает к себе внимание уже потому, что в течение двух лет был французским вице-консулом в Одессе (в 1834 и 1835 гг.). Будучи

---

[1] *Honnorat S.J.* Dictionnaire provençal-français: ou, Dictionnaire de la langue d'oc, Ancienne et Moderne suivi d'un vocabulaire francais provencal. Digne, 1847. T.2. – P-Z. P. 1414.

человеком увлеченным и неравнодушным к своей работе, он совершил путешествие в Крым по приглашению М.С. Воронцова в июле 1836 г.[2]

Сведений об интересующем нас персонаже сохранилось крайне мало. В родословных списках Франции он значится как один из четырех детей семейства Депрео де Сен-Совер – Гоффине[3]. Феликс Жак-Франсуа Депрео де Сен-Совер (1792-1876) родился в семье государственного служащего; его отец и дед были министрами иностранных дел, а два дяди из рода Петиньи – генеральным секретарем канцелярии Франции и главным клерком в департаменте иностранных дел при Людовике XVI. После обучения в Стрелковом Пританее и языковой школе для молодежи, он занимался второстепенной работой, сопровождал Латур-Мобурга в Константинополь в 1821 г. и занимал различные должности в консульствах в Турции и Греции до тех пор, пока не был назначен консулом в Одессе в 1834 г. Очередным местом его назначения стал остров Корфу в 1835 г., затем Алеппо в 1847 г. 5 мая 1848 г. он был отправлен в отставку[4].

Интересно, что в генеалогических списках он фигурирует как «Louis "Félix" Jacques François», т.е. «Феликс» было, скорее всего, его прозвищем. Остается открытым вопрос, откуда могла появиться такая приставка к имени французского консула, что можно выяснить, детально изучив его биографию. Возможно, корни этого восходят к другому представителю фамилии Депрео – Louis-Felix Despraux jr. (1746–1813), композитор, автор "Cours d'education de clavecin ou piano forte. Seconde Partie. Contenant les principes du doigte de clavecin. Suivis de 50 lesons composees de musettes, menuets, contredanses, allemandes, tambourins, airs de balets et ouverture d'operas &c., le tout arrange d'une difficulte graduelle par L. Felix Despreaux" (Paris, Le Duc, ed.no. 640. 1783). Возможно, любовь нашего героя к музыке способствовала появлению этого прозвища[5].

Поездка де Сен-Совера в 1836 г. осуществлялась в рамках обозрения восточных берегов Черного моря графом М.С. Воронцовым, которое он совершил по высочайшему повелению на военном корвете «Ифигения», в сопровождении парохода «Петр Великий»[6]. У французского дипломата был свой интерес: ехал он, собственно говоря, не в Крым, а в Черкесию. Это было связано с недавними военными событиями, приведшими к подписанию Адрианопольского договора 1829 г., по которому Османская империя уступила России свои права на часть восточного побережья Черного моря с правом свободно им руководить. Редкие новости, которые пропускала русская военная цензура, говорили о наличии здесь огромного конфликта, который по своим возможным последствиям выходил далеко за рамки черкесского региона. Поэтому европейские монархи возлагали огромные надежды на получение сведений от своих советников и консулов. Французское правительство особенно рассчитывало на свое дипломатическое представительство в Одессе, т.к. здесь еще свежа была помять о заслугах перед городом герцога Ришелье, и французы пользовались особым доверием, как горожан, так и властей региона.

Французский посол в России, А. де Барант, который, вероятно, ощутил щедрое гостеприимство и богатство генерал-губернатора во время своего краткого пребывания здесь в 1838 г., испытывал чувство свободы, неизвестное ему в других местах России, что в значительной степени было обусловлено характером М.С. Воронцова и открытостью его

[2] *Haule S.* « ... us et coutumes adoptees dans nos guerres d'Orient»: L'experience coloniale russe et l'expedition d'Alger // Cahiers du monde russe. 2004/1. Vol. 45. P. 314.

[3] *Despreaux de Saint Sauveur, Louis «Félix» Jacques François*. [Электронный ресурс] // Сайт «Pages de données». Режим доступа: http://deloge.godin.pagesperso-orange.fr/francais/pag198.html#23.

[4] *Lesure M.* La France et le Caucase a l'Époque de Chamil: a la lumier des dépêches des consuls francais / In: Cahiers du monde russe et sovietique. Vol. 19 N°1-2. Janvier-Juin 1978. P. 5-65. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1978_num_19_1_1306.

[5] de Heer M.C. Tutors (general tutors, figured bass methods and instruction books on tuning). 2004. 66 p. [Электронный ресурс] // Сайт «Muziekhangel Saul B. Groen». Режим доступа: http://www.sauldgroen.nl. P. 27.

[6] *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград, 1914.

ума: «Правительство графа Воронцова вмешивается как можно меньше, а привычки военной дисциплины, эта гибкость без разбора обычно воспринимается в России как способ угодить государю. Граф Воронцов хотел сделать из Одессы торговый город, без крупных объектов армии и флота. Его полиция ничуть не назойливая. Мы живем в Одессе с какой-то беспечностью и безопасностью без слишком большого страха власти».

Ф. де Сен-Совер занимал должность консула в Одессе в течение тех двух лет, пока длился перерыв в исполнении этой должности Андре-Адольфом Шале, бывшим консулом в Одессе с 1821 по 1846 гг. Последний оставил следующие строки о положении в регионе: «Абсолютное молчание, которое господствует во всех случаях в Черкесии, приводит к тому, что мы узнаем намного позже, что происходит, и всегда в смутной манере. Там работают только военные или рабочие, которые осторожничают и не записывают ничего, что может поставить их под угрозу. Остается довольствоваться редкими слухами, которые сообщают самые противоречивые и неточные, в основном, сведения, они только исправляют друг друга, отчего мы знаем немного, не говоря уже о правде»[7].

Ф. Депрео де Сен-Совер проявил себя как деятельный консул. Он интересовался положением в Одессе и Крыму после неурожая 1834 г., справлялся о состоянии более отдаленных провинций, посетил Молдову. Но приглашение М.С. Воронцова в морское путешествие вдоль берегов Российского Причерноморья могло дать ему возможность провести с борта парохода долгожданную «инспекцию» черкесских берегов и получить неотфильтрованную цензурой информацию о складывавшейся там ситуации. Отчет о поездке не был включен в файлы дипломатических архивов, но зато опубликован в Париже в 1837 г.8[9]. Путешествие консула состоялось с 8 по 26 июля 1836 г., за год до путешествия А.Н. Демидова, В.А. Жуковского, императора Николая I Романова с наследником, будущим императором Александром II Николаевичем. Отправившись в Крым из Одессы на пароходе «Петр Великий», он уже передал свои консульские полномочия г-ну А. Шале.

Маршрут его проходил по морю через Каркинитский залив с портом Ак-Мечеть, Севастополь, Херсонес, мыс Фиолент с монастырем Святого Георгия, Балаклаву, о которой он говорит, что это «маленькая деревня, населенная греками», Ласпи, мыс Сарыч с высадкой в Ялте. Путешественник не счел нужным подробно описывать увиденные места, довольствуясь их обозрением издали. Из Ялты Сен-Совер имел возможность посетить Ай-Даниль, а также «деревни несчастных татар» – Массандру, Ардек (Артек – ред.), Симеиз, Алупку, Мисхор, Кореиз, обе Ореанды, Никиту и Юрзуф (Гурзуф – ред.). Подробные описания крымских местностей мы находим у консула во время его путешествия в Бахчисарай и Севастополь.

Выбрав особый путь – через горы – Сен-Совер со своим сопровождающим двинулись по горной тропинке, в течение двух часов созерцая лишь стену из серых скал, затем пересекли голое плато по пути к оврагу, где расположилась деревушка Коккоз, в которой они провели остаток вечера и ночь в доме татарского мурзы. Они продолжили свой нелегкий путь вновь по горной дороге, двигаясь в Бахчисарай, проехав более трех часов в окружении лишь гор и сухих облаков. Вскоре они прибыли к Тепе-Кермену – горе с множеством пещер, «служащих жилищами для народов, по очереди вторгавшихся в Крым». Через милю пути они прибыли в «Чифонт-Кале» (Чуфут-кале – ред.) – городок, где обитают евреи-караимы, превратившие свое поселение в крепость с помощью «каменных стен, закрытых двумя дверями» (воротами). Далее он посетил Иосафатову долину – место захоронения иудеев-караимов с

[7] *Haule S.* « ... us et coutumes adoptees dans nos guerres d'Orient». P. 293-320.
[8] Несмотря на свою поверхностность, отчет содержит ряд интересных наблюдений за прибрежными фортами, принадлежащими русским, за эффективностью блокады побережья и контрабанде оружия из Трапезунда, а о характере войны в Черкесии.
[9] *Lesure M.* La France et le Caucase a l'Époque de Chamil... P 18-31.

множеством гробниц IV в., и следующий объект, который можно встретить на этой дороге по пути в Бахчисарай, – Успенский монастырь[10].

Среди достопримечательностей Бахчисарая путешественник, в первую очередь, отметил Ханский дворец, в одной из комнат которого он расположился. Тем же вечером он совершил прогулку по апартаментам дворца в сопровождении начальника полиции Бахчисарая г-на Ставраки, восхищаясь не красотой и богатым убранством залов, а дипломатичностью своего спутника. Даже упоминание красивой легенды о любви Крым-Герая к Марии Потоцкой не изменило его настроения: «Я любовался молчаливыми и неодушевленными местами, где недавно шумела большая толпа, ожидая решения своего главы, который своей волей располагал жизнью трех или четырех тысяч человек и мог по своему желанию возглавить отряд из 30-40 тысяч всадников. Я видел двух русских солдат, которые охраняли двери, и предался размышлениям о нестабильности империй, которых время устраняет по очереди. Кто знает, сказал я себе, может, через несколько лет путешественник посетит Босфор и увидит орла России на стенах Сераля и найдет то же молчание и то же одиночество в его дворах, садах и комнатах, охраняемых несколькими русскими часовыми»[11].

Описывая внутреннее убранство дворца, Сен-Совер отметил, что комнаты находятся в том же состоянии, что и при ханах, забыв упомянуть, что это – результат реставрации, проведенной в несколько этапов с 1783 по 1823 гг., а не прекрасной сохранности с ханских времен. В общих чертах описав комнаты Хан-сарая и его планировку, он не остановился на прочих достопримечательностях бывшей ханской столицы, направившись в Севастополь.

В Севастополь бывший французский консул отправился через Чуфут-Кале в повозке, остановившись сначала в Инкермане – крепости, которая «заслуживает внимание путешественников», датируя ее то ли концом Византийской империи, то ли генуэзским временем. В горе Инкермана, «которая с той же стороны возвышается над Черной речкой», он увидел «много раскопок, церковь, коридор, клетки, саркофаги, один из которых открыт и по-прежнему полон костей». Вскоре он подошел «к крепости, у которой есть небольшая ограда, составленная из стен и обрушившихся башен, построенных из песчаника и цемента. Вся часть крутой скалы с видом на юг, над которой она построена, и гора, расположенная при этой скале, заполнены комнатами и апартаментами, расположенными друг над другом и вырезанные в камне, которые служат домом для большого населения. Среди этих раскопок мы отметили одну, что включает церковь. Здесь можно увидеть еще следы портрета Богородицы и святых на камнях, которые формируют стены этой церкви»[12].

Пробыв в Севастополе два дня и подробно описав гарнизон «одного из лучших портов в мире», Сен-Совер отправился вместе с другими участниками этого путешествия, а их насчитывалось 86 человек, в Ялту. Они «прошли последовательно Массандру, Никиту, Ай-Даниль, Юрсуф, обогнули мыс Аю-Дага (горы Медведь), имя которой было дано из-за конфигурации берегов, чья форма, как полагают, имеет некоторое сходство с животным, а на следующий день утром были в долине Судака». Описание Судакской крепости сводится к 2 строчкам: «мы видели на горе, расположенной у входа в эту долину на берегу моря, стены и башни, остатки генуэзской крепости». За Судаком путешественники прошли мимо мыса Меганом и Кара-даг Киасси, между которыми лежат небольшие долины Отуз и Коз, удаленные друг от друга на две-три мили. Днем того же дня «Петр Первый» с путешественниками на борту прибыл в Феодосию, которая очаровала их своими широкими мощеными улицами, домами, восходящими к генуэзской эпохе, превосходным портом и музеем[13].

---

[10] [*de Saint-Sauveur*]. Exursion en Crimee et sur les cotes du Caucase, au mois de juillet 1836, par le de St-Sauveur, consul de France. Paris, 1837. P. 14-16.
[11] Ibid. P. 19.
[12] Ibid. P. 25.
[13] Ibid. P. 34.

Вечером вояжеры продолжили свой путь в направлении Керчи. Пройдя мыс Такиль-Бурну с сигнальным огнем, «вершину по имени Камиш-Бурну, возле которого, считается, был город Нимфей», пароход вошел в бухту Амбелаки, затем обогнул мыс Ак-Бурну. После него «является Керченский залив, где мы бросили якорь на один час. Справа мы оставили песчаную отмель Таманского полуострова, на котором расположено несколько рыбацких хижин, и увидели перед собой на другой стороне бухты новые карантинные постройки на мысу, которые были городом Мирмикиумом»[14].

В Керчи Сен-Совер осмотрел музей, расположенный «в магазине», пока новое здание для него еще не было построено, гору Митридат и «Место Митридата», отметив, что участок Пантикапея легко определить, просто копнув здесь землю – сразу же появляются обломки керамики и прочие предметы как свидетели прежней эпохи. Однако истинным богатством города, считает путешественник, являются многочисленные курганы, разбросанные в степи вокруг города. Описывая заслуги Ашика и Карейши в деле их исследования, он приходит в восторг от возможности осмотреть эти гробницы вместе с генерал-губернатором М.С. Воронцовым и даже вскрыть курган к юго-западу от горы Митридат в составе почетной экспедиции. Восторг вызвала также находка там погребальной урны с останками и предметами обихода. Совер высказал интересное предположение, что знатность умершего оценивается по диаметру кургана, а не по его высоте. Вместе с тем он наивно полагал, что курганы, в которых обнаруживают подзахоронения на периферических частях, на самом деле неграмотно возведены, и что все захоронения должны быть объединены в центральной части насыпи. В этой части своих записок автор впервые признается, что «Керченские древности так занимали мое внимание, что я не сказал хоть что-нибудь об этом городе»[15].

На следующее утро Сен-Совер на пароходе был уже в бухте Анапы, навсегда попрощавшись с Крымом.

Изучение текста путешествия Депрео де Сен-Совера позволяет сделать заключение как минимум по двум вопросам. Во-первых, до сих пор еще остается не изученным пласт письменных источников, касающихся Крыма I половины XIX в., оставленных нам путешественниками этого периода времени. Они не принимались во внимание исследователями и краеведами по причине скудости излагаемых в них сведений о полуострове. Однако именно эти заметки, сделанные не то чтобы поверхностно, а скорее обобщенно, позволяют нам выяснить, каким видели Крым вояжеры, не искушенные историческими штудиями. Самый общий план Тавриды, который виделся приезжим особам, включал в себя древности Боспора, Херсонеса, генуэзские колонии и ханский дворец в Бахчисарае, которые непременно нужно было посетить. К себе привлекали также новые города и имения дворянской России, возведенные или отстроенные при новой власти – Севастополь, Ялта, Керчь, Массандра...

Во-вторых, каждый путешественник имеет особое видение, отличается особым стилем и манерой изложения, своеобразно описывая и оценивая увиденное. Благодаря этому Крым предстает как многогранный и многоликий мир, играет новыми красками в каждом новом описании. Депрео де Сен-Совер оставил особое описание, непохожее ни на одно из предыдущих. Он не был подробно знаком с историей нашего полуострова, поэтому, не искушается пространными размышлениями о былых эпохах и народах, максимально лаконично рисует нам образ Крыма – живыми и яркими определениями, эпитетами, что позволяет нам увидеть действительно главные его черты в I половине XIX в.

Отсюда вытекает третье заключение, наиболее важное для исследователей древности: в I половине XIX в. Крым был уникален благодаря видимым следам античности и средневековья, которые сохранились в архитектурном облике городов, руинах крепостей и погребальных сооружений. Познакомиться с их описаниями и сопоставить с современной

[14] Ibid. P. 37.
[15] Ibid. P. 38-52.

картиной древностей Крыма – актуальная задача исследователей в деле сохранения культурного наследия полуострова.

Резюме

В статье изучен ранее не исследованный в историографии источник по истории Крыма – путевые заметки французского дипломата Ж. де Сен-Совера, опубликованные в Париже в 1837 году. Автор приходит к выводу, что благодаря упоминаемым в заметках древним и средневековым памятникам, впоследствии разграбленным или уничтоженным, они могут служить важным источником информации о древней и средневековой истории полуострова.

Ключевые слова: Крым, путешественник, средневековые памятники.

Summary

A new source of the Crimean history is studied in this article – travelling notes of French diplomat G. de Sen-Sover published in Paris in 1837. The author comes to a conclusion that information of these notes can be an important information source of ancient and medieval history of peninsula thanks to the mention of the ancient and medieval monuments subsequently plundered or destroyed.

Key words: Crimea, traveler, medieval monuments.

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Ю.Ю. Шевченко

ЕЩЕ РАЗ О ГОТСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Время учреждения Готской архиерейской кафедры относится к началу IV в., когда митрополит Готии Феофил Боспоританский имел резиденцию в Крыму (путь к которой лежал через Боспор), и участвовал в Первом Вселенском соборе Единой Церкви (325 г.). Этот экзарх, судя по титулатуре («Боспоританский»), был выше в иерархии, нежели упомянутый на том же Никейском соборе епископ города Боспора – Кадм. На том же Первом соборе присутствовал и епископ города Херсонеса Филипп. Связь Феофила Боспоританского с Боспором Киммерийским, а не с Боспором Фракийским, подтверждается хронологией ухода готов «за Дунай» не ранее 348 г. (см. ниже).

В Тавриде (Крыму) от епископа Феофила получает святое крещение Никита († 369–372), будущий святой и великомученик готский (рис. 1); а восприемником Феофила Боспортианского на Готской кафедре становится Ульфила, чьи прародители (дед и бабка) были приведены в Готию из Каппадокии (264 г.), во времена именно того «готского похода» на Малую Азию, который был совершен через Боспор, т.е. – из Крыма (рис. 2)[1]. Уместно считать, что во времена рукоположения Ульфилы это была уже Крымская Готия. Имя Феофила Боспоританского связывает происхождение и Никиты, и Ульфилы с территорией Крымского полуострова, в его юго-западной части, входящей во владения Неаполя Скифского, где имеются признаки готского присутствия[2].

Не исключено, что с территорией Крыма связано и появление 308 готских мучеников (†372), 26 из которых известны поименно[3], и мощи которых были сохранены готской

---

[1] *Щукин М.Б.* Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 143–144. Рис. 52; *Юрочкин В.Ю.* Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999. С. 326–332.

[2] *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. М., 1991. Табл. 36; *Казанский М.* Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев, 2006. С. 26–41; *Bierbrouer V.* Ethnos und Mobilitat im 5.Jahrhundert aus archeologischer Sicht: VomKaukasus bis nach Niederosterreich. Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie Der Wissenschaften in Kommission beim verlag C.H. Beck, 2008. S. 37,112,125. Abb. 2,*15–17*; *Scukin M., Kazanski M., Sharov O.* Des les goths aux huns : Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations. BAR International Series 1535 / Series Editors : Sauro Gelichi, Lopez Quiroga, Patrick Perin. Monographs, I. Oxford, 2006. З. 301. Ill. 16.

[3] Из «Православной энциклопедии: Готские мученики († 375). Память 26 марта. Святые мученики пресвитеры Вафусий (Bathusius) и Верк (Vercus) с двумя сыновьями и двумя дочерями, монах Арпила (Arpilus), миряне Авив (Abibus), Агн (Agnus), Реас (Reas), Игафракс (Igathrax), Иской (Iscous), Сила (Silas), Сигиц (Signicus), Сонирил (Sonerilas), Суимвл (Suimbalus), Ферм (Thermus), Филл (Phillus), Констанс, царевич Агафон и мученицы Анна, Алла, Лариса, Монко (Monco), Мамика (Mamika), Уирко (Virko), Анимаиса (Animais или Анимиада-Animaida), и неивестный мученик с ними, а также королева Готская Гаафа и принцесса Дуклида пострадали около 375 года при короле Унгерихе (Jungerich), преследователе христиан. Древний синаксарий Готской Церкви описывает мученичество двадцати шести христиан во времена императоров Валентиниана (Valentinian), Валента (Valens) и Грациана (Gratian). Историк Созомен говорит, что король Атанарик (Athanaric) был разгневан, узнав, что его подданные принимают Христианство после проповеди арианского епископа Ульфилы (Ulfila). Поэтому король приказал многих из них предать на муки и казнить, часто без суда. Министры короля Атанарика поместили статую в колесницу и провезли ее перед палатками, которые христиане использовали для церковного служения. Те, кто поклонился идолу и принес жертву, были оставлены в живых, остальные были тут же сожжены заживо. Унгерих отдал распоряжение сжечь дотла церковь во время

«королевой» Граафой (Грэтой?), хранились готской «королевой» Аллой и дочерью Граафы Дуклидой (Лидией?), возможно, недалеко от Алушты (вершина Ай-Дуклу?); и, в конце концов, были перевезены в малоазийский город Кизик (см. рис.2). Об этих событиях, и пребывании данных реликвий в Крымской Готии, – не исключено, что в пещере Йографа (рис. 3), – в княжестве, дожившем до позднесредневековых времен, сохранилось соответствующее предание[4]. Именно из пещеры Йографа происходит обломок мраморной иконы (барельеф в ковчежце) с ликом Христа-Эммануила (рис. 4). Судя по положению Христа-Эммануила, он явно с Богородицей. Титлы Христа написаны позднее (что видно по довольно грубой затирке на поверхности каких-то предыдущих начертаний). А вот аналогия такого Лика есть только на раннехристианских саркофагах IV в. Ватиканского собрания. Христос-Эммануил без крестчатого нимба изображался только в живописи катакомб III–IV вв., да в пластике этих саркофагов. Древнейшая икона Богородицы («Праворушная») с датой не позднее 362 г. в Успенском монастыре Богородицы Мега Спилеон, у г. Калавитры на греческом Пелопоннесе имеет близкое изображение «круглоголового» Эммануила. В Мега Спилеон имеются пещерные храмы с древней конструкцией алтаря, созданной до 692 г. (рис. 5). А лик Христа с иконы из Мега Спилеон несколько напоминает крымский, из Йографы (без крестчатого нимба). Во всяком случае, экземпляр Спаса из Синайского монастыря св. Екатерины уже с крестчатым нимбом (его обычно датируют временем создания монастыря 552 г., когда образ был туда внесен, т.ч., может быть он и более ранний). Таким образом, и икона (фрагмент) из пещеры Иографа, скорее всего, раннего времени. Ориентируясь на аналогии – не позднее IV в.

Гонения на христиан в Готском королевстве связываются *Готским синаксарем* (не исключено, что входившем в наследство Лангобардской королевы Теодолины в Боббио и Монце, ибо Месяцеслов происходил именно из Боббио) с именем Унгериха, в котором видят то Эрманариха (Германариха), то исторически известного преследователя готов-христиан – Атанариха (и, видимо, с большей степенью вероятности).

Все перипетии, связанные как с гибелью Никиты Готского (см. рис. 1), так и сожжением 308 готских христиан в храме, – происходили при епископстве в Готии Ульфилы, который позднее увел часть христианизированного народа готов за Дунай. Это переселение по хронологии, приведенной блж. Иеронимом Стридонским, относится к временам ок. 375/378 г.; а более поздние источники, например, арианский историк Авксентий Дуросторский, предлагают более раннюю дату – 348 г., что подтверждается сведениями Кирилла Иерусалимского[5]. Военные столкновения между готскими вождями Фритигерном и Атанарихом, времен императора Валента (ок. 369 г.), и участие в их переговорах готского епископа Ульфилы, делают предпочтительной более позднюю дату (между 348–378 гг.) образования Малой Готии на Дунае, по отношеню к Первому Вселенскому собору Церкви с

богослужения. В огне погибли 308 человек, из которых лишь двадцать один известен по имени. Во время правления Валентиниана и Феодосия (Theodosios, 383–392), Гаафа, вдова короля Готского, который был православным христианином, и ее дочь Дуклида, собрали мощи святых мучеников и перенесли их вместе с несколькими священниками и мирянином по имени Филлас (Thyellas) в Сирию. Гаафа позже возвратилась к ее родной земле, где она была побита камнями и умерла как мученица вместе со своим сыном Агафоном. Мощи святых мучеников были оставлены Дуклиде, которая отправилась в Кизик (Cyzicus), что в Малой Азии, и передала некоторые из мощей для основания церкви. Святая Дуклида скончалась мирно.

[4] *Беликов Д.Н.* Начало христианства у Готов и деятельность епископа Ульфилы. Казань, 1887. Вып.1; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. СПб., 1901. Т. 1. Ч.1. С. 30–35; *Струков Д.М.* Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд.2-е. М., 1882.

[5] *Лавров В.В.* Епископ Ульфила и развитие готской литературы // Интеллектуальная элита античного мира. ТД научной конференции. 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] // Режим доступа: http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/lavrov.htm; Готские войны III в. н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. д.и.н. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003. С. 332–352.

участием Феофила Боспоританского (экзарха Готии) и епископа города Боспора Кадма. Именно после 348–372 гг., готское присутствие южнее Дуная стало ощутимым: готы перерезали почти 7000 жителей Фессалоник, из-за налоговой политики императора Феодосия Великого и убийства их вождя Бутериха (389 г.)[6]. Образование Малой Готии на Дунае только и могло способствовать «готскому этническому наполнению» города Боспора Фракийского, цари которого удивительно дублировали своими именами царей Боспора Киммерийского (как это было с Котисом II). У этих «малых готов», и в этом Боспоре (Фракийском) обосновал Церковную кафедру, рукополагая на нее Готского владыку, только святитель Иоанн Златоуст (347–407 гг.), пребывая на патриаршей престоле Константинополя (398–404 гг.).

Борьба готского христианского короля («рекса») Фритигерна против готского короля-язычника Атанариха – явление значительное[7], и посреднической роли епископа Ульфилы в переговорах Фритигерна с императором Валентом посвящено отдельное исследование, результаты которого вошли в крупную обобщающую работу[8]. А наличие черняховского материала в Крыму[9] с одной стороны, и связанность с полуостровом происхождения христианских вождей готов (каковым был, например, Никита), с другой, является серьезным аргументом в пользу вхождения территории Тавриды (народа названного *боранами*) в Готское королевство «страны Ойум»[10]. Об «исходной территории», каковым для готов был Крым, свидетельствует не только поход на христинскую Каппадокию (по заказу Рима?) 254 (? 264) г., но и произошедшее под натиском персов возвращение готов – федератов Византии, охранявших Кавказские перевалы в IV–VI вв., обратно в Крым к середине VI в.[11], и восстановление Готской митрополии (вместо епархии), как во времена Первого Вселенского собора и Феофила Боспоританского, включавшей епархиальные образования, разместившиеся на месте некогда обширной Готской державы[12]. Пребывание готов на Кавказском Побережье, отражено и нарративными источниками: это готы-тетракситы, помещаемые «южнее Таманского полуострова»[13], часть которых при обратном переселении в Крым осталась на Черноморском Побережье под именем «евдусиан, говоривших на готском и таврском языках».

Основы территориального разрастания архиерейской кафедры Готии за пределы Таврического полуострова, лежат в событиях после крушения готских королевств под ударами гуннов и в событиях самого начала VI в. Это миссия епископов из Аррана (Азербайджана) – Кардоста и Макария. Первый из них, с тремя священниками и четырьмя

---

[6] *Горайко А.В.* О роли Антиохийской Церкви в восстании 397 г. // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2 – 3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006. С. 4–17.

[7] *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. (Опыт исторической этнографии). СПб, 2003.

[8] *Щукин М.Б.* Силадьшомйо или Сильвано-Шильмоне и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции к 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004. С. 158–168; Готский путь… с. 207–254, 364–372.

[9] *Казанский М.* Германцы в Юго-Западном Крыму... С. 26–41.

[10] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 11, 17.

[11] *Бажан И.А.* Многолепестковые инкрустированные фибулы и вопросы хронологии цебельдинских древностей // Доклад на семинаре «Хронограф» 06.04.2009. в ИИМК РАН. Изв. ИИМК РАН, СПб. (в печати); *Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н.* Палеоэтнографическая ситуация V–VII вв. в Северном Причерноморье и появление раннехристианских пещерных памятников // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2009. С. 119–120.

[12] *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в… *Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н.* Палеоэтнографическая ситуация V–VII вв. в Северном Причерноморье… С. 60–67.

[13] *Васильев А.А.* Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI по XI в.) // Изв. ГАИМК. Л., 1927. Вып.V. С. 261.

проповедниками, почти три десятилетия в начале VI в. проповедовал на Юге Восточной Европы[14], и основными проводниками его миссии были воинственные *савиры* – выходцы из Сибири, по имени которых эта северо-восточная часть Евразии получила свое имя. Их перманентный союз с Византией и стабильные союзнические отношения с антами[15], привели к становлению епископских кафедр на южных территориях некогда обширной и могущественной Готской державы IV в. – государства Германариха[16], – от Дона до Днестра. Готы были разгромлены гуннами, а эстафету рухнувшей империи Аттилы (452 г.) в Днепро-Донском междуречье приняли савиры. Проблеме существования «варварских королевств» гуннского времени посвящено отдельное исследование[17], в котором локализация центров («королевства Винитария» для Киевского Поднепровья и Левобережья Днепра; и аналогичные образования Донского региона) полностью согласуется с излагаемой версией. Отложения «эпохи варварских королевств» на территории Восточной Европы – речное Сужданское погребение (рис.6), а также перещепинское погребение (клад) с перстнями Кубрата (рис. 7), христианина и патрикия Византийской империи.

Готская митрополия, куда входила Оногурская епархия Подонья, зафиксирована во времена восстания против хазар крымского епископа Иоанна Готского накануне 791 г.[18] Этому крупному Экзархату Церкви были подчинены, из семи епархий, – Астильская, у хазар на Волге (Итильская), и Оногурская (оногуры – болгарское племя между Днепром и Доном) – где-то в Подонье, или в междуречье Дона и Днепра.

«Болгарские территории» (Великую Болгарию) как правило, размещают восточнее Дона – в Приазовье[19]. Но, учитывая место ставки и погребения христианского владетеля Великой Болгарии – Кубрата у с. Малая Перещепина Полтавской губ. на Левобережье Днепра[20], – земли Великой Болгарии – Оногурии (и соответственно, Оногурской епископии) следует помещать много северо-западнее: от Дона до Левобережья Среднего Днепра включительно. Именно там, где с последних десятилетий VII в., располагаются памятники алано-болгарской культуры (салтовской) – на Северском Донце и в бассейне Дона, населенного болгарами[21] и до левого берега Днепра, – простиралась Великая Болгария.

Основной военной силой племенного объединения болгар оставались савиры, называвшиеся в этих условиях и в этой среде «*черными болгарами*» (от «*sav*» – «*черный*»; «*aric*» – «*человек*», «*воин*»), что согласно армянским летописным источникам обозначало «*черные сыны*», «*черные воины*»[22]. Центром савирского княжества («царства гуннов») являлся город Варачан, известный недалеким расположением от «Беленджера», в состав которого входили савиры и Берсилия (барсилы, берсула), причем, последняя частично

---

[14] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 93–94.

[15] *Шевченко Ю.Ю.* На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII–X вв. // Этнография народов Восточной Европы / Отв. ред. А.А. Шенников. Л., 1977. С. 39–52.

[16] *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в…

[17] *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Кочевые и оседлые варвары гуннского времени в Восточной Европе // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып.1: Археология / Отв. ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж, 2009. С. 225–252.

[18] *Артамонов М.И.* История хазар. С. 258. Прим. 57, 412; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. Кырк-ор, Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. С. 119–122.

[19] *Артамонов М.И.* История хазар. С. 152–169.

[20] *Вернер И.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат – хан на българите. София, 1988; *Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997. С. 42; *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat, Kagan der Bulgaren. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch – Historische Klasse, Abhandlungen (Neue Folge) Heft 91. Munchen, 1984. S. 38–44.

[21] *Чичуров И.С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г. М., 1976. С. 65–80.

[22] *Уманець О.М., Шевченко Ю.Ю.* Проблема культурогенезу давньорусьоі «севери» з центром у Чернігові // Проблеми історичного і географічного краезнавства Чернігівщини. Чернігів, 1993. Вип.2. С. 3–13.

совпадала с территорией современной Башкирии. «Беленджер», как в результате возможной ошибки переписчиков звучит этот объединяющий термин (савиры + барсилы), считают вариацией названия все тех же Болгар[23]. Исследователи с упорством стремятся привязать все перечисленные номенклатуры к Северному Кавказу («царство гуннов», савиров, Беленджер, Варачан): тогда *речь шла бы о чрезвычайно маленьком княжестве*[24], вряд ли способном угрожать территориально обширной и могущественной Кавказской Албании VII века. Представляется более чем вероятным, что под этими наименованиями выступает территория Великой Болгарии 682 г., после смерти Кубрата и ухода Аспаруха на Дунай, когда Батбай (в случае его историчности) остался на прежнем месте, но уже под сюзеренатом Хазарии.

Князь этой савирской страны («царства гуннов») выступает под именем Алп-Илитвера, что соответствуют титулу алп-ельтебера – «эфенди», «принца», как в Хазарском Каганате называли великих владетельных князей с номинальной вассальной зависимостью[25]. Алп-Илитвер в 661 и 664 гг. наносит Албании военные удары, вынуждающие это значительное и по территории и по военной мощи кавказское царство практически к вассальной зависимости, подтверждая эту зависимость династическим браком и очередным успешным походом 669/670 года. В это время Великая Болгария – еще суверенное государство (до войны с хазарами 679г.).

Посольство, отправленное в 682 г. албанским князем Вараз-Трдата во главе с епископом Исраелем, отправляется в страну Алп-Илитвера, уже вассала Хазарии, не через «Дербентские ворота» (как это произошло бы, будь его «царство гуннов» на берегу Каспия севернее Дербента)[26], а через Центральный Кавказский хребет между истоками Алазани и Койсу[27]. Посольство направляется не только «севернее Кавказа», но еще и «западнее Кавказа», где лежит Великая Болгария и находится главный город Алп-Илитвера, названный Варачаном, – название фонетически перекликающееся с рекой Бузан, как назван Дон в переписке хазарского царя Иосифа (если под Доном, устье которого является «южной границей с Румом [Византией]» царского письма, как полагал А Гаркави, понимается река «В–д–шан»[28], – то это и вовсе идентично наименованию савирского города).

Христианство было принято Алп-Илитвером вместе со всей савирской аристократией и усиленно насаждалось среди населения*:* из почитаемого политеистами–савирами дуба был вырезан массивный крест, украшенный «изображениями животных и блестящими крестами»[29]. А сообщение о вступлении властителя савиров «в семью христианских государей» было направлено армянскому католикосу Сахаку[30], как возможное свидетельство традиционного сохранения памяти о миссии епископа-армянина Кардоста, проповедовавшего у тех же савиров на полтора столетия ранее.

Все это происходило на территории, где властвовал христианин Кубрат, где найдены погребальные сокровища и среди них – специфически христианские перстни с тамгами этого владетеля Великой Болгарии[31]. Крайне интересным является находка в том же микрорегионе

[23] *Артамонов М.И.* История хазар. С. 184. Прим. 9–12.
[24] Там же. С. 200.
[25] *Marquart J.* Osteuropaische und Ostasiatsche Streifzuge. Leipzig, 1903. S. 114–115.
[26] *Артамонов М.И.* История хазар. С. 200.
[27] Там же. С. 186. Прим. 18.
[28] Там же. С. 389–391.
[29] Там же. С. 188.
[30] Там же. С. 189.
[31] *Вернер И.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат – хан на българите. София, 1988; *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat… S. 38–44. *Иоахим Вернер* осмотрел хранившиеся тогда в фондах Государственного Эрмитажа в Ленинграде (хранитель *Злата Александровна Львова*) вещи из Малой Перещепины в конце апреля 1984 г. (чему автор этих строк был свидетелем). Он набросал карандашиком в блокноте зарисовки тех вещей, которые не были известны в иллюстрациях по публикациям 30-х гг. (Л.А.

постготского (V в.) «речного погребения»[32], где имелся сложносоставной золотой пояс-цепь (см. рис. 6), во всем схожий с такими же поясами – христианскими реликвиями «от Гроба Господня», в том числе и с поясом, подаренным императором Валентом – защитнику христианства – готскому королю Фритигерну, через посредство епископа Ульфилы[33]. Христианизация, начавшаяся в эпоху державы готов здесь, на левом берегу Среднего Днепра, где располагалось «царство Винитария»[34], продолжалась в эпоху Кубрата.

После смерти Кубрата и хазаро-болгарской войны (679 г.), в результате которой часть болгар под водительством сына Кубрата – Аспаруха была вытеснена на Дунай (680 г.), Хазарский каганат распространил свою власть на территории, ранее контролировавшиеся союзной Византии – Великой Болгарией (Подонье, Поднепровье). Претензии Хазарии оказались успешными даже в отношении фем (областей) самой Византийской империи (в Крыму), куда в 698 г. бежит сосланный в Херсонес низложенный император Юстиниан II, укрывшись в центре Готской митрополии – Дори[35] (видимо, в Эски-Кермене, по заключению Н.И. Репникова)[36]. Столица Готской митрополии в Крыму (Дори) была в те времена под протекторатом хазар. Именно в это время функционируют пещерные церкви Юго-Западного Крыма[37], среди которых особо показательны пещерные храмы Эски-Кермена[38].

В эти времена от имени Готской митрополии Крыма Херсонский владыка поставил свою подпись под решением Трулльского (Дворцового) собора 692 г. в качестве «Георгия, епископа Херсона Дорантского» (т.е., принадлежавшего к Готской митрополии в Дори)[39]. С

Манцулевича), и не появились в публикациях 60-х XX в. (М.И. Артамонова). И через каких-то три месяца в свет вышла монография И.Вернера о погребении на Приднепровских землях Левобережья Днепра (Полтавской обл. Украины) владетеля Великой Болгарии, где исследователь привел расшифровку тамг на перстнях из погребения, принадлежавших «патрикию Кубрату» (См.: *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kubrat…), что вызвало массовый отклик в прессе. Как и прочие монографии И. Вернера эта работа была переведена на многие языки мира (См.: *Вернер И.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат…), кроме русского, на который она не переведена и по сей день, поскольку погребение властелина Великой Болгарии оказалось почти в эпицентре «исконно славянских земель», – на территории самой «Русской земли» (Переяславского княжества) – в ядре формирования восточнославянского единства. Это, в глазах загипнотизированных геополитизмом исследователей, «сдвигало» процесс формирования славянства в его восточном глоттогенетическом крыле на время ***после*** падения Великой Болгарии. Однозначная трактовка И. Вернером принадлежности погребения кагану Великой Болгарии вызвала несостоятельные возражения чересчур политизированных специалистов-археологов, но при публикации памятника, вопрос о непререкаемой принадлежности тамг из Перещепино Кубрату обойти так и не удалось (См.: *Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата…). Однако, высказанные в полемике предположения о принадлежности погребения «наследникам Кубрата» (или ограбившему болгарского владавца – хазарскому аристократу) – почему-то продолжают тиражироваться. Хотя никто, например, в аналогичной ситуации не приписывает погребения короля франков Хильдерика (с его перстнем-печаткой) его сыну Хлодвигу, или ограбившим короля аристократам или купцам, etc.

[32] *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи // Изв. ГАИМК. М.–Л., 1934. Вып. 112. С. 89, сл.

[33] *Шевченко Ю.Ю.* Реликвия из величайшей пещерной святыни христианского мира // Славянский ход 2005. Материалы и исследования. Ханты-Мансийск–Сургут, 2005. Вып.2. С. 126–159.

[34] *Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Кочевые и оседлые варвары гуннского времени в Восточной Европе. С. 225–252.

[35] *Васильев А.А*. Время византийского, хазарского и русского влияния… С. 191–199.

[36] *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 28, 54; *Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе.

[37] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА.1995. № 1. С. 72–80; *Гайдуков* Н.Е*., Желтов М., диак.* Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев–Судак, 2006. Т. 2. С. 76–85.

[38] *Шевченко Ю.Ю.* Храмы христиан юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Київ–Глухів, 2010. Вип.3. (355 с.). С. 67–75.

[39] *Васильев А.А*. Время византийского, хазарского и русского влияния … С. 189–190.

помощью болгарского хана Тревела (Дунайской Болгарии) к 705 г. Юстиниан II сумел вернуть себе трон Византии[40], и остался союзником Хазарского кагана. С хазарским владычеством в Горном Крыму было связано антихазарское восстание Иоанна Готского (до 791 г.), после которого наименование Готской митрополии исчезло со страниц исторических источников.

Престолы древнего типа, сооруженные до постановления Трулльского (Дворцового) собора в 692 г. известны в пещерных храмах Крыма. Они предназначались для исполнения древнего Александрийского (ап.Марка) и Иерусалимского (ап.Иакова Старшего, брата Господня) чинов, где *служба ведется перед престолом*, а престол примыкает к внутренней стене восточной части храма. Таков храм Евграфия в Инкермане (рис. 8); таков сохранившийся престол в южном пределе храма «Судилище» в Эски-Кермене (рис. 9), таким же, надо думать, был и первоначальный престол в центральном нефе этого храма; таков престол в храме «Донаторов» (рис. 10). С появлением к концу IV в. литургии свтт. Василия Великого и Иоанна Златоуста, требовавшей *обход престола при службе* (в три четверти противусолонь, и в три четверти посолонь), престол занял центральное место в восточной части храма (в алтарной апсиде). Трулльский собор (692 г.) *сделал эту службу обязательной* на праздник Благовещения. После чего «жертвенное место» христиан (престол) занимал исключительно центр алтаря.

[40] *Артамонов М.И.* История хазар. С. 196–198.

Резюме

Статья посвящена ранней истории христианской Готии. В результате привлечения материалов церковной археологии удалось не только проследить пределы территорий, подконтрольных епископу и митрополиту Готии, но и по-новому осветить вопросы истории госудрства Кубрата.

Ключевые слова: Готия, крещение, Кубрат, Перещепинский клад.

Summary

The article is devoted to the early history of the Christian Gothia. As a result of bringing materials church archeology managed not only to trace the territories under the control of bishops and Metropolitan Gothia, but also shed new light on questions of history state of Kubrat.

Key words: Gothia, baptism, Kubrat, Pereshchepina treasure.

Рис. 1. Мощи (десница) св.вмч. Никиты Готского († 372), перенесенные из храма города Аназарвы (Киликия) в сербский монастырь Высокие Дечаны в Косово.

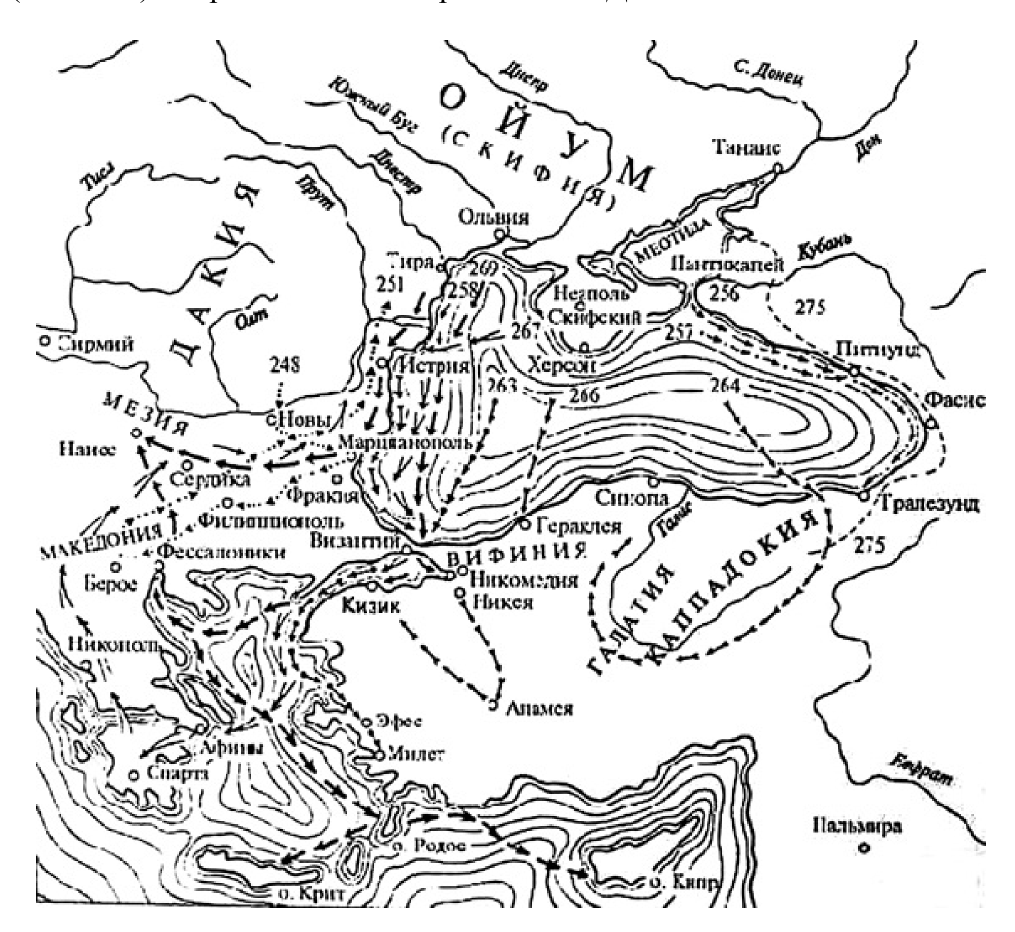

Рис. 2. Ранние походы готов периода «готских войн» (через Боспор Киммерийский, – из Крыма) по М.Б. Щукину (См.: *Щукин М.Б.* Готский путь. Рис.52).

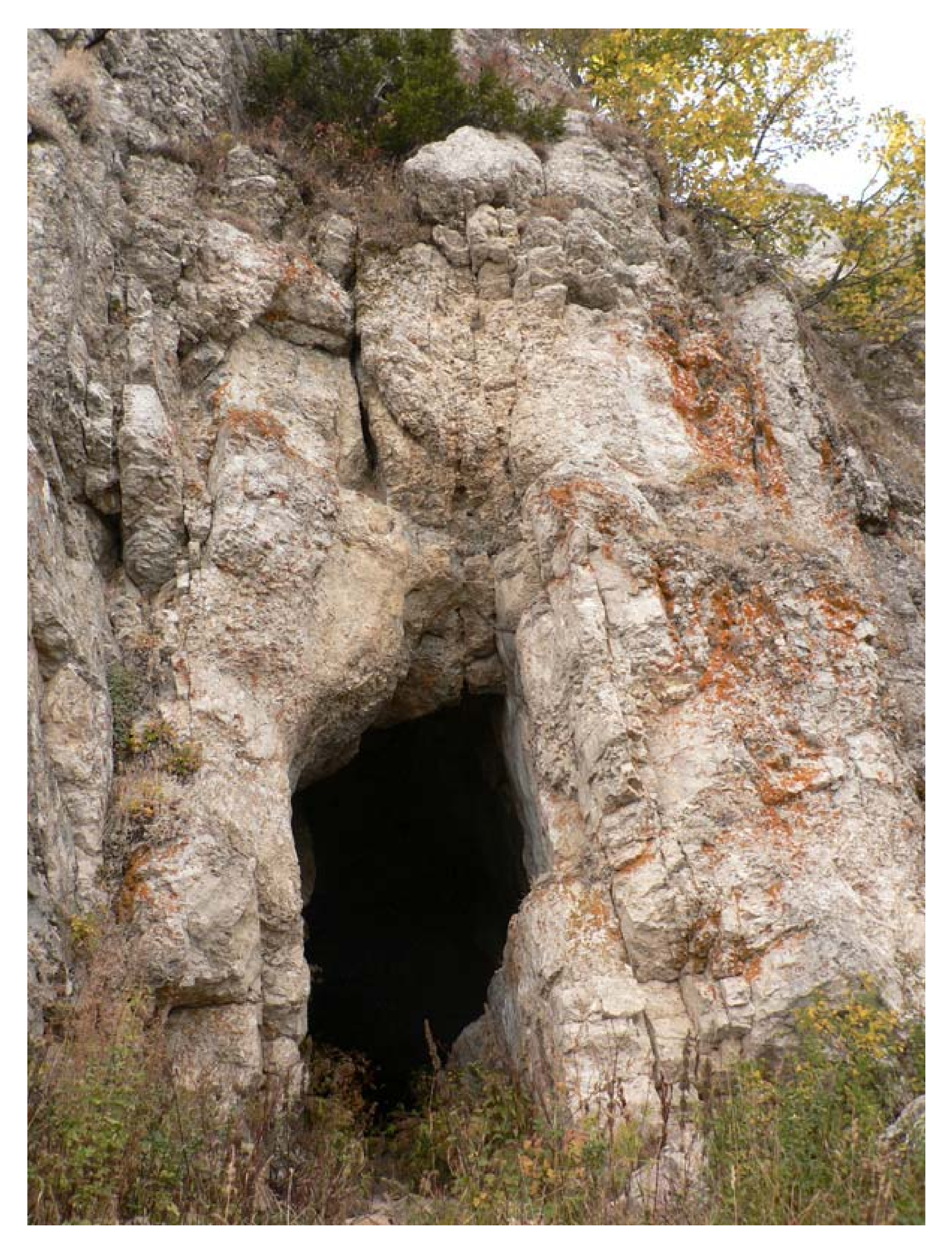

Рис. 3. Вход в крымскую пещеру Йографа у Ай_Дуклу. Украина.
Фотография автора 2006 г.

Рис. 4. Фрагмент иконы-барельефа (в ковчежце) с ликом Христа–Эммануила.
Экспозиция краеведческого музея. Ялта. Крым.

Рис. 5. Пещерный храм в монастыре Успения (Мега Спилеон) у пелопонесской Калавитры. Греция. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 6. Вещи из «речного погребения восточноевропейского князя». Сужданский «клад» (на р.Суджа). Москва.

Рис. 7. Перстни с тамгами из погребения владетеля Великой Болгарии – Кубрата. Находка в Полтавской обл. на Украине (на Левобережье Днепра). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, Россия.

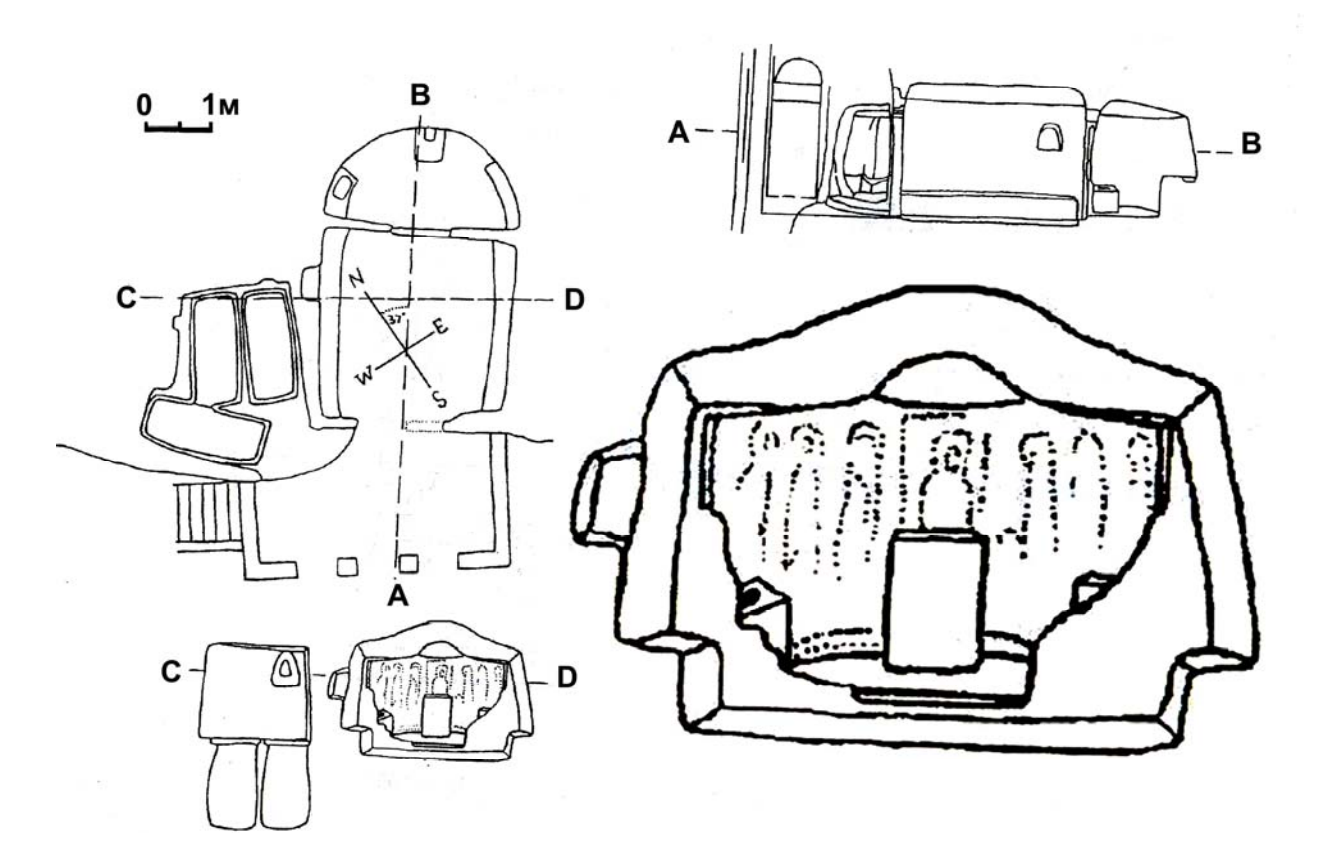

Рис. 8. План, разрез и вид на престол пещерного храма св. Евграфия в Инкермане. Крым (по Ю.М. Могаричеву).

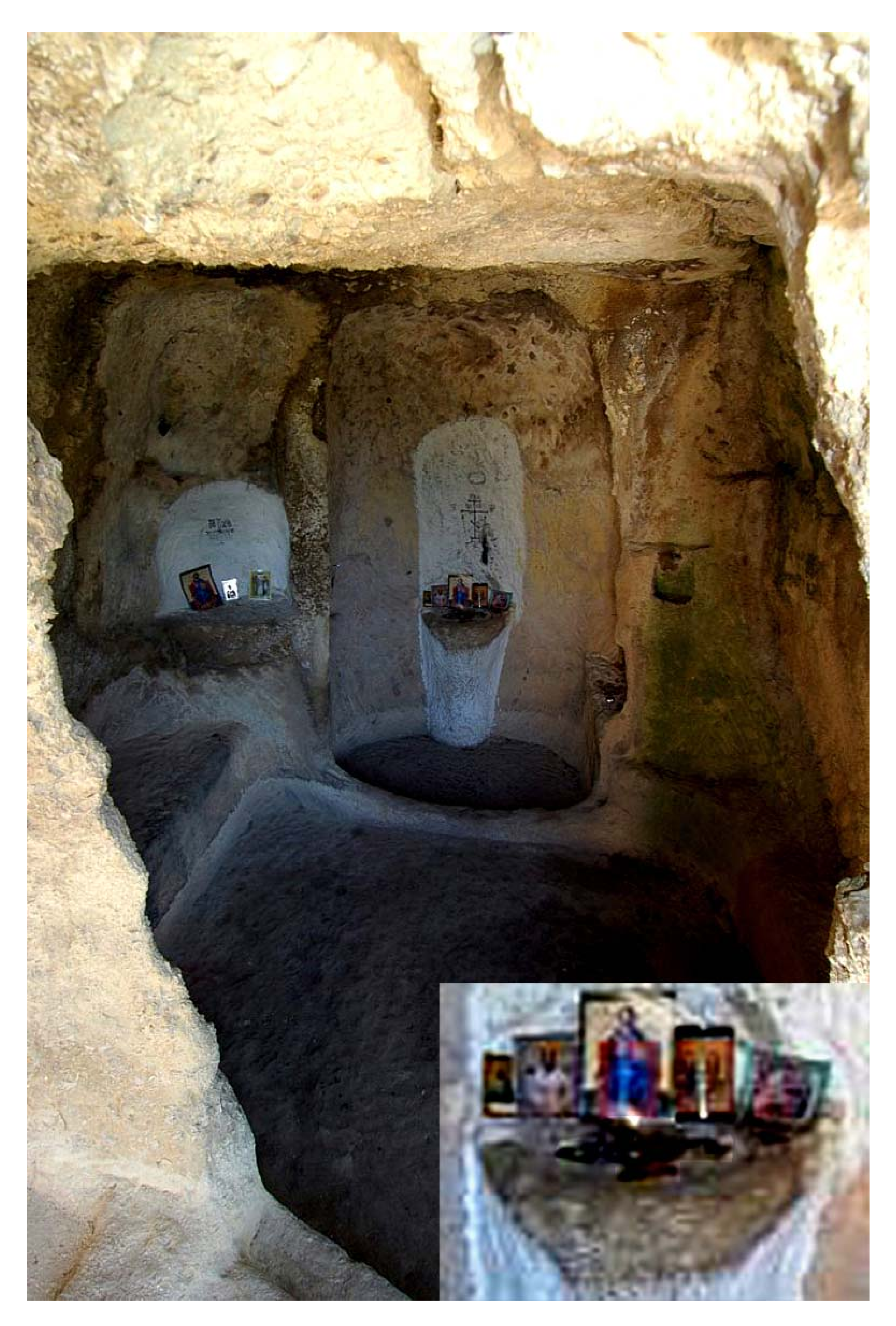

Рис. 9. Престол древнего типа (примыкающий к внутренней стене апсиды для службы перед престолом) в южном пределе пещерного храма «Судилище» в Эски-Кермене. Крым. Фотография автора, 2006 г.

Рис. 10. Престол древнего типа в храме «Донаторов» возле Эски-Кермена. Крым. Фотография автора, 2006 г.

Н.В. Днепровский

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И НАЗНАЧЕНИИ КОМПЛЕКСА ПЕЩЕРНОГО ХРАМА «УСПЕНИЯ» В ЭСКИ-КЕРМЕНЕ

1. Постановка задачи

Пещерный храм «Успения», расположенный на кромке восточного обрыва Эски-Керменского плато, является, пожалуй, самой «странной» церковью Горного Крыма. Дискуссионными являются как датировка храма, так и назначение всего комплекса, в который он входит. Это, в свою очередь, определяется как расположением пещерной церкви, так и, собственно, неординарностью храмового интерьера. А поскольку подлинное посвящение церкви нам неизвестно[1], то именно эти признаки и позволили первоначально назвать ее «храмом с цистерной и тарапаном». Однако изучение архивных документов и внимательный осмотр храма позволили нам выявить детали, ускользавшие от внимания наших предшественников. А это, в свою очередь, позволяет нам прояснить некоторые недоуменные вопросы истории комплекса, до сей поры остававшиеся без ответа.

Прежде всего, следует отметить, что большинство исследователей описывают лишь сам храм, но не культовый комплекс в целом[2]. По сути дела, единственное на сегодняшний день (и притом весьма краткое) описание последнего было дано Н.И. Репниковым: «Пещерный храм с цистерной и тарапаном на южном обрыве[3] плато. Зачищен от заросли и земли. Представляет пещеру, вытянутую вдоль обрыва, имеется дверь, направо от которой, в простенке, абсида с каменным престолом[4]. На стыке с северо-восточной стеною ниша – жертвенник. В древности алтарное полукружие отделялось от храма сплошным до потолка деревянным иконостасом, поставленным на деревянных лежнях; в полу и стенах сохранились гнезда для брусьев, говорящие за это предположение. В средней части северо-западной стены пещеры ниша, на уровне пола характерный тарапан для прессования винограда, сок которого желобком сбегал в особенное углубление в полу. На стенах пещеры гнезда и пазы от установки деревянной переборки. В полу правой половины пещеры

[1] О.И. Домбровский акцентирует внимание на том, что «посреди северо-восточной стены храма Успения, в непосредственной близости к алтарной нише, был написан почти утраченный теперь образ юного святого-воина в рост, со щитом и копьем. Он был помещен в каком-то подобии нарисованного полуциркульного аркосолия, что выделяет его из остальных фигур на данной стене. Образ святого-воина можно связывать с идеей защиты города от врагов, что еще более подкрепляет мысль об органической связи храма с системой оборонительных сооружений. Композиционно подчеркнутое значение данного образа, быть может, свидетельствует о том, что именно он, а не фреска Успения, являлся главной иконой в храме. Во всяком случае, и здесь военно-феодальный рыцарский характер стенной росписи выступает на первый план» (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. С. 44). Е.М. Осауленко на основании детального иконографического анализа росписи высказывает гипотезу, что храм «Успения», в действительности, «был посвящен святым Георгию и Сергию, имена которых при жизни носили похороненные возле церкви воины» (См.: *Осауленко Є.М.* Фрески церкви «Успіння» на Ескі-Кермені – пам’ятка монументального живопису Кримської Готії першої половини XIV століття // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2005. Вып. II. С. 298).

[2] «К сожалению, изученность комплекса такова, что у нас до сих пор даже нет его плана», – сетовали еще в 2001г. Н.Е. Гайдуков и Э.Н. Карнаушенко (См.: *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2001. Вып. 5. С. 257–258). Как мы вскоре увидим, планы (как минимум два) существовали, но по каким-то причинам не были своевременно введены исследователями в научный оборот.

[3] Как видно из всех планов, обрыв является, в действительности, юго-восточным.

[4] О престоле храма см. далее.

расчищена от земли огромная прямоугольная вырубка в скале, слегка сужающаяся ко дну. Потолок пещеры различается характером своей обработки. В частях правой половины у абсиды, над ямой и в частях, примыкающих к стенам с росписями, она более тщательная, чем в левой половине, которая вообще грубой работы. В потолке над углублением в полу отверстие, заложенное с поверхности скалы плитою. Выборка в полу отличается особой манерой тески и тщательностью. Совершенно очевидны три строительные периода пещеры. Здесь первоначально в толще скалы имелась цистерна, в которую вело отверстие с поверхности скалы, замкнутое боевыми стенами, описываемыми далее. По обрыву скалы затем прошли вырубки «постелей» для кладки крепостной стены. Когда боевые стены утратили смысл и были насильственно разобраны до скалы, с площадки к вырубкам основания стены нарубили лесенку для сообщения с нижней террасой, служившей основанием боевой стены, использовали ее как подход – спуск к месту обрыва, где задумали вырубить пещерный храм. Быть может, даже не предполагали, что в данном участке толщи скалы имеется древняя засыпанная цистерна. В подходе к двери пещерного храма устроена вырубная гробница, заключавшая два потревоженных костяка. При дальнейшей работе встреча цистерны облегчила вырубку храма. В результате работ явилась правая половина пещеры, причем цистерну вырубили. Верхнее же отверстие, горло цистерны, заложили плитою. Впоследствии, когда храм пришел в запустение, пещеру сильно расширили в левом направлении. Выбрали упомянутую нишу для тарапана, устроили резервуар для стока виноградного сока. Ясно, что цистерна возникла вместе с боевой стеной, храм после разборки стены в данном участке, расширение храма для хозяйственных надобностей, устройство тарапана и резервуара есть явление позднейшего времени.

Датирующим моментом пещеры является роспись ее храма. Сохранилась она в фрагментированном состоянии. Схема изображений, написанных на синем фоне, такова. На простенках абсиды благовещение, в конхе деисус в рост с огненными шестикрылыми херувимами. Ниже фрагменты святителей, ангелов с рипидами и младенца в чаше. В нише жертвенника – изображение одигитрии. Рядом во всю высоту стены фигура воина-мученика с копьем в руке и закинутым за плечи щитом, рядом такая же фигура святителя. Далее до угла стена занята вверху композицией сретения, внизу тремя фигурами ветхозаветных пророков со свитками в руках. По низу всех изображений орнаментальная полоса – панель. Участок стены против абсиды занят крупною композициею успения перевода с Афонием. Ниже идет полотенце и фриз панели. На потолке две большие композиции – крещение и рождество Христово. Первая с фигурой Иордана, льющего воду, и плавающими рыбами. Вторая на фоне горного пейзажа, сильно пострадавшая. Кроме этих композиций, на притыке участка потолка и абсиды сохранился фрагмент медальона с бюстом Христа. Стилистически росписи идентичны с фрескою пещерного храма трех всадников и отличаются от них более ремесленным выполнением; время их также не позднее конца XII–XIII вв.

Западнее пещерного храма, в непосредственном с ним соседстве, в выборке того же основания городской стены вырублена усыпальница обычного для Эски-Кермена типа. Это овальная пещера с покатым потолком. В нее ведет небольшая дверь. При раскопках усыпальница оказалась заполненною костями, среди которых найдено несколько предметов XII-XIII вв. Западнее к усыпальнице примыкала пещера-«келья» с нишами, вырубленная также из выборки бывшей городской стены. Несомненно, что «келья» и усыпальница одновременны и возникли в момент превращения цистерны в пещерный храм»[5].

Как видим, наличие трех строительных периодов и их последовательность были для исследователя «совершенно очевидными» и не требовали каких-либо доказательств. Однако, несмотря на авторитет Н.И. Репникова, с ним позволил себе не согласиться О.И.

[5] (См.: *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Изв. ГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 110–112).

Домбровский[6]: «Поскольку же мы считаем не вполне правильной имеющуюся по этому вопросу точку зрения Н.И. Репникова, приходится вести описание храма попутно с археологическим экскурсом.

Отметим, прежде всего, необычные местоположение и размеры алтаря по отношению к остальной части храма. Алтарь, устроенный в углу просторного помещения, крайне мал и тесен. Он имеет, как и всюду, форму ниши-абсиды и наделен миниатюрным престолом в виде каменной тумбы, стоящей впритык к стене. В престоле сделано небольшое углубление для частицы мощей. Перед нишей в стенах и полу вырублены гнезда и пазы для деревянного ограждения – вероятно, иконостаса. Все это имеет настолько малые размеры, что не могло быть и речи о присутствии в алтаре священника. По-видимому, при богослужении литургическое действо, связанное с входами и выходами священника, выполнялось как-то условно лицом, находившимся вне алтаря.

Нет оснований предположить, что алтарная ниша могла представлять собой отдельную часовню или домашнюю молельню; перед нами в миниатюре настоящий храмовый алтарь со всеми его атрибутами и соответствующей росписью. Небольшая ниша в стене слева от алтаря и окно справа могли, как и в других пещерных храмах, выполнять литургическую роль жертвенника и диаконника[7].

Алтарная ниша обращена на восток, в то время как все продолговатое помещение храма ориентировано с северо-востока на юго-запад. Столь точное направление алтаря в Крыму встречается редко, а его местоположение в углу храма является единственным в своем роде. Позднее алтарь был увеличен: к нему присоединили значительный кусок северо-восточной части помещения. В полу, от одной продольной стены к другой и на обеих стенах сохранились вырубы для укрепления нового иконостаса. Алтарная часть храма была расписана фресками. Они имеются также на северо-восточной и северо-западной стенах и потолке – в пределах участка, который был выделен новым иконостасом.

Расширение алтаря было, по-видимому, связано с увеличением всего храма. По приемам обработки камня, по заметному искривлению обеих продольных стен, по ряду других второстепенных признаков можно определить, что юго-западная половина помещения была вырублена позднее северо-восточной; она явилась как бы второй очередью стройки.

Ненормальное положение алтаря наводит на мысль о том, что для храма было использовано и приспособлено помещение, ранее предназначавшееся для иной цели. Если присмотреться к различным его деталям, то в этом не остается сомнений. Сначала в скале была выдолблена «цистерна», вернее, зерновая яма, отверстие которой было перекрыто каменной плитой. Затем было устроено обычное для Эски-Кермена и других пещерных городов хозяйственное помещение. В его полу имелся глубокий выруб, своего рода подвал, в котором стояли большие пифосы (судя по высеченным для них углублениям). Подвал перекрывался деревянным настилом (сохранились сделанные для него пазы и углубления на краю выруба). В западном углу помещения, у северо-западной стены имелся высеченный из скалы каменный тарапан – обычного типа давильня для винограда.

Впоследствии тарапан был почти полностью и весьма небрежно стесан в связи с переделкой данного помещения под храм. О том, что это было именно так, можно судить по необычному и иначе не объяснимому положению алтаря. Если бы имела место предположенная Н.И. Репниковым переделка упраздненного храма под давильню (сама по себе невероятная), то в западном углу не оставалось бы в запасе куска скалы; тарапан же был вырублен именно в скале, что свидетельствует о его появлении здесь с самого начала. Неполное и небрежное разрушение тарапана было связано, может быть, с тем, что его

---

[6] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. С. 43–44.

[7] Совершенно непонятно, как могло *окно* пещерной церкви выполнять функции диаконника, т.е. места *хранения* церковной утвари, богослужебных книг и пр. Равным образом непонятна в этом отношении ссылка на *другие* пещерные храмы. Нам неизвестны пещерные храмы, где окна использовались бы в этой роли.

остатки маскировались скамьей. Такие скамьи вдоль стен устраивались обычно в подобных храмах[8]; скамья, ранее здесь не предусмотренная, могла быть не каменной, а деревянной. Судя по вырубам в полу для поперечных лаг, деревянным был и настил пола, уложенного поверх подвала, ставшего ненужным в помещении, приспособленном под храм.

Нет оснований считать, что храм Успения возник позднее проходившей по обрыву оборонительной стены или парапета. Вырубная лестница, ведущая к входу храма, усыпальница близ двери и пр. – все это могло существовать одновременно с оборонительной стеной. Более того, вне системы оборонительных сооружений устройство храма на этом обрыве, пожалуй, и не имело бы смысла. Сооружение же храмов или часовен при оборонительных стенах было широко распространено в средневековых городах, начиная от Константинополя с его надвратным храмом, в котором находилась «оборонявшая» город чудотворная икона богоматери Влахернской. В Херсонесе известна так называемая базилика Лаврентия-Леонтия при оборонительной стене. На обрывах Мангупа среди пещерных сооружений, соединяющих в себе хозяйственные и боевые функции, также имеется ряд храмов, органически вросших в систему обороны города. Та же картина наблюдается и на нескольких других участках оборонительных сооружений самого Эски-Кермена.

Подобное сочетание пещерных храмов, хозяйственных помещений, служивших при случае казематами, и собственно казематов с бойницами и прочими приспособлениями военного характера говорит о многом. По-видимому, оно вызывалось тем, что основные защитники города – постоянная стража его оборонительных сооружений, жили с семьями и хозяйством в непосредственной близости к самим укреплениям».

К работе О.И. Домбровского, в свою очередь, составил свои «примечания» Е.В. Веймарн, непосредственно принимавший участие в работе Эски-Керменской Экспедиции (далее – ЭКЭ):

«Примечания Е.В. Веймарна к выписке из работы О.И. Домбровского «Фрески средневекового Крыма»:

«1. Значит, у церкви было два строительных этапа (с малым и большим алтарем). А как это отразилось на общем размере пещеры?

2. Горловина «цистерны» прямоугольная, она резко отличается от многих исследованных зерновых ям, у которых горловина круглая. Я полагаю, что в данном случае была цистерна. Яма в полу пещеры – это, видимо, дно цистерны, в нижнюю часть которой, после сооружения пещеры, ставили пифосы, для чего в дне ямы были сделаны гнезда.

3. Я мог бы согласиться с тем, что вначале было сделано хозяйственное помещение, а затем храм. Но тогда почему в большом помещении сначала делается миниатюрный алтарь, а записываются фреской и сев.-вост. стена и часть сев.-зап., после чего алтарь расширяется, захватив все пространство с фреской.

4. Все рассуждения О.И. Домбровского о связи церкви с оборонительной стеной у меня вызывают удивление. Как можно связать оборонительные стены, возникшие в VI в. и снесенные в VIII–IX вв. с церковью XIII–XIV вв., при этом имея между этими объектами еще давильню для винограда? Ведь и лесенка и подход к церкви устроены на «постелях» (внутренней и внешней) оборонительной стены. Приведенные автором ссылки на случаи сооружения церквей в прямой связи с оборонительными сооружениями, в данном случае, не уместны. Вход в церковь Успения расположен не с внутренней стороны обороны, а скорее на внешней (там, где пролегал внешний панцирь стены). Что же касается ссылки на якобы существующий на Мангупе «ряд храмов, органически вросших в систему обороны города», то здесь О.И. Домбровский не прав. На Мангупе мы пока знаем только один случай, когда полупещерный храм на мысе Тешкли-бурун действительно «врос» в систему обороны.

[8] Ср. храмы Донаторов, Трех Всадников и др. (Прим. О.И. Домбровского – *Н.Д.*)

«Ряда» таких памятников мы не знаем. И в Мангупском варианте этого случая мы входим в храм с тыльной стороны обороны…

К сожалению, Н.И. Репников не дал чертежей этого памятника, а у О.И. Домбровского дан только план, но без масштаба. Поэтому многое не ясно. Надо проверить все еще раз на месте, дать основные цифры размеров и отметить на плане границы фрески на потолке – в каком соотношении ее площадь со входом в пещеру»[9].

Большое внимание уделил данному храму в своей монографии Ю.М. Могаричев[10]. Подчеркнув, что «церковь «Успения» является самым загадочным культовым сооружением Эски-Кермена», поскольку «на различных этапах своей истории помещение выполняло различные функции»[11], ввиду чего «среди многочисленных вырубок, образовавшихся на скальной поверхности, не всегда удается выделить единовременные и, следовательно, полностью реконструировать все этапы жизни пещеры», он приводит план храма (рис. 1), его разрезы (см. в соответствующих разделах) и анализирует выводы Н.И. Репникова и О.И. Домбровского. На основании этого анализа Ю.М. Могаричев приходит к заключению, что «в гипотезах как Н. Репникова, так и О. Домбровского имеются неточности. Вероятно, прав О. Домбровский, считавший церковь «Успения» храмом у боевой стены, не связанным с разрушением последней. Данный тезис был им достаточно обоснован. Другие же выводы данного исследователя неубедительны.

Один из главных аргументов, по мнению Домбровского, указывающих, что под церковь было приспособлено хозяйственное помещение, – ненормальное расположение алтаря, – строго на восток (а не по оси храма) в углу помещения. Как было показано выше, в ряде церквей Инкермана, Чилтера и Шулдана алтари представляют собой небольшую нишу, вырубленную в углу помещения, а не по оси церкви. Ближайшая аналогия – малый храм Шулдана (похожий даже по форме). Поэтому расположение алтаря не может быть аргументом, подтверждающим предположения О. Домбровского.

Противоречит указанной гипотезе и расположение тарапана в нише. Нет сомнений, если бы помещение вырубалось для размещения в нем тарапана, то последний не пришлось бы помещать в нишу[12]. Отметим близкий случай на Качи-Кальене, когда тарапан разместили в углу усыпальницы. В пользу позднего происхождения тарапана говорит то, что на Эски-Кермене тарапанов мало. Отметим, что во время раскопок усадеб на восточном краю плато был раскопан и тарапан, появившийся, как и в нашем случае, на руинах часовни[13]. Скорее всего, тарапан был вырублен уже после гибели городища одним из жителей соседней деревни Черкес-Кермен.

Рядом с церковью «Успения» находится удобный подъем на городище. Нет сомнений, что жители Черкес-Кермена использовали плато Эски-Кермена для своих хозяйственных целей.

История церкви «Успения» нам представляется в следующем виде. Первоначально была вырублена цистерна. Затем, в XIV в., создается храм, возможно, в память об одном или двух погибших здесь защитниках (напомним, что рядом с пещерой имелась могила с двумя костяками). Некоторое время храм функционировал как молельня и мартирий защитников Эски-Кермена. После гибели поселения один из жителей Черкес-Кермена или один из последних обитателей пришедшего в запустение Эски-Кермена приспосабливает помещение

---

[9] Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 80/4. Вкл. лл. 13–15 к осн. л. 87.

[10] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 46–49.

[11] Там же. С. 46.

[12] Этот аргумент Ю.М. Могаричева нам совершенно непонятен. Следовало бы поставит вопрос иначе: *что мешало вместо устройства тарапана в нише просто расширить пещеру и устроить в ней «правильный» тарапан*? Как будет показано в разделе 4, именно ответ на этот вопрос является ключевым для понимания большей части «загадок» храма «Успения».

[13] *Веймарн Е.В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. Вып.19. С. 74 (Прим. Ю.М. Могаричева – *Н.Д.*).

церкви для хозяйственных целей: в северо-западной стене вырубает нишу, а в ее основании – тарапан, расширяет резервуар в восточной части, оставшийся от основания цистерны. Вероятно, данное помещение привлекло хозяйственного крестьянина своим выгодным расположением (удобный спуск в долину, нахождение у края плато) и наличием вырубки в полу, которую можно было использовать.

Скорее всего, тарапан функционировал недолго, так как фрески хотя и были исцарапаны воинственными мусульманами, но все же не были сбиты»[14].

Из вышеприведенных аргументов Ю.М. Могаричева по крайней мере три, в свою очередь, являются спорными.

Прежде всего, ряд авторов подвергают сомнению существование храмов (по крайней мере, относящихся к византийскому церковному обряду), где престол заменялся бы «престольной нишей», и потому упомянутые Ю.М. Могаричевым помещения храмами не считают[15]. Между тем, нельзя не согласиться с О.И. Домбровским, что храм «Успения» имеет классическую (хотя и миниатюрную) алтарную абсиду и содержит полный набор литургических устройств. Поэтому в данном случае расположение алтарной абсиды в углу храма, конечно же, не является «стандартным».

Далее, утверждение о том, что раскопанный Эски-Керменской экспедицией 1936г. тарапан вблизи усадеб на восточном краю плато был создан «на руинах часовни», вообще говоря, не соответствует действительности. Тарапан был вырублен, как нетрудно видеть из плана, приведенного в той же, цитируемой Ю.М. Могаричевым, работе[16], в *шести* метрах к югу от южной стены «часовни»[17]. Фраза Е.В. Веймарна о том, что «существование одновременно часовни с усадьбой III и винодельческим комплексом вряд ли возможно», как и следующая – что, «видимо, при возникновении двух последних часовня была уже в руинах», являются не более, чем предположениями: об этом ясно говорят слова «вряд ли» и «видимо». Е.В. Веймарн всегда был очень точен в формулировках. Не случайно А.И. Айбабин отмечает, что, «к сожалению, в отчете экспедиции (*Н.И. Репникова – Н.Д.*) отсутствует информация о датирующих археологических материалах, обнаруженных при исследовании тарапана»[18].

Зато сам А.И. Айбабин, проводивший раскопки на том же восточном склоне в 2003-2008г, обнаружил картину совершенно обратную: «настоящую» часовню с погребениями, устроенную *именно на месте винодавильни*, причем в данном случае относительная хронология сомнению не подлежит, поскольку погребения были выполнены непосредственно в давильных ямах[19]. При этом датирующий материал позволяет отнести эти погребения к IX–X вв.

Наконец, эти же раскопки заставляют усомниться в тезисе, что «на Эски-Кермене тарапанов мало». Скорее всего, это связано просто с плохой изученностью усадеб городища, ибо кроме тарапана в пещере напротив храма «Судилища»[20], «тарапана[21]» в храме

[14] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 48–49.
[15] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. №1. С. 72–73. Отметим, впрочем, что тремя годами ранее тот же Н.Е. Гайдуков (с другими соавторами) в точности процитировал вышеприведенный пассаж Ю.М. Могаричева касательно алтарных ниш и был с ним согласен (См.: *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 115).
[16] *Веймарн Е.В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища. С. 72. Рис. 2.
[17] Мы ставим это слово в кавычки, т.к. погребальное сооружение, условно именовавшееся во время раскопок в 1936 г. «мавзолеем», ни храмом, ни часовней в действительности не является.
[18] *Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2011. Вып. XVI. С. 217.
[19] Там же. С. 216.
[20] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Изв. ГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 127.
[21] Почему мы берем это слово в кавычки, будет ясно из дальнейшего.

«Успения» и давильни, выявленной раскопками 1936 г., А.И. Айбабиным *только в одном квартале* были найдены еще два тарапана, длина одного из которых достигает 3,6 м[22].

Кроме того, после выхода в свет работы В.Н. Даниленко, где он убедительно демонстрирует масштабы монастырского виноделия в Крыму[23], наличие тарапана *вблизи* культового сооружения не является столь бесспорным аргументом в относительной датировке последнего. В самом деле, начиная с известного изречения Христа: «Аз есмь истинная виноградная лоза»[24] христианство, или, по крайней мере, его восточная ветвь, было неотделимо от символики и традиций виноградарства и виноделия. Не следует также забывать, что в жарких и бедных свежей водой районах добавление вина в воду с античных времен до настоящего времени остается одним из главных средств предотвращения кишечных заболеваний, что приводило (да и сейчас приводит) к его чрезвычайно большому, в нашем понимании, потреблению. Так, по данным опросов, полученных автором, в сельской местности Грузии и Молдавии средняя семья в год потребляет несколько сотен литров домашнего вина.

Однако не следует забывать, что «тарапан» в церкви «Успения» находится не поблизости от храма, а в нем самом.

Пожалуй, единственным автором, который попытался дать анализ комплекса в целом и храма в частности с позиций церковной археологии и христианской топографии, является Н.Е. Гайдуков. Его позиция выступает в данном случае своеобразной попыткой компромисса:

«Храм «Успения» и прилегающие к нему помещения предстают перед нами как целый комплекс, и комплекс полифункциональный, бывший на протяжении истории и фортификационным сооружением, и небольшим монастырем, и просто складским помещением. Важно сразу же увидеть здесь построенный на краю обрыва и нависший над пропастью монастырский комплекс, подобный сохранившимся до наших дней в афонских монастырях (например, Симона Петра) или в монастырях Метеоры». И далее: «Вследствие запустения края монастырь обратился в «приписной» храм. Тогда и была высечена западная половина пещеры и устроен тарапан, дорублен пол храма, а также несколько расширена цистерна, в боках которой были сделаны углубления под большие пифосы. Заметим также, что тарапаны встречаются в связи с храмами в Таврике часто, но обычное их положение – или прилегающее к храму помещение, или монастырский дворик (пещерная киновия Челтер-Мармара). Однако само устройство храма говорит нам о том, что церковь здесь существовала на всех этапах; об этом свидетельствует фресковая роспись, сделанная уже после устройства тарапана»[25].

Таким образом, по-видимому, можно констатировать как безусловный факт, который признается всеми без исключения исследователями, лишь существование предшествовавшей пещерному храму цистерны.

Дискуссионными же остаются следующие моменты:

1. Могла ли сосуществовать пещерная церковь с оборонительными сооружениями, или же ее могли вырубить, как полагали Н.И. Репников и Е.В. Веймарн, лишь после сноса боевой стены.
2. Был ли пещерный храм устроен в уже существовавшей хозяйственной пещере с тарапаном; была ли хозяйственная пещера, напротив, устроена на месте бывшего храма; или, наконец, их существование было в той или иной степени одновременным.

---

[22] *Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен… С. 216–217.

[23] *Даниленко В.Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 131–139.

[24] Ин. 15, 1.

[25] *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2001. Вып. 5. С. 257-258.

3. Кроме того, в литургическом устройстве храма имеется элемент, которому *светские* исследователи не уделили специального внимания, но который представляет особый интерес с точки зрения назначения всего комплекса. Речь идет о необычном «устройстве», вплотную примыкающем к престолу храма.

Перейдем к рассмотрению вышеупомянутых вопросов.

2.Расположение и структура комплекса

Как мы видим, комплекс храма «Успения» до настоящего времени не был в полной мере введен в научный оборот. Мы попытались сделать это. Но предварительно мы повторно обследовали его, в частности, для того, чтобы дать ответы на вопросы, заданные Е.В. Веймарном в его «примечаниях».

Заметим, что ответ на свое последнее примечание дал сам Е.В. Веймарн, приведя план всего комплекса храма «Успения» в масштабе[26]. Мы приводим этот план (снятый им еще в 1928 г. и, насколько нам известно, никогда не публиковавшийся) на рис. 2.

Другой, беловой чертеж плана комплекса, составленный ЭКЭ, который мы также приводим (и также ранее неопубликованный), хранится в настоящее время в архиве ИИМК РАН[27] (рис. 3). На рис. 4 приведены разрезы к этому плану[28]. Поскольку, несмотря на тщательность выполнения, они, в действительности, представляют собою не разрезы, а сечения и, по нашему мнению, недостаточно информативны, то мы в соответствующих разделах нашей статьи дополняем их, кроме того, воспроизведением разрезов с оттушевкой – полевых чертежей[29]. Поскольку они выполнены той же экспедицией, то обозначения на них совпадают с обозначениями на планах и разрезах рис. 2–4.

Наконец, мы произвели на памятнике повторные обмеры, результаты которых далее будем приводить по мере надобности.

Что же касается определения границ фрески на потолке, то мы выполнили и эту работу. Сохранившийся на потолке слой штукатурки имеет ширину 1,45 м у юго-восточной стены и 1,6 м у северо-западной, частично обходя отверстие горловины цистерны (рис. 5). При этом сохранившаяся на потолке красочная разгранка определяет ширину расписанного фресками участка потолка в 1,17 м от северо-восточной стены (рис. 6).

Комплекс представляет собой своеобразный «дворик» в виде трапецеидальной горизонтальной подтески в покатой известняковой бровке юго-восточного обрыва Эски-Керменского плато. Длина этого «дворика» вдоль обрыва составляет около 10 м, ширина – от 1,5 м в северной части до 4 м в южной. В северо-западной скальной стенке «дворика» и вырублены пещерные сооружения, о которых пишет Н.И. Репников: усыпальница, «пещерная келья» (рис. 7) и церковь «Успения» (рис. 8). Левее входа в храм в поверхности «дворика» имеется обычная вырубная гробница с частично сохранившимися «заплечиками» (рис. 9, 53). Она имеет длину 1,62 м, ширину 0,4 м и глубину 0,32 м и отстоит от стены храма на 0,22 м у северного конца и на 0,14 м – у южного.

Усыпальница (обычной для Эски-Кермена формы со скругленными углами) имеет максимальную глубину 1,7 м, максимальную ширину 1,1 м и максимальную высоту 1,5 м. Входной проем с полукруглым верхом расположен на высоте 0,28м от уровня площадки комплекса, имеет ширину 0,5 м и высоту 0,65 м и сохранил следы дверной коробки, ширина которой составляет 0,58 м (рис. 10). Высота этого же порога с внутренней стороны усыпальницы составляет уже 0,85 м. Профиль усыпальницы легко представить по разрезам Ж-З на рис. 4 и рис. 11.

[26] Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 80/4. Вкл. л. 16 к осн. 87.
[27] Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 119а. Л. 19.
[28] Там же. Л. 18.
[29] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 105.

«Пещерная келья» (рис. 12) соседствует с усыпальницей. Вход в нее расположен на расстоянии в 1,3 м к юго-западу от входа в усыпальницу. Ширина дверного проема равна 0,9м, верх проема разрушен природным воздействием. Ширина помещения 3,6 м, глубина – 2,8 м, максимальная высота – 2,06 м. Разрезы «кельи» вместе с усыпальницей представлены на рис. 4; 13; 14.

В северо-западной стене, на расстоянии в 0,3 м от западного угла помещения, на высоте в 0,45 м имеется подрубка в форме плоской ниши шириной 0,3 м, высотой 0,14 м и глубиной 0,1 м (рис. 15). Другая ниша расположена на расстоянии в 1,2 м от северного угла помещения на высоте 1,6 м и имеет ширину 0,27 м, высоту 0,3 м и глубину 0,22 м (рис. 12). Еще одна подобная ниша шириной 0,33 м, высотой 0,22 м и глубиной 0,16 м находится в юго-западной стене, на высоте 1,1 м и на расстоянии в 0,46м от южного угла помещения. В северо-восточной стене имеется небольшой пролом в соседнюю усыпальницу.

Пол помещения расположен на 0,7 м ниже уровня площадки комплекса. Центральная часть пола шириной 0,87 м ровная, справа и слева он немного повышается и сохранил на себе следы хозяйственных приспособлений (рис. 16). Правое возвышение имеет ширину 1 м, левое – 1,4 м. Эти возвышения сохранили углубления для установки сосудов диаметром от 0,15 до 0,18 м и глубиной от 0,07 до 0,09 м (три ямки в левом и одна – в правом возвышениях). Кроме того, в западном углу помещения в полу имеется подпрямоугольная выборка глубиной 0,1м и размерами 0,4 на 0,4 м. Возможно, она как-то связана с расположенной над ней нишеобразной подрубкой. В северо-восточном возвышении также имеется подобное углубление, но округлой формы.

Для того чтобы уяснить себе относительную хронологию строительства оборонительных сооружений Эски-Кермена и комплекса храма «Успения», необходимо, прежде всего, рассмотреть их взаимное пространственное расположение.

В архиве Е.В. Веймарна имеются фотографии сохранившихся остатков боевой стены между казематами IV и V[30] (рис. 17). На снимке хорошо видна одна из плит покрытия стены. Так же хорошо видно, что как внутренний, так и внешний фасы стены (т.е. лицевые стороны наружного и внутреннего панцирей) были совершенно гладкими. В то же время *внутренние* стороны панцирей, уходившие в забутовку, *были весьма неровными* (вероятно, именно для того, чтобы камни панцирей максимально «вросли» в эту забутовку, обеспечивая наибольшую прочность кладки). Совершенно о том же говорит фотография частично разрушенной, но сохранившей *внутренний* панцирь крепостной стены *северо-восточнее* храма «Успения»[31] (рис. 18). На ней совершенно отчетливо видно, что, во-первых, *внутренний* панцирь стены со стороны города *совершенно ровный*; во-вторых, что *для внешнего панциря подрубки-«постели» были глубокими и хорошо горизонтированными;* и, в-третьих, что эти подрубки были расположены *максимально близко к краю обрыва*, дабы максимально же увеличить зону поражения.

Совершенно иную картину мы видим как на плане комплекса «Успения», так и на фотографиях боевой стены *юго-восточнее его и перед ним* (рис. 19, 20). Положение двух лежащих каменных плит по сравнению с рис. 17 ясно указывает, что они были сброшены (или сползли) с кладки стены, основная линия которой проходила выше. Сам же характер остающегося доселе in situ нижнего яруса кладки (ровно выведенная юго-восточная граница и ломаный характер линии кладки с северо-запада) неопровержимо указывают на то, что это – остатки не внутреннего, а *внешнего* панциря крепостной стены, которая в этом месте *существенно отступала от края обрыва*. «Постели» этой стены проходят по кратчайшему пути *над* храмом «Успения» и далее загибаются по скале, огибая с северо-востока горловину цистерны, впоследствии растесанной в пещерный храм (рис. 18, 21). Следовательно, само по себе существование боевой стены *никак не могло мешать вырубанию пещеры*. О том, что

[30] Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 3. Л. 7.
[31] Там же. Л. 8.

«отверстие с поверхности скалы» было «замкнуто боевыми стенами», как мы помним, писал и Н.И. Репников. Он же уточнил, что «поверхность скалы в *средней части над местом* (*курсив наш – Н.Д.*) уже известного нам пещерного храма с цистерной и тарапаном представляет двойные вырубки для стены, обходящие этот участок края плато»[32]. К сожалению, этому противоречит им же далее написанная фраза о том, что «когда боевые стены утратили смысл и были насильственно разобраны до скалы, с площадки к вырубкам основания стены нарубили лесенку для сообщения с *нижней террасой, служившей основанием боевой стены*, использовали ее как подход – спуск к месту обрыва, где задумали вырубить пещерный храм»[33] (*курсив наш – Н.Д.*). Но, как мы видели, вырубная гробница, усыпальница и «келья» возникли не *на месте*, а *с внешней стороны* боевой стены. Если стена и могла помешать чему-либо, то только лишь устройству «спуска к пещерному храму».

Однако наличие пещеры с внешней стороны стены противоречило бы элементарной логике обороны. Как же объяснить ее существование?

При сравнении планов рис. 2 и 3 следует обратить внимание на одно малосущественное, на первый взгляд, различие, которого, скорее всего, не заметит человек, не побывавший на местности: слабо, но вполне отчетливо выраженную и хорошо горизонтированную скальную площадку шириной 0,8–0,9 м, полукругом огибающую со стороны обрыва вырубную гробницу (рис. 22–24). Наиболее правдоподобно, что это – скальное основание мощного каменного парапета, под защитой которого к пещере проходил изогнутый коридор, который постепенно сужается по направлению ко входу в храм до ширины в 0,8 м. Эта площадка завершается аккуратным прямоугольным выступом, севернее которого, как раз напротив входа в пещерный храм, в обрыв круто уходит промоина (рис. 25). Естественным образом напрашивается предположение, что эта промоина в свое время представляла собой амбразуру для скатывания камней, вполне аналогичную таким же амбразурам, находившимся в «башенном каземате» над подъездной дорогой, боевое применение которых столь хорошо описано Е.В. Веймарном[34]. На восточном склоне такие амбразуры также сохранились до настоящего времени, в частности, в уже упоминавшемся каземате V (рис. 26). В нашем случае от этой амбразуры хорошо сохранилась северная часть стены перед храмом в виде своеобразной «каменной скорлупы», закрывавшей стоявшего за нею воина (рис. 27). Само же пространство, защищенное парапетом, по-видимому, представляло собою «боевую площадку» (рис. 28). Опять-таки, именно Е.В. Веймарн, реконструируя систему обороны Эски-Кермена, предложил концепцию боевого применения таких площадок, расположенных впереди основной стены. Отметим, что он реконструировал существование таковых слева и справа от южных ворот даже притом, что слева (с запада) такая площадка не сохранилась вовсе (занята храмом с усыпальницей), а справа (с востока) ее можно лишь предполагать[35]. Вопрос о том, каким образом пришел исследователь к концепции боевых площадок, насколько нам известно, не обсуждался. Не исключено, что эта идея родилась у Е.В. Веймарна именно при обследовании восточного фронта обороны Эски-Кермена, а именно, возле «малых ворот» (восточной калитки). Эти площадки были им особо выделены и описаны[36], а в его архиве сохранились их фотографии (с той лишь разницей, что здесь они названы «боевыми выступами») (рис. 29, 30). Читатель может сам оценить, насколько точно описание Е.В.Веймарном *площадок у восточной калитки* соответствует и *площадке с храмом «Успения»*: «крепостная стена… была укреплена выступавшими впереди стен прямоугольными полувырубленными казематами, или, точнее, площадками с

[32] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Изв. ГАИМК. Л., 1932. Т. 12. Вып. 1–8. С. 116.
[33] Там же. С. 116.
[34] *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 22–23.
[35] Там же. С. 21.
[36] Там же. С. 31.

парапетом, следы которых сохранились на скале. Полностью реконструировать сейчас эти сооружения трудно, но, судя по вырубкам-«постелям», все они связаны с оборонительной стеной. Внутренняя ширина этих сооружений достигала 2,5 м при средней длине до 5 м. Нижние части площадок были ниже основания боевой стены примерно на 1,5 м, поэтому боевые горизонты их находились значительно ниже боевого горизонта стены и не мешали ведению боя с последней. Эти сооружения значительно усиливали обороноспособность участка калитки Е, если учесть, что высота обрывов скалы здесь составляет около 10 м»[37].

Однако тот факт, что этот же ученый, снимавший с натуры план комплекса храма «Успения», не отразил на своем плане основание парапета, дает основание предполагать, что именно здесь такой площадки он не увидел. Чем это было вызвано, можно только гадать[38]. Однако если мы примем существование такой площадки за основу, то сразу же теряет смысл дискуссия как о возможности существования пещерного храма *на месте боевой* стены (ибо стены *в этом месте* попросту не было), так и о «странном» устройстве алтарной части храма «Успения». *Эта алтарная часть была устроена там, где для нее нашлось место,* ибо *помещение изначально, скорее всего, представляло оборонительный каземат, выходивший на боевую площадку*. Кроме того, на фотографии рис. 20 хорошо видно, что скала была так же тщательно горизонтирована и перед расположенной южнее «пещерной кельей», в то время как еще юго-западнее она сохраняла свой природный наклон. Следовательно, не исключено, что и «пещерная келья» также была изначально оборонительной пещерой. *В противном случае трудно объяснить отступление боевой стены от обрыва на столь значительном протяжении там, где к ее размещению на самой бровке не было никаких препятствий*. На фотографиях рис. 8 и рис. 20 хорошо видны остатки поперечной скальной стенки, разгораживающей площадку перед стеной на две части. Следовательно, боевая площадка («боевой выступ перед оборонительной стеной») могла быть «двухсекционной», причем каждая секция имела свой оборонительный каземат. Как видим, с описанием, которое Е.В. Веймарн дает «боевой площадке», совпадает буквально все, вплоть до размеров: площадка перед храмом «Успения» и «пещерной кельей» имеет длину около 10 м при ширине от 1,5 до 4 м, разделена на две секции и расположена примерно на 1,5 м ниже «постелей» стены.

Другой вопрос, насколько боевая стена могла мешать устройству *спуска* на эту боевую площадку? Эта вопрос, действительно, требует дальнейшего решения. Однако, в таком случае, он должен столь же неизбежно возникать и в отношении *других* подобных оборонительных элементов, как на восточном склоне, так и у городских ворот. *Если* такие площадки, или боевые выступы, действительно существовали *перед* основной стеной, *то должны были быть и средства туда попадать*, независимо от того, на каком участке обороны они располагались. Заметим, что в том же архиве Е.В. Веймарна имеется фотография переходов на такие площадки (рис. 31, 32). Видимо, нечто подобное существовало и в нашем случае. Но, в таком случае, и стена над храмом «Успения» не являлась препятствием ни для строительства боевой площадки, ни для строительства храма. Правда, глядя *только на план* комплекса, можно придти к выводу о том, что именно здесь существующая в настоящее время лесенка вырублена достаточно небрежно и явно производит впечатление вторичности в сравнении с аккуратно вытесанными лестницами, ведущими в другие пещерные казематы. Однако это не так. На фотографиях рис. 7 и рис. 10

---

[37] Там же. С. 31.

[38] Это могло быть связано, например, с тем, что независимость создания храма «Успения» от крепостной стены отстаивал О.И. Домбровский, с которым у Е.В. Веймарна были сложные отношения. Об этом косвенно говорит весьма резкий (для научной работы) тон его «примечаний» к выписке из работы О.И. Домбровского «Фрески средневекового Крыма» (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев) которые мы уже цитировали.

отчетливо видно, что лесенка изначально была вырублена так же тщательно, однако впоследствии часть ее ступеней была сильно разрушена природным воздействием.

Таким образом, предположение О.И. Домбровского и Ю.М. Могаричева о том, что вырубание пещерного помещения храма «Успения» вовсе не обязательно требовало сноса городских стен, с нашей точки зрения, вполне обосновано, а пещерные сооружения, «вросшие в оборону города», могли первоначально представлять собой *пещерные казематы, выходящие на боевые площадки*. Один из таких казематов был, в частности, вырублен на месте прежней цистерны. В дальнейшем он вполне мог быть преобразован в храм, причем его оборонительное значение, как мы увидим далее, при этом не только не исчезло, а, напротив, возросло. Для того, чтобы понять это, обратимся к рассмотрению интерьера храма.

3. Престол пещерного храма

В первую очередь, речь идет о важнейшем литургическом элементе храмового интерьера – престоле. Для нас важно то, что, в какой бы из строительных периодов он не устраивался, его конструкция была продумана изначально и воплощена как единое целое[39]. В том числе изначально было вырублено уникальное устройство, примыкающее к престолу и, насколько нам известно, не имеющее прямых аналогов.

Однако сведения в литературе об этом элементе алтарной части храма крайне маловразумительны. Никак не упоминают о нем при описании престола храма «Успения» ни автор единственной монографии, целиком посвященной крымским пещерным храмам Ю.М. Могаричев[40], ни С.В. Харитонов – автор также единственной монографии, целиком посвященной Эски-Кермену[41], ни О.И. Домбровский – автор единственной монографии о крымских фресках[42], ни Н.Е. Гайдуков, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанов[43]. В работе, специально посвященной престолам пещерных храмов Юго-Западного Крыма, данное устройство отмечено как «устройство загадочного предназначения в форме «ванночки» в полу перед престолом»[44], «припрестольное устройство неясного предназначения»[45] и как «загадочное устройство перед престолом», которое «еще ждет своей интерпретации»[46].

Не проясняет вопроса и приводимый в литературе иллюстративный материал. Так, на схеме-реконструкции алтарной абсиды, выполненной И.Г. Волконской[47], реконструированный престол вообще ничего общего не имеет с престолом храма «Успения», повторяя в основных чертах престол храма «Донаторов»[48]. Соответственно, околопрестольное устройство на схеме-реконструкции не отражено вовсе (рис. 33). Выполненная в 1929 г. Г. Андреевым и Л. Линно акварель (рис. 34), как и рисунок алтарной

---

[39] В этом мы усматриваем определенную аналогию «малому» пещерному храму у городских ворот, где, возможно, алтарная часть также была встроена в оборонительное (точнее, дозорное) помещение, но, притом, сама по себе была так же тщательно продумана изначально (См.: *Днепровский Н.В.* К вопросу о назначении эски-керменского «пещерного храма у городских ворот» // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. VIII (III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. Севастополь, Филиал МГУ в г. Севастополе, 2012. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf. С. 85).

[40] Там же. С. 48; *Могаричев Ю.М.* Крым. «Пещерные города». Киев, 2010. С. 141.

[41] *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. СПб., 2004. С. 52–53.

[42] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 43.

[43] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена... С. 114–132.

[44] *Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Престолы пещерных храмов юго-западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев–Судак, 2006. С. 81.

[45] Там же. С. 83. Рис. 5.

[46] Там же. С. 83.

[47] *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. С. 134. Рис. 68.

[48] Там же. С. 137. Рис. 69.

части храма (рис. 35), приведенный в статье Н.Е. Гайдукова, А.В. Джанова и Э.Н. Карнаушенко[49], дают искаженное представление об этом устройстве, а неудачное освещение объекта на фотографии из работы Н.Е. Гайдукова и М.С. Желтова[50] не позволяет получить о нем адекватное впечатление[51].

Более того. Даже сам престол у одних и тех же авторов именуется то «пристенным монолитом, накрытым доской»[52], то «маленьким скальным престолом, в форме усеченного конуса, примыкающем к стене, размерами 0,5 на 0,55 м»[53], причем на приведенном в этой же работе рисунке основание престола изображено отнюдь не в формы конуса, а в виде четырехгранной призмы со стесанными в виде фасок ребрами (рис. 35). О.И. Домбровский, как мы помним, именовал его «тумбой»[54].

Все это говорит о том, что, несмотря на всю уникальность престола пещерного храма «Успения», никто из прежних исследователей не входил в скрупулезное рассмотрение его особенностей. Это побудило нас произвести повторный детальный анализ устройства престола.

Как мы видели, исследователи, начиная с Н.И. Репникова и О.И. Домбровского, описывают находящийся в храме престол так, как будто он сохранился полностью. Но это не так. В настоящее время от собственно престола осталось только монолитное основание-ножка, оставленное при вырубании алтарной абсиды, а покрывавшая его каменная плита утеряна. Так было уже во время Эски-Керменской Экспедиции, что явствует из полевых чертежей рис. 36 и 37. Сравнение этих чертежей с фотографией алтарной части храма, выполненной автором (рис. 38), свидетельствует о том, что состояние ее литургических устройств не изменилось.

Основание престола представляет собой слегка суживающуюся кверху полуколонну высотой 0,53 м, примыкающую к восточной части абсиды и представляющую с ней одно целое (рис. 39; 40). Ее нижняя часть практически полукруглая. В правой боковой стенке имеется углубление для вложения ампулы с мощами. Верхняя опорная площадка представляет собой прямоугольник размером 0,29 на 0,16 м, углы которого сняты фасками шириной 6 см. В центре опорной площадки имеется посадочное место для престольной плиты в виде усеченной пирамиды с размерами основания 13 на 11 см и высотой 3 см. Позади опорной площадки в скале вырублен горизонтальный паз для крепления престольной доски, довольно сильно разрушенный природным воздействием. Максимальная ширина паза – 0,56 м, максимальная глубина – 0,135 м, максимальная высота его колеблется от 0,15 до 0,2 м. Однако южный угол паза хорошо сохранился и имеет четкую трапецеидальную форму. Верхняя, строго горизонтальная, стенка паза уходит в глубь скалы на 0,125 м. Задняя, вертикальная стенка, имеет высоту 0,08 м. Ширина устья паза равна 0,14 м. Несомненно, что и весь паз имел такой профиль, так как именно последний однозначно определяет способ крепления престольной доски: ее вставляли в паз немного наклонно, а затем опускали до горизонтального положения, насаживая заранее вытесанным гнездом на пирамидальное посадочное место верхней площадки и упирая кромкой в верхнюю, горизонтальную, грань паза. Мы выполнили графическую реконструкцию престола (рис. 41). Для этого разрезы всех деталей престола были изготовлены в виде плоских шаблонов. Вопреки нашему первоначальному представлению оказалось, что престольная доска «проходит» в паз только в том случае, если ее толщина меньше, чем вертикальная ширина паза. Следовательно, после

[49] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена... С. 117.
[50] *Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Престолы пещерных храмов юго-западного Крыма. С. 83. Рис. 5.
[51] Возможно, впрочем, что виноваты в этом не авторы, а полиграфисты.
[52] Там же. С. 81.
[53] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена… С. 113.
[54] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 43.

установки доска фиксировалась в пазу прокладками, что заодно позволяло и в точности отрегулировать ее наклон.

Мы уделяем столь большое внимание подобным деталям, поскольку именно такая конструкция престола могла обеспечить достаточно большой свес престольной доски внутрь храма при сохранении ее высочайшей устойчивости. При отсутствии упора в верхнюю грань паза даже при строго симметричной (для равновесия) относительно опоры престольной доске ее размеры могли бы составлять 0,56 на 0,44 м, однако полезные размеры выступающей из скалы части составили бы только 0,56 на 0,33 м. В то же время сохранившиеся остатки гнезд или оснований престолов крымских пещерных церквей дают нам соотношения, гораздо больше приближенные к квадрату. Например, монолитное основание престола повторно выявленного нами вырубного храма на первом повороте подъездной дороги Эски-Кермена имеет размеры 0,54 на 0,41 м. Если предположить, что похожие размерные соотношения имел и престол церкви «Успения», то рассмотренная нами конструкция вполне позволяла сделать это. Для того, чтобы размер выступающей части престольной доски стал, по аналогии, равен 0,56 на 0,41 м, ее свес достаточно было увеличить всего на 8 см. Именно такой размер мы и отразили на нашем чертеже (рис. 41).

Но как бы приведенные рассуждения не были познавательны сами по себе, они интересуют нас лишь постольку, поскольку способствуют пониманию назначения примыкающей к основанию престола «ванночки». Если они верны, то при таких размерах престола «ванночка» представляла собой не *околопрестольное* устройство, а целиком находилась *под* престольной доской, т.е *в сакральном пространстве* престола, и после облачения престола[55], как хорошо видно из чертежа, могла быть вообще невидима снаружи. В чем же состояло ее назначение, столь «неясное» нашим современникам?

Обратимся к форме подпрестольного углубления. Оно ограничено бортиком, верхняя часть которого имеет ширину 8 см, а высота над уровнем пола храма составляет 0,1 м. Наружный диаметр «ванночки» достигает 0,4 м, а от ножки престола ее наружный край отстоит на 0,26 м. Значит, как следует из предыдущих рассуждений о размере престольной доски, «ванночка» практически целиком находилась под ней. Само углублениее имеет практически полусферическую форму (размер по ширине престола – 0,24 м, размер по направлению к престолу – 0,18 м и глубина 0,09 м), совершенно не соответствующую приведенной, например, на рис. 35. Причем пожертвовать этой формой было нельзя даже ради экономии места: об этом говорит тот факт, что углубление выбрано не только в полу, но и на 4 см проникает в толщу основания престола. Следовательно, в нем размещалось либо то, что не должно было ни в каком случае подвергнуться профанации (другими словами, углубление представляет собой разновидность «непопираемого места»), либо здесь находилось нечто, по степени святости *достойное* находиться под престолом и даже частично *внутри* него, т.е. сопоставимое, например, со святыми мощами, которые туда полагались.

Но углубление для вложения мощей в подпрестольном столбике уже имеется. Однако и первое предположение, по нашему мнению, тоже отпадает. Дело в том, что нижняя, полусферическая часть углубления в толще основания престола продолжается кверху в этой толще в виде конической выборки на высоту примерно в 0,15 м над бортиком «ванночки». Такая форма допускает, на наш взгляд, единственное толкование: под престол заносился, а затем ставился в углубление достаточно высокий сосуд с полусферическим дном, типа кувшина или, условно говоря, колбы с круглым дном, причем сравнительно большой емкости – диаметром около 0,2 м. Отметим, что в полу южной части храма, за перегородкой, сохранились углубления под установку сосудов примерно такого же диаметра (диаметр углублений от 0,16 до 0,18 м). Причем таких углублений оказалось не четыре, как на

[55] Напомним, что *облачение престола* включает в себя два покрова – нижний (льняную срачицу, или катасаркий) и верхний (парчовую индитию, или индитион).

чертежах ЭКЭ или Ю.М. Могаричева, а пять (пятое углубление мы обозначили на рис. 1 пунктиром). Сходные углубления диаметром от 0,15 до 0,17 м мы встречаем и в «пещерной келье».

Но что могло находиться в таком сосуде? Учитывая малые размеры церкви и сравнительно большие размеры сосуда, вряд ли это могли быть миро или елей.

Самое же главное заключается в другом. Если бы в «стандартной» литургической практике существовали действия, требовавшие устройств, подобных «успенскому», то мы, несомненно, имели бы какие-то их аналоги в других храмах. Между тем, на сегодняшний день такие устройства нам неизвестны. Следовательно, околопрестольное устройство храма «Успения» пока что можно считать уникальным. Логично предположить, что его существование вызвано к жизни какой-то уникальной особенностью этого данного храма, также отсутствующей где-либо еще. И такая особенность, действительно, имеется. Этой особенностью является устройство, которое все предшествующие исследователи идентифицировали как «тарапан» (рис. 42).

К его детальному рассмотрению мы сейчас и перейдем.

4. «Тарапан»

Как мы видели, в предназначении этого элемента интерьера «Успенской» церкви до сих пор не сомневался ни один из предыдущих исследователей. При этом Н.И. Репников специально указал на «*характерный* тарапан для прессования винограда, сок которого желобком сбегал в особенное углубление в полу». О.И. Домбровский также полагал, что это – «*обычного* типа давильня для винограда».

Приняв как очевидную данность существование тарапана в пещерной церкви, исследователи вынуждены были далее пожинать «плоды» подобного допущения. Помимо странности самого факта расположения в церкви винодавильного пресса, этот факт превратился поистине в «камень преткновения», став основным аргументом в спорах об этапах формирования интерьера церкви «Успения». Причем поскольку аргумент этот, как ни удивительно, используется для *обоснования прямо противоположных* точек зрения, то, по нашему мнению, *аргументом являться не может*. Так, Н.И.Репников полагал, что «*впоследствии, когда храм пришел в запустение*, пещеру сильно расширили в левом направлении», а «*устройство тарапана и резервуара есть явление позднейшего времени*»[56] (*курсив наш – Н.Д.*).

Ему возражает О.И.Домбровский: «*Впоследствии тарапан был почти полностью и весьма небрежно стесан в связи с переделкой данного помещения под храм*…. тарапан же был вырублен именно в скале, *что свидетельствует о его появлении здесь с самого начала*» (*курсив наш – Н.Д.*)[57].

Таким образом, как и во многих других случаях, связанных с пещерными храмами и монастырями, дискуссия о датировке храма «Успения» (хотя бы даже относительной) приобрела чисто умозрительный характер.

Н.Е. Гайдуков, как мы видели, допускал наличие тарапана *непосредственно в храме*, но на втором («приходском», а не монастырском) этапе его существования. Эту позицию он разъясняет следующим образом: «Как смогли хозяйственные помещения сосуществовать с храмом? *В этом нет ничего необычного*: в сезон сбора урожая храм, скорее всего, использовался как хозяйственное помещение. На востоке и теперь в сезон сбора оливки заносят в церковь и сортируют прямо там. Иногда ямы для зерна рыли прямо посреди храма

---

[56] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. С. 111.

[57] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 44.

(Алжир) подобно тому как в торговых городах Древней Руси устраивали в церковных подклетах склады с товаром»[58] (*курсив наш – Н.Д.*).

Ту же мысль он проводит в другой своей работе: «Нами было установлено, что темплон храма имел три строительных периода. От первого, древнейшего темплона сохранился верх скальной колонки[59]. Два других периода, относящихся ко времени, *когда и яма и тарапан уже функционировали*, можно ясно различить по подрубкам. Вероятно, новый темплон был деревянным. И хотя с уверенностью сказать, что все время, пока помещение храма использовалось, в нем имелись литургические приспособления, невозможно[60], однако *то, что и хозяйственные и литургические приспособления использовались одновременно, несомненно*.

От себя добавим, что на Ближнем Востоке использование храмового пространства для хозяйственных нужд (в первую очередь для сбора и хранения урожая оливок или для хранения вина), дело настолько обычное, что никто на него не обращает внимания»[61] (*курсив наш – Н.Д.*). Удивительно то, что *в этот же год* вышла другая статья *того же* автора, в которой он, наряду со своими коллегами, как раз видит в этом «необычное»: «Некоторые части храма кажутся *абсолютно иррациональными*. Например, наличие тарапана вблизи росписей», – пишут Н.Е. Гайдуков, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанов[62] (*курсив наш – Н.Д.*). Тем не менее, авторы приходят к заключению, что «фресковая роспись была нанесена, как нам кажется, уже после сооружения тарапана»[63], сам тарапан использовался для приготовления причастного вина, а за пределами собственно храма располагалась монастырская трапезная[64].

Подобные параллели трудно полностью игнорировать, особенно после открытия Т.Ю. Яшаевой на мысе Виноградном пещерного храма, возможно, целиком (по крайней мере, на определенном этапе существования или в определенный сезон) выполнявшего функции винодавильни. Однако изучение этого храма только начинается. Отсутствует в нем и околопрестольное устройство, подобное «успенскому», да и производительность этой давильни была совсем другая – гораздо большая. Во всяком случае, ни о каком одновременном совмещении хозяйственных и литургических функций в данном случае речи быть не может, тем более, что сама Т.Ю. Яшаева полагает, что «помещение было частично перепланировано и использовалось местными жителями в качестве хозяйственного» лишь «после гибели храма»[65]. Все другие попытки проведения аналогий с храмом «Успения»,

[58] *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики. С. 254.

[59] Удивительно, но в том же 2002 году тот же Н.Е. Гайдуков с соавторами писал, что «традиционной византийской алтарной преграды с темплоном и колонками, поддерживающих (?) его, здесь, по всей видимости, не было. Эта конструкция могла оказаться слишком громоздкой для скромных масштабов храма» (См.: *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена… С. 115–116).

[60] Смысл этого пассажа нам представляется в высшей степени туманным. *Если* в помещении уже был устроен храм, *то* в нем *не могло не быть* литургических устройств. Но, как мы помним, по мнению того же Н.Е. Гайдукова, «само устройство храма говорит нам о том, что *церковь здесь существовала на всех этапах*» (*курсив наш – Н.Д.*) (См.: *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики. С. 254). Следовательно, литургические устройства здесь просто *обязаны были быть*. А *после* прекращения функционирования храма, как мы видим, эти устройства, пусть и частично, но заведомо *уцелели*.

[61] *Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов Юго-Западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округи пещерного города Эски-Кермен) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002. С. 74). Как видим, тут смешивается процесс *хранения* (сравнительно безвредный) с процессом *приготовления* вина. Прямой аналог «успенскому» *хранилищу* мы видим в хранилище «келейки» на западном обрыве.

[62] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена… С. 116.

[63] Там же. С. 117.

[64] Там же. С. 116.

[65] *Яшаева Т.Ю.* Раскопки пещерного храма 2 у мыса Виноградный на Гераклейском полуострове // Археологічні дослідження в Україні. Київ, 2009. С. 496.

имеющиеся в литературе, мы считаем неудачными, поскольку во всех остальных случаях винодавильни размещались где-то по соседству с храмом, но не в нем самом.

Признаемся, и мы в течение ряда лет полагали, что тарапан и загадочное устройство у престола храма предназначались для приготовления и освящения вина. Последний обряд (освящение вина в храме), например, сохранился во многих странах католической традиции, где он совершается в день памяти св. евангелиста Иоанна (27 декабря по григорианскому календарю). Однако более внимательное изучение храма «Успения» направило наши мысли в другое русло.

Дело в том, что, по нашему мнению, «тарапан», размещенный в храме «Успения», никак нельзя назвать ни «характерным», ни «обычным»[66].

Прежде всего, удивляет упорство, которым изготовитель этого устройства боролся с им же самим созданными трудностями. Для этого достаточно уже одного взгляда *вдоль* борта «тарапана».

Этот борт явно *огибает* вырубленную в полу яму, а, точнее, имеющееся в борту прямоугольной в целом ямы овальное углубление для боковой стенки пифоса (рис. 43), что, кстати, на плане Е.В.Веймарна никак не отражено. Следовательно, вырубка в полу была первична, а устроитель «тарапана» был вынужден подстраиваться к ее конфигурации. Это явно противоречит предположению Ю.М. Могаричева о местном жителе, *одноактно* приспосабливавшем храм под хозяйственные нужды. Впрочем, подобное же предположение до Ю.М. Могаричева, хотя и менее отчетливо, высказал и О.И. Домбровский. Зато последний был прав в другом: устройство явно было вырублено в нарочно для этого оставленном фрагменте скалы, существенно выступающем за пределы западной стены собственно храма и как бы окаймляющем этот храм. Следовательно, «тарапан» вырубался весьма продуманно и тщательно, о чем говорит и аккуратно вырубленная ниша. Но в таком случае совершенно непонятно, зачем вообще понадобилось высекать его в этой нише, причем таким образом, что общая планировка его получилась странно асимметричной. Казалось бы, гораздо проще было просто расширить пещеру в западном направлении или вырубить «тарапан» в *южной* стене. Что же этому помешало?

Далее. На фотографиях (рис. 44) и разрезах (рис. 45, 46) отчетливо видна трещина, рассекающая скалу по касательной к западной стене храма. Трещина эта явно существовала уже в период функционирования комплекса, а отнюдь не возникла в более поздний период: об этом говорит не вырубленный до конца кусок скалы на стыке нижнего резервуара «тарапана», западной стены пещерного храма и его пола, хорошо заметный как на фотографиях и рисунках, так и на планах церкви (рис. 1–3). Именно в этом куске проходит упомянутая трещина. И если, вслед за Н.И. Репниковым и Ю.М. Могаричевым, допустить, что прежняя церковь переделывалась в хозяйственное помещение, то устроитель «тарапана» эту трещину отчетливо наблюдал. Но *эта же* трещина пересекает и вырубленную им нишу, что, однако, не помешало ему закончить работу! Что же, повторим еще раз, мешало ему вырубить «тарапан» не в западной, а в южной стене, а то и в соседней «пещерной келье»?

И еще более настойчиво начинаешь задаваться этим вопросом, когда замечаешь, что разгораживавшая помещение перегородка, след от которой сохранился в полу помещения, словно бы вообще никак не учитывает существования «тарапана», упираясь прямо в его середину (рис. 1, 47, 48). Т.е. она находилась именно в том месте и в том направлении, в котором должен располагаться рычаг винодавильного пресса. Следовательно, «тарапан» и перегородка никак не могли существовать одновременно.

---

[66] Стремясь проверить свои предварительные выводы, мы задали вопрос о типичности этого «тарапана» крупному специалисту в этой области, много лет занимающемуся раскопками тарапанов в «пещерных городах» – А.В. Белому. Археолог без колебаний отверг типичность данного «тарапана», но и дать четкие критерия его *атипичности* затруднился, отметив лишь, что «*он какой-то не такой – как бы сам по себе*». Приносим ему нашу искреннюю благодарность за эту оценку, побудившую нас к проведению дальнейших исследований.

Объяснить все это вместе взятое довольно трудно. Однако большое недоумение вызывает, к тому же, еще и сама форма «тарапана». Как известно, типичный тарапан состоит из двух основных частей: давильной площадки и суслоприемника. Задачи их совершенно различны.

Размер давильной площадки определяется: а) предполагаемой производительностью (объемом прессуемого винограда), б) максимальной высотой слоя винограда, который еще удобно в нее закладывать и в) допустимой силой давления на рычаг пресса. Последний фактор может быть рассчитан математически. Можно показать, что сила давления на рычаг пресса зависела бы лишь от объема, но не от площади давильни, в том (и только в том) случае, если бы виноград был линейно упругой средой. Но это не так. По мере выдавливания сока все большее сопротивление прессу будут оказывать оставшиеся от виноградных гроздьев веточки, сами по себе практически несжимаемые. А в условиях нелинейной зависимости сила давления на рычаг при *одинаковом* объеме тем *меньше*, чем *больше* площадь давильни и чем *меньше* перемещение рычага (равное, естественно, толщине слоя винограда).

Иное дело – суслоприемник. Его задача – собрать сок с *максимальной* поверхности давильной площадки в *минимально возможный по объему и наиболее удобный по своей форме для последующего удаления сусла резервуар*. Поэтому суслоприемники тарапанов обычно сравнительно узкие, глубокие и часто имеют форму, удобную для установки в них соответствующего сосуда. Кроме того, их форма должна облегчать удаление остатков жмыха и промывку резервуара. Поэтому суслоприемники обычно имеют плавные округлые формы и гладкие стенки.

Ничего подобного мы не видим в «тарапане» храма «Успения». Большой резервуар («давильная площадка») (рис. 49, 50) имеет округлую с запада форму, длину 1,53 м и ширину 1,05 м. Малый резервуар («суслоприемник») имеет *прямоугольную* форму, длину 0,65 м и ширину 0,5 м (рис. 51, 52), т.е. его площадь равна примерно одной пятой площади «давильной площадки». Однако он *мелкий* (максимальная глубина относительно дна большого резервуара составляет всего 0,2 м). Если «тарапан» и был стесан, то не настолько, чтобы нельзя было реконструировать размеры суслоприемника: глубина последнего определяется высотой сточного отверстия давильной площадки над дном приемного резервуара. Между тем высота эта в «успенском» «тарапане» составляет непосредственно под стоком всего 12 см. Если мысленно дополнить эту конструкцию обычным для тарапана сточным желобом в виде «носика», то для установки под ним приемной емкости места просто не остается. Кроме того, *дно приемного резервуара неровное*, *а глубина увеличивается к дальнему от слива концу*. При этом максимальная глубина приемного резервуара относительно сточного отверстия составляет всего 0,2 м, причем на расстоянии более чем в 0,3 м от этого отверстия, а дно в этом месте представляет собой ямку неправильной формы.

Наконец, с нашей точки зрения, предположение о стесывании «тарапана» и «маскировании» его остатков скамьей вообще не выдерживает критики. О.И. Домбровский справедливо отмечал, что «такие скамьи вдоль стен устраивались обычно в подобных храмах», но именно в самом храме-то никаких скамей вдоль стен нет и, судя по всему, не было! Между тем, в западном углу помещения сохранились остатки обычной каменной скамьи, которая заметно отличается *в меньшую сторону* по высоте и ширине от «остатков тарапана» (рис. 53). Нет сомнения, что, если бы скамью хотели продолжить, «тарапан» стесали бы максимально вровень со скамьей и гораздо аккуратнее. Кроме того, достаточно внимательно посмотреть на *нижний* резервуар «тарапана», чтобы увидеть, что никакой скамьи там не было: в скальной стенке отчетливо сохранились следы подрубки для крышки, которой закрывался сверху резервуар. И это – еще одна странность данного устройства. Нам неизвестны подобные подрубки для крышек суслоприемников в других тарапанах. Это логично, так как суслоприемник должен был хорошо проветриваться.

И последняя загадка. В точности над северным и южным краями большого резервуара в стене почти на одинаковой высоте находятся две небольшие узкие подрубки (левая – на высоте 1,43 м, правая – на высоте 1,52 м). Еще две аналогичные подрубки имеются в западной стене на высоте 1,18 и 1,14 м соответственно (рис. 45, 46, 49). Совершенно очевидно, что данные подрубки, по их малым размерам, не могли выполнять функции крепления силовых конструкций (например, пресса). Они могли быть пригодны только для крепления какой-то легкой конструкции, причем конструкции, *распределенной* по потолку и задней стенке ниши.

Необычно, однако же, и устройство отверстия, которое при беглом взгляде, легко принять за отверстие для крепления рычага винодавильного пресса. Везде, где мы встречали подобные устройства, подрубка для рычага представляло собой обычное гнездо, ничем не отличающееся от гнезда для крепления, скажем, потолочной балки прискального сооружения. Такое гнездо, действительно, имеется в задней стенке ниши. Вернее, их даже два. На высоте 0,17 м от дна большого резервуара в стене высечено углубление высотой 0,49 м, шириной и глубиной около 0,1 м (в настоящее время оно сильно повреждено). Над ним, на высоте 0,14 м от его верхнего края, высечено другое, практически круглое, углубление, диаметром и глубиной 0,1 м. Значит, мы не можем полностью исключить попытки использования устройства в качестве тарапана на каком-то этапе его существования. Но, во-первых, круглое гнездо находится как раз в вершине треугольника, образованного вышеописанными «несиловыми» подрубками, что наводит на мысль об их совместном использовании. И, во-вторых, расположенная ниже его другая вырубка узкая, высокая (0,5 м) и продолжающаяся внутри скалы вверх и вниз. Подобная форма, скорее, удобна для закрепления в нише какого-то достаточно тяжелого предмета на толстой невыпадающей шпонке. Шпонку вначале наклонно вставляли снизу вверх, а потом прижимали к задней стенке и слегка опускали, подобно тому, как в наши дни вставляются стекла в книжные полки (рис. 50; 54).

Не слишком ли много странностей для одного-единственного устройства, базовая конструкция которого отрабатывалась тысячелетиями?

Итак, наше обследование тарапанообразного устройства в храме «Успения» выявило факты, позволяющие сформулировать два утверждения:

1. Место для тарапана выбрано крайне неудачно, и все же оно выбрано именно так.
2. Конструкция тарапана очень странная, скорее, даже неудачная, и все же он сконструирован именно так.

С точки зрения *формальной логики* это дает нам право задать два вопроса:

1. ЕСЛИ место все же выбрано, будучи НЕудачным для ТАРАПАНА, ТО, возможно, оно выбрано как УДАЧНОЕ для устройства, НЕ являвшегося тарапаном, хотя и похожего на него?

2. ЕСЛИ конструкция все же выбрана, хотя она НЕудачна для ТАРАПАНА, ТО, возможно, она выбрана как УДАЧНАЯ для устройства, НЕ являвшегося тарапаном, хотя и похожего на него?

Это отнюдь не казуистика: наши исследования пещерных церквей Горной Таврики показывают, что в них *крайне редко встречаются случайные элементы*. Скальные конструкции, как и технологии их реализации, отрабатывались тысячелетиями[67]. Как правило, кажущаяся «непродуманность» технических решений древних строителей связана с неумением *современных* исследователей интерпретировать эти решения[68]. В какой-то

[67] Например, в Болгарии известны тарапаны, созданные, по мнению болгарских исследователей, задолго до нашей эры, а в Израиле найдены совершенно аналогичные конструкции ветхозаветных времен, применявшиеся для выдавливания оливкового масла.

[68] *Днепровский Н.В.* К вопросу о назначении эски-керменского «пещерного храма у городских ворот» // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII (III). Серия А. Античность и средневековье.

степени это связано с тем, что последним, по-видимому, исследователем «пещерных городов», имевшим хорошую *инженерную* подготовку, был А.Л. Бертье-Делагард. Именно поэтому его труды не теряют своей ценности до наших дней: он умел не только *видеть*, но и *интерпретировать*, а *правильная интерпретация* помогала *правильному видению*.

Попытаемся и в данном случае воспользоваться выработанной нами методологией и попробовать ответить на простой вопрос: *в каком именно случае только созданное в храме «Успения» устройство могло наилучшим образом решать стоящую перед ним задачу, и какая это была задача.*

Для этого подытожим все, что нам уже известно об этом устройстве.

1. Несомненно, устройство предназначено для сбора какой-то жидкости и состоит из двух каскадно-соединенных резервуаров.
2. Верхний резервуар вытесан в специальной нише и непригоден для непосредственного сбора жидкости (следовательно, сам по себе он существовать не мог), а нижний имеет форму, которая непригодна для установки внешней емкости, но сама по себе максимально подходит для сбора жидкости как со всей *своей* площади, так и со всей площади *верхнего* резервуара в *небольшое* углубление.
3. Перенести его на другое место почему-то было нельзя или нежелательно.
4. Участок скалы, выбранный для устройства, пересекается глубокой трещиной.
5. Нижний резервуар закрывался крышкой, верхний сохранил следы крепления объемной конструкции явно не силового типа.
6. В центре задней стены ниши имеется узкая вертикальная вырубка большой высоты (0,5 м) и формы, удобной для крепления какого-то предмета типа вертикальной невыпадающей шпонки.
7. Наличие устройства, возможно, никак не мешало существованию перегородки, разделявшей помещение и упиравшейся в верхний резервуар, как и перегородка не мешала существованию устройства.
8. Устройство достаточно долгое время соседствовало с фресковой росписью, по-видимому, не представляя для нее угрозы.

По нашему мнению, *все* эти особенности легко объясняются, если сделать *одно-единственное* допущение, снимающее также буквально все недоуменные вопросы, связанные с устройством храма «Успения». Многократно упоминавшаяся нами *трещина в стене*, которая могла и должна была стать *губительной для настоящего тарапана*, в данном случае была *не помехой, а причиной создания «загадочного» устройства. Именно она определила как местоположение, так и конструкцию этого устройства, изменить которые было попросту нельзя*. Дело в том, что эта трещина была *водоносной*, а устройство, которое все предыдущие исследователи принимали за тарапан, в действительности представляло собою *каскадный водосборник*[69]. Причем дебет этого водосборника был весьма мал, а, учитывая его расположение при храме, *он мог представлять собой только святой источник*.

Проанализируем *теперь* конструкцию устройства с точки зрения нашего допущения.

Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под ред. В.И. Кузищина. Севастополь, 2012. С. 89. Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/prich2012/prich-a.pdf

[69] Сходство *функций* неизбежно порождает сходство *технических решений*. Весьма возможно, что хорошо отработанная конструкция *тарапана* могла послужить прототипом при устройстве *водосборника*. Определенный «изоморфизм» этих устройств, имеющих *разное*, но *похожее* функциональное назначение, применительно к пещерным храмам Эски-Кермена не в первый раз вводит исследователей в заблуждение. Так, Ю.М. Могаричев принял за остатки тарапана расположенное при входе в «пещерный храм у городских ворот» водосборное устройство, предназначенное для удаления из храма конденсационной влаги (См.: *Днепровский Н.В.* К вопросу о назначении эски-керменского «пещерного храма у городских ворот». С. 85–88).

1. Поскольку ни местоположение водоносной трещины, ни местоположение уже существовавшей вырубки в полу помещения изменить было невозможно, то при вытесывании устройства неизбежно пришлось *приноравливаться к конфигурации* первой и *огибать* вторую.

2. Поскольку водоносная трещина проходит не в полу, а в толще скалы, причем не перпендикулярно, а почти параллельно к поверхности стены, то для ее вскрытия *ниша, углубленная в скалу, была абсолютной необходимостью*. А при малом дебете источника можно предположить, что от длины расчищенного участка трещины напрямую зависело количество поступающей воды.

Но как же, в таком случае, была обнаружена эта скрытая в толще скалы водоносная трещина? Ответ на удивление прост. Она выходит из скалы в точности на уровне нижнего резервуара, который обычно принимают за суслоприемник тарапана. А возможно, влага первоначально сочилась и еще ниже – там, где трещина идет на уровне пола к северо-восточному углу храма (вызванные влагой разрушения отлично видны на всех чертежах, рисунках и фотографиях), что и *заставило перехватить воду вначале путем создания нижнего резервуара*.

3. Не исключено, что расположенная на уровне пола оставшаяся часть трещины была при этом замазана водоупорным составом, для чего в углу храма и был оставлен невырубленный фрагмент скалы с участком трещины, в то время как другие стены помещения формируют с полом хорошо выраженный прямой угол. Такое решение также представляется *максимально грамотным с инженерной точки зрения*: вырубленная до уровня пола (т.е. ниже уровня верхнего резервуара) трещина, по закону сообщающихся сосудов, стала бы изливать драгоценную влагу на пол помещения, а не в резервуар, а замазывание ее только с внешней стороны стены вряд ли дало бы эффект. В то же время при *горизонтальном* расположении края трещины *выше* дна водосборника этот участок трещины ничего не стоило просто залить глинистым раствором, промазав стенки цемянкой, что обеспечило *абсолютную* герметичность.

4. Стремление увеличить дебет источника *стимулировало дальнейшее вскрытие водоносной трещины путем создания ниши в скальной стенке*, и система стала состоять уже из *двух каскадно-соединенных резервуаров*.

5. Учитывая большую длину и малую ширину трещины в нише, регулярная прочистка ее могла встретить трудности. К тому же помещение было разделено перегородкой, за которой находилось хранилище сосудов с водой, и которая упиралась в нишу источника. Поэтому, *во избежание засорения* падающей сверху породой, в верхней части ниши был организован треугольный «фальшпотолок», закрепленный на врубленных в скалу над источником горизонтальных брусьях и вбитую в центр задней стены пробку. (Впрочем, эти несущие конструкции могли бы использоваться и для подвески лампад над святыней, однако лишь в том случае, если перегородки, упирающейся в середину резервуара, в этот период не существовало. К тому же рейки закреплялись в подрубках явно криво, поэтому мы склонны все же видеть здесь «фальшпотолок»).

6. Набиравшуюся по каплям воду святого источника, несомненно, надо было *защищать* от пыли и насекомых, что и по сей день делает с принадлежащим ему колодцем любой рачительный хозяин. Для этого и предназначалась закрывавшая нижний резервуар *деревянная крышка*.

7. В круглое углубление в центре стены, принимаемое обычно за рычажное гнездо (а, возможно, и служившее таковым *на определенном этапе существования комплекса*), как мы полагаем, вначале была забита вышеупомянутая пробка. А нижнее длинное «шпоночное» гнездо *изначально предназначалось для крепления креста или иконы*.

8. Поскольку отбор воды производился только из нижнего резервуара, то примыкавшая к верхнему резервуару перегородка *никак не мешала* функционированию устройства. Сама

же процедура водозабора благодаря этой перегородке происходила *уже в сакральном пространстве храма.*

Как видим, *конструкция устройства в действительности была продумана до мелочей, то есть она была оптимальной с инженерной точки зрения*.

9. Что же касается до соседства устройства с фресковой росписью, то поистине «иррациональным» оно явилось бы, опять-таки, только для настоящего тарапана, создающего разрушительные брызги кислой красящей жидкости и привлекающего насекомых. Для святого источника с крошечным дебетом такое соседство являлось *естественным*. К этому вопросу мы сейчас и перейдем.

5. Росписи

Разумеется, как и любая гипотеза, наше предположение носит вероятностный характер. Однако, по нашему мнению, подтверждение ему следует искать в росписи храма «Успения».

Н.Е. Гайдуков и Э.Н. Карнаушенко считают, что «иконографическая программа храма… достаточно статична. Это наиболее архаическая, простая и наиболее распространенная схема, с нашей точки зрения, не представляющая какого-то особенного интереса»[70]. Но именно эта схема сохранила очень важную, по нашему мнению, деталь.

Наиболее обстоятельной из работ, касающихся фрескового цикла данного храма, нам представляется статья Е.М. Осауленко, целиком посвященная данному вопросу. В ней особо подчеркивается, в частности, что церковь «Успения» является единственным храмом Крыма, где достаточно полно сохранилась средневековая роспись на сюжет «Крещения Господня»[71]. Мы не можем утверждать, что так было всегда, но на сегодняшний день мы принимаем это как данность. *Причем сцена Крещения расположена практически над предполагаемой водоносной трещиной*.

Вновь повторим, что наш анализ архитектурных особенностей пещерных церквей Эски-Кермена привел нас к выводу о том, что в них изначально практически отсутствовали случайные элементы, а их интерьеры отличались (при всей своей простоте) исключительной продуманностью. Мы полагаем, что это должно было относиться и к такому «дорогому удовольствию», как фресковая роспись церковных интерьеров. В этой связи уместно напомнить, что с обрядовой точки зрения именно праздник Крещения (Богоявления) сопровождается чином *Великого водоосвящения*, а Богоявленская вода обладает, согласно церковным представлениям, *особой* целительной силой. Великое освящение воды получило свое начало еще в первые времена христианства – как считается, по примеру Самого Господа, освятившего воды Своим погружением в них и установившего Таинство Крещения, при котором издревле бывает освящение воды. Чин освящения воды приписывается евангелисту Матфею. Поэтому в православном миропонимании понятия «Крещение Господне» и «святая вода» нерасторжимы. Вот почему мы и полагаем, что наличие этой композиции вблизи *святого источника* является вполне *логичным*.

Более того. До недавнего времени большинству исследователей композиция «Крещения» из церкви «Успения» в Эски-Кермене была известна лишь по воспроизведению в книге О.И. Домбровского[72], да и то – в силу плохой сохранности – лишь в виде прориси (рис. 55, левый рисунок). Публикации Н.Е. Гайдукова, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанова (рис. 55, правый рисунок) и, в особенности, Е.М. Осауленко позволили существенно изменить наши представления по данному вопросу. Оказалось, что прорись, приведенная О.И.Домбровским, лишь отдаленно соответствует действительности. И, в первую очередь,

[70] *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики. С. 258.

[71] *Осауленко Є.М.* Фрески церкви «Успіння» на Ескі-Кермені — пам'ятка монументального живопису Кримської Готії першої половини XIV століття // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2005. Вып. II. С. 299.

[72] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 47. Рис. 22.

это касается изображения реки Иордан, которая в данном воспроизведении выглядит в своем «природном» виде, т.е. в виде реки как таковой. Между тем, Е.М. Осауленко специально останавливается на этом вопросе, указывая, что в целом ряде источников, например, в Хлудовской Псалтири Иордан символически изображается в виде расширенного книзу резервуара (рис. 56), для которого учеными даже выработано условное наименование – «колокол»[73]. В эски-керменской фреске «Крещения» Иордан, по мнению Е.М. Осауленко, изображен именно в виде «колокола» с полусферическим резервуаром и коническим горлом[74]. Действительно, это прекрасно видно на копиях-прорисях[75]. В статье Е.М. Осауленко рисунка фрески «Крещения» нет, но мы отыскали его на сайте исследователя[76] (рис. 57). Но, самое главное, этот факт не может подлежать никакому сомнению благодаря сохранившейся в архиве ИИМК акварели интерьера церкви «Успения», выполненной в 1929 г., когда фрески были в относительно хорошей сохранности[77]. На рис. 58 (верхний рисунок) мы приводим фрагмент этого изображения, на котором представлена композиция «Крещения».

И здесь мы считаем необходимым сделать важное дополнение. Даже беглого взгляда на рис. 56 и 58 достаточно, чтобы увидеть существенное отличие в иконографии эски-керменской фрески «Крещения» от миниатюры Хлудовской Псалтири. Если в последней все внимание сосредоточено на моменте *погружения* Христа в *открытый* резервуар (что подчеркнуто *выступающей за пределы* резервуара части Его фигуры), то «колокол» эски-керменской фрески *геометрически* представляется зрителю *почти замкнутым* объемом, в котором как бы *пребывает* Сын Божий, «запечатывая» горловину этого объема Своим нимбом. Причем эта геометрия идеально соответствует вполне утилитарной форме узкогорлого сосуда с плоским устойчивым дном. Мы не считаем такое совпадение случайным.

Но и это еще не все. Мотив сосуда повторяется в данной фресковой композиции еще раз – причем в гораздо более реалистичном варианте, не отраженном на прорисях ни у О.И. Домбровского, ни у Н.Е. Гайдукова, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанова. На акварели 1929 г. в левой нижней части сцены «Крещения» прекрасно видна рука, держащая перевернутый округлый узкогорлый сосуд, из которого истекает вода (рис. 58, нижний рисунок). Н.И. Репников, видевший фреску в относительно хорошей сохранности, писал о композиции Крещения с «фигурой Иордана, льющего воду»[78]. Е.М.Осауленко также видит здесь божество реки Иордан в виде зеленокожего толстяка, сидящего по-восточному у ног Иисуса и переворачивающего правой рукой кувшин с длинной тонкой ручкой[79]. Это описание в полной мере отражено и на графической реконструкции рис. 57. Нам не удалось разглядеть таких деталей (в том числе ручку кувшина) ни в натуре, ни на копии Л. Линно и Г. Андреева. Однако более существенным нам представляется сопоставление формы упомянутого сосуда с формой впадины внутрипрестольного устройства храма «Успения». Не исключено, что оно предназначалось для установки именно такой емкости. Другие подобные резервуары могли

---

[73] *Осауленко Є.М.* Фрески церкви «Успіння» на Ескі-Кермені… С. 300.

[74] Там же. С. 301.

[75] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена… С. 123. Рис. 9.

[76] Сайт Осауленко Евгения – изучение памятников искусства, исследования в области фантастики, рисунки и керамика. Режим доступа: http://evgen.peyzaj.com.ua/ekaa5.jpg

[77] Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 134. Л. 12.

[78] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. С. 111.

[79] *Осауленко Є.М.* Фрески церкви «Успіння» на Ескі-Кермені… С. 301. Похожее наблюдение сделал Н.Е. Гайдуков, однако именно на интересующий нас сосуд внимания он не обратил: «Иордан очерчивают справа и слева линии, написанные желтой охрой. Слева от Христа, в реке показаны три рыбы…, справа осьминог и некий размытый силуэт, написанный изумрудной зеленью, возможно, это символическое изображение реки Иордан» (См.: *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики. С. 256).

устанавливаться в гнезда, выдолбленные в полу расположенного за перегородкой смежного помещения (а, возможно, и в «пещерной келье»).

Если наши выводы покажутся кому-либо надуманными и искусственными, то мы напомним, что подобная «прямолинейность» изобразительной символики – вполне в рамках иконографических особенностей росписи данного храма. В той же церкви «Успения» уже давно известна другая композиция, несущая сходную семантическую нагрузку. Речь идет о сюжете «Поклонения Жертве» над престолом храма, включающем в себя изображение Богомладенца в потире, в символическом виде раскрывающее мистический смысл Таинства Евхаристии (рис. 33). Напомним также, что, хотя и не заменяя Святого Причастия, именно Крещенская (Богоявленская) вода с просфорой особенно рекомендуется лицам, отстраненным от участия в этом Таинстве, но не изверженным окончательно из лона Церкви («Точию агиасму да пиет»). Богоявленскую святую воду, как и Причастие, следует принимать только натощак. Поэтому мы считаем вполне правомерной параллель между символическим изображением пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, где каждый из присутствующих в храме просит Сына Божия «днесь принять его» как «причастника Тайныя Вечери», *мистически повторяющейся* на каждой Литургии – и столь же символическим изображением обретения природной стихией воды *сверхприродных* свойств силою некогда совершившегося Крещения Господня в водах Иордановых, столь же *мистически повторяющейся* в каждом чинопоследовании Великого освящения воды. Именно поэтому диакон молится на этой службе: «О еже низпослати Господу Богу благословение *Иорданово* и освятити *воды сия*» (*курсив наш – Н.Д.*). Именно об этом прямо говорит молитвенный призыв ко Господу в конце этого чинопоследования: «Ты убо, Человеколюбче Царю, *прииди и ныне* наитием Святаго Твоего Духа, и освяти воду сию» (*курсив наш – Н.Д.*). В заключительной же части этого богослужения, после окропления настоятелем храма святой водой, положено петь стихиру со следующими словами: «...о нашем бо прегрешении быв Человек, *нашим очищением очищается во Иордане:* Един Чистый и Нетленный*, освящаяй мене и воды....* Почерпем убо воду с веселием братие: *благодать бо Духа верно почерпающим невидимо подавается от Христа Бога, и Спаса душ наших*» (*курсив наш – Н.Д.*).

Трудно представить себе более наглядную иллюстрацию этих слов, чем это сделано в росписи храма «Успения». Вышеописанная «иорданская» символика представляется нам чрезвычайно важной для понимания того, почему Богоявленская вода или вода, *приравненная к Богоявленской*, была достойна помещения *в сакральное пространство престола*. В самом деле, в Крыму известно большое количество храмов, где из-под престола истекал святой источник. Среди них пещерный храм св. Стефана Сурожского в Кизилташе, где престольная доска непосредственно накрывала источник, источники свв. Космы и Дамиана в Керменчике и в Космодамиановском монастыре, источник Ай-Андрит и другие.

Мы не знаем, с чем было связано такое особое почитания воды из источника в «Успенском» храме (хотя нельзя скидывать со счетов и простую ценность каждой капли воды во время осады, особенно после разрушения осадного колодца крепости). Не знаем также, по какому чину, помимо Великого водосвятия на Богоявление, осуществлялись тут малые водосвятия[80]. Е.М. Осауленко на основании детального иконографического анализа росписи делает предположение, что храм «Успения», в действительности, «был посвящен святым Георгию и Сергию, имена которых при жизни носили похороненные возле церкви воины»[81]. Возможно, эти воины были причислены к лику местночтимых святых, и вода освящалась на их мощах. О том, какое значение имел в Эски-Кермене культ святых воинов,

---

[80] Византийский обряд знает несколько чинов водоосвящения, в том числе и через погружение в воду мощей почитаемых святых. Подробнее об этом см. (См.: Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Под. ред. А.М. Лидова. М., 2006. С. 76–86).

[81] *Осауленко Є.М.* Фрески церкви «Успіння» на Ескі-Кермені. С. 298.

хорошо известно по расположенному буквально под церковью «Успения» храму «Трех всадников». Является ли случайной данная территориальная близость, пока неясно.

6. Выводы

В данной работе мы впервые попытались максимально полно ввести в научный оборот не только сам храм, но и весь комплекс церкви «Успения» в целом. Наш анализ расположения этого комплекса позволяет нам сделать вывод о том, что он был устроен на базе боевой площадки, расположенной впереди основной крепостной стены и, следовательно, вовсе не обязательно должен был создаваться лишь после разрушения последней. В этом смысле, вообще говоря, ничего не доказывает даже создание на боевой площадке усыпальницы: так, одна из древнейших усыпальниц Эски-Кермена (а именно, «усыпальница №72» или, по крайней мере, предшествующая ей могила) была вырублена правее городских ворот, прямо под храмом «Судилища», впереди вылазной калитки именно в период функционирования укреплений Эски-Кермена, и явно также выполняла роль городской святыни[82].

Комплексный анализ храмового интерьера позволяет нам предположить, что пещерная церковь «Успения», вероятнее всего, освященная, в действительности, наряду с храмом «Трех всадников», во имя кого-то из мучеников-защитников или покровителей города (возможно, как предполагает Е.М. Осауленко, в память погибших здесь воинов Георгия и Сергия), также выполняла функции крепостной святыни, поскольку, по всей видимости, содержала в себе святой источник, который все предыдущие исследователи принимали за тарапан. Как мы уже подчеркивали, в сознании человека средневековья святыня при обороне города играла не менее важную роль, нежели собственно оборонительные сооружения[83]. Поэтому устройство церкви в оборонительной пещере не уменьшало, а укрепляло обороноспособность города. Водосвятный молебен с освящением воды на мощах мучеников – защитников крепости, совершаемый в храме, расположенном непосредственно на боевой площадке, несомненно, имел величайшее религиозное и нравственное значение. И оно, надо полагать, всецело сохранялось вплоть до последних дней существования Эски-Кермена.

Если наши предположения о наличии в храме «Успения» этого источника справедливы, то это снимает большую часть недоуменных вопросов как по поводу планировки, так и по поводу периодизации функционирования комплекса.

В этом случае в дополнение к, несомненно, существовавшей первоначально цистерне при строительстве крепостной стены впереди нее была устроена типовая боевая площадка.

На следующем этапе в боковой стене этой площадки были вырублены один или два каземата, причем располагавшаяся на этом месте цистерна была повреждена или уничтожена работами.

Наличие в полу одного из казематов вырубки-«подполья» само по себе датирующим признаком быть не может, ибо вовсе не говорит еще о чисто хозяйственном этапе существования пещеры. Подобные устройства на Эски-Кермене имеют универсальное назначение и встречаются не только в городских усадьбах. Нам известны, как минимум, еще два связанных с храмами комплекса, где существовали точно такие же вырубки под пифосы и такие же гнезда под установку малых сосудов. Это «келейка» на западном обрыве Эски-Кермена и оборонительный пещерный «башенный каземат» над поворотом подъездной

[82] Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 80/4. Л. 44.
[83] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена. С. 157–158.

дороги, также увенчанный храмом[84]. Поэтому в установленных в вырубке пола пифосах вполне мог, например, находиться резервный запас воды на случай осады. Не исключено, что он был создан взамен запаса, хранившегося ранее в уничтоженной цистерне.

Переделка одного из казематов в храм, скорее всего, произошла после какого-то значимого события в обороне города или же после открытия в пещере святого источника. Поскольку околопрестольное устройство, с одной стороны, явно было связано с водосборным устройством, а с другой – изначально было запланировано при устройстве абсиды, то последняя, скорее всего, высекалась, когда источник уже существовал. Это объясняет и наличие специально оставленного при устройстве храма куска скалы с водосборником, на которое указывал еще О.И. Домбровский. А, с учетом особенностей устройства престола храма, именно этот водосборник и должен был стать главной храмовой святыней.

Делать какие-либо утверждения по поводу абсолютных датировок мы не рискуем. Напомним, что Н.И. Репников обнаружил в усыпальнице комплекса предметы, датируемые XII-XIII столетиями. Это достаточно хорошо согласуется с литургической датировкой, предложенной А.А. Виноградовым, Н.Е. Гайдуковым и М.С. Желтовым, отнесшим храм «Успения» к типу II.3 (храмам с выделенной зоной алтарного протесиса)[85]. При этом они делают оговорку, что «из-за небольшой ширины (1,2 м) зона алтарного протесиса по ширине совпадает с наосом»[86]. Однако достаточно внимательно посмотреть на чертежи и фотографии, чтобы увидеть удивительный факт: подрубки, которые традиционно считаются гнездами для установки позднего иконостаса, врезаются в слой фресок, *отсекая часть ниши протесиса*. В действующем храме такого быть не могло. Следовательно, или данные подрубки *не* являются следами алтарной преграды, а представляют собой остатки более поздней конструкции (имевшей, например, хозяйственное назначение); или же ниша к этому времени перестала выполнять функции протесиса, а поздний протесис представлял собою, например, приставной столик. Но в обоих случаях ниша раннего протесиса находилась *вне* алтарной абсиды, т.е. храм «Успения» на основании критериев, выработанных самими же авторами, следует отнести не к типу II.3. а к типу II.1 (протесис в наосе)[87], т.е. до XII века. Тот факт, что он повернут не на восток, а на север, ни о чем не говорит и отлично объясняется именно малой шириной храма и устройством абсиды *в углу* пещеры. Напомним также приведенные выше слова Н.И. Репникова о фресковых росписях церкви, что «время их также не позднее конца XII–XIIIв.». Еще более категоричен был он в своих «Материалах к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма», утверждая, что «стилистически росписи относятся к XII веку»[88]. Попутно заметим, что даже основной оппонент Н.И. Репникова – О.И. Домбровский, осторожно утверждавший, что «данный памятник *с наибольшим вероятием* можно отнести к рубежу XIII–XIV вв.» (*курсив наш – Н.Д.*)[89], на следующей же странице пишет, что в росписи пещерных храмов «отразилось общее направление церковного искусства X–XIIвв.»[90]. Но ведь фрески никак не могли появиться раньше строительства самого храма, зато существует великое множество церквей, расписанных намного позже их создания[91].

---

[84] Традиционно (главным образом, на основе пресловутой «очевидности») эти два храмовых комплекса также считаются поздними, т.е. построенными после разрушения укреплений. Однако удивительно близкие параллели между ними и комплексом «Успения» заставляют усомниться в этом.

[85] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики… С. 76.

[86] Там же.

[87] Там же. С. 75.

[88] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 48.

[89] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 49.

[90] Там же. С. 50.

[91] Н.Е. Гайдуков полагает, что на одной из фресок храма "Успения" изображен Константинопольский патриарх Арсений, что роспись поэтому датируется второй половиной XIII века и что, «вероятно, к этому же времени

Правда, признание этого факта заостряет вопрос о том, где именно на *раннем* этапе существования храма находилась первоначальная алтарная преграда (от которой, по мнению Н.Е. Гайдукова, остался фрагмент полуколонки), не была ли она низкой и даже о том, существовала ли она вообще. Но, именно, всего лишь «заостряет». Вопрос о первоначальном расположении преграды стоял и раньше, ибо трудно предполагать, чтобы устройство ниши протесиса, а затем продуманная и дорогостоящая роспись храма фресками осуществлялись только лишь для того, чтобы впоследствии грубо и невпопад рассечь протесис перегородкой, а фрески буквально издырявить подрубками под иконостас. Более того. Если, как считают Е.В. Веймарн и Ю.М. Могаричев, фрески церкви «Успения» относятся к XIV столетию (а то и к XIV–XV вв., как полагал Н. Эрнст), то когда же был установлен этот «новый» иконостас? Ведь, по утверждению А.И.Айбабина, «вероятно, окончательно город разрушили татары в конце XIVв. во время набега Едигея»[92]. То есть менее чем за столетие церковь должны были построить, расписать, перестроить в алтарной части (установив при этом новый иконостас) и разрушить. Следовательно, эта проблема еще ждет своего решения, и закрывать глаза на ее существование более не представляется возможным.

Традиционно считается также, что пещерные храмы возникали уже после возникновения погребений. Однако если это и справедливо, то лишь для кладбищенских церквей. Церковь на боевой площадке заведомо не могла быть кладбищенской. Поэтому усыпальница вполне могла быть вырублена уже *после* создания храма.

Таким образом, общая совокупность признаков позволяет нам предположить, что церковь «Успения» была устроена в пещерном каземате на боевой площадке *не позднее* XII столетия.

Допущение о святом источнике в храме «Успения» позволяет нам вернуться и к анализу структуры всего комплекса храма. Н.Е. Гайдуков и Э.Н. Карнаушенко считают, что «мы можем смело говорить здесь о небольшом необщежительном монастыре»[93] (курсив наш – Н.Д.), ядром которого является храм, и подход к которому мог в то время осуществляться только с главной улицы[94]. Эти же авторы и А.В. Джанов полагают, здесь располагался «небольшой монастырь, точнее сказать – скит»[95] и что за стенкой храма «Успения» во второй части пещеры находилась монастырская трапезная[96].

Мы не отрицаем наличия в Эски-Кермене монастырского комплекса, но, однако же, *большого, общежительного (подчинявшегося Студийскому уставу)* и *расположенного у южных ворот города*, более того, посвятили этому вопросу специальную работу[97] и полагаем, что эта обитель возникла на рубеже IX–X вв. Но мы пока не знаем, относился ли (и если да, то на каком этапе и в какой форме) к этому монастырю комплекс «Успения»: территориально они разнесены по прямой на 100 метров. Расположение храма на боевой площадке заставляет нас усомниться в этом, равно как и в том, что подход к храму был лишь из центра города, а не из крепостной стены. Но, даже если боевая площадка и потеряла свое оборонительное значение, логичнее полагать, что наличие в храме святого источника требовало, как минимум, присутствия при нем специального лица, следившего за наполнением сосудов и уровнем воды в источнике. Так, при грузинском пещерном монастыре Давид-Гареджи существует пещера с единственным в округе святым источником, так называемая «пещера слез св. Давида» (находящаяся, кстати, примерно на таком же удалении от обители, как комплекс «Успения» от культового комплекса у южных ворот), где

относится и расширение храма, и соответственно, создание в нем хозяйственных приспособлений» (См.: *Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов Юго-Западной Таврики… С. 75).

[92] *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен. С. 49.

[93] *Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н.* Два пещерных монастыря Горной Таврики. С. 252.

[94] Там же. С. 253.

[95] *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях Эски-Кермена… С. 116.

[96] Там же. С. 116.

[97] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена. С. 162.

с выступа скалы по каплям стекает вода. Дебет этого источника весьма невелик (в момент пребывания там автора в сутки набиралось порядка 10 л воды) и, скорее всего, сравним с дебетом источника в храме «Успения». При входе в эту пещеру в скале высечено специальное сидение для сторожа. Очевидно, и помещение за перегородкой предназначалось для лица, следившего за наполнением сосудов. Об этом говорят остатки полукруглой скамьи в западном углу этого компартимента и гнезда для установки сосудов в его южной части. Возможно, что и пещерная келья в комплексе храма «Успения» также предназначалась для постоянного обитания этого лица (или лиц), хотя сегодня она сохранила лишь отчетливые следы хозяйственной деятельности, но в ней не уцелело никаких признаков жилого помещения.

Не исключено, что впоследствии какой-то «хозяйственный местный житель» и впрямь попытался использовать готовый «тарапан» в храме «Успения» по прямому, как ему казалось, назначению после угасания жизни на городище, вырубил круглое гнездо для рычага в центре задней стенки ниши верхнего водосборника. Однако вряд ли его попытка могла быть успешной: выдавленный виноградный сок впитывался в трещину, а вычерпывать остатки из длинного и кривого нижнего резервуара было не слишком-то удобно.

Резюме

Хотя пещерная церковь «Успения» изучается уже несколькими поколениями исследователей, полное описание всего пещерного комплекса до сего дня отсутствовало, а многие вопросы по-прежнему оставались дискуссионными. Прежде всего, храм был вырублен в скале впереди крепостной стены, что рассматривалось как чрезвычайно странное обстоятельство. Далее, в интерьере храма имеются три загадочных элемента: странная «ванночка», примыкающая к остаткам престола; огромная яма в полу; а также два каскадно-соединенных резервуара, верхний из которых устроен в нише, вырубленной в стене. Поэтому считалось, что пещера имела несколько этапов существования. Н.И. Репников думал, что церковь была устроена лишь после разрушения крепостной стены, а еще позднее переделана в хозяйственное помещение. Он рассматривал систему резервуаров как остатки вырубленного в скале винодавильного пресса, или «тарапана». Противоположной точки зрения придерживался О.И. Домбровский. По его мнению, именно храм был устроен в бывшем хозяйственном помещении. В то же время Н.Е. Гайдуков пытается доказать, что храм вообще мог сосуществовать с винодавильней.

В данной статье впервые предпринята попытка полного описания всего комплекса храма «Успения». Наше исследование остатков оборонительных сооружений на данном участке показывает, что пещера первоначально представляла собой оборонительный каземат, вырубленный на боевой площадке, устроенной перед основной стеной для ее усиления. Таким образом, ее устройство не противоречило существованию крепостной стены. Позднее каземат был переустроен в церковь. А «странное» устройство, вырубленное в скале, было не винодавильным прессом, а составным резервуаром, предназначенным для сбора воды из водоносной трещины в стене. Оно служило святым источником и потому было устроено непосредственно в храме. Это находится в полном согласии с фреской «Богоявления», написанной практически над самым водосборником. Сосуд со святой водой, полученной из этого источника, и устанавливался в углубление под престолом храма. Предположительно, этот храм был посвящен неким защитникам города, сопричисленным к лику местночтимых святых, и являлся воинской церковью.

Ключевые слова: Крым, Эски-Кермен, пещерная церковь «Успения».

Summary

Although the cave church of «Dormition» («Assumption») was studied by several generations of scientists, the full description of the whole cave complex was absent and many issues are still remain disputable. Firstly, the church was carved in the rock in front of the fortress wall, and it was considered as a very strange fact. Secondly, there are three mysterious elements in the interior of the church: a strange «tray» adjacent the remains of the holy table; a huge pit in the floor; and the two cascade-connected reservoirs, the upper reservoir arranged in a wall niche. So the cave was considered as having several stages of existence. N.I. Repnikov thought that the church created only after destruction of the wall was later conversed into utility «room». He considered reservoirs as remains of the rock-cut winery press, or «tarapan». O.I. Dombrovsky had the opposite view. His opinion was that the church was arranged in former «utility room». Meanwhile N.E. Gaigukov tries to prove that the church could co-exist with winery. In this article the first attempt of the comprehensive description of the «Dormition» complex is made.

Our investigation of the fortification shows, that the cave initially was cut in the rock as a case mate arranged on a military foreground in front the fortress wall in order to enforce the latter. So, it did not enter into conflict with the existence of the fortress wall. Later the case mate was redesigned into church. And the strange rock-cut device was not the winery press, but the complex reservoir collecting water from water-bearing fracture in the wall. So, it served as a «holy spring» arranged just within the church. This was in agreement with mural painting of Epiphany located almost over the reservoir. The vessel with holy water derived from this source was installed into the bowl under the holy table. Presumably this church was dedicated to some local heroes and belonged to the congregation of the military men.

Key words: Crimea, Eski-Kermen, the cave church of «Dormition».

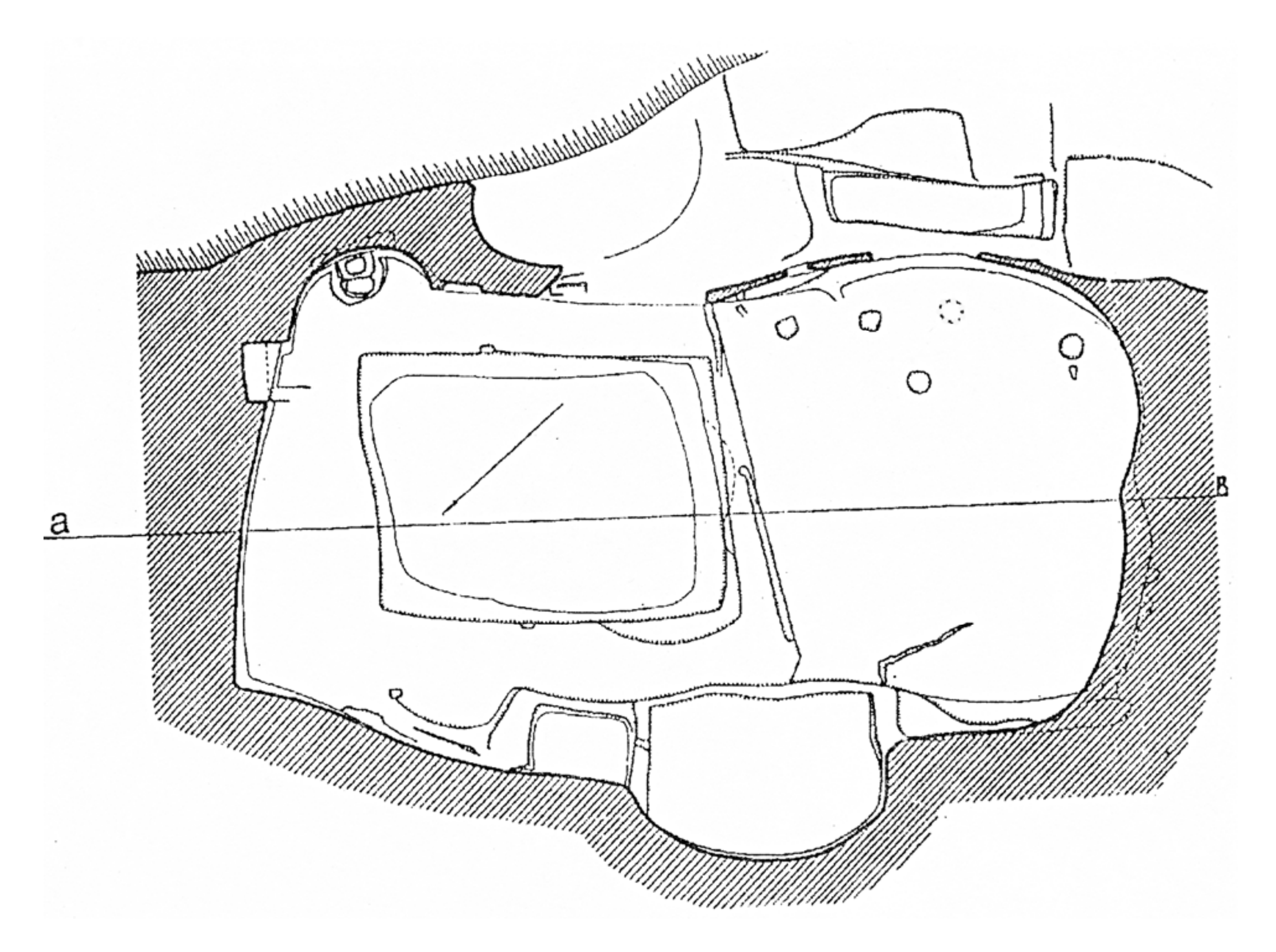

Рис. 1. План церкви «Успения» по Ю.М. Могаричеву
(См.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 252).
Углубление в правой части храма, обозначенное пунктиром, добавлено автором.

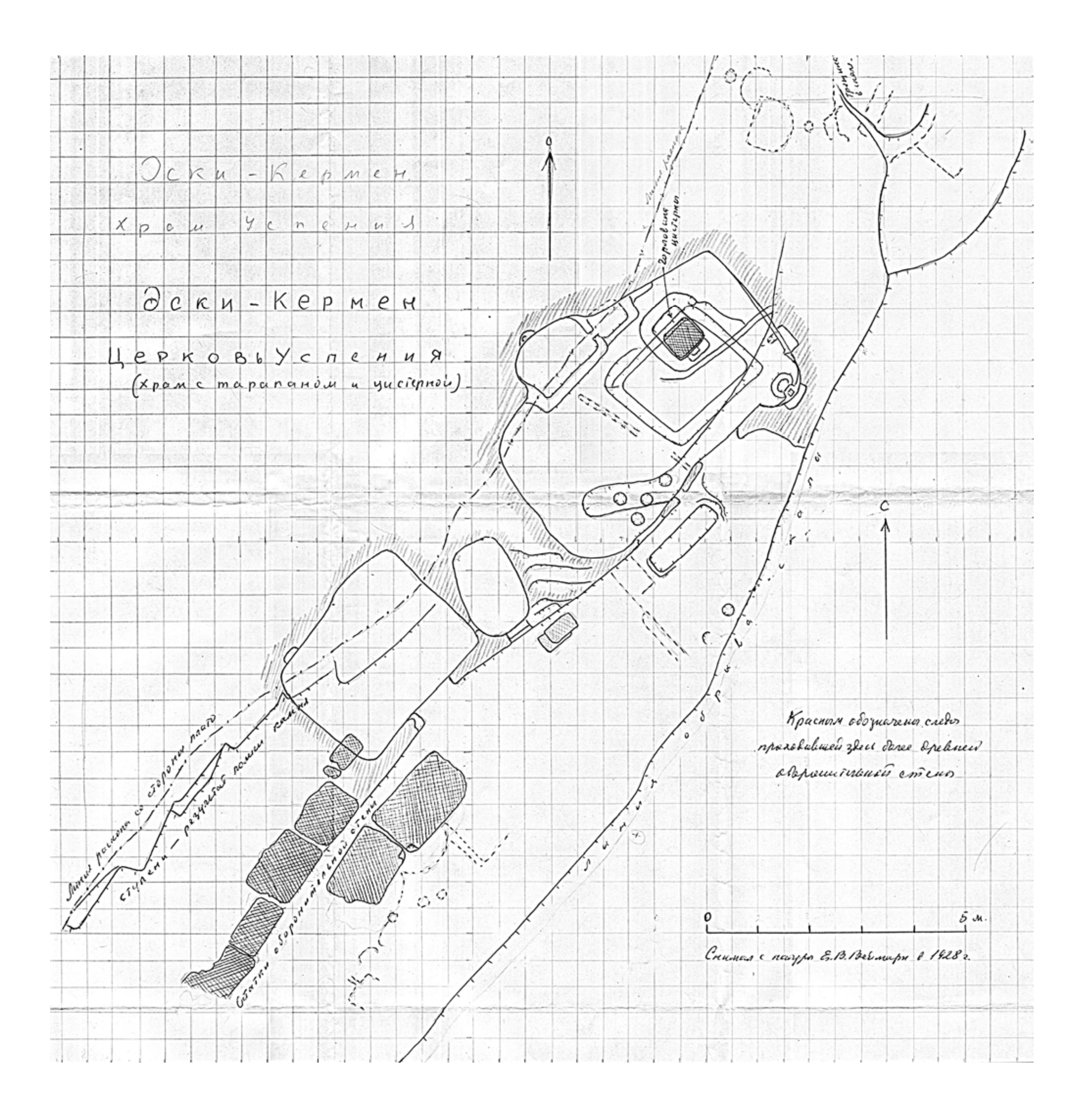

Рис. 2. План комплекса храма «Успения» по Е.В. Веймарну
(См.: Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 80/4. Вкл. л. 16 к осн. 87).

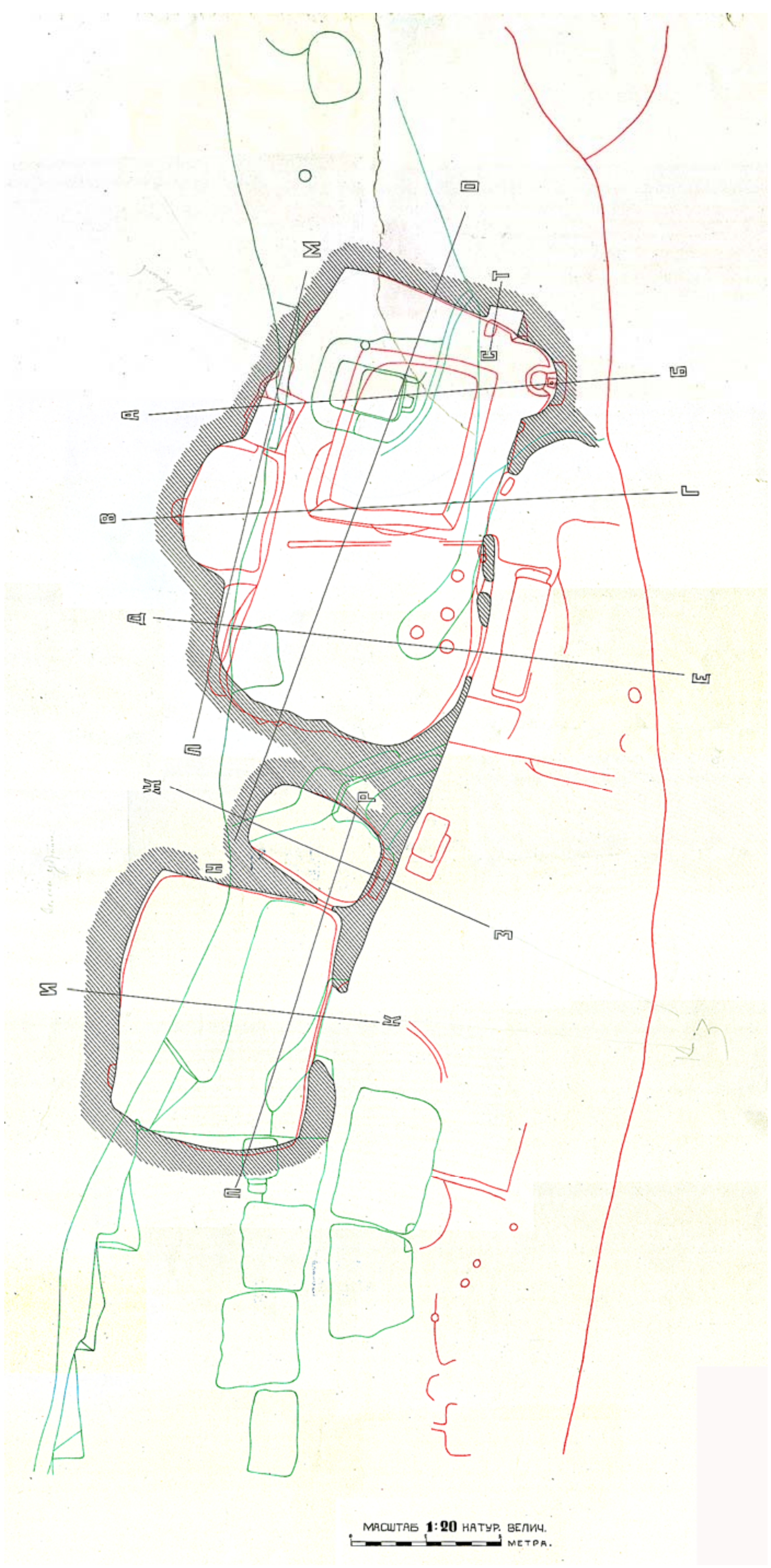

Рис. 3.План комплекса храма «Успения» по материалам ЭКЭ
(См.: Архив ИИМК. Ф. Р-1. № 119а. Л. 19).

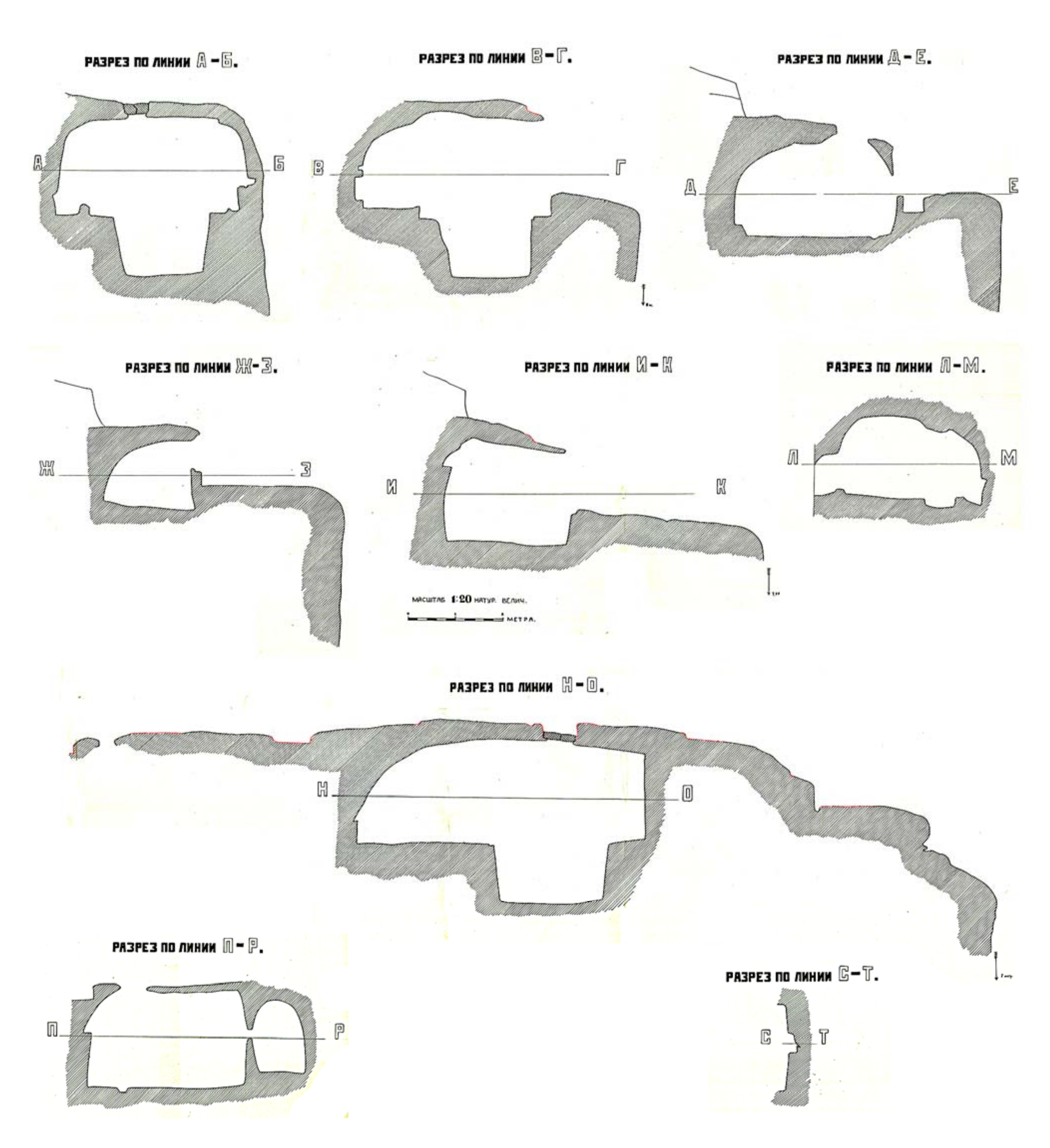

Рис. 4. Разрезы комплекса храма «Успения» по материалам ЭКЭ
(См.: Там же. Л. 18).

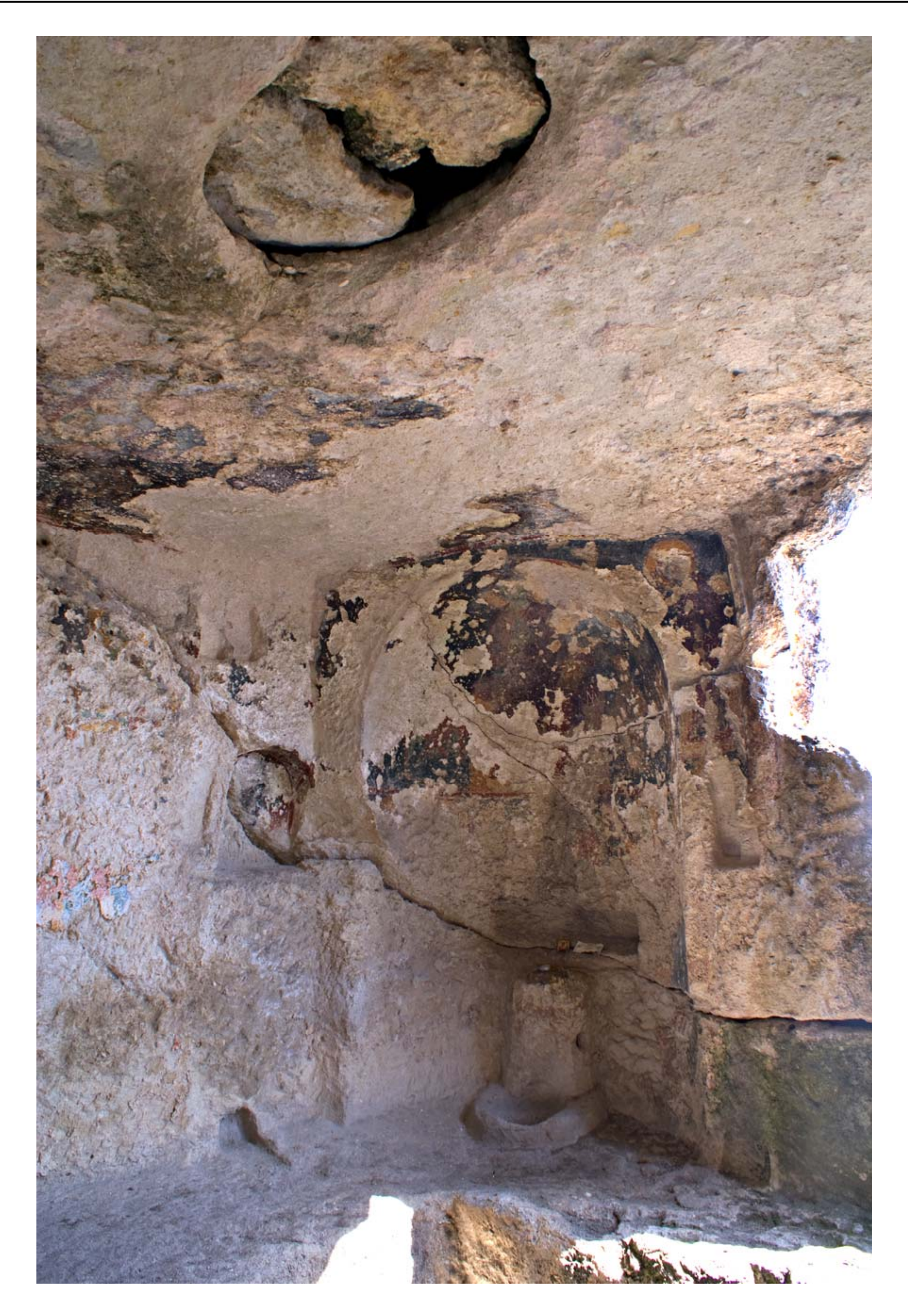

Рис. 5. Фресковая роспись на потолке храма «Успения»
(фото автора).

Рис. 6. Граница фрески и красочная разгранка на потолке храма «Успения» (фото автора).

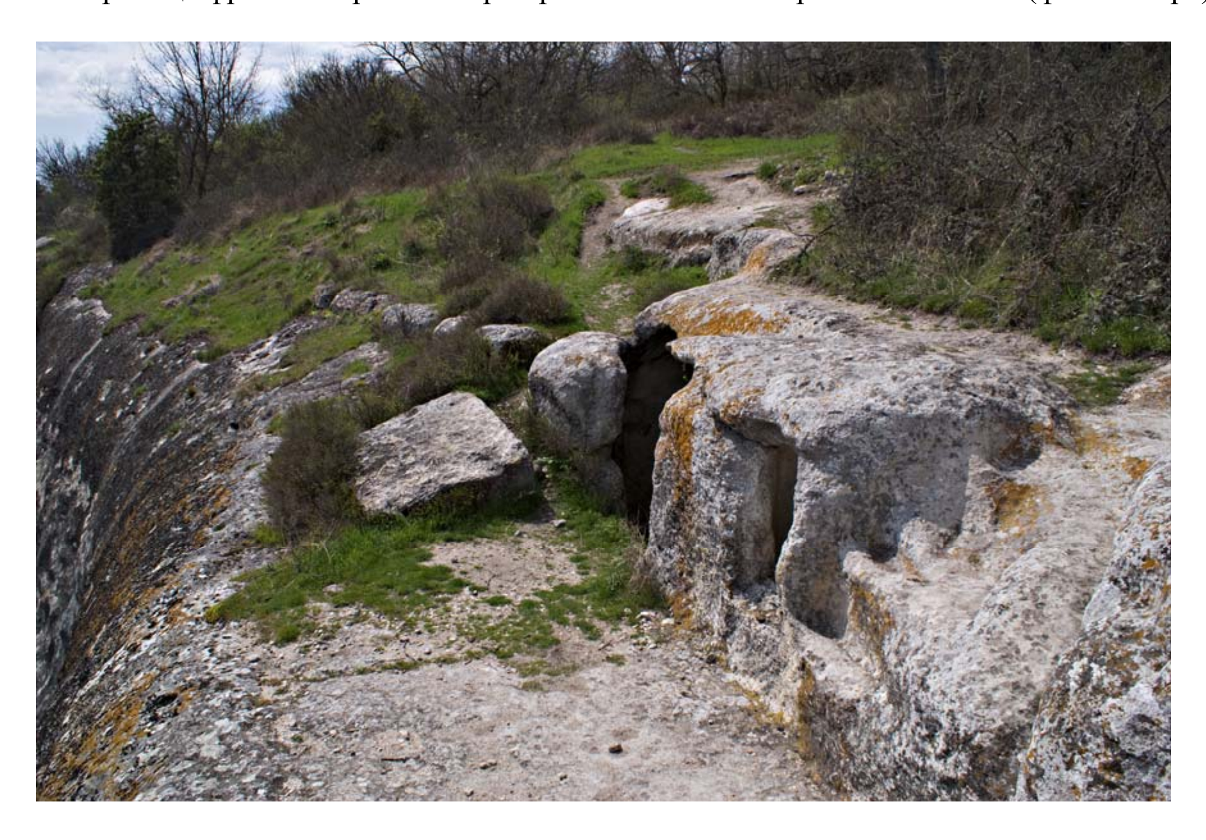

Рис. 7. Спуск на площадку комплекса «Успения», входы в усыпальницу и «пещерную келью» и остатки боевой стены (фото автора).

Рис. 8. Участок площадки перед пещерным храмом «Успения» (фото автора).

Рис. 9. Вырубная гробница с «заплечиками» у входа в храм «Успения» (фото автора).

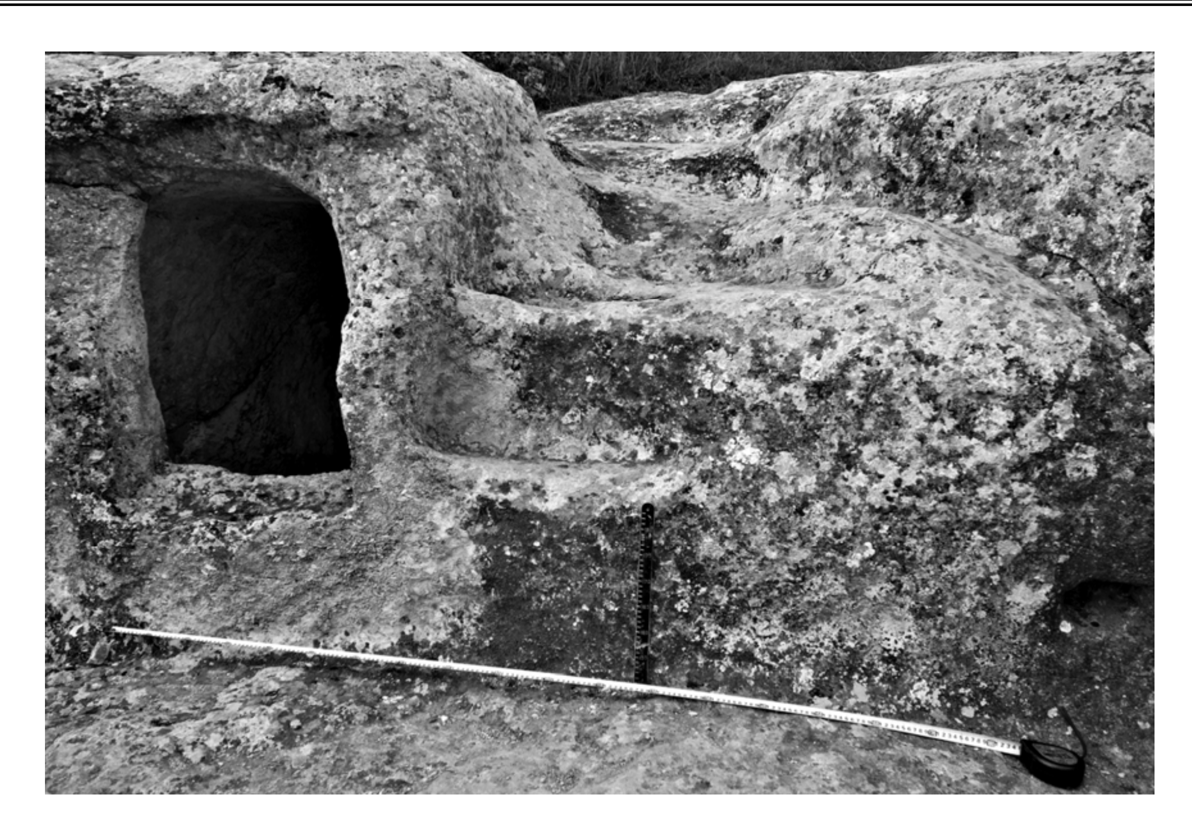

Рис. 10. Вход в усыпальницу и лесенка, ведущая на площадку комплекса храма «Успения» (фото автора).

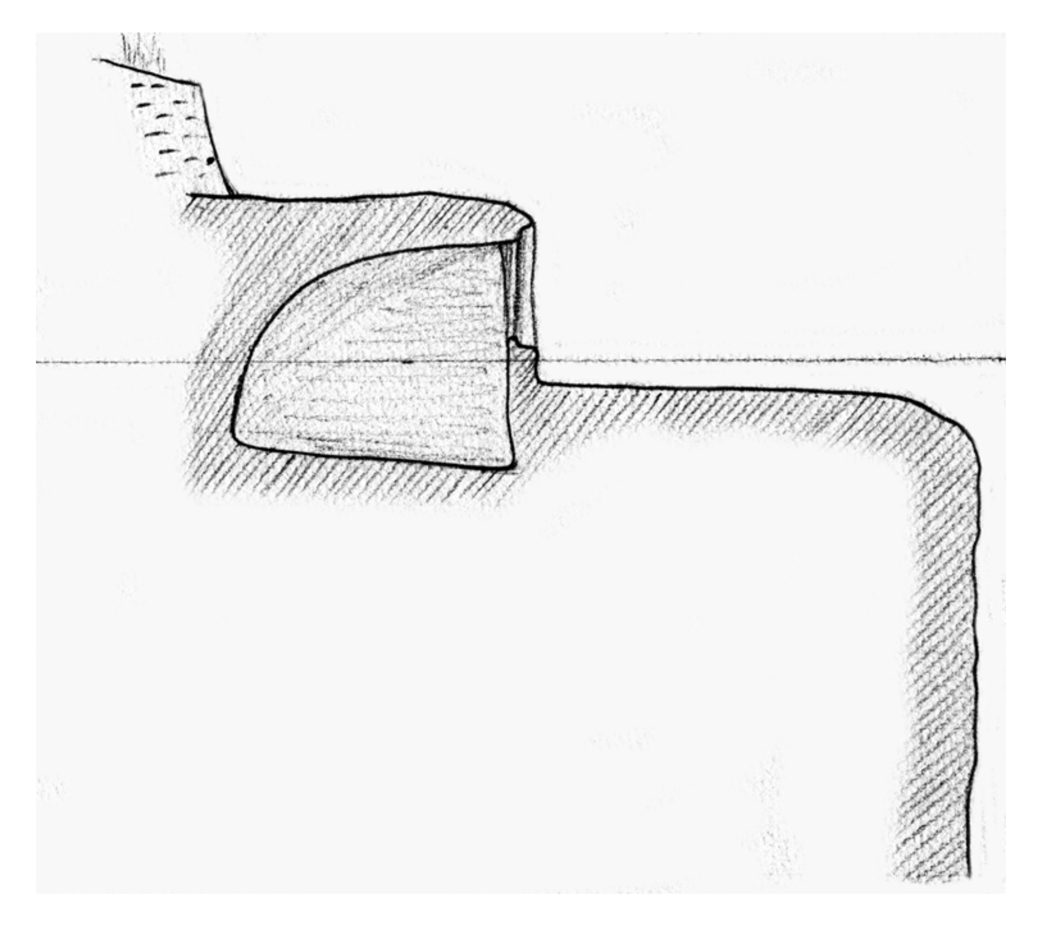

Рис. 11. Усыпальница по материалам ЭКЭ (разрез Ж-З)
(См.: Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 105. Л. 25).

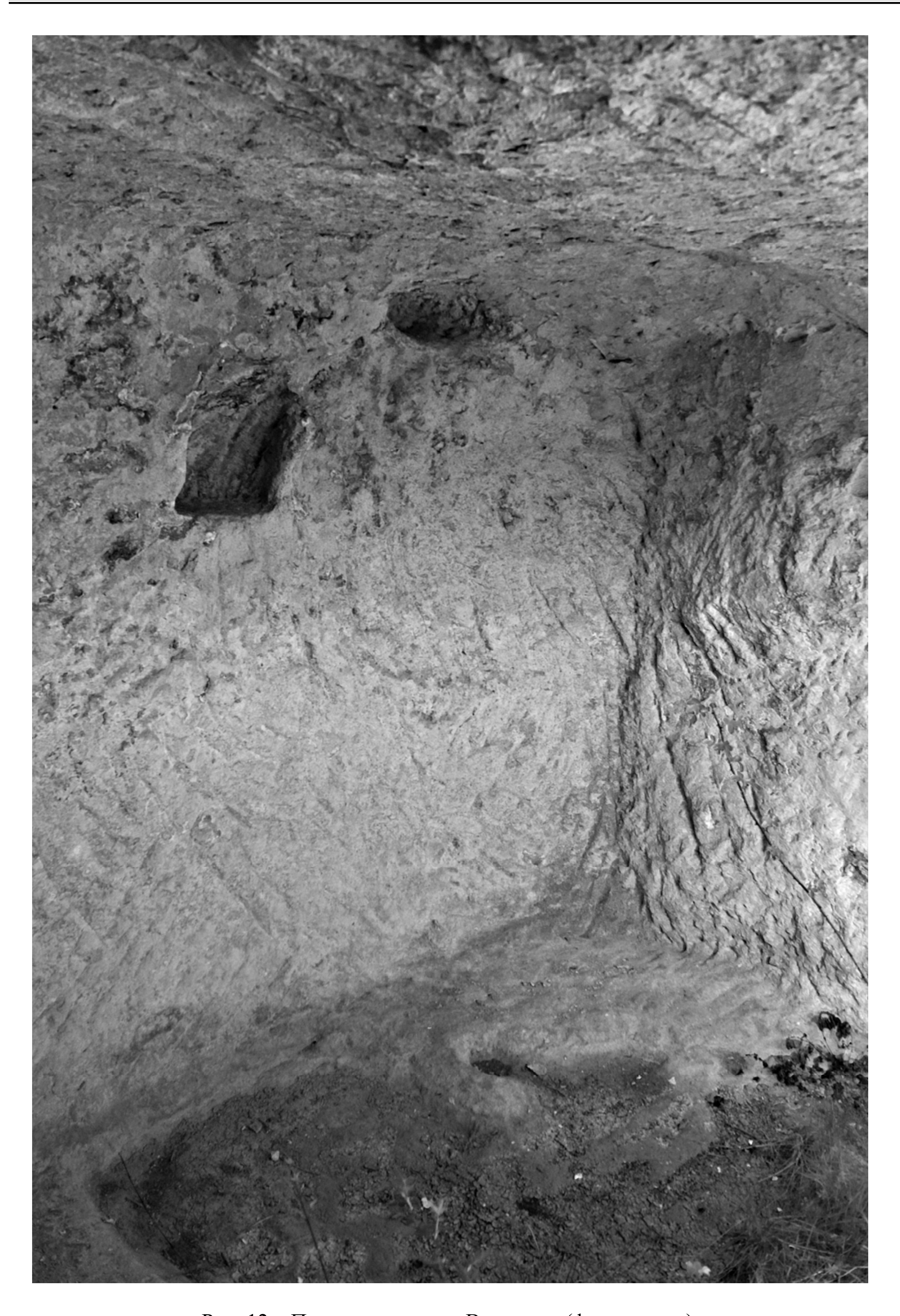

Рис. 12. «Пещерная келья». Вид с юга (фото автора).

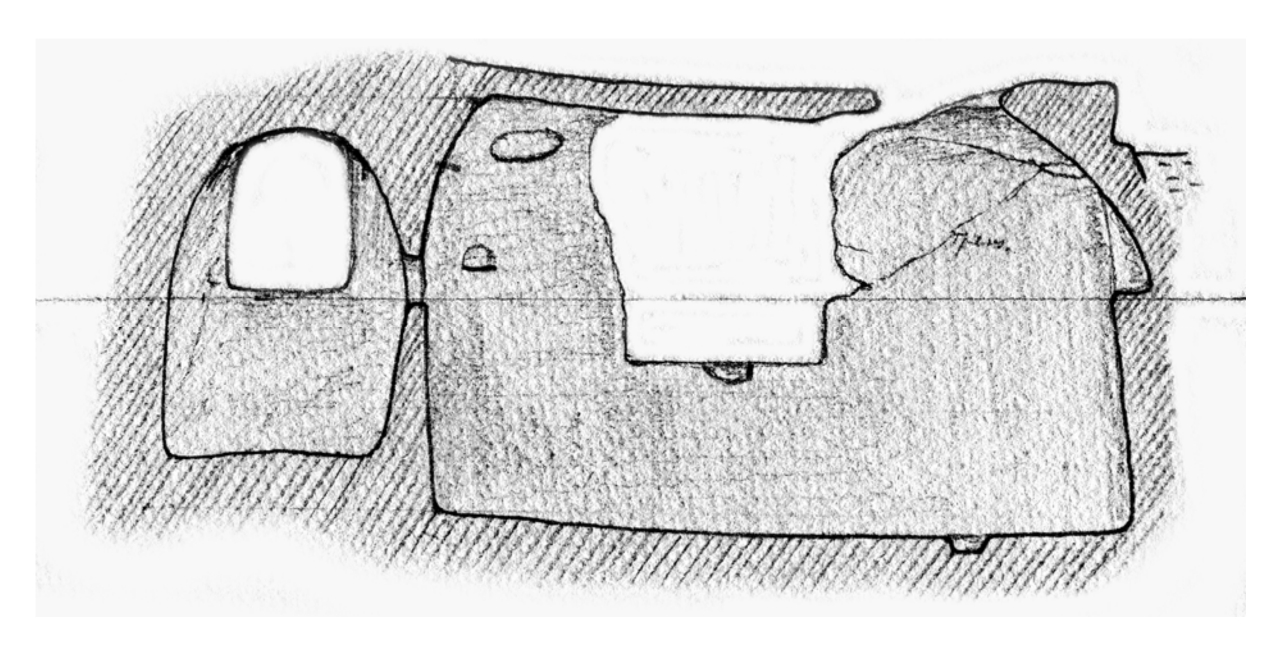

Рис. 13. «Пещерная келья» и усыпальница изнутри по материалам ЭКЭ (разрез Р-П)
(См.: Там же).

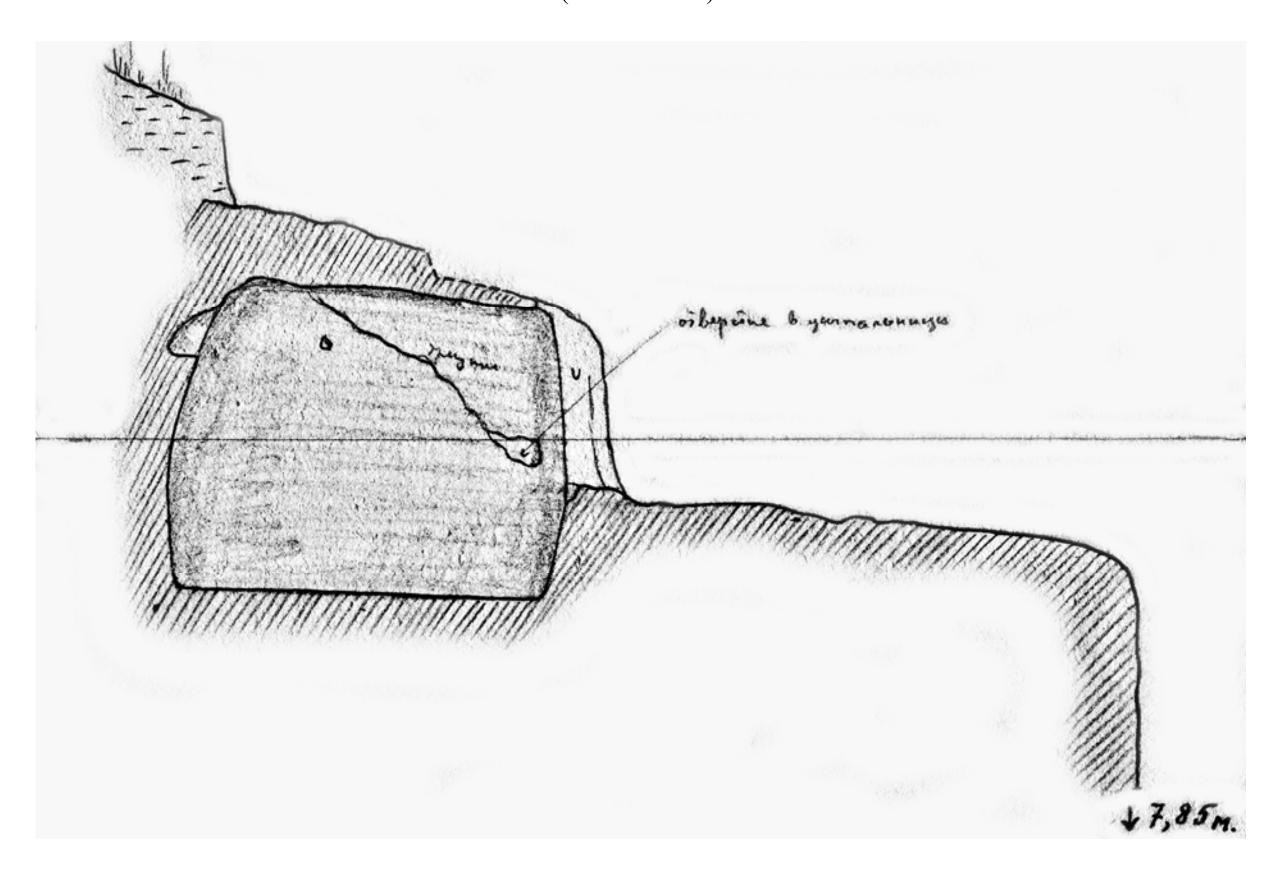

Рис. 14. «Пещерная келья» по материалам ЭКЭ. Разрез по И-К
(См.: Там же. Л. 26).

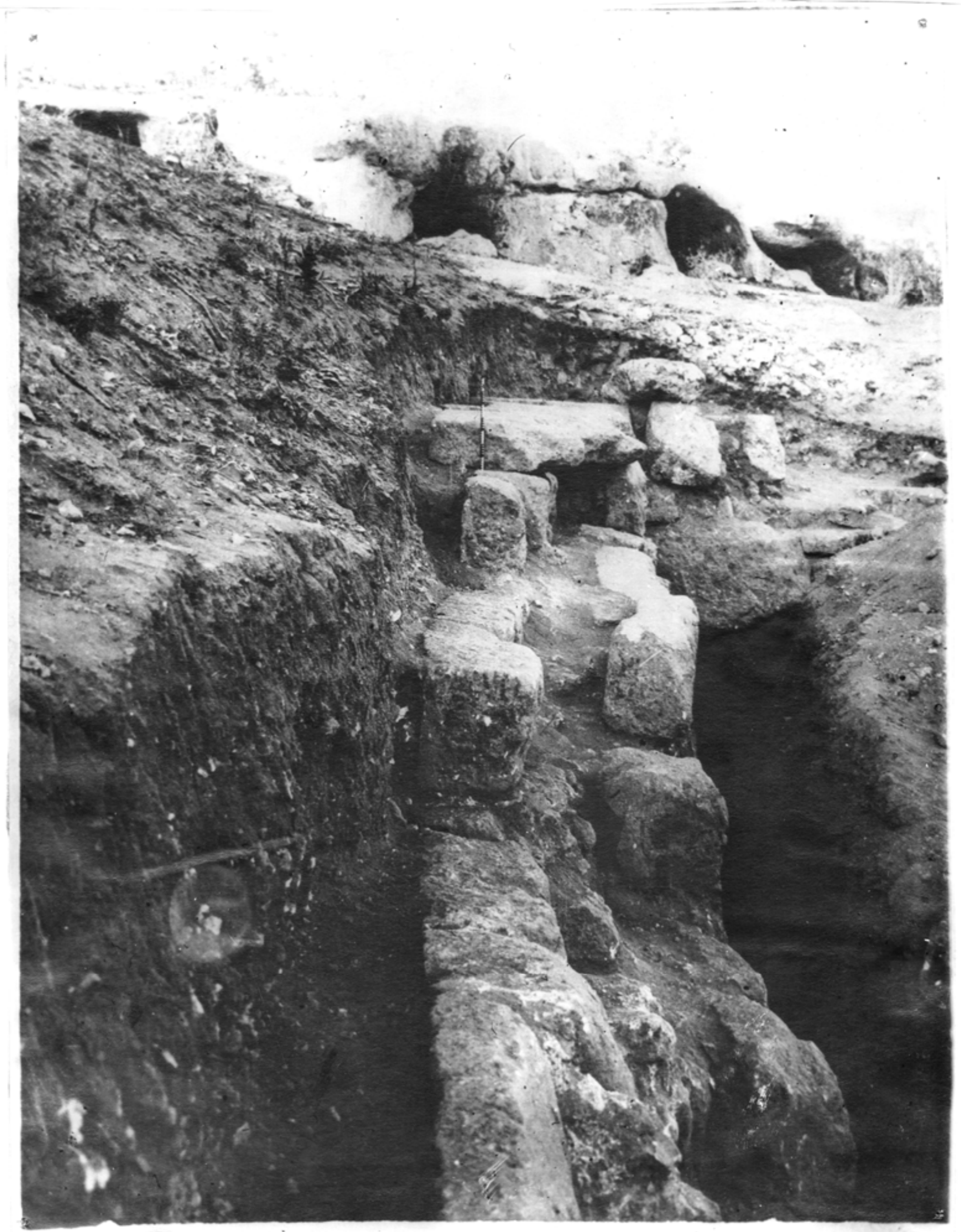

Рис. 15. Западный угол «пещерной кельи» (фото автора).

Рис. 16. Пол «пещерной кельи». Вид с юго-востока (фото автора).

Городище Эски-Кермен. Восточный фронт обороны.

Остатки оборонительной стены между казематами 1У и У.
Северная часть. Вид с юга.

Рис. 17. Остатки оборонительной стены северо-восточнее храма «Успения»
(фото из архива Е.В. Веймарна)
(См.: Архив КРУ БИКЗ. Ф. 10а. Д. 3. Л. 7).

Рис. 18. Остатки оборонительной стены северо-восточнее храма «Успения» (фото из архива Е.В. Веймарна) (См.: Там же. Л. 8).

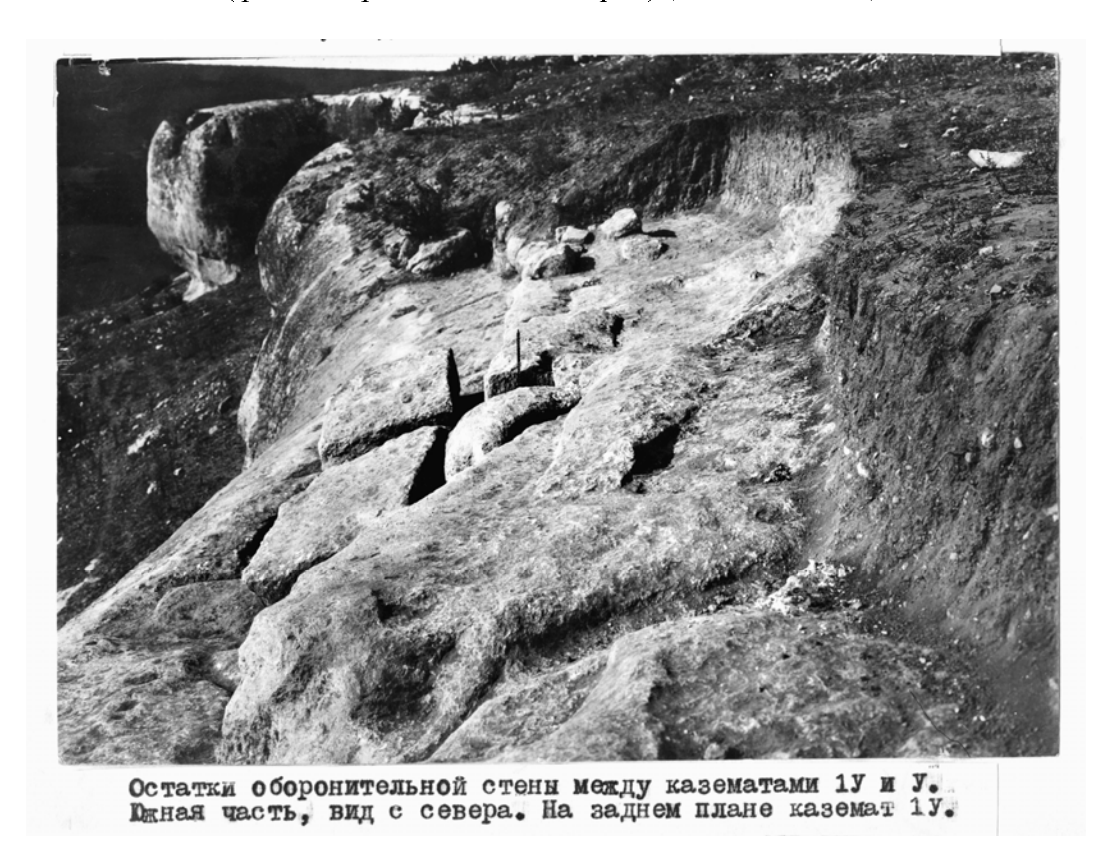

Рис. 19. Остатки оборонительной стены юго-западнее храма «Успения» (фото из архива Е.В. Веймарна) (См.: Там же. Л. 3).

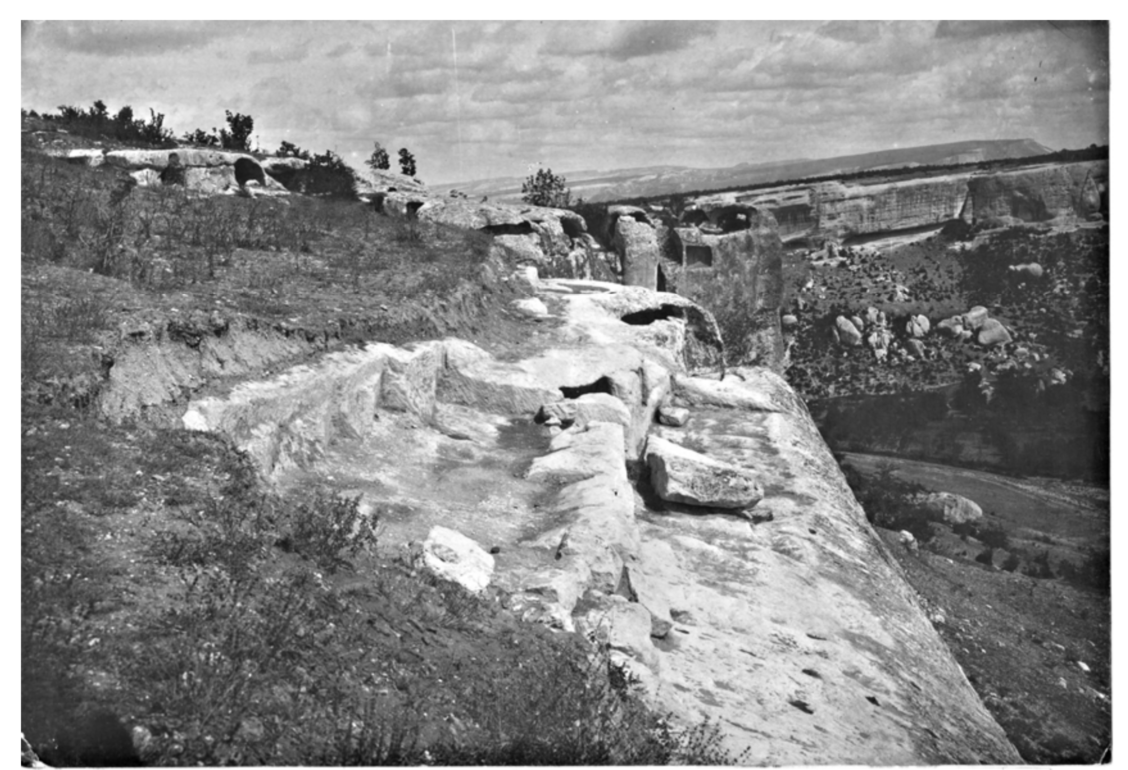

Рис. 20. Остатки оборонительной стены юго-западнее храма «Успения» (фото из архива Е.В. Веймарна) (См.: Там же. Л. 4).

Рис. 21. Огибание крепостной стеной храма «Успения» (фото из архива Е.В.Веймарна) (См.: Там же. Л. 5).

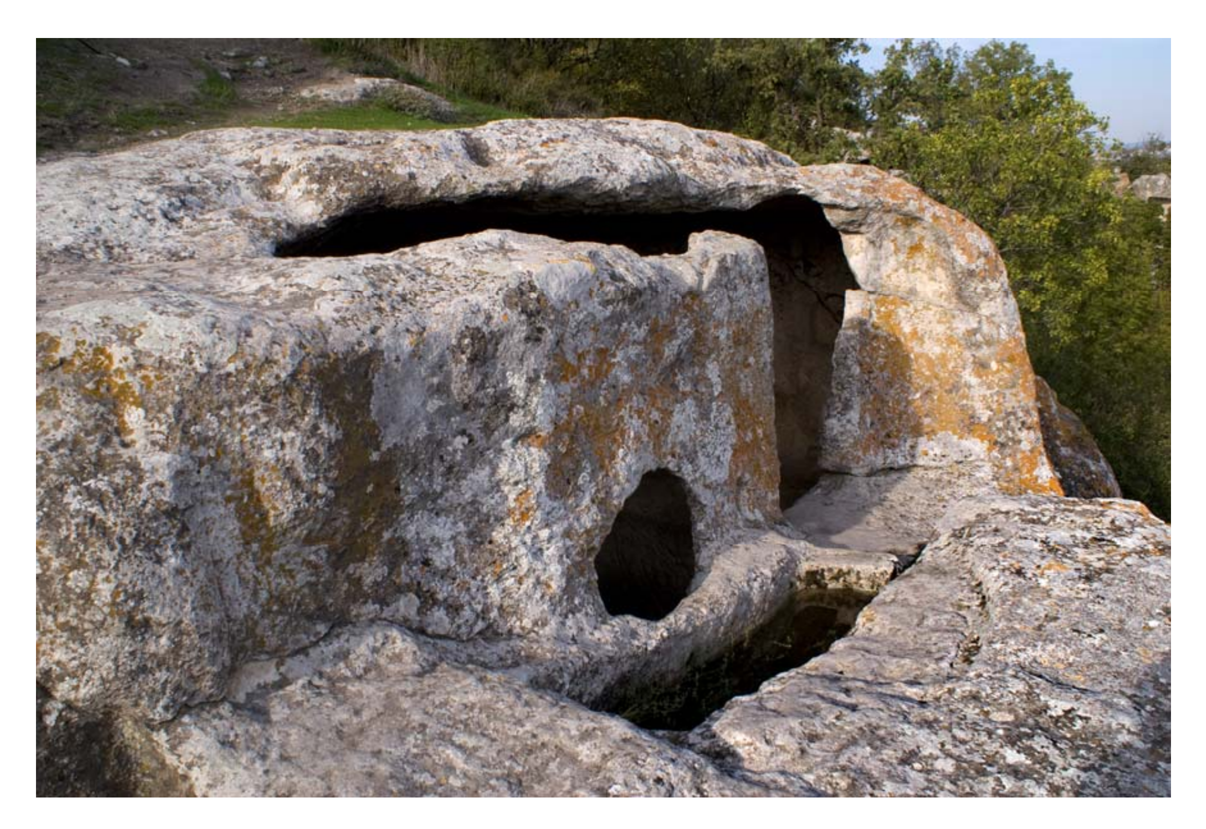

Рис. 22, 23. Основание боевого парапета перед храмом «Успения»
(фото автора).

Рис. 24. Основание боевого парапета перед храмом «Успения» (фото автора).

Рис. 25. Предполагаемые остатки амбразуры перед храмом «Успения» (фото автора).

Рис. 26. Восточный склон. Амбразура для скатывания камней в пещерном каземате. (фото из архива Е.В. Веймарна) (См.: Там же. Л. 13).

Рис. 27. Северная часть амбразуры перед храмом «Успения» (фото автора).

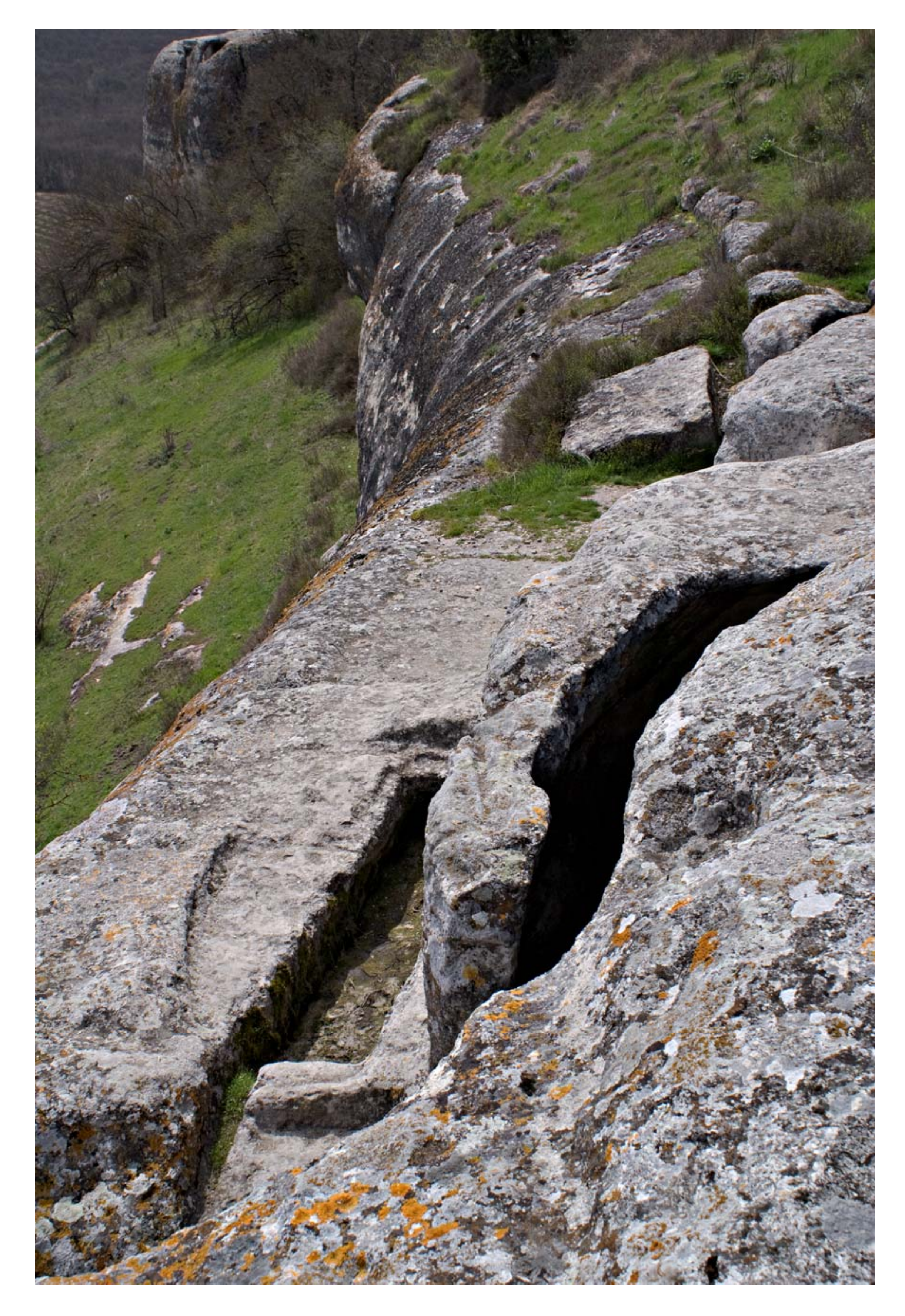

Рис. 28. Общий вид предполагаемой «боевой площадки»
перед комплексом храма «Успения» (фото автора).

Рис.29. Восточный склон. Боевые площадки.
Фото из архива Е.В. Веймарна (См.: Там же. Л. 13).

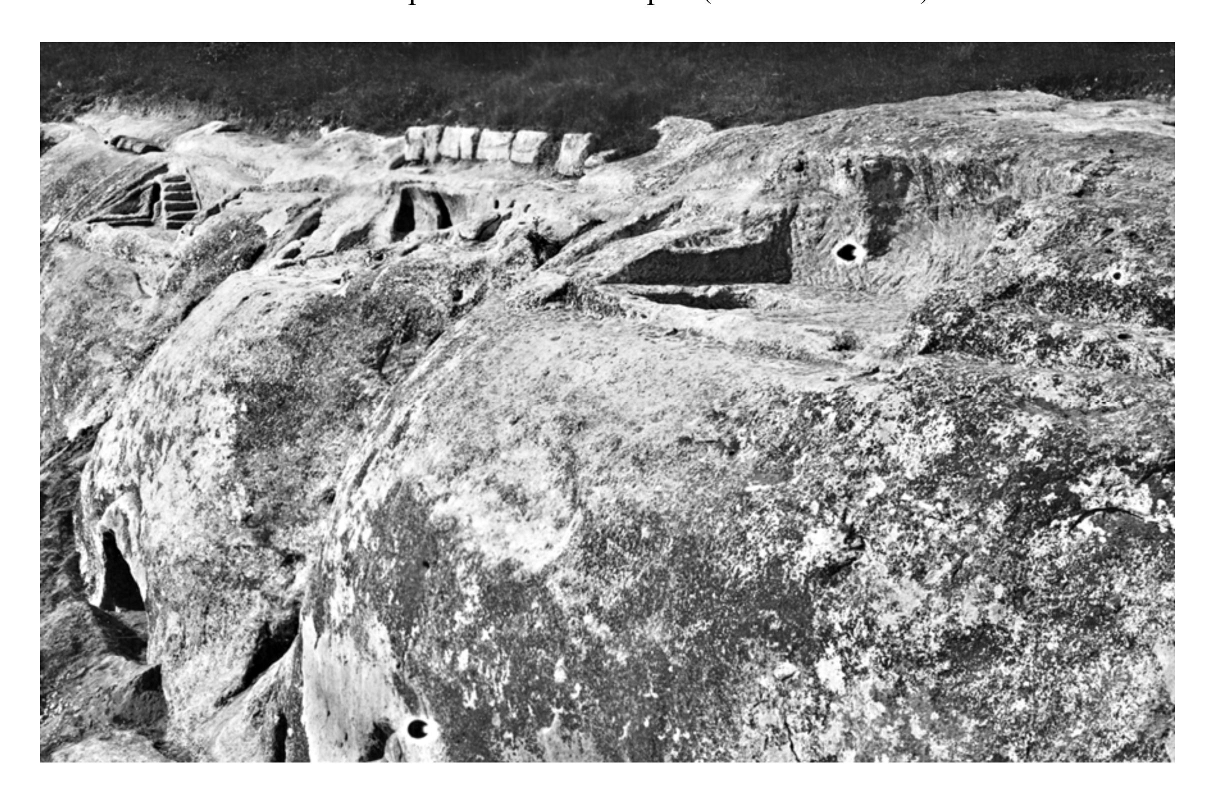

Рис. 30. Восточный склон. Боевые площадки.
Фото из архива Е.В. Веймарна, фрагмент (См.: Там же).

Рис. 31, 32. Переходы на боевые выступы, расположенные перед главной оборонительной стеной. Фото из архива Е.В. Веймарна, фрагмент (См.: Там же. Л. 15).

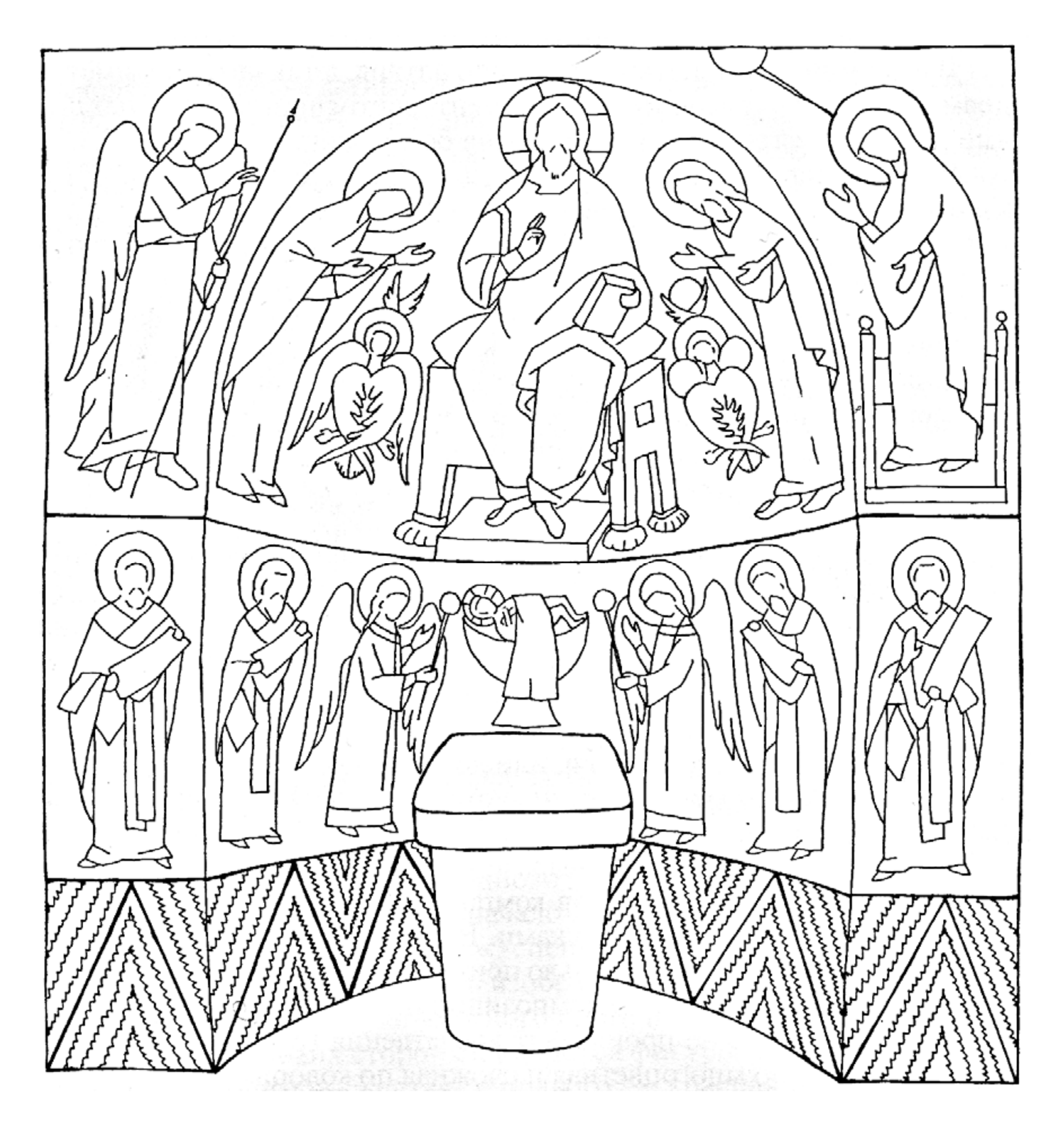

Рис.33. Реконструкция алтарная часть церкви «Успения» по И.Г.Волконской
(См.: *Харитонов С.В.* Древний город Эски-Кермен. СПб., 2004. С. 134. Рис. 68).

Рис. 34. Алтарная часть храма «Успения». Деталь. Л.Линно, Г.Андреев, 1929, ватман, акварель, темпера. Фрагмент (См.: Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 134. Л. 12).

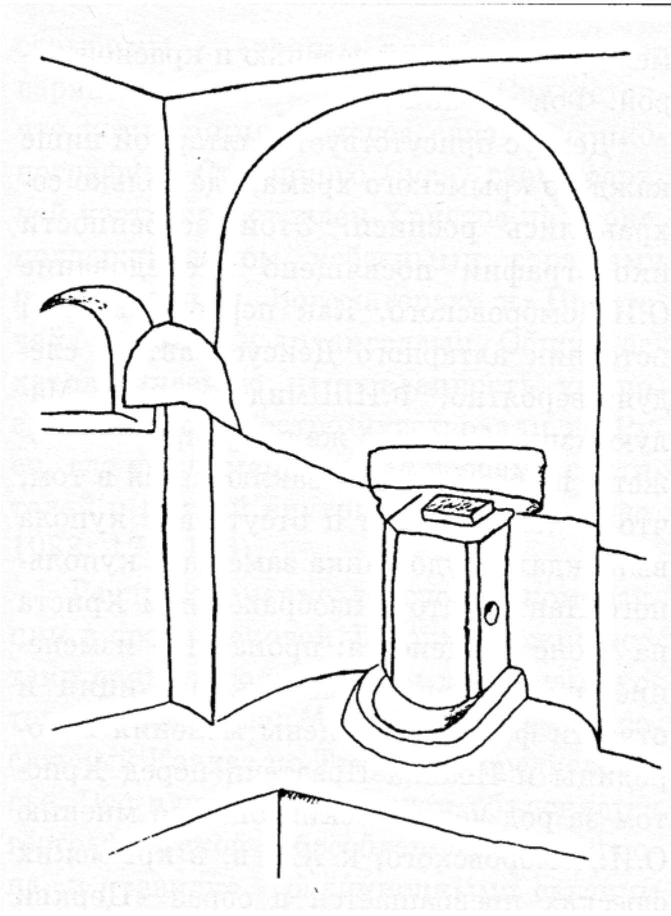

Рис. 35. Алтарная часть церкви «Успения»
по Н.Е. Гайдукову, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанову.
(См.: *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых… С. 117. Рис .3).

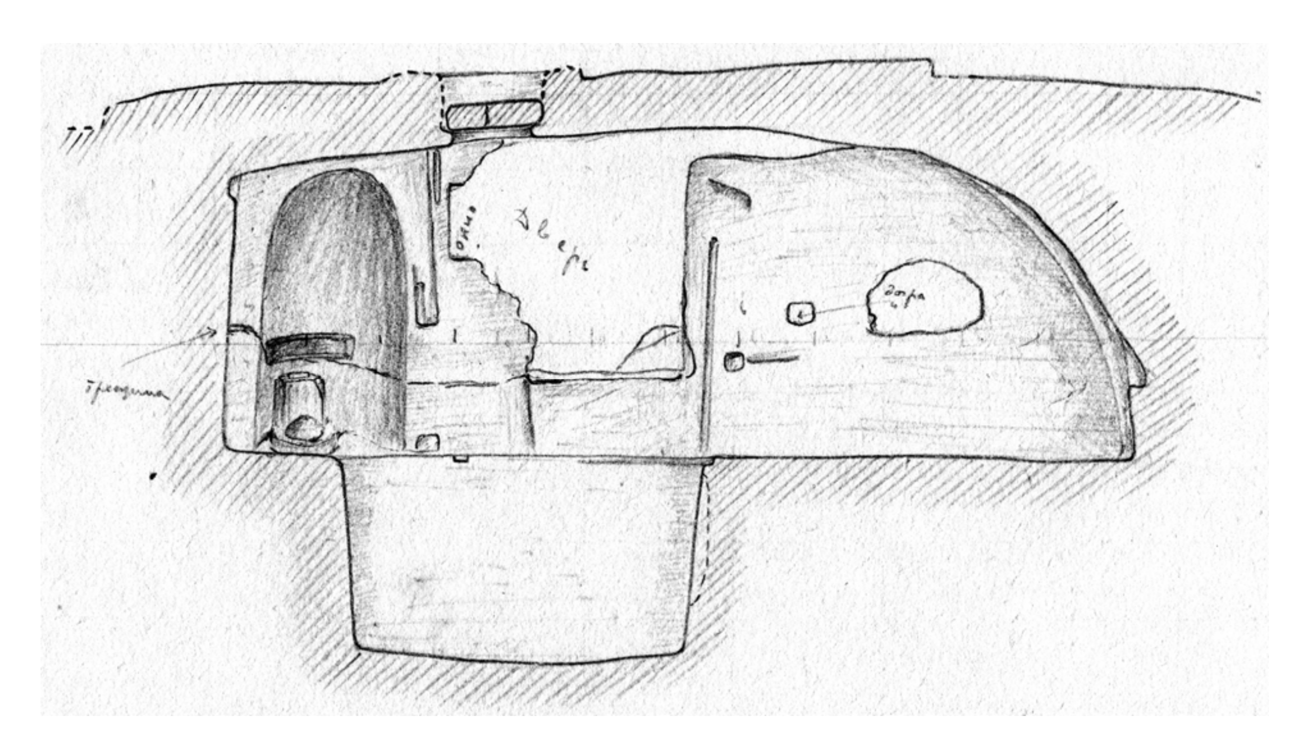

Рис. 36. Разрез храма «Успения» по материалам ЭКЭ.
Вид с запада (разрез по О-Н) (См.: Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 105. Л. 24).

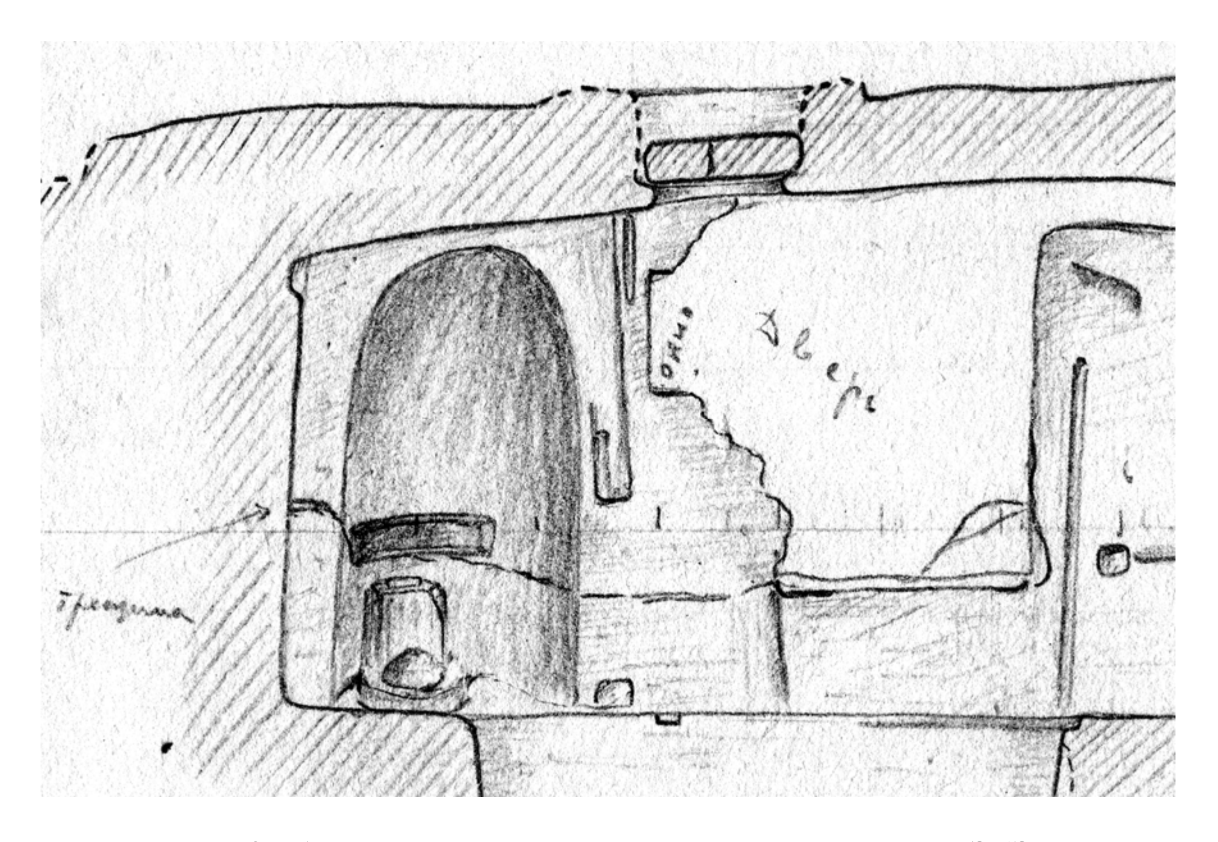

Рис. 37. Алтарная часть храма «Успения» по материалам ЭКЭ. Фрагмент
(См.: Там же. Л. 24).

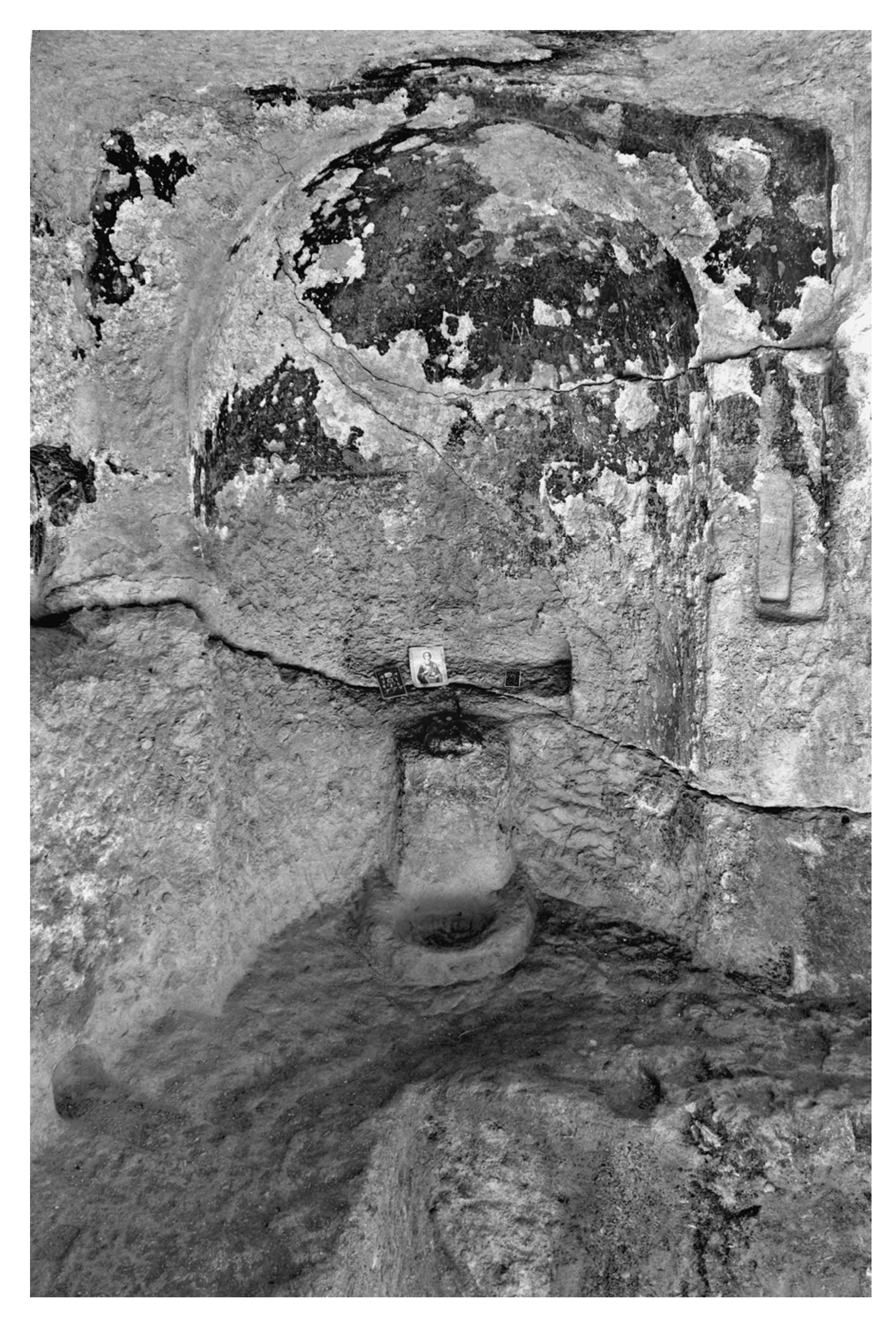

Рис. 38. Алтарная часть храма «Успения» (фото автора).

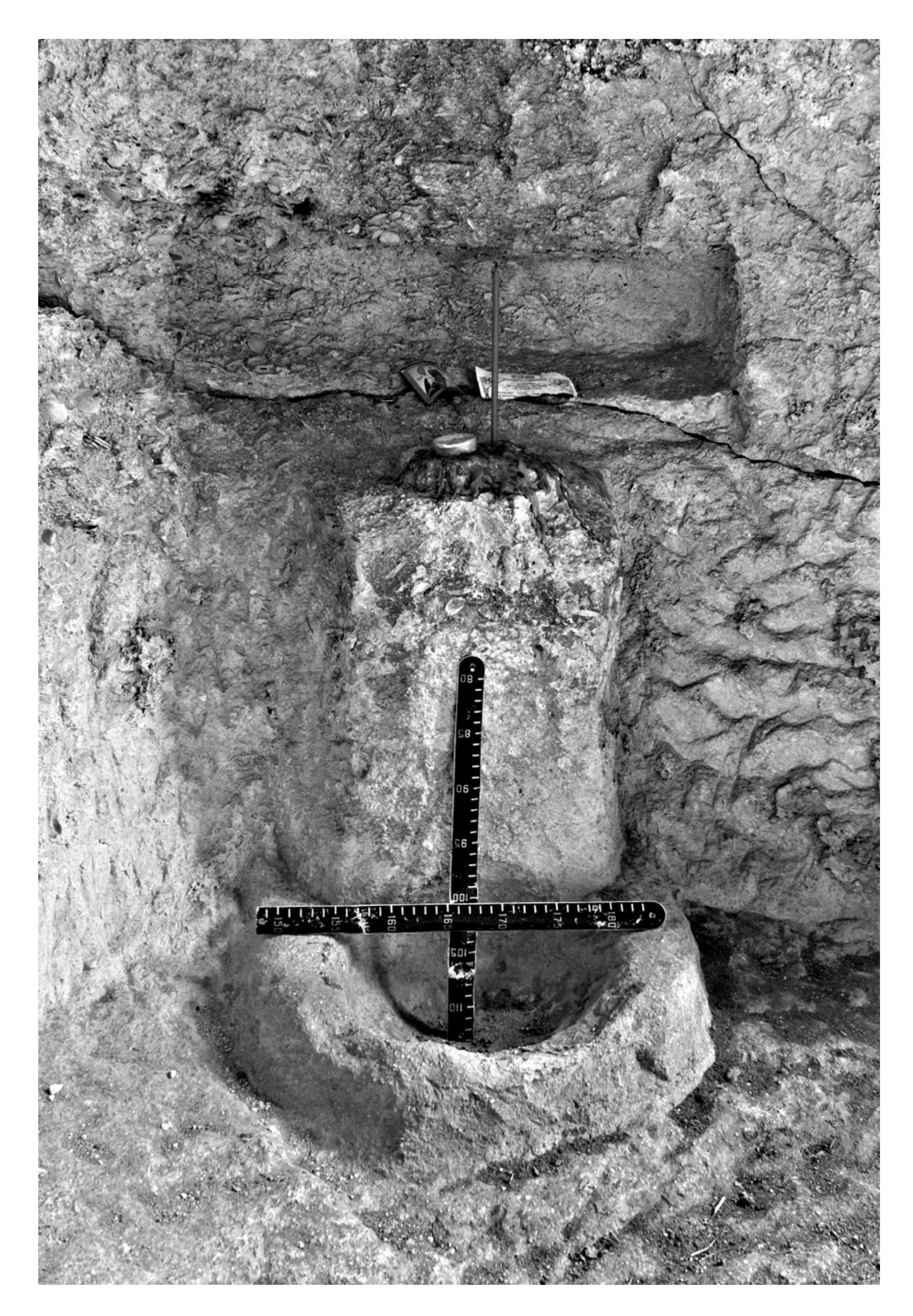

Рис. 39. Остатки престола храма «Успения» (фото автора).

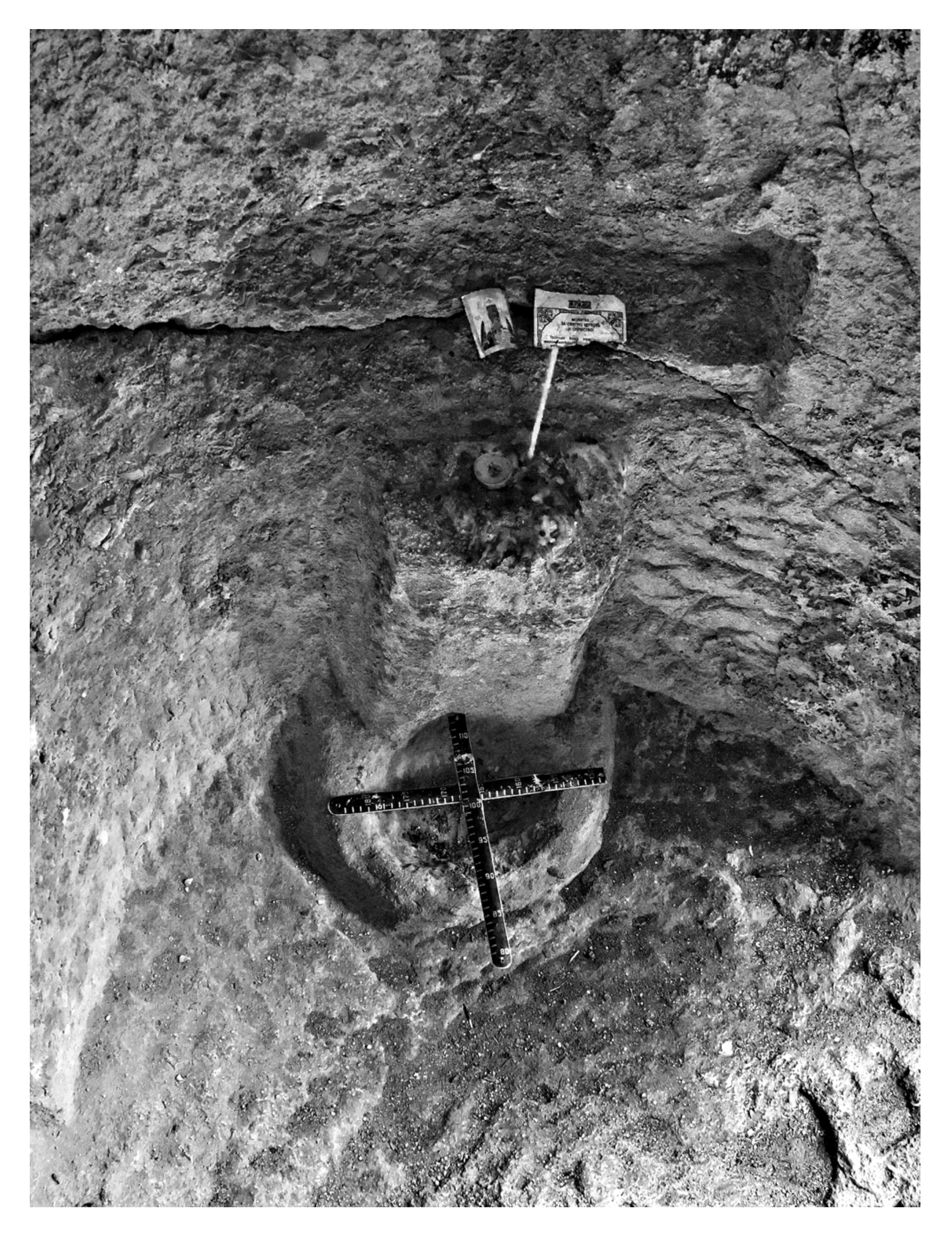

Рис. 40. Остатки престола храма. Вид сверху (фото автора).

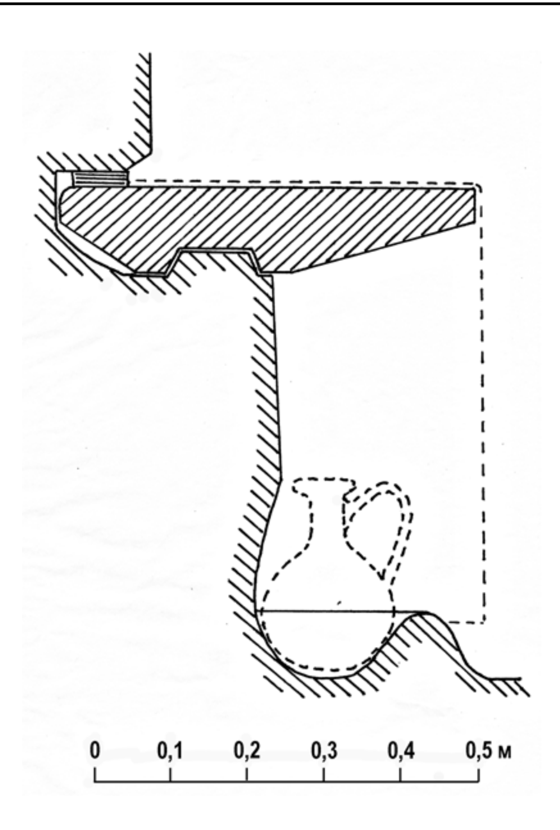

Рис. 41. Реконструкция автором устройства престола храма «Успения».

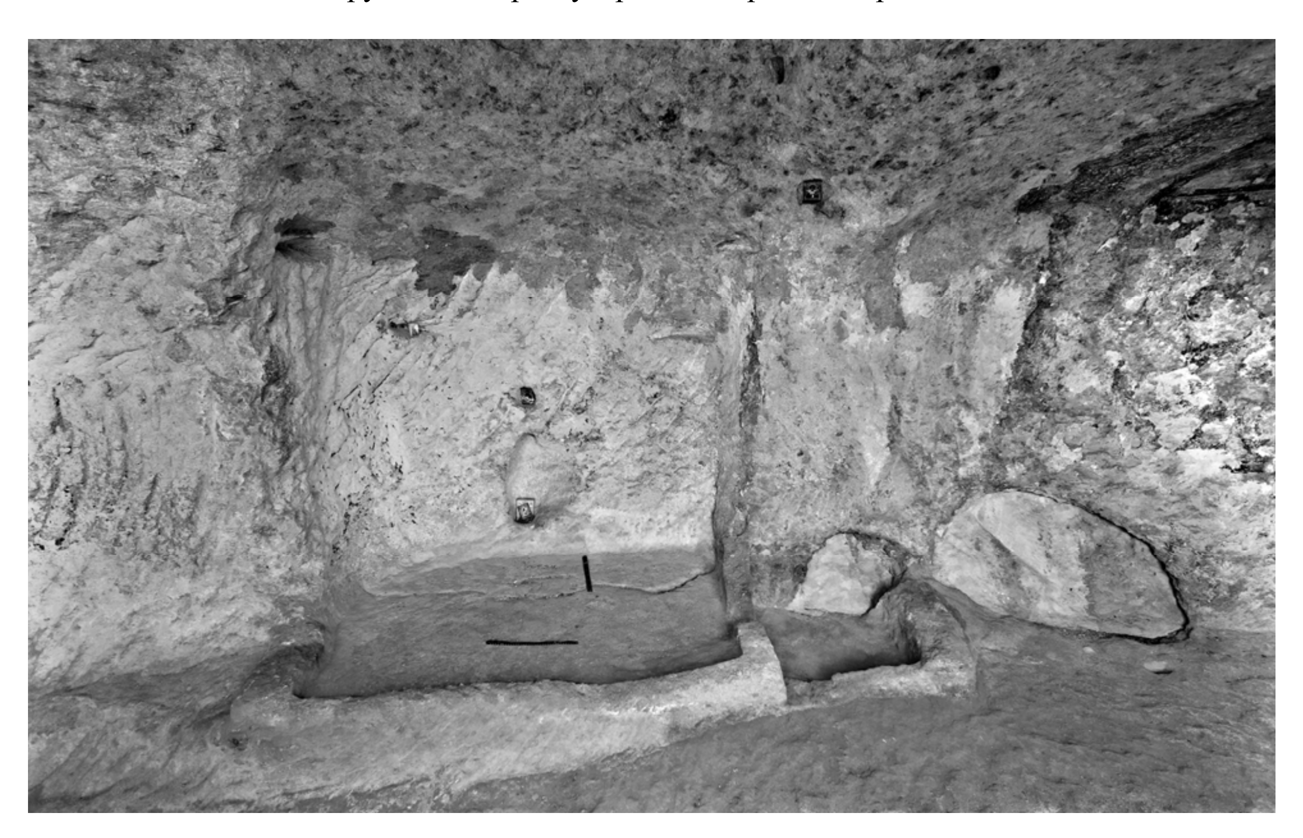

Рис. 42. «Тарапан». Вид с востока (фото автора).

Рис. 43. Конфигурация «тарапана» повторяет контур вырубки в полу храма.
Справа – невырубленный фрагмент скалы с разбивающей его трещиной (фото автора).

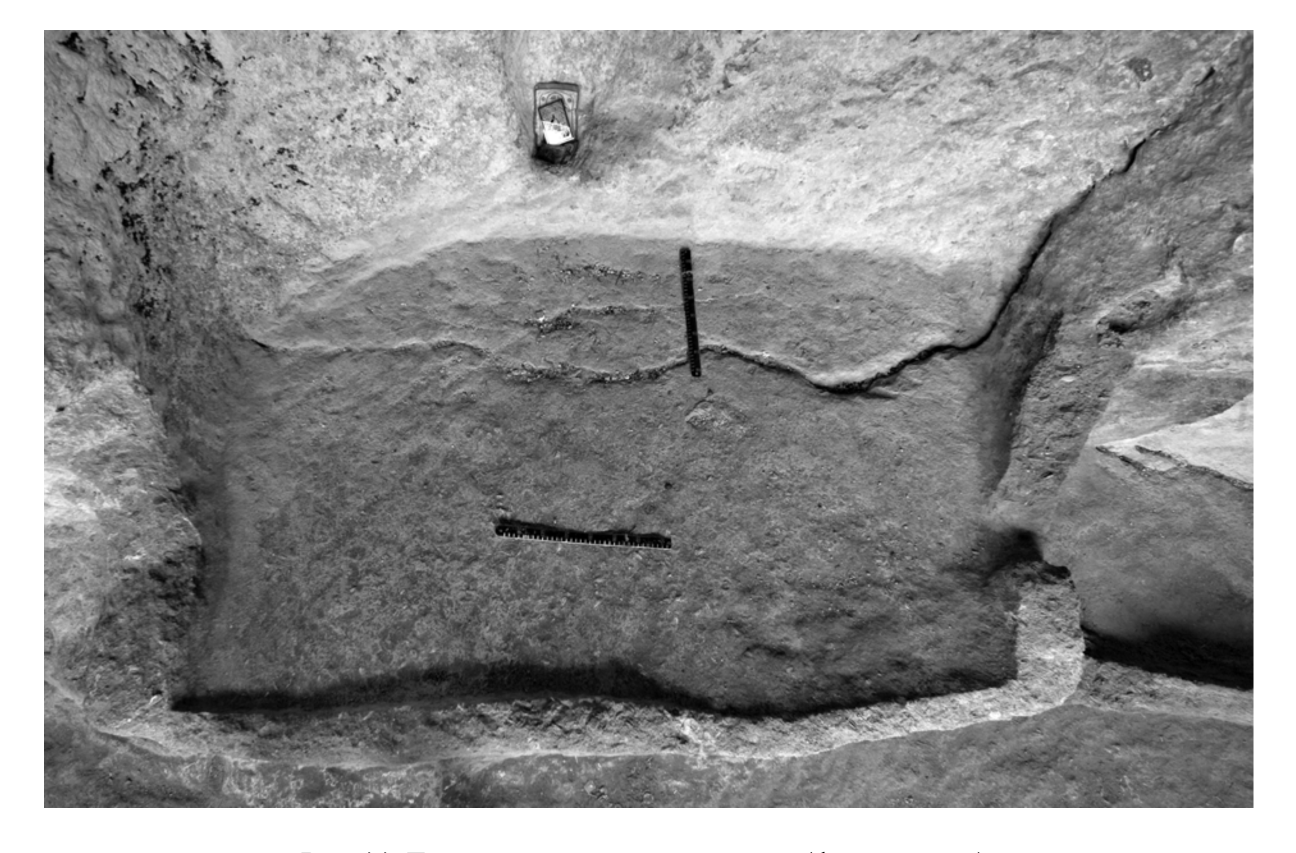

Рис.44. Трещина в нише «тарапана» (фото автора).

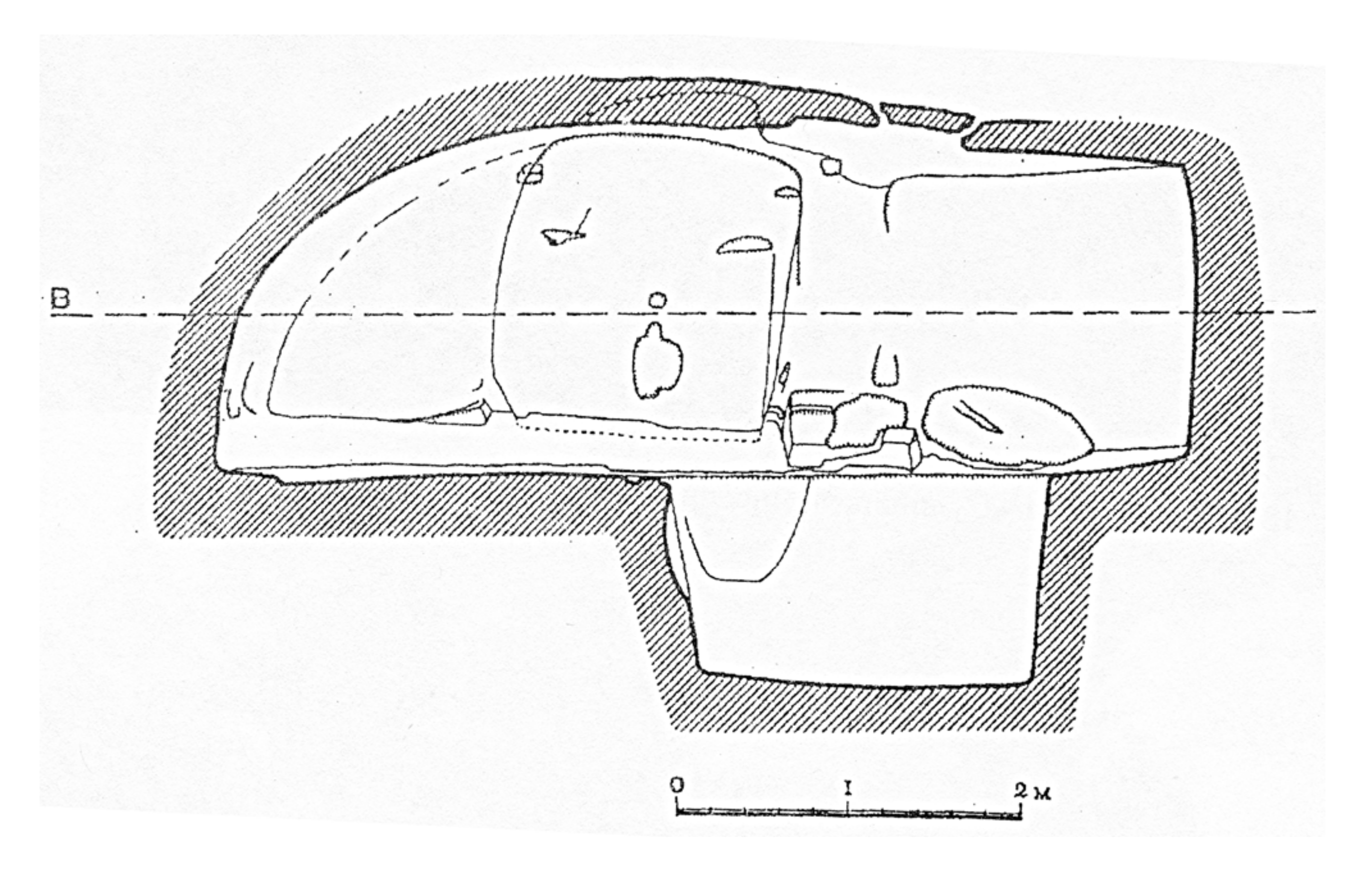

Рис. 45. Расположение «тарапана» по Ю.М.Могаричеву
(См.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 252).

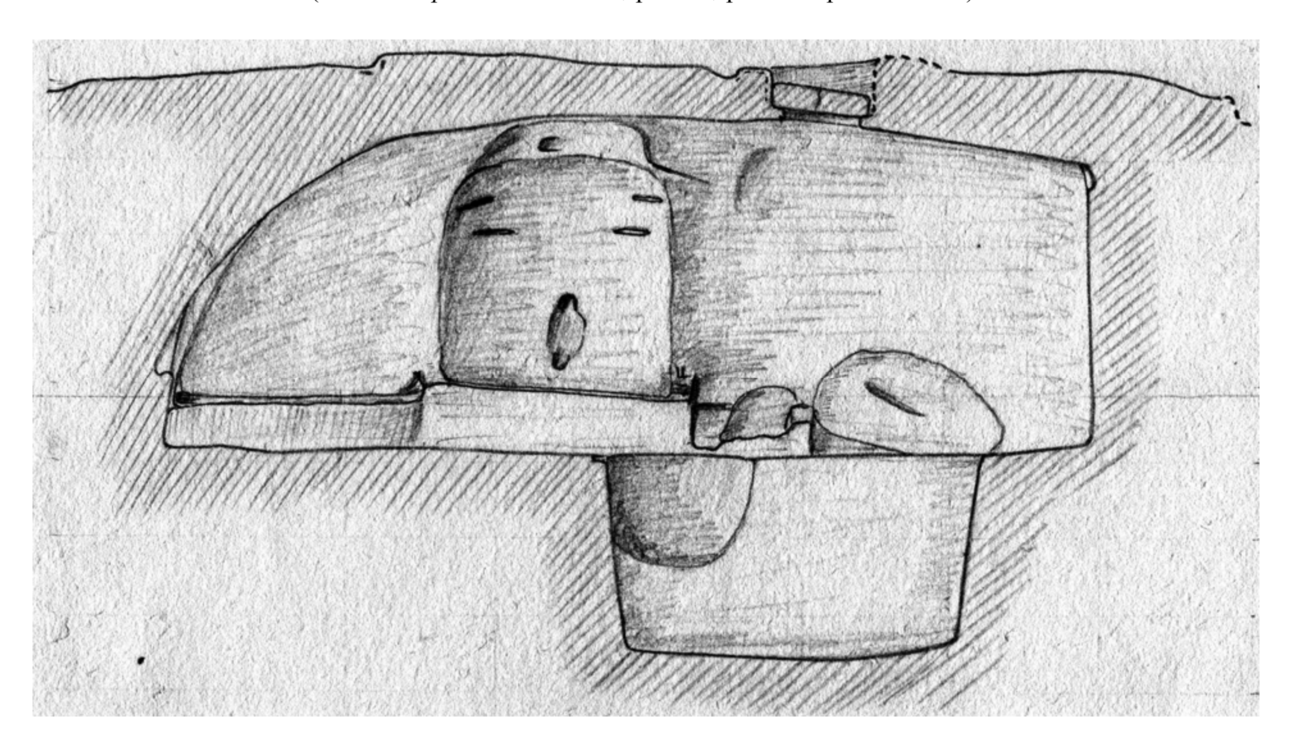

Рис. 46. Расположение «тарапана» по по материалам ЭКЭ
(разрез по Н-О) (См.: Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1928. № 105. Л. 24).

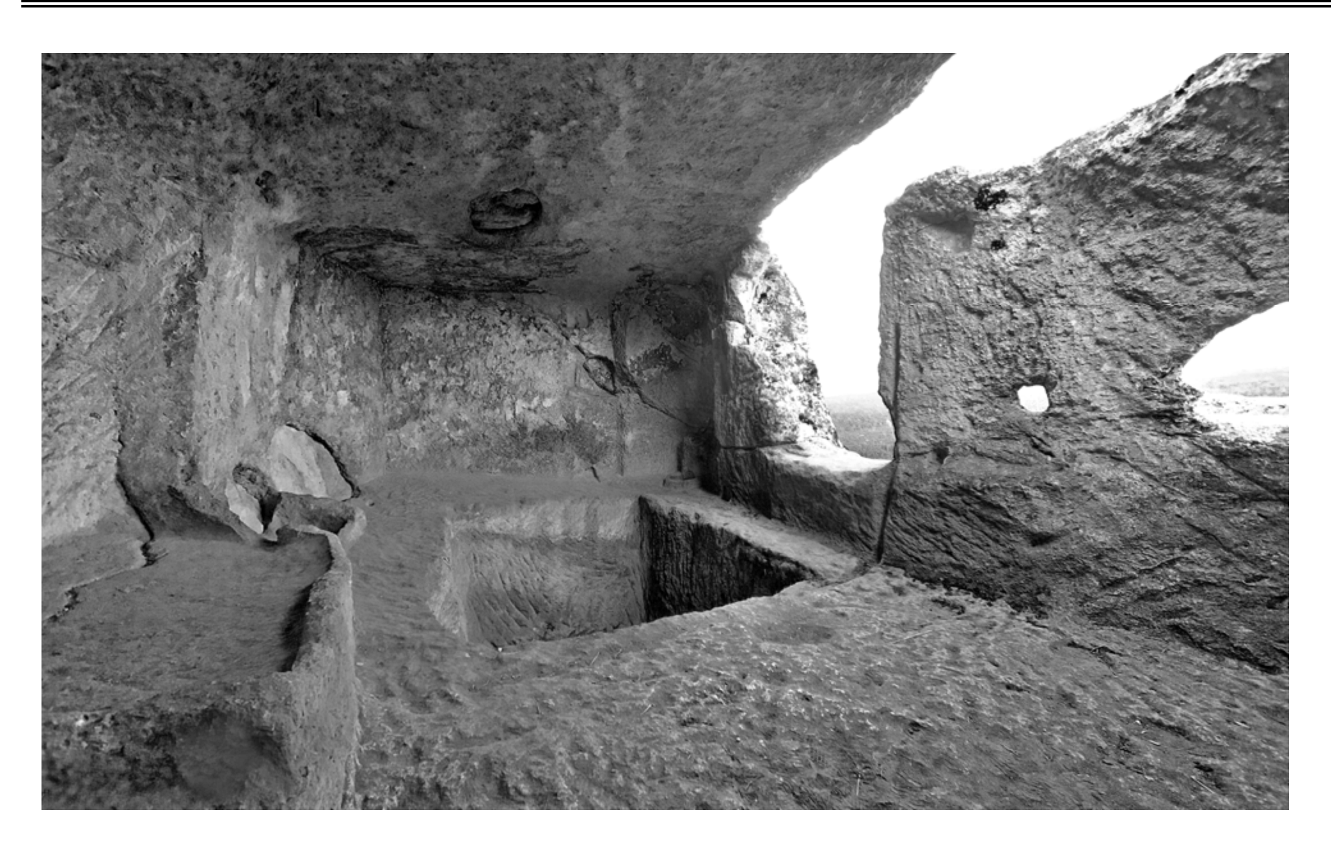

Рис. 47. Храм «Успения». Интерьер. Размеры храма преувеличены оптикой (фото автора).

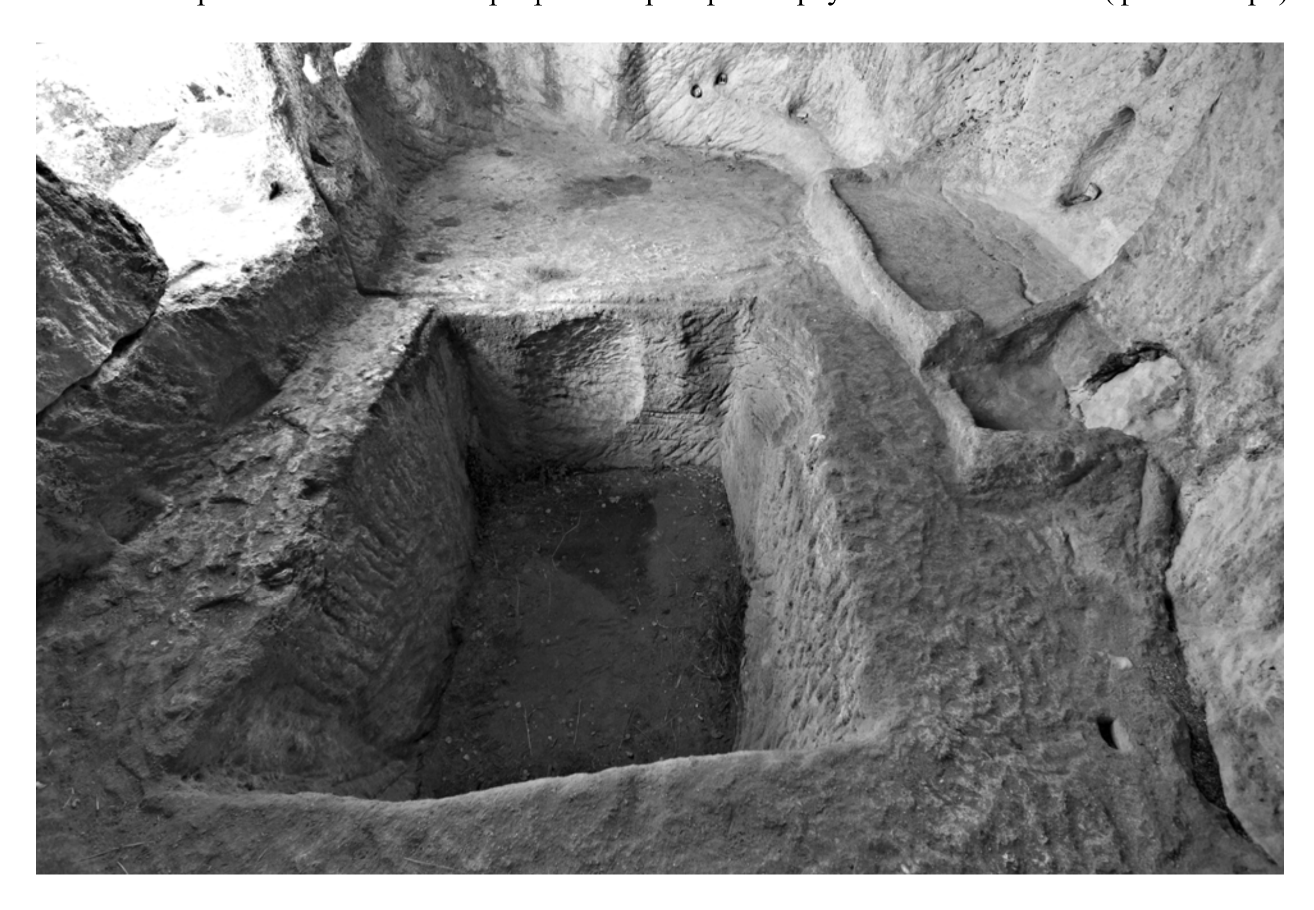

Рис. 48. Расположение «тарапана» в храме «Успения» (фото автора).

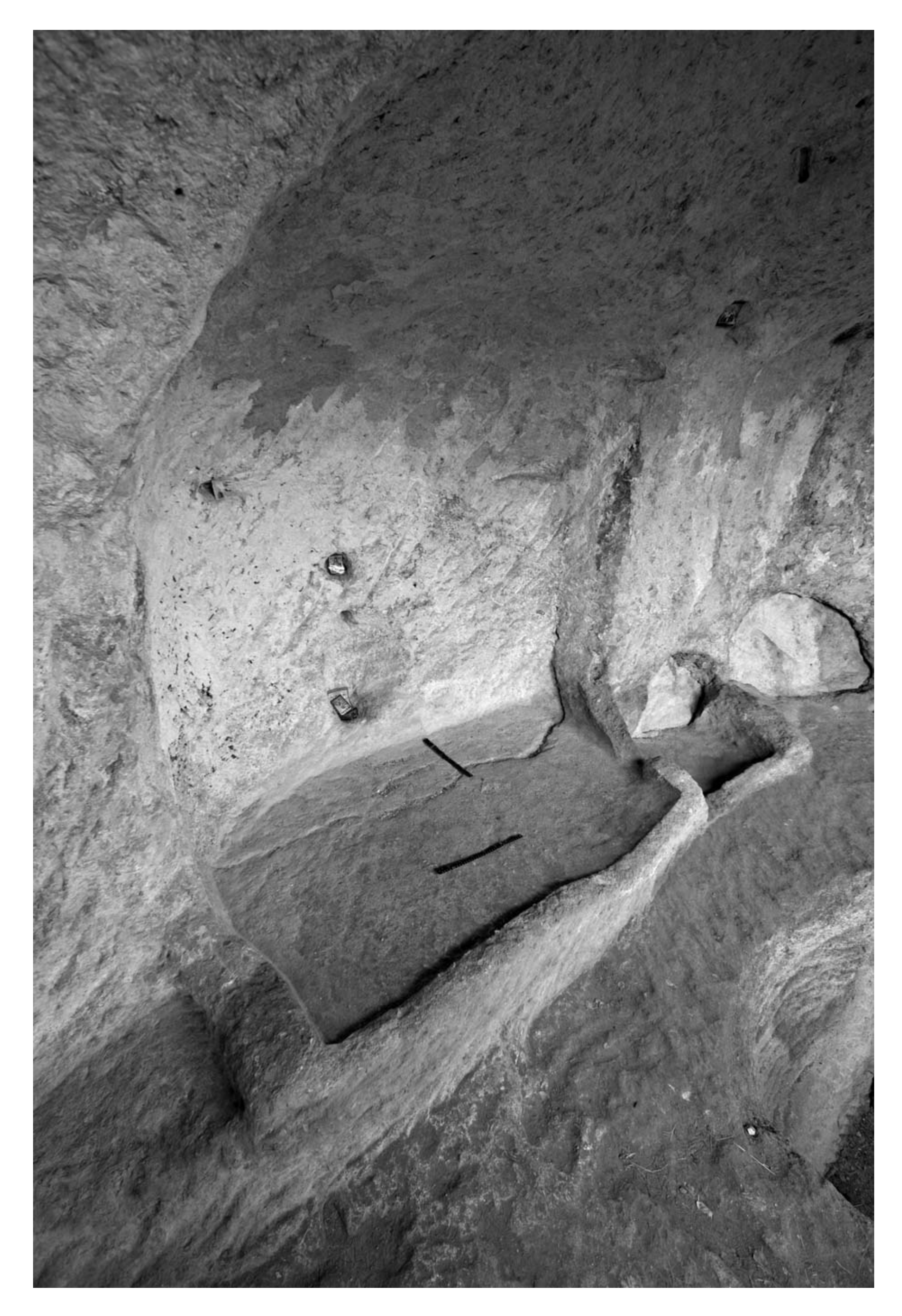

Рис.49. Ниша «тарапана» с юга (фото автора).

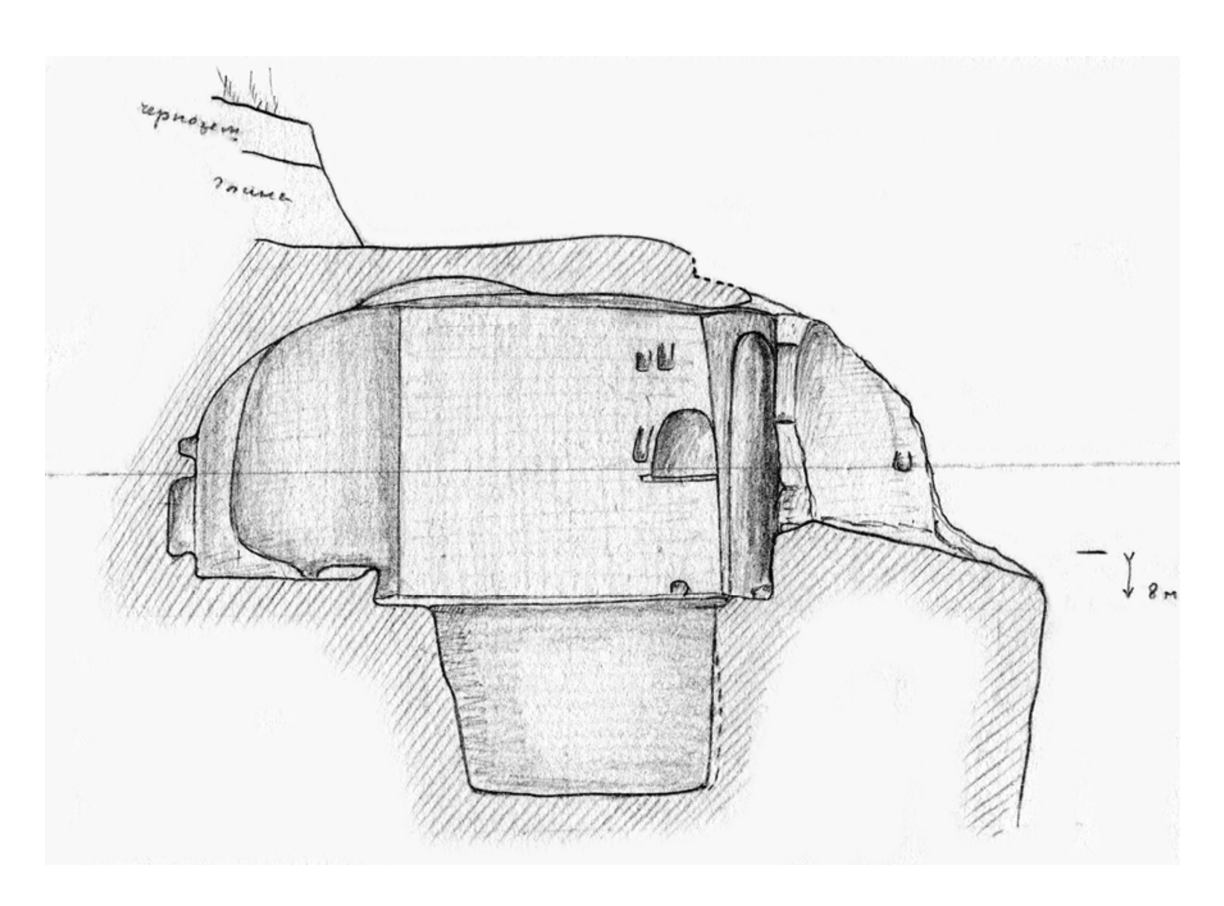

Рис.50. Разрез храма «Успения» через нишу «тарапана»по материалам ЭКЭ.
Вид с юга (разрез В-Г) (См.: Там же. Л. 23).

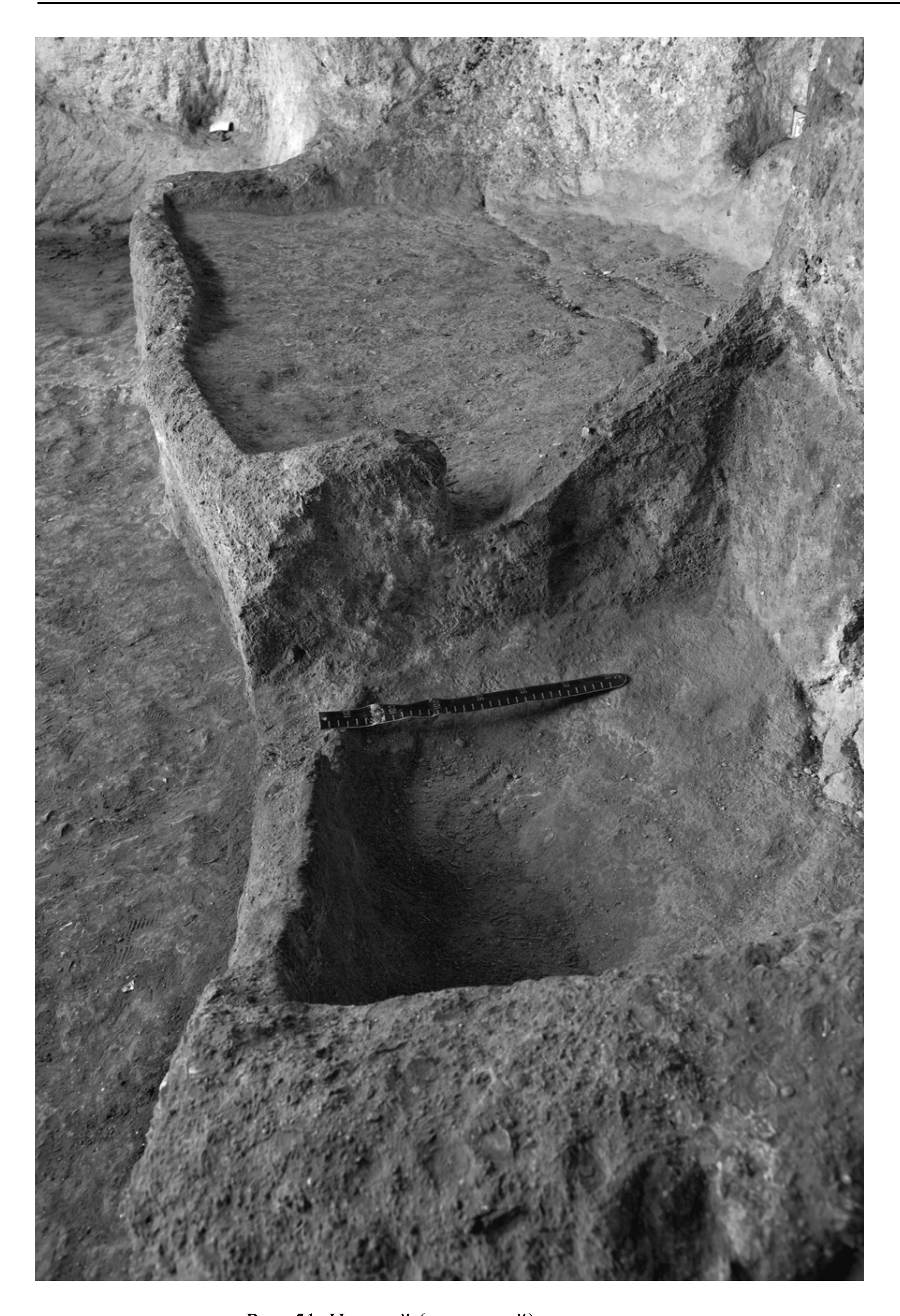

Рис. 51. Нижний (приемный) резервуар «тарапана».

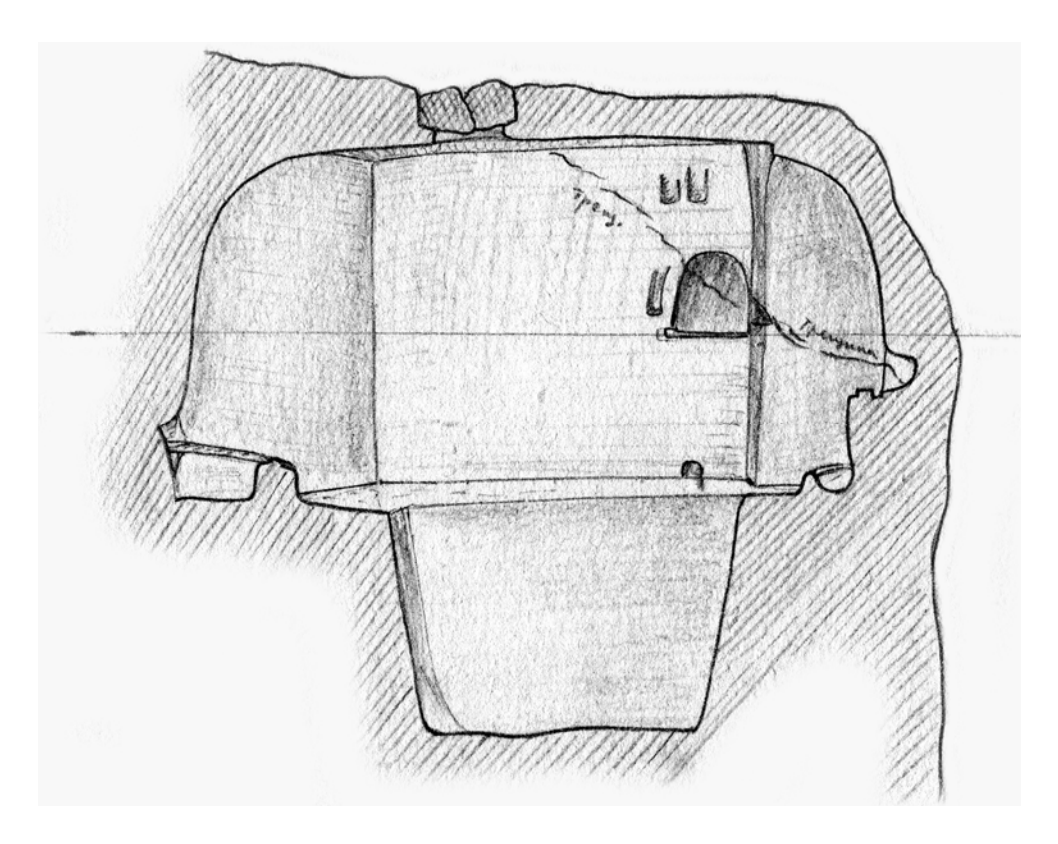

Рис. 52. Разрез храма «Успения» через нижний резервуар «тарапана» по материалам ЭКЭ. Вид с юга (разрез А-Б) (См.: Там же. Л. 23).

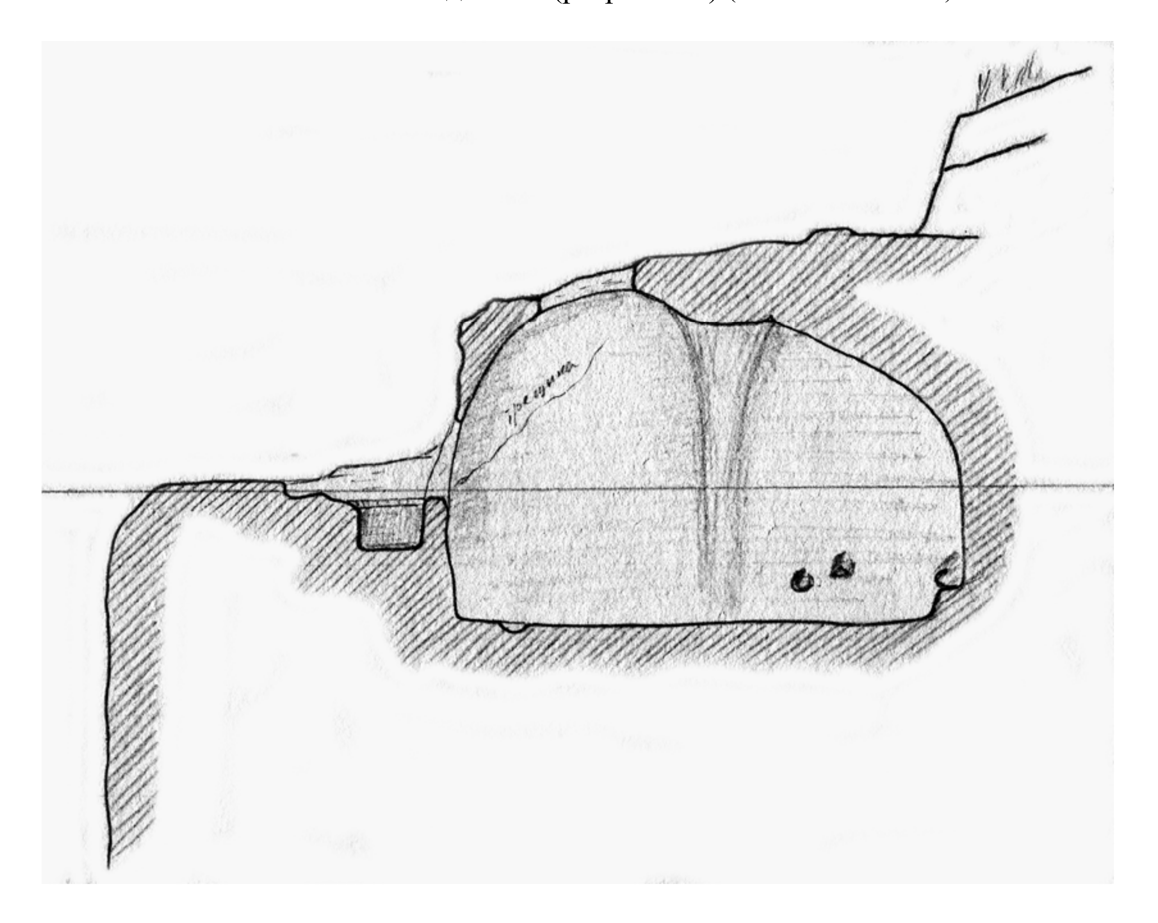

Рис. 53. Разрез храма «Успения» через скамью и вырубную могилу по материалам ЭКЭ. Вид с севера (разрез Е-Д) (См.: Там же. Л. 27).

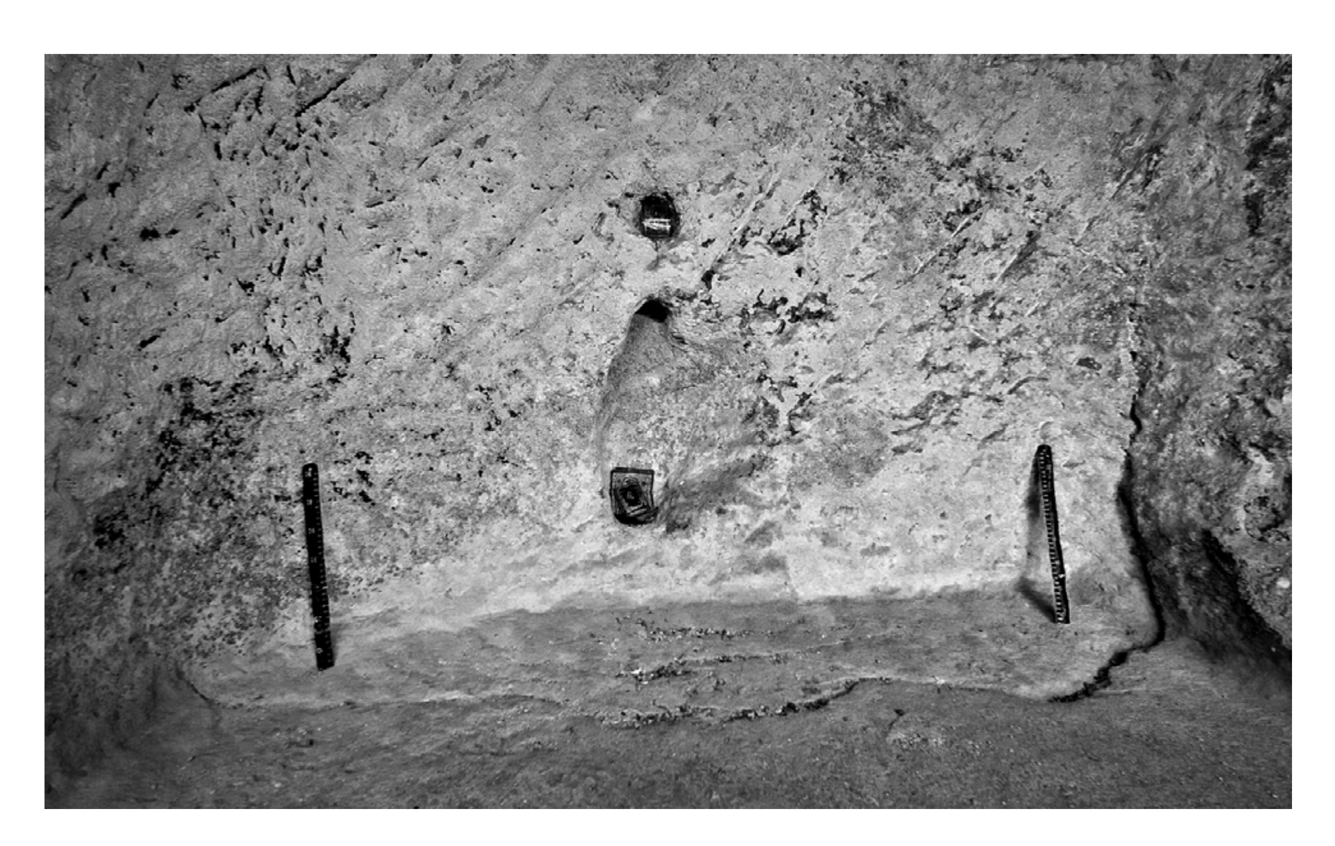

Рис. 54. Трещина и вертикальный «шпоночный паз» в нише «тарапана» (фото автора).

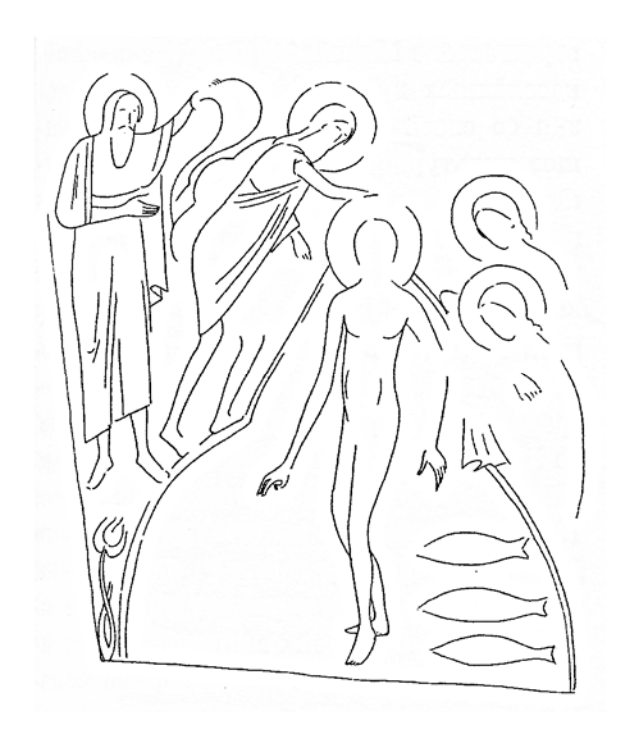

Рис. 55. Церковь «Успения». Прориси фрески «Крещения»: слева – по О.И. Домбровскому (См.: *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. С. 47. Рис. 22), справа – по Н.Е. Гайдукову, Э.Н. Карнаушенко и А.В. Джанову (См.: *Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные о храмовых росписях… С. 123. Рис. 9).

Рис. 56. Сцена Крещения Господня. Миниатюра Хлудовской псалтири
(См.: *Щепкина М.В.* Миниатюры Хлудовской псалтыри. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977. Л. 75 (оборот)).

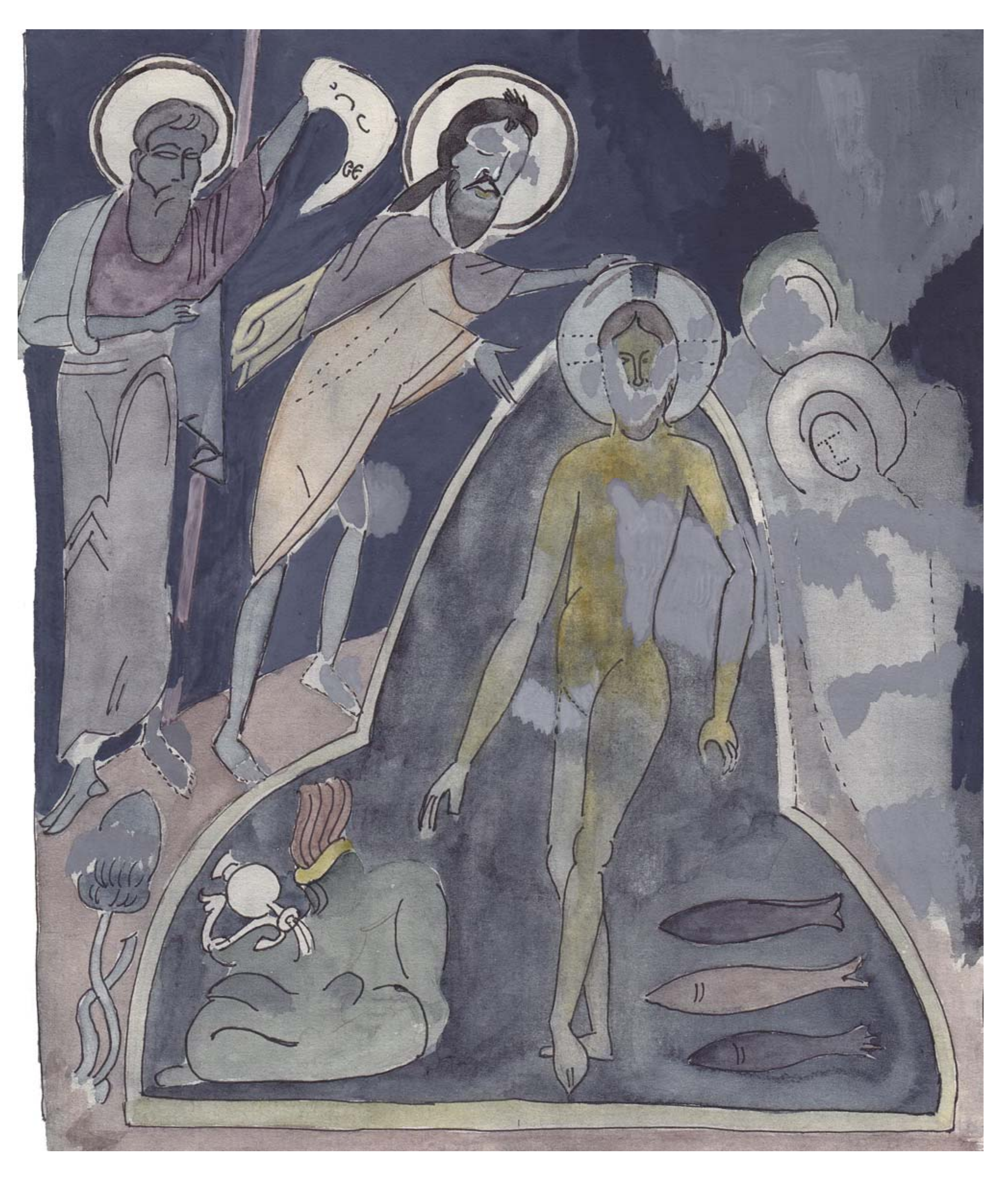

Рис. 57. Церковь «Успения». Реконструкция фрески «Крещения» по Е.М. Осауленко
(См.: Сайт Осауленко Евгения...).

Рис. 58. Г. Андреев, Л. Линно. Роспись церкви «Успения» (фрагменты). 1929 г. Ватман, акварель, темпера. *Вверху*: композиция «Крещения Господня». *Внизу*: деталь этой же композиции. Фотокопия автора (См.: Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 134. Л 12).

Н.В. Днепровский

ИСТОРИЯ С «ГЕОГРАФИЕЙ», ИЛИ ОБ ОДНОМ КАЗУСЕ КРЫМСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Более ста лет назад, говоря о перспективах изучения истории христианства в Крыму, А.Л. Бертье-Делагард писал в своей работе «К истории христианства в Крыму. Мнимое тысячелетие»: «Понадобится немало исследований по совершенно частным и мелочным вопросам; еще более окажется необходимым проверить уже решенное, причем немало высказанного как простая догадка, но от частого повторения кажущегося истиною, будет отвергнуто; едва ли многое уцелеет из положений, ныне признаваемых несомненными, но загромождающих лишь путь дальнейшему исследованию»[1]. Предвидение это сохраняет свою силу и в наши дни. Более того, как будет видно из дальнейшего, оно оказалось применимым и к его собственным умозаключениям.

Мы неоднократно подчеркивали, что многие «темные» места, связанные с историей и археологией крымских пещерных монастырей и храмов, по нашему мнению, связаны с ликвидацией церковной археологии в советское время[2]. Оторванная от истории Православия, не говоря уже о живой богослужебной практике, социокультурная парадигма «истории материальной культуры», в которой были воспитаны многие поколения историков и, особенно, археологов советской школы, вынуждала и вынуждает их выбирать в семантическом поле такие смыслы, которые наиболее соответствуют их собственному мировосприятию[3]. Зачастую это не имеет ничего общего ни с событиями давно ушедших

[1] *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории христианства в Крыму. Симферополь, 2011. Т. II. С. 139.

[2] *Днепровский Н.В.* Культовый комплекс у южных ворот Эски-Кермена. // МАИАСК, 2011. Вып. III. С. 148. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK3.pdf; *Днепровский Н.В., о. Виктор (В.А. Шкурдода)*. К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхиальных пещерных церквей Эски-Кермена // МАИАСК, 2011. Вып. III. С. 187. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK3.pdf.

[3] Человек, как существо *социальное*, живет в мире *смыслов*. Если отбросить наукообразные формулировки, то *смысл* – это именно то, что позволяет людям *совместно мыслить* о каком-либо предмете, т.е. понимать друг друга. В.В. Налимов убедительно показал, что *смыслы не атомарны*, а плавно перетекают друг в друга и представляют собой некий *континуум*, непрерывное семантическое поле, в котором каждому конкретному смысловому значению может быть поставлена в соответствие определенная *плотность вероятности*, причем эта плотность вероятности строго математически определяется так называемой *формулой Бейеса* (См.: *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. Томск – Москва, 2003. С. 85-96). Детальное рассмотрение данной теории не входит в нашу задачу. Однако для нас принципиально важно, что, согласно В.В. Налимову, существует *априорное*, изначальное распределение плотности вероятности значения данного слова. В какой-то мере оно отражается частотными словарями. Человек, в соответствии со своими психологическими установками, воспитанием и пр. (т.е. *социокультурной парадигмой*) имеет свой набор смысловых *предпочтений*, т.е. *отфильтровывает* из априорного распределения *приемлемые для себя смыслы* с некоторой, только ему свойственной плотностью вероятности, порождая, таким образом, новое (*апостерирное*) распределение вероятностей. Подобно этому художник определяет колорит своей картины, вначале отбирая краски из *имеющейся до этого* палитры, а затем используя их в *определенных соотношениях*. Принципиально важным является то, что, согласно В.В. Налимову, априорная плотность вероятности *умножается* на вероятностную характеристику фильтра данного индивидуума. Это означает, в частности, что результат будет равным нулю (смысл НЕ БУДЕТ РАСПОЗНАН) в двух случаях: если в мышлении человека нет данной категории (т.е. данные смыслы для него попросту *невидимы* – они никак не влияют на его мировосприятие, подобно тому, как ультрафиолетовые лучи не влияют на создание художником своего полотна) либо эта категория для него абсолютно неприемлема и потому исключена из рассмотрения (человек терпеть не может определенный цвет и никогда его не выберет), или если эти смысловые значения отсутствуют в исходном семантическом поле (у

эпох, ни даже с современными реалиями. Однако процесс этот начался намного раньше, да и само семантическое поле меняется с течением времени.

В полной мере вышесказанное касается и семантической наполненности географических названий. Еще древние греки любили, как известно, переиначивать услышанные топонимы, да и, вообще, имена. Однако подобные же метаморфозы, в свою очередь, происходили и с греческими названиями, в частности, на территории Крымского полуострова. Одной из таких поистине удивительных смысловых трансформаций и посвящена данная работа.

В 1773 г., составляя описание Ахтиарской бухты, штурман И. Батурин нанес на свою карту совершенно небывалое, не имеющее аналогов в христианской топонимике название: «Храм География»[4]. Оно относилось к маленькой пещерной церквушке, высеченной в обрыве скалы в верховьях ущелья, впоследствии (по имени владельца построенного там хутора) названного балкой Гайтани. Под этим же названием фигурирует храм и на чертежах Инкерманской экспедиции ГАИМК[5].

Разумеется, столь удивительное «посвящение» храма не могла не привлечь внимания ученых. «Вероятно, стоит согласиться с исследователями, считавшими, что в карту вкралась ошибка и церковь была названа в честь Евграфия», – пишет Ю.М. Могаричев[6]. Под «исследователями» в данном случае следует понимать, главным образом, персонально Н.И. Репникова – руководителя Инкерманской экспедиции ГАИМК и составителя «Материалов к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма»: «Под этим названием он помечен на плане И. Батурина 1773 г., с явной опиской имени, вместо – Евграфий»[7]. Это же утверждение встречается и в его отчете по исследованию данного храма: «Под этим названием он помечен на первой по времени съемке Инкермана – эскадры Кинсбергена штурмана И. Батурина 1773 г. (Архив Глав. Штаба, по каталогу отд. X-772). Эта же съемка отмечает еще 3 пещерных храма Инкермана – Софии, Георгия и Вознесения. Совершенно бесспорно, что имена эти не выдуманы И. Батуриным, а получены из расспросов старожилов. Но не менее очевидно, что при передаче на плане имени интересующего нас памятника, произошла описка: он носил имя Евграфия, а не – «География»»[8]. Таким образом, Н.И. Репников никаких исследований по этому топониму не проводил, для него «описка» была «явной» и «очевидной», а имя «Евграфий» – само собой разумеющимся. Однако еще А.Л. Бертье-Делагард первоначально не сомневался в точности этого названия: «На такое позднее время устройства указывает и сохранение ее названия (св. География) которое показано на карте Батурина, где эта церковь показана вполне ясно и точно; едва ли долго могли помнить название столь маленькой часовенки, если бы в ней не служили не задолго до Батурина а может и в его время»[9]. Каким образом мог поверить этот ученый-скептик в существование православной святой по имени География и не заглянуть в общедоступную в то время Минею – другой вопрос. Впоследствии, почти через 30 лет, он все же сделал это и, возможно, именно его поздние рассуждения натолкнули Н.И. Репникова на мысль об «очевидной описке». Вот что он пишет в своей работе «Каламита и Феодоро»: «на карте Батурина…, где Инкерман показан очень подробно, в нем и в ближайшем соседстве названы и отмечены церкви: св. Георгия, св. География (на того же времени копии этой карты написано: св. Геоврония, но ни того, ни

художника в палитре просто нет определенной краски). Этот момент будет принципиально важен для дальнейшего.

[4] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 16.

[5] Там же. С. 129. Рис. 20.

[6] Там же. С. 16.

[7] *Репников Н.И.* Материалы к археологической карте Юго-Западного Нагорья Крыма. Архив ИИМК. Ф.1. Д. 9, 10. С. 40.

[8] [*Репников Н.И.*] Отчет Репникова Н.И. о работах Инкерманской экспедиции в 1937г. Архив ИИМК. Ф. 2. Оп.1, 1937 г. № 227. Л. 62. Прим.

[9] *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма. Симферополь, 2012. Т. III. С. 60.

другого в святцах нет, и надо читать св. Евграфа, произносившееся крымскими греками – Иограф, что наши чертежники обратили в География)…»[10].

Однако совершенно неоспоримо, что «обращение» Евграфа (Иографа) в «Географию» или «Геоврония» выходит за рамки «очевидной описки», ибо из ***шестибуквенного*** слова получается ***девятибуквенное***. Поэтому такое объяснение можно принять лишь с натяжкой. Очевидно, именно это и заставило Н.И. Репникова поменять «Евграфа» на «Евграфия».

Благодаря Н.И. Репникову и Ю.М. Могаричеву мнение о посвящении храма св. Евграфию в настоящее время является практически всеобщим и встречается как в сугубо научных изданиях, так и в популярных путеводителях. Под этим названием включили данный памятник в одну из своих статей и мы[11].

Однако недаром говорят: «Доверяй, но проверяй». Автор настоящей статьи, готовя для церковного издания популярную публикацию о крымских пещерных храмах, решил уточнить день памяти св. Евграфия и отыскать тропарь и кондак в его честь. К нашему изумлению, такого святого в Минее не оказалось. Зато там есть служба (10/23 декабря) святым мученикам Мине, Ермогену и ЕВГРАФУ (рис.1). Вот выдержки из нее:

«Ми́ну чу́днаго, Ермоге́на Боже́ственнаго, и Евгра́фа ку́пно свяще́нными сладкопе́нии почти́м вси́, я́ко почествова́вшия Го́спода, и страда́льчествовавшия за него́, и ли́ка безпло́тных на Небе́се́х дости́гшия, и чудеса́ точа́щия».

«Презре́вше сла́ву мирску́ю, окрили́вшеся сла́вою Боже́ственною, Ми́на, Ермоге́н же и сла́вный Евгра́ф, и усе́рдным нра́вом тя́гость претерпе́ша лю́тых муче́ний, пло́ти не пощаде́вше».

«Добропе́сненный гла́с твои́х слове́с, Ермоге́на из глубины́ поги́бели возве́д, поста́ви на ка́мени жи́зни: отону́дуже и Евгра́ф, царя́ обличи́в, ра́дуяся посека́ется в сла́вную главу́: но приле́жно моли́, ми́но, спасти́ся все́м, любо́вию чту́щим тя́».

«Му́дростию тверде́йшею в живу́щих тебе́ сама́го написа́л еси́ кни́зе, о Евгра́фе му́дре: главе́ бо отсе́ченей, я́коже на колесни́цу твое́ю все́л еси́ кро́вию, и к невече́рнему све́ту преста́вился еси́».

«Взя́тся ко оби́телем веля́яся светови́дный му́чеников ли́к Боже́ственный, и предстои́т Отцу́, Сы́ну же и Ду́ху, наслажда́яся я́сно обоже́ния, Ми́на со Ермоге́ном и Евгра́фом, Богому́дрии».

Эти же священномученики (Ἅγιοι Μηνάς ὁ Καλλικελαδος, Ερμογένις καὶ Εὔγραφος) присутствуют и в греческой богослужебной литературе.

В известной «Православной богословской энциклопедии» под редакцией профессора А.П.Лопухина св. Евграфий также отсутствует и также присутствует только «**Евграф** (благонаписанный, греч.) – муч. Присутствуя при казни свв. Муч. Мины и Ермона, Е. объявил себя христианином, за что сам царь Максимиан отрубил ему голову (в нач. IV в.). *Пам. 10 декабря*»[12]. Именно так писал это имя и А.Л. Бертье-Делагард.

---

[10] Там же. С. 181. Прим. 11.

[11] *Днепровский Н.В.* Пещерные монастыри Крыма: археологический мартиролог // Могилянські читання. Зб. Наук. праць. К., 2010. С. 349.

[12] Православная богословская энциклопедия / Под ред. А.П. Лопухина. Т.V. – Донская епархия – Ифика. Пг., 1904. Кол. 192.

Достаточно зайти в Интернет, чтобы убедиться, что и в наши дни большинство Православных Церквей сохранило греческое написание «Eugrafos» (Εὔγραφος).

Откуда же, в таком случае, мог взяться в Инкермане храм, посвященный святому ЕВГРАФИЮ? «St. Eugraphius» – это латинизированная форма написания имени, которая встречается лишь в источниках, восходящих к латинской, а не греческой, традиции и литературе. Так, любителям классических древностей знаком комментатор Теренция Евграфий. Поэтому такое написание не вызывает никакого внутреннего отторжения у исследователей, получивших классическое филологическое образование, а только таким оно и могло быть в советское время. Возможно также, что существование «святого Евграфия» было так легко принято исследователями по аналогии, поскольку существуют святые Евтихий, Евфимий, Евстафий и т.д. Однако эти имена, в отличие от Евграфа, и в греческом оригинале имеют соответствующее окончание (Εὐτύχιος, Εὐφήμιος, Εὐστάθιος). А вот латинизированное написание «St. Eugraphius» в богослужебной практике бытует лишь у некоторых церквей стран Запада[13]. Встречается оно также на зарубежных сайтах Армянской Апостольской Церкви.

Однако сохранившиеся описания храма «Географиия» (будем пока называть его так) бесспорно указывают на то, что он был греческим православным, но не католическим и не армянским.

В Крыму с несомненностью можно указать, по крайней мере, на два места, связанных с именем св. Евграфа (но, опять-таки, отнюдь не «Евграфия»). Это пещера Иограф, в которой до начала XX в. сохранялись остатки церкви, и одноименный хребет над Ялтой, где она расположена. Как мы помним, А.Л. Бертье-Делагард писал, что имя св. Евграфа, произносилось крымскими греками как «Иограф». Правда, возникает вопрос, откуда ему это было известно – ведь, по его собственным словам, после депортации крымских христиан А.В.Суворовым «обезлюдел и опустел Горный Крым», а христианство «было истреблено окончательно, в корень единоверным народом»[14]. На этот вопрос он сам же и отвечает на следующей странице: «знаем все это от татарского населения, относительно недавно бывшего еще христианским»[15]. Поэтому более правдоподобно, что «Иограф» произносили не крымские греки, а крымские татары. При этом следует отметить, что обследовавший эту пещеру в конце XIX века Д.М. Струков писал ее название не через «ио», а через «е с двумя точками» – «…Также на вершине горы Ёграф близ Аутки, видел в природной обширной пещере из сталактитов выстроенный алтарь»[16]. Следовательно, в его время первый звук произносимого топонима был йотированным и очень коротким. Это произношение («*йо*») филологически вполне оправдано. Дифтонг «эу», который в современном русском языке передается как устно, так и письменно в виде сочетания гласной и согласной «ев», в других языках остается дифтонгом, но произносится иначе. Например, «εὐγενής» дает «Евгения» в русском, «Ойгена» в немецком, «Юджина» = «Йуджина» в английском и т.д., сохраняя при этом исходное написание – «Eugen, Eugene». При этом именно в связи с особенностями произношения топонимов с гласными «е» и «о» крымскими татарами особенно интересно замечание В.П. Бабенчикова: «Принятый в литературе термин «Тепе-кермен» неправилен и является продуктом искажения в свое время татарских слов «топе» и «керман»»[17]. С учетом изложенного можно утверждать, что исходным названием ялтинской пещеры было «Эуграф»

[13] St. John The Confessor Orthodox Church [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.stjohntheconfessor.com/images/December_2008_9.27.08.pdf

[14] *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории христианства в Крыму. Т. III. С. 172.

[15] Там же. С. 173.

[16] *Струков Д.М.* Записки, являющиеся объяснением моделей и рисунков остатков древних жилищ и храмов в Крыму и материалами по составлению научного труда о древне-христианских памятниках Крыма. Рукописный отдел РГБ. Ф. 293. К. 30. Д. 7. Л. 11.

[17] [*Бабенчиков В.П.*] Дневник сотрудника Крымской экспедиции ИИМК АН СССР В.П. Бабенчикова / Архив ИИМК. Ф. 10. Д. 11. Л. 32. Прим.

(«Εὔγραφος»), при быстром произношении местными татарами перешедшее в «Еграф» – «Йограф».

Следовательно, *татарская* (а отнюдь не греческая) топонимика практически без искажения *сохранила посвящение* располагавшегося в этой пещере храма *св. Евграфу*, но при этом существенно *изменила произношение* этого имени[18]. Поэтому, если бы И. Батурин беседовал «с местными старожилами»-татарами, никакой «Географии» не могло бы быть и в помине, а, скорее всего, был бы «Йограф». Значит, упомянутый святой тут ни при чем.

К тому же сохранились описания фресковой росписи храма и ее фотографии. Согласно Н.И. Репникову, «главный интерес описываемого памятника заключается в фресковых росписях, уцелевших на стенах под побелками XX в. Таковые имеются на потолке и особенно хорошо сохранились в апсиде. В последней из-под побелки усматриваются фигуры восьми святителей в рост (по четыре с каждой стороны престола), на синем фоне в крещатых одеяниях с желтыми нимбами. Надписи имен белою краской»[19]. Никакого упоминания об изображениях других святых мы не встречаем.

Но откуда же, в таком случае, взял название храма штурман И. Батурин? Если следовать известному принципу Оккама и «не умножать сущностей без необходимости», то наиболее простое и, действительно, *очевидное* объяснение удивительному топониму на карте И. Батурина состоит в следующем. У нас нет *никаких* оснований считать, что этот морской офицер допустил оплошность в порученном ему деле – в его профессии ценой любой

---

[18] В недавно вышедшем «Словаре древнейшей ономастики Таврического полуострова» А.К. Шапошников предлагает следующее объяснение: «**ЗОГРАФИ** пещ. *Иограф*, пер. *Иограф*-богаз (Аутка-Богаз), ск. *Иограф*-кая (Йерах-фуль-кая, Йерах-хюль) (Ялт.)…\\\ Толкуется как урумские переоформления посредством варваризмов *коба*, *богаз*, *кая* сред.-греч. ζωγράφη, ζωγράφια «картина, рисунок, живопись». Причина изменения начала слова не ясна (результат иноязычной адаптации?). Но, м.б., перед нами народно-этимологическое переосмысление испорченного произношения Йерах-фолья (см.) или имени собственного Евграфий, Евграф (см.). \\\ Полагают, что значение «живопись» мотивировано настенными росписями в пещерной церкви (Якобсон). \\\ Обозначаемое – наскальная живопись в средневековой пещерной церкви. Позднее название было перенесено с пещеры на всю скалу и прилегающий горный перевал. См. Йерах-Хюль (см.). \\\ Название унаследовано урумами от ромеев» (См.: *Шапошников А.К.* Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: сборник статей / Сост. Ю.А. Беляев. Симферополь, 2011. С. 320). В свою очередь, последнее название возводится к наиболее вероятному значению «соколиное/ястребиное гнездо» и сообщается, что «обозначаемое: скалистый отрог яйлы, в котором в средние века была высечена и расписана пещерная церковь» (См.: Там же. С. 323). Что же касается «Евграфия», то в соответствующем пункте у А.К. Шапошникова сказано: «**ЕВГРАФ** ск. Евграф-кая (Ялт.)… \\\ Толкуется как урумск. гибридное словообразование с греч. именем собственным *Евграф*, *Евграфий* (Εὐγραφῆς) и варваризмом *кая* в составе. В русск. обиходе известны формы этого имени Евграф и Евграфий. \\\ Скала (св.) Евграфия \\\ Обозначаемое – скала со средневековой пещерной церковью. См.Зографи» (См.: Там же. С. 318). При всем уважении к маститому ученому, мы вынуждены констатировать, что натяжек в его построениях еще больше, чем у Н.И. Репникова. Прежде всего, в пещере Иограф отродясь не было никакой «наскальной живописи». Там есть только выцарапанные на стене греческие граффити. Да и сама «пещерная церковь» никогда и никем не вырубалась. В существовавшей издавна *природной* сталактитовой пещере, расписать которую попросту невозможно, в средние века была *выложена из камня только одна алтарная абсида*, крытая черепицей, в которой, действительно, были росписи, зафиксированные на акварелях Д.М. Струкова, хранящихся в РГБ, которые автор настоящей публикации видел лично, но которые во времена А.Л. Якобсона известны не были, поскольку были обнаружены лишь в начале 2000-х годов. Во-вторых, совершенно непонятно, какое отношение к *древнейшей* ономастике Крыма, присоединенного к России лишь в конце XVIII в., имеют формы личного имени, бытующие в *русском* обиходе. В-третьих, как мы уже видели, никакого «Евграфия» в *православных святцах* не существует. Привязку сюда «соколиного гнезда» оставляем на совести А.К. Шапошникова. Однако не может не сложиться впечатление, что все эти достаточно сомнительные утверждения нужны только для того, чтобы «обосновать» «неясную причину» изменения первой буквы якобы существовавшего некогда топонима «Зографи», которого нет и никогда не было ни на одной карте. Между тем наличие ВНУТРИ пещеры церкви, освященной во имя св. *Евграфа*, известное по крайней мере со времен Д.М. Струкова и А.Л. Бертье-Делагарда (во время которого, кстати, этот храм еще существовал – он был разрушен только к началу XX столетия) дает этому топониму ясное и однозначное толкование. Что же касается «живописи» и «картины», то к этому вопросу мы еще вернемся именно при обсуждении названия храма в балке Гайтани.

[19] *Репников Н.И.* Отчет Репникова Н.И. о работах Инкерманской экспедиции в 1937г. Л. 64.

небрежности могла стать человеческая жизнь. Это косвенно подтверждается и тем, что скрупулезный и скептичный А.Л. Бертье-Делагард, беспощадно критикуя описания предшествующими исследователями Инкермана, Гераклейского полуострова да и всего Юго-Западного Крыма, постоянно отмечает, что «очень подробный и почти совершенно точный план крепости приложен к карте Батурина 1773 года»[20], «на карте 1773 г. (Батурина) эта мечеть показана весьма ясно и правильно»[21], «эта карта, составленная с большим старанием и, по тому времени, весьма точная, показывает большие подробности к окрестностям Инкермана»[22]. «Доверять подобным показаниям карты можно», – продолжает он далее, поясняя, что сведения И. Батурина были подтверждены позднейшими донесениями командира другой эскадры, Одинцова, не знавшего о Батурине, в то время как составленная самим Одинцовым карта была намного хуже батуринской[23]. Считая штурмана «добросовестным свидетелем»[24], он был уверен и относительно указанных И. Батуриным названий пещерных церквей, что «все это, конечно, не выдумано им, а добыто из расспросов местных жителей»[25]. Все это никак не вяжется с представлением о штурмане И. Батурине как о человеке, склонном на той же самой карте делать «явные описки». Поэтому вслед за А.Л. Бертье-Делагардом мы полагаем, что и в данном случае, опрашивая *старожилов-греков*, он добросовестно, без лишних сомнений записал название церкви именно так, как *понял их ответ*, со всей прямотой и точностью военного человека: «ГЕОГРАФИЯ»[26]. Но он его *понял* в соответствии со *своей* социокультурной парадигмой: именно *география* в ее прикладном аспекте – кораблевождении – была делом всей его жизни. И как раз в предположении этой *его* добросовестности и нашего знания *его* социокультурной парадигмы мы можем сегодня попытаться реконструировать не то, что было *записано*, а то, что было *произнесено*.

А произнесено было, как мы первоначально предположили, очень похожее, но совершенно другое слово, которого не только Батурин, в *то* время и в силу особенностей *своего* образования, знать просто не мог, но которое и в *наше* время и в рамках *нашей* социокультурной парадигмы употребляется в совершенно *ином* значении, а потому и не приходило в голову исследователям в данном *контексте*. Это слово – «*АГИОГРАФИЯ*»[27].

В ***современном*** словоупотреблении этим термином обозначают область человеческого знания, относящаяся, главным образом, к житийной литературе. Так, согласно «Православной богословской энциклопедии» А.П. Лопухина, «АГИОГРАФИЯ и АГИОЛОГИЯ (описание святых, – слово, повествование о святых) – все относящееся к жизни, деяниям, почитанию и прославлению святых угодников Божиих в церкви и в церковной жизни и письменности; в более тесном значении, тем и другим названием обозначается тот отдел церковной истории и литературы, который исключительно занимается изучением и рассмотрением житий и жизнеописаний святых и разнородного материала, находящегося в связи с ним (литературно-археологического, историко-

---

[20] *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма. Т. III. С. 36.
[21] Там же. С. 39. Прим. 80.
[22] Там же. С. 40.
[23] Там же.
[24] Там же. С. 53.
[25] Там же. С. 40. Прим. 106.
[26] Разумеется, мы говорим об *оригинале* карты, о котором А.Л. Бертье-Делагард отзывался исключительно с положительной стороны. Копию этой карты с «Геовронием», упомянутую Бертье-Делагардом, мы не рассматриваем именно постольку, поскольку это уже *копия*, за качество которой отвечал *копиист*, о котором мы ровно ничего не знаем.
[27] Созвучность этих двух слов автор настоящей статьи, в частности, использовал в заголовке одной из своих работ – «От легенды агиографической к легенде географической: опыт анализа одного жития» (См.: *Днепровский Н.В.* От легенды агиографической к легенде географической: опыт анализа одного жития. // Матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції «Церква – наука – суспільство: питання взаємодії». К., 2010).

литературного, церковно-археологического, литургического и народно-культурного)»[28]. Современная «Православная энциклопедия» и вовсе дает короткую отсылку: «АГИОГРАФИЯ – см. Житийная литература»[29]. «Открытая православная интернет-энциклопедия «Древо»» сообщает, что «Агиогра́фия (от гр. ἅγιος «святой» и γράφω «пишу»)» – это «научная дисциплина, занимающаяся изучением житий святых, богословскими и историко-церковными аспектами святости»[30]. Согласно современному академическому словарю, это «историческая дисциплина, изучающая документы и литературные памятники, касающиеся святости и святых. Различают агиографические памятники, повествующие о жизни святых или о святынях, (практическая агиография), и работы, посвященные научному исследованию этих памятников (критическая агиография)»[31].

Аналогичный подход проявляет портал БОГОСЛОВ.RU. В публикуемом там очерке по агиографии Э.-М. Тэлбот сказано: «Термин «агиография» (дословно – «писание о святых») имеет много значений. Два основных это: 1) поучительные произведения о жизни и подвигах святых, и 2) научная дисциплина, изучающая святых и связанную с ними литературу»[32]. О других, «второстепенных», значениях, Э.-М. Тэлбот в данном очерке не упоминает. Понятно, что данный термин никак не связывается в нашем сознании с названием пещерного храма.

Однако это лишь *одна* смысловая грань данного слова, и в этом смысле данный термин прочно вошел в научный обиход не ранее второй половины XIX столетия[33]. Достаточно сказать, что в первом томе знаменитого словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшем в свет в 1890 г.[34], как и в дополнительном томе издания 1905 г.[35], статьи под названием «*АГИОГРАФИЯ*» просто нет. Следовательно, на рубеже XIX–XX столетий, т.е. даже тогда, когда, по утверждению А.Ю. Виноградова, агиография в России переживает расцвет[36], сам этот термин все еще оставался знакомым только узкому кругу специалистов и богословов. Если же мы приблизимся на полвека ко времени жизни И. Батурина, то это слово отсутствует даже в знаменитом четырехтомном «Полном греческо-российском словаре» профессора С. Ивашковского, изданном в 1838 г. Там имеется лишь словосочетание «αγιόγραφα, τά*, т.е.* βιβλία*, святыми мужами писанные книги*»[37]. Как видим, значение этого сочетания обратно применяемому ныне понятию «агиография» («книги, писанные *о святых мужах*»)[38]. Причем отечественный словарь вовсе не является исключением: совершенно тождественная ситуация наблюдается, если мы откроем, например, фундаментальный «Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods»: «*αγιόγραφος, ον, (γράφω) written by inspiration*. Pseudo-*Dion*. 376 B, *δελτοι, the holy Scriptures*. **2**. Substantionally, τά αγιόγραφα sc. βιβλία, a name given to the books of Joshua, Judges, Ruth, Kings and Chronicles. *Epiph*. III, 244B. *Isid. Hisp*. 6,1,7, Job, Psalms, Proverbs, Ecclesiastes, Canticles, Daniel, Chronicles, Esdras, Esther»[39].

---

[28] Православная богословская энциклопедия. / Под ред. А.П. Лопухина. – T.I. А – Археалая. Пг., 1900. Кол. 280.
[29] Православная энциклопедия. Том I. А – Алексий Студит. М., 2000. С. 252.
[30] Агиография [Электронное издание] // Режим доступа: http://drevo-info.ru/articles/15710.html.
[31] Агиография [Электронное издание] // Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5420/АГИОГРАФИЯ.
[32] Агиография [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/es/text/512806.html.
[33] По крайней мере, в названиях книг он появляется в 80-е годы XIX столетия.
[34] Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е.Андреевского. Том I. А – Алтай. СПб., 1890.
[35] Энциклопедический словарь. Дополнительный том I. – Аа – Вяхирь. СПб., 1905.
[36] Виноградов А. Два отечественных введения в агиографию [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/smi/38389.htm
[37] *Ивашковский С.* Полный греческо-российский словарь, по руководству лучших и известнейших в сем роде образцов, в четырех томах, составленный прежде бывшим профессором, статск. сов. и кавалером Семеном Ивашковским. М., в типографии Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии. СПб., 1838. Том первый. А-Δ. С. 8.
[38] Отметим, что данный термин без изменения вошел и в современную «Православную энциклопедию»: «АГИОГРАФА – см. Канон библейский» (См.: Православная энциклопедия. Том I. С. 252).
[39] *Sophocles E.A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. New York, 1900. P. 67.

Поэтому мы можем с полным основанием утверждать, что плававший еще на полвека ранее (в конце XVIII столетия) штурман и подавно никак не мог знать слова «агиография», поскольку в русском языке в то время его просто не существовало. Зато это слово существовало в языке местных жителей-греков.

Слово «графо» («пишу»), кроме привычного нам, имеет и другой смысл, как и его славянская калька («иконное письмо», «иконопись», «живопись», «писать маслом» и т.д.). Слова «график», «графическое представление», «иконография» и математический термин «граф перехода» ясно *очерчивают* этот иной смысл. Кроме того, наряду с калькой в виде «письма», в русскую *иконопись* без перевода перешло греческое слово «*графья*», означающее *контур*, или, как говорили в старину, *опись* изображения. К сожалению, в доступной русскоязычной литературе нам не удалось обнаружить словоупотребления термина «агиография» в контексте создания священных изображений. Однако в современных европейских словарях оно имеется. Так, языковый портал PONS.EU прямо дает перевод слова «αγιογραφία» на немецкий как «Heiligenbild»[40].

Теперь вспомним, что до открытия Т.А. Бобровским и Е.Е. Чуевой церкви с фресками на Загайтанской скале храм «География» имел наиболее сохранные среди всех инкерманских пещерных церквей остатки *росписи*. Именно росписи, как мы видели выше, считал главной ценностью этого храма Н.И. Репников. Об этом же писали и все другие ученые: ««Описание остатков фресок опубликовали И.И. Толстой и Н.П. Кондаков: «В другой церкви, по закруглению алтарной абсиды еще заметны фигуры восьми святых в рост, от пола до потолка, с венцами, писанными желтой краской, а по сторонам венцов – надписи имен святых белою, фон серый, краски грубые малярные. Над алтарем, в виде запрестольного образа – поясное изображение, вероятно Спасителя. Как у этого изображения, так и у других, уже невозможно разобрать ни ликов, ни цвета одежд, ни надписей видны только отдельные греческие буквы»[41].

На основании изложенного мы *первоначально* предположили, что именно *изображения святых* и дали *условное* название храму («*расписанный*»), в котором давно уже не происходили богослужения – столь же условное, как скажем, храмы «Успения» или «Донаторов» на Эски-Кермене.

При этом упомянутый нами портал PONS.EU дает и второй перевод слова «αγιογραφία» на немецкий: «Heiligenbildmalerei», т.е. «художники, специализирующиеся на священных изображениях»[42]. Однако данная трактовка применительно к названию пещерного храма на тот момент показалась нам несколько «маргинальной».

Своими соображениями мы поделились с К. Асимисом – представителем Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне, которому мы, пользуясь случаем, выражаем нашу глубокую признательность за помощь в решении данного вопроса. Обсуждение этого вопроса приняло совершенно неожиданный для нас оборот, поскольку вероятности смысловых значений данного термина в ходе него поменялись, что называется, «с точностью до противоположного».

Выяснилось, что, по сведениям К. Асимиса, как раз для обозначения *самих священных изображений* термин αγιογραφία в настоящее время практически не применяется[43]. Зато К. Асимис подтвердил, что до настоящего времени на Афоне (да и в Греции) художник,

---

[40] PONS.EU. Языковой портал [Электронное издание] // Режим доступа: http://ru.pons.eu/greek-german.

[41] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 16.

[42] Мы не случайно ссылаемся именно на немецкий перевод, как на филологически наиболее точный. Сдвиг социокультурной парадигмы в новейшее время привел к тому, что трудности с интерпретацией греческого слова αγιογραφία имеются не только в русском языке. Так, англоязычные источники дают ему слишком общее определение – Christian art, а для слова αγιόγραφος – religious painter, icon-painter.

[43] Для общего обозначения изображений (в том числе и священных), согласно его устному сообщению, там обычно используют термин «ПРОСОПОГРАФИЯ», который, как известно, в современной науке тоже имеет совершенно иной смысл.

специализирующийся на создании священных изображений, действительно, именуется αγιογράφος, или, во множественном числе, αγιογραφία. Это понятие несколько точнее принятого у нас слова «иконописец», поскольку в *русском* языке под *иконой* в настоящее время понимают произведение *станковой* живописи, в то время как греческий термин αγιογράφος подразумевает человека, который может равным образом писать иконы и расписывать храмы.

Действительно, поисковый запрос в Интернете по ключевому слову αγιογράφος незамедлительно выдал большое количество ссылок, в том числе, на адреса и рекламу ныне здравствующих мастеров (рис. 2).

А, учитывая устойчивость православной традиции, логично предположить, что аналогичное словоупотребление было в ходу и у крымских греков в конце XVIII века. Не случайно еще А.Л. Бертье-Делагард относительно записанных Батуриным названий храмов указывал на «большую устойчивость предания, если оно действительно существует, даже при самых неблагоприятных условиях»[44].

Таким образом, вопреки нашим первоначальным предположениям, наиболее правдоподобной в итоге оказалась гипотеза, согласно которой подлинное название пещерной церкви в балке Гайтани – *«Агиография»* в его втором значении. *Не будучи действительным посвящением храма*, оно является условным и связано вовсе не со «святым Евграфием»[45], ***который в греческой традиции никогда не существовал не только как реальный, но даже как литературный персонаж*** *(как, разумеется, и «св. География»)*, а с тем, что ***там работали мастера, создававшие священные изображения – АГИОГРАФЫ***. С некоторой натяжкой это название может быть переведено на русский язык как ***«храм иконописцев»***. С гораздо меньшей вероятностью это название все же может быть связано и с наличием самих изображений *(*«расписанный изображениями святых»*),* поскольку наличие в греческом языке слова, означающего *изобразителя* без соответствующего однокоренного слова, означающего *изображаемое*, выглядит несколько парадоксально. Возможно, что слово «агиография» в смысле «священных изображений» все же применялось два столетия назад, но затем приобрело иной смысл и потому в *художественном* обиходе было заменено другим, более общим термином.

В этой связи возникает и еще одно соображение. Ю.М. Могаричев высказывает предположение о том, что здесь располагался небольшой скит[46]. Нельзя исключить, что этот небольшой монастырский комплекс или расположенное ниже него на дне балки поселение были обителью иконописцев, а, точнее, «*агиографов*». Парадоксальным образом это вполне соответствует мнению А.Л. Бертье-Делагарда о том, что «*едва ли долго могли помнить название столь маленькой часовенки, если бы в ней не служили не задолго до Батурина а может и в его время*». Его и не помнили. Помнили о тех, кто там жил и работал.

Итак, местные греки сообщили И. Батурину, что *это был храм, где работали (или при котором обитали) иконописцы*. Однако случилось так, что слово «агиографИя», которое по правилам *греческого* языка представляет собой ***существительное мужского рода во множественном числе***, по правилам языка русского *воспринимается* как ***существительное женского рода в единственном числе***. Поэтому сейчас это *греческое* слово «маскируется» созвучным *русифицированным* термином «агиография», относящимся к житийной литературе. А во времена Батурина, как мы уже говорили, слов «αγιογράφος» и «αγιογραφία» в греческо-русских словарях не было вообще. И он, услышав совершенно

[44] *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма. Т. III. С. 53.

[45] Тем более мы не видим необходимости рассматривать здесь попадающееся в сети Интернет утверждение о посвящении храма некоей готской святой по имени Графия, из которого делаются далеко идущие, но совершенно не обоснованные выводы о прошлом Крымской Готии.

[46] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. С. 16.

незнакомое слово и *недоразумевая* его смысл, *интерпретировал* его в соответствии со своими профессиональными – *географическими* – представлениями штурмана.

Теперь мы можем зримо представить себе, как появился на карте И. Батурина храм с единственным в своем роде, не имеющим аналогов «посвящением».

– Что это за церковь? – спросил штурман у встречного грека, указывая на противоположный берег Черной речки.

– Агиа Софиа, – ответил грек.

– Понятно. А там, в ущелье? – не унимался И. Батурин.

– Агиографиа – ответил его собеседник.

– А, «География»? – по-своему переиначил услышанный вопрос моряк. Грек радостно закивал. И штурман без колебаний нанес на карту столь привычное для его слуха, хоть и удивительное для храма название...

А уже в наше время явная абсурдность существования «святой Географии» породила столь же мифического «святого Евграфия». И миф, порожденный этим *недоразумением* (в буквальным смысле этого слова), до сих пор фигурирует как в популярной, так и в чисто научной литературе.

Однако из всего вышеизложенного очевидным образом следует и то, что мы не вправе предъявлять каких-либо претензий ни штурману И. Батурину, ни А.Л. Бертье-Делагарду, ни Н.И. Репникову с Ю.М. Могаричевым за появление этих двух мифов. Для людей, выросших в России и не владеющих греческим языком на уровне специальной терминологии из области создания священных изображений, вероятность ***непосредственного распознавания*** названия инкерманского храма *была равна нулю в самом буквальном, математическом смысле этого слова* и *остается таковой же сегодня*, потому что нулевой является уже изначальная, *априорная* плотность вероятности *данного* значения *данного* названия в рамках *нашей* социокультурной парадигмы. Другими словами, подлинное (хотя и условное) название данного храма – «Агиография», действительно *очевидное* для *православного грека* (в силу распространенности *там* мастеров-*агиографов* и знания того, как это слово произносится во *множественном числе*) – для нашего соотечественника, даже имеющего хорошую научную или богословскую подготовку, до сих пор было *неприемлемым*, будучи попросту *лишено смысла*[47]. Этот смысл мог быть только привнесен извне[48], как это и получилось, в итоге, в нашем случае. Поэтому это название и маскировалось на протяжении столетий другими – субъективно более *приемлемыми*, а потому казавшимися более *правдоподобными*. Вместе с тем, этот частный пример наглядно демонстрирует нам всю глубину цивилизационной катастрофы, которой, по крайней мере, в культурологическом аспекте, явился вывод греческого населения из Крыма в конце XVIII столетия – какими бы благими намерениями при этом ни руководствовались организаторы этого исхода.

---

[47] Так, храм «св. Евграфия» без колебаний упоминают в одной из своих основополагающих работ даже такие знатоки агиографии (в современном понимании этого слова), греческого языка и литургики, как А.Ю. Виноградов, Н.Е. Гайдуков и М.С. Желтов (См.: *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. №1. С. 76).

[48] Известно, например, сколько копий было сломано исследователями вокруг некоторых «*темных*» мест «*Слова о полку Игореве*». После публикации нашумевшей в свое время книги казахского писателя О. Сулейменова «*Аз и Я*» выяснилось, что многие из этих мест, *совершенно непонятных* для *современного,* пусть даже имеющего филологическое образование, *русскоговорящего* читателя, являются *совершенно очевидными* для человека, выросшего в среде, доныне сохранившей языковое наследие *половцев*.

Резюме

В 1773г. русский штурман И. Батурин, составляя карту Ахтиарский (будущей Севастопольской) гавани, нанес на нее пещерную церковь со странным посвящением. Местные жители сообщили, что храм называется, как ему послышалось, «География». В советский период известный археолог Н.И. Репников высказал предположение, что храм, в действительности, был освящен во имя св. Евграфия, и это мнение до сего дня широко распространено среди ученых. Однако Греческая Православная Церковь не знает такого святого, как Евграфий, она знает лишь св. Евграфа. Мы полагаем, что русский мореплаватель записал название в точном соответствии с тем, как он его понял, поскольку он был морским штурманом. Поэтому география была наиболее значимой составляющей его жизни. В то же время он никоим образом не мог знать подлинного слова, произнесенного крымскими греками. Дело в том, что вплоть до настоящего времени иконописец в Греции называется «αγιογράφος» или, во множественном числе, «αγιογραφία». Но в то время это слово не было включено в словари. Между тем, оно созвучно хорошо знакомому моряку русскому слову «география».

Пещерная церковь долгое время находилась в запустении, но остатки стенных росписей по-прежнему украшали ее стены. Поэтому название, которое сообщили Батурину («αγιογραφία»), видимо, не было истинным посвящением храма, которое к тому времени было давно забыто. Оно лишь отражало воспоминания об иконописцах, которые расписывали церковь и, возможно, жили в близлежащих пещерных кельях. Именно данную интерпретацию полагает правильной представитель русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне Костас Асимис.

Ключевые слова: Крым, христианская топонимика, пещерная церковь, αγιογράφος.

Summary

In 1773 Russian navigator I. Baturin, while mapping the Akhtiar (Sevastopol) harbour, have noted on his map a cave church with a strange dedication. It seemed to him that local inhabitants called it «The Geography» church («Geographia» in Russian). In Soviet, atheistic, period well-known archaeologist N.I.Repnikov supposed that this church have been really consecrated in the name of St. Eugraphius («Evgraphij» in Russian spelling), and his opinion is widespread till nowadays among the scholars. But, unluckily, the fact is that Greek Orthodox Church has not such a saint as St. Eugraphius, but only St. Eugraphos (whose name in Russian is pronounced as «Evgraph»). Our assumption is that Russian sailor have written the name exactly according to his understanding, because he was a sailor and a navigator. So, the geography was the most important thing for him, meanwhile by no means could he know the original word which the Crimean Greeks told him. That is, up to present time the icon-painter in Greece is called «αγιογράφος», or, plural, «αγιογραφία». But this word have not been included into Greek-Russian vocabularies of that time. And it sounds almost exactly as the Russian word «Geographia» which was well-known to the sailor.

The cave church have been devastated for a long time, but the remains of mural paintings were still decorating its walls. So, the name which Baturin was told («αγιογραφία») was not the real consecration of the church (which have been long-forgotten already). It was only reflecting the reminiscences about the icon-painters which have decorated the church and, probably, have been living in the nearby cave cells. Mr. Kostas Asimis, the representative of Russian monastery of St. Panteleimon (Mount Athos), shares our opinion.

Key words: Crimea, Christian toponymy, cave church, αγιογράφος.

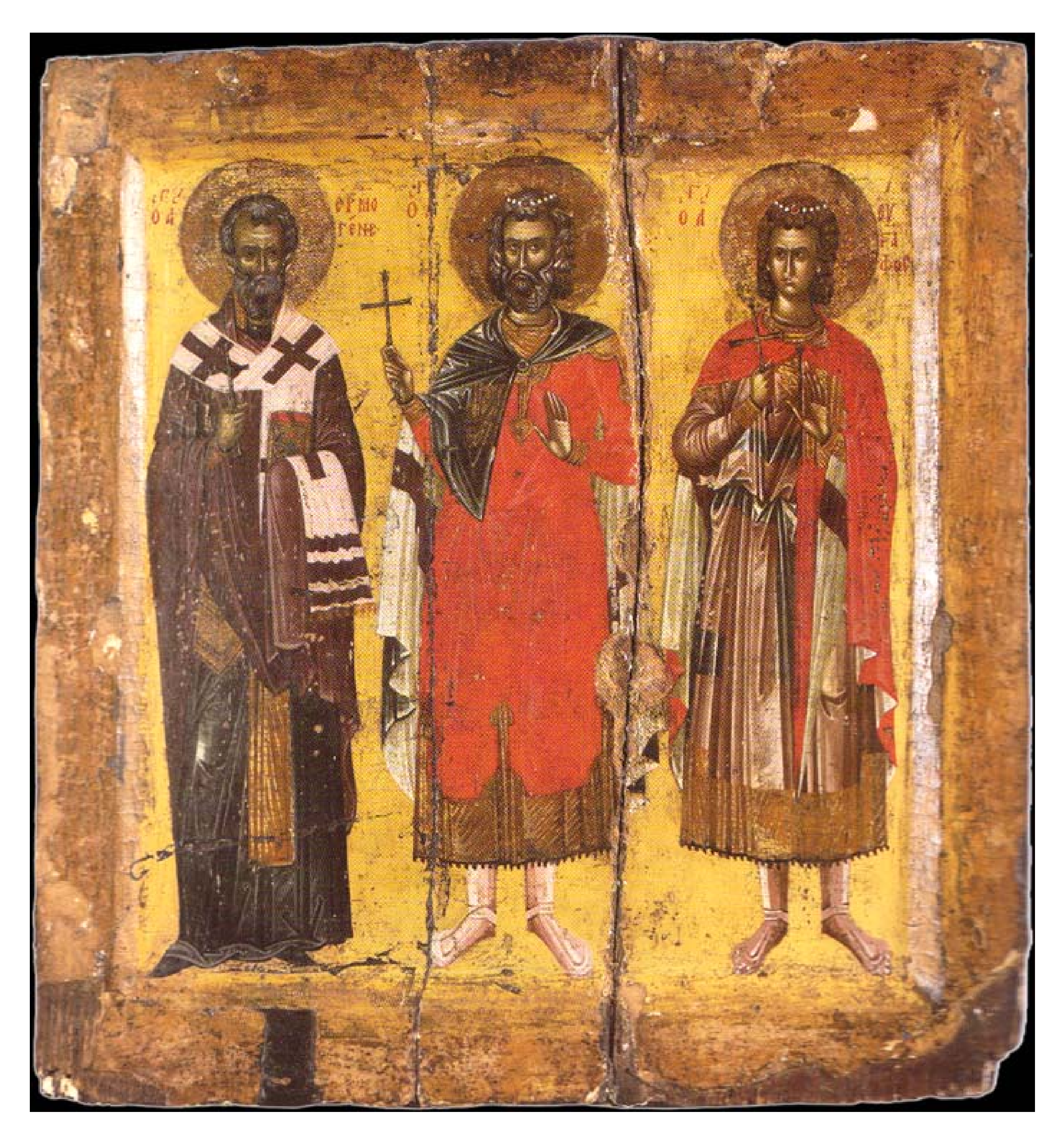

Рис. 1. Святые Мина, Ермоген и Евграф.

Рис. 2. Манолис Пападакис. Иконописец (αγιόγραφος)
(См.: Religious Painter /
http://www.papadakismanolis.gr/userfiles/image/normal/Religious_Painter.jpg).

А.М. Байбуртский, А.В. Джанов, Н.В. Днепровский, А.М. Фарбей

КУЛЬТОВОЕ ПЕЩЕРНОЕ СООРУЖЕНИЕ В УРОЧИЩЕ БОР-КАЯ

Памятник, известный под названием «пещерной церкви»[1] у подножия горы Бор-кая, находится на ее западном склоне, под скальной стеной, примерно в 200 м к северу от русла реки Мокрый Индол и в 1,5 км к северо-западу от северной окраины села Курское (бывшее Кишлав), Белогорского района АР Крым (рис. 1, 2).

Парадоксальность ситуации состоит в том, что памятник известен с XIX столетия, но до сих пор не взят на государственный учет, детально не исследован и никем не охраняется, что, как мы увидим, приводит к его быстрому и катастрофическому разрушению.

Епископ Гавриил в середине XIX в. описал его следующим образом: «Против Болгарской колонии Кишлавы, на запад, у подошвы высокой горы, называемой Буркое, в одном из обрушившихся с вершины ее огромнейших камней, находится высеченная руками человеческими пещера вышиною 1 саж. 1¾ арш., шириной 2 саж. 1½ арш. и длиною 5 сажень. Посредине ее лежит дикий, обсеченный наподобие жертвенника камень, без надписей. Вход в пещеру с запада. Вблизи протекает извивистый ручей и орошает плодоносную долину, с юга и севера заключенную горами. Неподалеку лес, наполненный плодовитыми деревьями. Все это позволяет думать, что пещера сия служила жилищем какому-нибудь отшельнику»[2].

В картотеке А.И. Маркевича читаем: «Кишлав, дер. Феод. у. В урочище Бор-кая, в 2 верстах от Кишлава, две пещеры, Бор-коба. Одна естественная, другая долбленая, по-видимому, древняя церковь. 4 саж. дл., 3½ шир., 2½ арш. высоты»[3].

Повторный осмотр храма был произведен экспедицией О.Н. Бадера в 1936 г. В 1940 г. он писал о памятнике: «В 16 км от Старого Крыма обследована пещерная церковь горы Бор-Кая. Снят план пещеры, сделан ее разрез. На полу найдены 2 фрагмента толстостенной глиняной посуды. В шурфе, заложенном у северовосточного входа, были обнаружены угли и зуб свиньи»[4]. В опубликованном им отчете был помещен схематический план (рис. 3) и фотография юго-западного фасада. Как видно из приведенных материалов, обследование О.Н. Бадера носило достаточно поверхностный характер.

По сообщению А.В. Гаврилова, на территории ныне заброшенного сада, расположенного на пойменной террасе р. Индол, примыкающей к юго-западному склону г. Бор-Кая, в 1990-х годах после плантажной вспашки им на значительной площади был собран керамический материал. Исследователь на основании археологического материала (керамика и монеты золотоордынской чеканки) датировал селище Кишлав XIII–XV вв.[5] Вблизи «пещерной

[1] Как мы увидим далее, литургическое устройство пещерного сооружения на сегодня установить невозможно, поэтому здесь и далее мы берем в кавычки слова «церковь», «алтарь», «престол» и т.д. или ставим после них в скобках знак вопроса.

[2] *Гавриил, архиепископ*. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1844. Т.1. С. 325.

[3] *Маркевич А.И.* Материалы к легенде историко-археологической карты Крыма. «Д»-«К». Архив ИИМК. Ф. 32. № 52. Л. 211.

[4] *Бадер О.* Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. Т.1. М., 1940. С. 157.

[5] *Гаврилов А.В.* Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2008. Вып. III. С. 366. Рис.1.

церкви» (по А. В. Гаврилову – церкви монастыря) шел сбор как античной, так и средневековой керамики, при этом первая количественно преобладала.

Внутри самого пещерного сооружения в конце 1990 годов был найден хачкар без надписей[6]. Данная находка дает основание предполагать, что на определенном этапе своего существования объект мог быть армянской церковью.

По словам местных жителей, вплоть до 1920-х гг. здесь находился скит Топловского монастыря, хотя документальных подтверждений этого факта мы пока не отыскали.

В 2010 г. достаточно подробное описание памятника привел Ю.М. Могаричев, давший на основе материалов краеведа А.М. Капралова план и разрезы пещеры с указанием предположительных границ пещерной церкви, основываясь на расположении подрубок для деревянных конструкций в стенах помещения. Эти подрубки на тот момент находились на высоте около 1 м[7]. Однако археологических разведок он не проводил, архитектурные обмеры экстерьера сооружения отсутствуют, а на момент описания интерьера пещерного помещения оно было загромождено обвалившимися со свода камнями и затекшим грунтом.

В этой связи комплексное изучение объекта по-прежнему представляется актуальным.

В данной работе обобщены результаты исследований, проводившихся в 2000 г. А.В. Джановым, А.М. Фарбеем[8], в 2006 г. А.М. Байбуртским[9], в 2008г. Н.В. Днепровским и Е.М. Ситниковой, в 2009г. А.М. Байбуртским, Н.В. Днепровским, Е.М. Ситниковой и в 2011г. Н. В. Днепровским.

Исследованиями установлено, что памятник входил в состав поселенческого комплекса (возможно, монастыря), площадь которого составляет, ориентировочно, 100 х 100 м. Рельеф местности представляет собой довольно крутой склон с перепадом высот до 10 м. Вся площадь комплекса завалена огромными глыбами нуммуллитового известняка, в древности отколовшимися (очевидно, во время землетрясения) от основного массива скалистого обрыва г. Бор-Кая (рис. 4). Выше него существует большой естественный грот с источником пресной воды, под которым были собраны фрагменты лепной, в том числе лощеной и гончарной позднеантичной посуды II-III вв. и фрагменты позднесредневековых гончарных кувшинов (рис. 5).

Сам культовый объект представляет собой полупещерное помещение под глыбой известняка, неправильной четырехугольной формы (рис. 6). К юго-западной стене в древности был пристроен притвор, стены которого были, вероятно, были сложены из камня насухо. По этой причине наибольшей искусственной обработке подвергся именно этот фасад, который тщательно выровнен. Перед входом в основное помещение сооружения с целью обнаружения внешней кладки притвора в 2000 г. был заложен шурф размерами 4 х 2 м. Шурф был доведен до глубины 0,35 м. После того как был обнаружен слой, содержащий керамику позднеантичного времени, раскопки были прекращены. В районе южной стенки шурфа были обнаружена кладка фундамента притвора, сложенная без применения известкового раствора. Таким образом, длина притвора должна была составлять не менее 5,75 м, а ширина его, судя по выступам, на которые крепилась кровля, составляла 5,50 м. План и разрезы сооружения, составленные по результатам обследования 2000 г., приведены на рис. 7,8. В 2008 г. перед входом в храм нами был обнаружен продольный раскоп, выполненный неизвестными лицам, идущий по оси сооружения (рис. 9). В стенках раскопа

[6] Там же. С. 366.

[7] *Могаричев Ю.М.* Крым. «Пещерные города». Киев, 2010. С. 275-278.

[8] *Фарбей А.М.* Отчет об археологических разведках на южных склонах горы Бор-кая Судакского горсовета АР Крым в 2000 г. Киевский Национальный Университет им. Тараса Шевченко, исторический факультет. Киев, 2000.

[9] *Байбуртский А.М.* Новые данные по истории средневековой армянской общины в Кишлавской котловине. Поселения Бор-кая и Сала // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 79-80. [Электронное издание] // Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf

просматривались крупные плоские камни, очевидно, также из кладки стен притвора (рис. 10, 11). Самый крупный из таких камней лежал в середине раскопа, длина его достигала 1,5 м (рис. 12). В настоящее время камни перемещены внутрь пещеры, а самый крупный из них расколот на части.

На юго-западном фасаде пещерного сооружения (рис. 13), под козырьком, зафиксированы фрагменты известковой штукатурки со следами красочного слоя красного и синего цвета, т.е. он в средние века был украшен монументальной росписью. С внешней стороны западная стена подтесана, в ней устроен дверной проем, оформленный сверху тимпаном. Тимпан представляет собой полукруглую нишу-аркосолий шириной 1,25 м и высотой 0,75 м соответственно (рис. 14, 15). Глубина ниши составляет примерно 0,07 м. В 2010 г., когда помещение было расчищено бесконтрольными самодеятельными раскопками, высота входа над уровнем пола, выложенного плитами, составляла 1,36 м. Однако следует учесть, что после того, как скала раскололась, южная часть глыбы значительно (предположительно, до полуметра) просела. Следовательно, первоначальная высота входа составляла порядка 1,8–1,9 м. На сегодняшний день в проеме сделан новый каменный порог, что еще более уменьшило высоту входного отверстия, а боковая левая часть проема заложена камнем.

Над тимпаном расположен небольшой карниз, повторяющий верхнюю линию фронтона (рис. 16). Карниз высотой 0,38 м выступает за линию фасада на 0,23 м. Он предназначался для укладки досок кровли притвора. Концы досок заводились в горизонтальный паз глубиной 0,15 м и высотой 0,20 м. По краю карниза имеются три вертикальных паза для установки трех продольных кровельных балок притвора. Для надежного крепления коньковой балки она закреплялась брусом, который вставлялся в поперечный паз. Расстояние между пазами составляет 2,75 м. С целью отвода дождевой воды от места примыкания кровли притвора к скальной поверхности в 40–50 см от карниза на всю ширину камня была вырублена водоотводная канавка (рис. 17), которая продолжается наклонным пазом в северо-западном фасаде. Такой же наклонный паз отводил воду с кровли и опорного козырька. На вершине глыбы имелось углубление для установки креста (рис. 18). В настоящее время в нем установлен современный крест.

Фасад в новейшее время был дважды изуродован самодеятельными «ваятелями». В 1980-е годы поклонниками восточных культов на нем была вырублена коленопреклоненная женщина, которая недавно была стесана, а на фасаде вместо нее появились три больших креста непонятной конфессиональной принадлежности.

Интерьер пещерного помещения прост, с запада от входа на 4 м протянулся свод неправильной треугольной формы, переходящий в природную залу. В 2000 г. основные внутренние размеры объекта составляли 11,50х6,20 м при высоте помещения в западной части до 2,4 м, т.е. меньшей, чем указывал архиепископ Гавриил. Следов обработки потолка храма с целью архитектурного оформления помещения обнаружено не было. Строителями была использована естественная нижняя поверхность камня (рис. 19). Вся северо-восточная половина помещения была завалена крупными глыбами известняка, отколовшимися от потолка храма, в момент разрушения постройки. В северном углу сооружения, как указывалось еще в заметке архиепископа Гавриила, расположен крупный камень, по его мнению, служивший в древности алтарем. Его диаметр составляет 1,75 м(рис. 20). Левее этого камня в стене помещения вырублены три ниши.

Как видим, пещера вовсе не была «долбленой» или «высеченной руками человеческими».

Необходимо отметить значительное количество граффити, прочерченных на потолке привходовой части храма. Основным сюжетом являются изображения крестов, в большей

части упрощенные – из двух перекрещенных линий. Изредка встречаются экземпляры, окончания лучей которых отмечены круглыми просверленными в камне точками.

Выделяются два граффити крестов более сложного начертания. Один с отмеченными точками окончаниями лучей и дополнительным перекрестием в верхней части, покоящийся на треугольном основании (Голгофе) которая, в свою очередь, завершается кругом. Другой – с перекрестиями на концах лучей. Особо следует отметить граффити в виде композиции, состоящей из двух соединяющихся одной линией спиралей (рис. 21). Все эти граффити не вырублены, а выцарапаны. Единственные обнаруженные нами два вырубленных креста расположены в дальнем конце правой (восточной) стены и носят следы преднамеренного уничтожения (рис. 22). На стенах храма зафиксировано также двухстрочное граффити (рис. 21, 23). Примерно в трех метрах от входа на основании свода сохранилась в две строки надпись, выполненная в небрежной манере, возможно, неумелой рукой. Она вырезана в камне тонкими линиями на участке стены 120 х 130 мм. Прочтению не поддается. Левая часть надписи, предположительно, зашифрована (нельзя исключать и графические изображения), в правой части читаются отдельные буквы. По А. М. Байбуртскому, буквы армянские, схожие по манере написания с буквами из надписей XVII–XVIII вв. из монастыря Сурб Хач. По А.В. Джанову, надпись греческая.

Интерьер сильно пострадал от бесконтрольных самодеятельных раскопок, однако нами в разное время производилась его фотофиксация и выполнен ряд планов и разрезов, позволяющий реконструировать изменение его состояния. В 2008 г. в результате раскопок высота помещения в южной части достигала 2,5 м, в северной («алтарной») – 3,2 м. В 2008 г. поперек пещеры проходила (вероятно, позднейшая) каменная стенка, сложенная насухо (рис. 19) явно из вторичного материала. В настоящее время она отсутствует, к 2009 г. помещение было почти полностью расчищено неизвестным лицом, причем обнаружилась вымостка пола хорошо отесанными каменными плитами, а по периметру имеются остатки кладки прямоугольного сооружения, окаймляющие примыкающую ко входу (южную) часть пещеры (рис. 24–26). Кладка выполнена насухо с явным использованием вторичного материала (рис. 27–29) – хорошо отесанных прямоугольных блоков известняка. Внутренние размеры периметра: длина – 6,135 м, ширина – 3,12 м. «Престольный» камень был расчищен на высоту до 1,8 м. На сегодняшний день (сентябрь 2011 г.) помещение расчищено практически полностью, вымостка плитами пола оказалась сплошной (несколько плит раздавлены, возможно, обвалом скалы) (рис. 30). Однако в помещение перенесены камни извне пещеры, в нем устроены нары, что снова не позволяет увидеть весь периметр каменной кладки. Два камня из северо-восточного угла периметра (рис. 31) бесследно пропали, а оказавшаяся под ними каменная плита пола расколота. Возможно, на нижней стороне исчезнувших камней были какие-то надписи или изображения. Часть принесенных извне или извлеченных из раскопов камней сложена в виде прямоугольной ограды вокруг предполагаемого алтаря, что крайне затрудняет обмеры и исследование данного участка помещения. Вблизи «алтарного» камня выкопана яма, закрытая досками. По периметру пещеры из принесенных камней выведены подпорные стены для предотвращения затекания грунта (рис. 32), выложен новый порог, в результате чего высота входного проема существенно уменьшилась. Все это делает невозможным снятие первоначального плана пещерного помещения, несмотря на его полную расчистку. Мы приводим сводный план и разрез помещения вдоль продольной оси (рис. 33, 34), выполненные на основе обмеров по состоянию на сентябрь 2011 г. (с включением ныне отсутствующих или недоступных для обозрения элементов на основе обмеров 2009г). Современные размеры помещения: максимальная длина – 13,5 м, максимальная ширина – 6,7 м (без учета расселин). Максимальная высота относительно вымостки пола составляет внутри прямоугольного периметра (южная часть) – 3,78 м, «алтарной» части – 3,45 м. Последняя, ввиду загроможденности этой части помещения камнями, измерялась косвенным способом – при

помощи лазерного дальномера BOSH GLM80, имеющего встроенный датчик угла. Общая высота «престольного» камня оказалась равной 2,23 м (рис. 35), что делает невозможным использование в литургических целях его верхней плоской поверхности. Подтески на нем, расположенные на высоте 1,75м и 0,94м, были дополнительно растесаны в последние годы. До этого они имели покатую форму, поэтому их применение в качестве престола также вызывает сомнение. Ниши в левой стене (рис. 36,37) оказались на высоте: первая – 2,06 м, вторая – 2,25 м и третья – 2,48 м соответственно. Их размеры следующие. Южная ниша имеет ширину 0,63 м, высоту 0,65 м и глубину 0,15 м, средняя – 0,25x0,3x0,15 м и северная – 0,7x0,17x0,17 м соответственно.

Таким образом, анализ интерьера не позволяет однозначно выделить литургические устройства, свойственные храму, и определить его литургическую планировку, хотя культовый характер пещеры не вызывает сомнений. «Алтарный» камень в самое недавнее время был подтесан при «возобновлении церкви». Собственно предполагаемая алтарная часть пещеры большей частью раскопана до скалы, а камни, среди которых могли быть и остатки настоящего престола, перемещены. Ниши в левой стене после раскопок оказались слишком высоко, чтобы выполнять функции протесиса – скорее всего, они предназначались под образа и светильники. Впрочем, не следует забывать, что в армянских церквах солея обычно высокая, наподобие эстрады. Поэтому, если помещение действительно использовалось в качестве армянского храма, все указанные высоты в это время могли быть значительно меньше, и данные элементы убранства храма действительно могли использоваться в литургических целях.

По словам местных жителей, еще после войны в алтарной части были хорошо видны следы росписи. В настоящее время над «алтарным» камнем, с правой его стороны, имеется небольшой участок свода, носящий следы обработки – вначале инструментом с широким плоским лезвием, а затем зубаткой. На этом участке сохранились фрагменты фрески с явными следами намеренного уничтожения: вся центральная часть изображения сбита (рис. 38). Периферийные участки позволяют отчетливо реконструировать обводку круглого медальона, выполненную красной краской. С левой стороны на сохранившемся фрагменте обводки имеется тонкий темный крест. Внутри медальона сохранились остатки желтой охры (нимб?), поверх которой имеются мазки коричневой краски, а также фрагмент темно-зеленого цвета, возможно, облачения. Реконструировать композицию непосредственно по этим остаткам невозможно, однако характер мазков и колорит аналогичны росписям пещерных церквей Юго-Западного Крыма (в частности, «Успения» и «Донаторов» на городище Эски-Кермен), что позволяет предварительно датировать фреску XIII–XIV вв. По нашему мнению, основное значение данного фрагмента состоит в том, что он подтверждает церковный характер помещения, ибо на сегодняшний день применительно к скальным сооружениям Крыма фресковые росписи известны лишь для пещерных церквей. Следовательно, если пещера и была когда-либо «жилищем отшельника», то это было на этапе, предшествовавшем устроению церкви.

Помимо этого, в пещере или возле нее, был найден тесаный камень, который можно интерпретировать как фрагмент каменного креста (рис. 39).

К юго-востоку от храма расположена еще одна массивная глыба размерами 6,25 х 7,10 м (рис. 40). В южной части глыбы высечены три углубления, напоминающие очертания могильной ямы, глубиной от 0,20 до 0,15 м (рис. 41, 42). Все углубления ориентированы по оси запад-восток. Возможно, что в данном случае речь идет о прихрамовом некрополе. Однако рядом с углублениями видны и следы ломки камня, а сами углубления неглубоки, поэтому нельзя исключить, что здесь просто добывали каменные плиты или блоки.

Археологический материал, обнаруженный при осмотре объекта, датируется весьма широко – XIV–XVI вв. Он представлен отдельными невыразительными

фрагментами керамических сосудов: амфор константинопольского производства с дуговидными ручками, оранжевоглиняных тарных кувшинов местного производства и коричневоглиняных пифосов небольших размеров. Кроме того, обнаружены фрагменты поливных кувшинов и мисок, не предоставляющие возможности реконструировать их форму. Материал позднеантичного времени II–III вв. представлен мелкими фрагментами стенок красноглиняных амфор и кухонных лепных горшков.

На сегодняшний день культурный слой вокруг пещерного сооружения уничтожен практически полностью, поверхность расчищена до материковой скалы. Собранный на территории керамический материал собран в общую кучу (рис. 43). В траншее, обведенной вокруг скалы с пещерой, открылись остатки ступенчатых крепид (рис. 44), а на восточной стене глыбы зафиксирована ниша для светильника, аналогичная той, которая в 2000 г. была обнаружена в стене глыбы, расположенной южнее «пещерной церкви» (рис. 45).

Как выяснилось, скальное основание, на котором расположена глыба с пещерой, было еще в древности террасировано (рис. 46). На грунтовой террасе перед входом и на уступах скального основания местным жителем, производящим здесь несанкционированные раскопки, по его словам, на сегодняшний день вскрыто 14 могил (в числе которых две детских) без погребального инвентаря, костяки в которых ориентированы головой на юг. Все они расположены ниже слоя пылевидного суглинка, в котором отсутствует культурный слой, и который, в свою очередь, залегает ниже слоя делювиально-пролювиальных отложений, богатых керамическим материалом. По его утверждению, погребениям сопутствуют следы костра и кости животных. Могилы в грунте накрыты каменными плитами, могилы, вырубленные в скале были перекрыты истлевшими досками. С учетом этого можно предположить, что на данной территории некогда располагалось древнее святилище (возможно, доантичной эпохи), а памятник носит многослойный характер. Не исключено, что святилище занимало всю площадь огромного естественного «кромлеха», сформированного обвалившимися в долину глыбами, в центре которого оказалась глыба с культовой пещерой (рис. 4).

Представляет интерес тот факт, что сплошная скальная терраса точно под глыбой с культовой пещерой имеет углубление в размер этой глыбы. Было ли углубление вырублено искусственно, или же глыба уже катилась по естественной ложбине, сказать пока сложно.

Учитывая редкость пещерных сооружений в Восточном Крыму и выявленный комплексный характер памятника, представляется насущным обеспечить его срочную постановку на государственный учет и организовать как его охрану в соответствии с законодательством, прекратив самодеятельные раскопки, так и незамедлительное доскональное археологическое исследование с последующим полноценным введением в научный оборот.

Резюме

Скальный памятник, которому посвящена данная статья, часто рассматривается как «пещерная церковь», хотя в настоящее время в нем не сохранилось выраженных литургических устройств. Несмотря на то, что впервые он был упомянут в литературе еще в XIX в., его изучение далеко от завершения. В статье приводятся результаты исследований, выполнявшихся авторами в течение почти 20 лет. Представлены полученные в ходе этих исследований планы и разрезы пещерного сооружения.

Мы полагаем, что данный памятник входил в состав поселения (возможно, монашеского). Он имеет полупещерный характер и представляет собою расположенную под скальным обломком полость с частично обработанными стенами и потолком. Скальный фасад его декорирован карнизом и тимпаном над дверным проемом. На поверхности стен пещеры обнаружены вырезанные кресты, а также надпись, не поддающаяся расшифровке. Кроме того, на потолке, над большим камнем, который часто именуется «алтарным», выявлены остатки росписи. В средней части пещеры имеется прямоугольный участок, вымощенный каменными плитами.

Вокруг памятника сохранилось несколько древних крепид, выложенных для предотвращения оползания склона, а сам этот участок склона хорошо террасирован. На этих террасах местным жителем было обнаружено 14 погребений.

В связи с тем, что искуственные пещеры в Восточном Крыму чрезвычайно редки, авторы считают необходимым полномасштабное исследование этого пещерного сооружения.

Ключевые слова: Восточный Крым, Бор-Кая, пещерная церковь.

Summary

A rock monument this article deals with is often considered as a «cave church», although it has no liturgical devices now. It was mentioned firstly as early as in XIX century, but its investigation is far from end. This article describes some results of the studies carried out by the authors along the period of about twelve years. The plans and the sections of the cave obtained during the process of its exploration are presented.

We consider the monument as a part of a settlement (may be, monastic). It looks like a semi-cave (i.e. a cavern under the huge rock fragment), with partly finished wall and ceiling.

The facade of the rock is decorated with a pediment and a tympanum over the door.

Several crosses and the inscription (which can not be deciphered) are carved on the wall surface. Also there are remains of the mural painting on the ceiling of the cave over a big stone which is often called «the altar stone».

In the middle of the cave there is a rectangular area paved with stone slabs.

Several ancient supporting walls surround the monument to prevent landslide, and the slope of the mountain nearby is well terraced. Fourteen entombments were found by local inhabitants on this terrace.

The authors proclaim the necessity of the full-scale exploration of this cave structure because there are only a few artificial caves in the Eastern Crimea.

Key words: Eastern Crimea, Bor-Kaya, cave church.

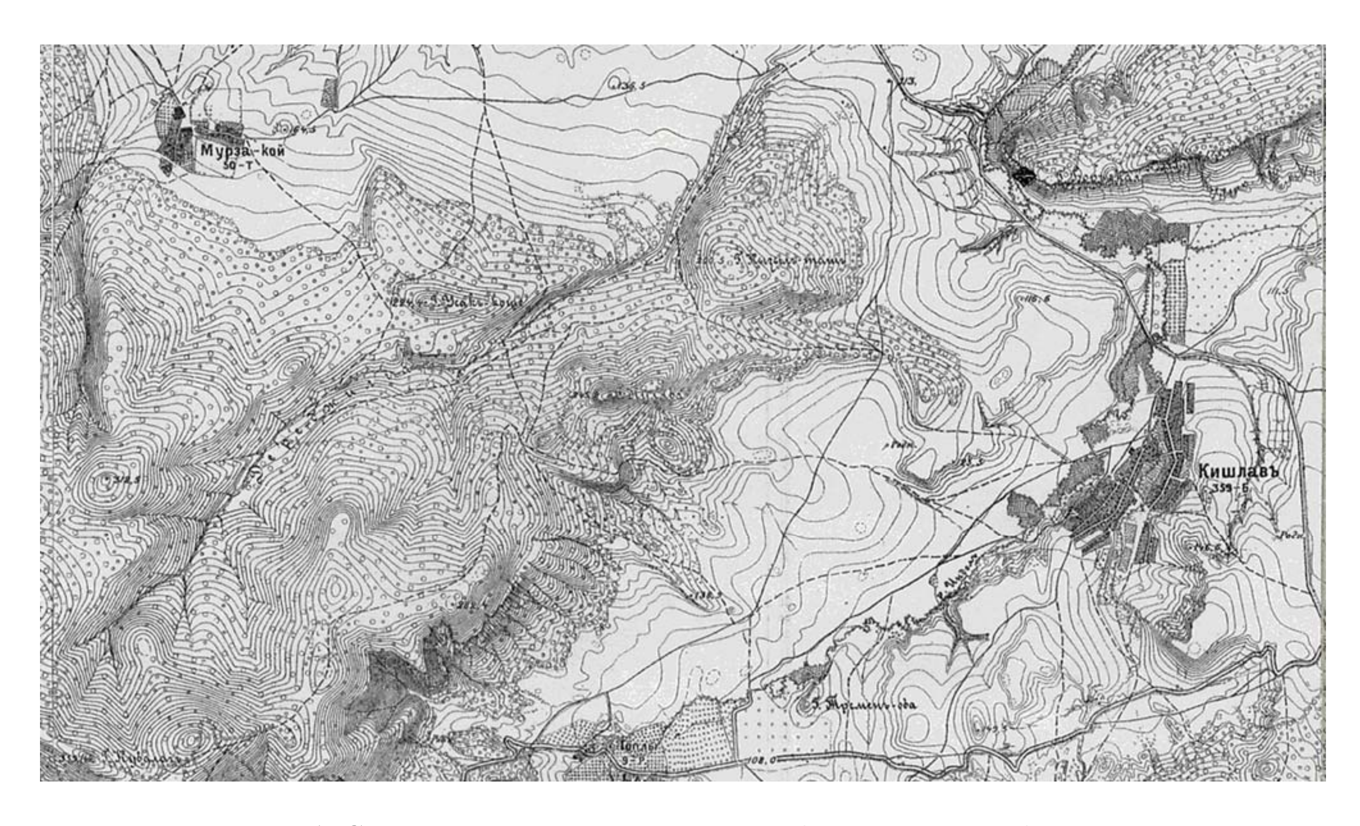

Рис. 1. Ситуационный план местности: Кишлав–Мурза-Кой–Топлы.
Крестом обозначено культовое пещерное сооружение в урочище Бор-кая. Топографическая карта масштаба 1: 42000 (1 верста в дм), Корпус военных топографов, 1896 г.

Рис. 2. Культовое пещерное сооружение в урочище Бор-кая.

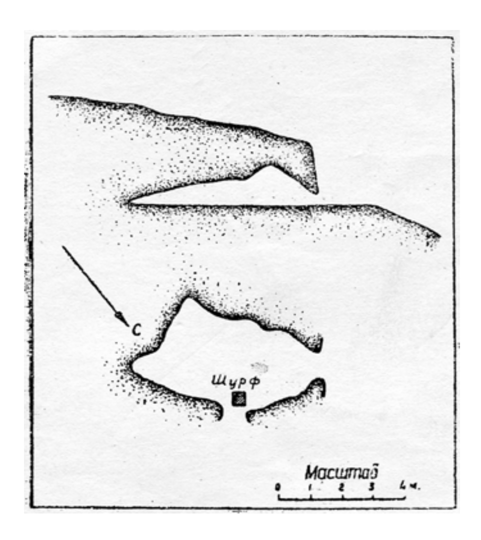

Рис. 3. План и разрез культовой пещеры в урочище Бор-кая по О. Бадеру
(См.: *Бадер О.* Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма. С. 157).

Рис.4. Урочище Бор-кая (фото Е.М. Ситниковой, 2008 г.).

Рис. 5. Фрагменты керамики, собранные под гротом с источником
(фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 6. Общий вид глыбы с пещерой (фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.)

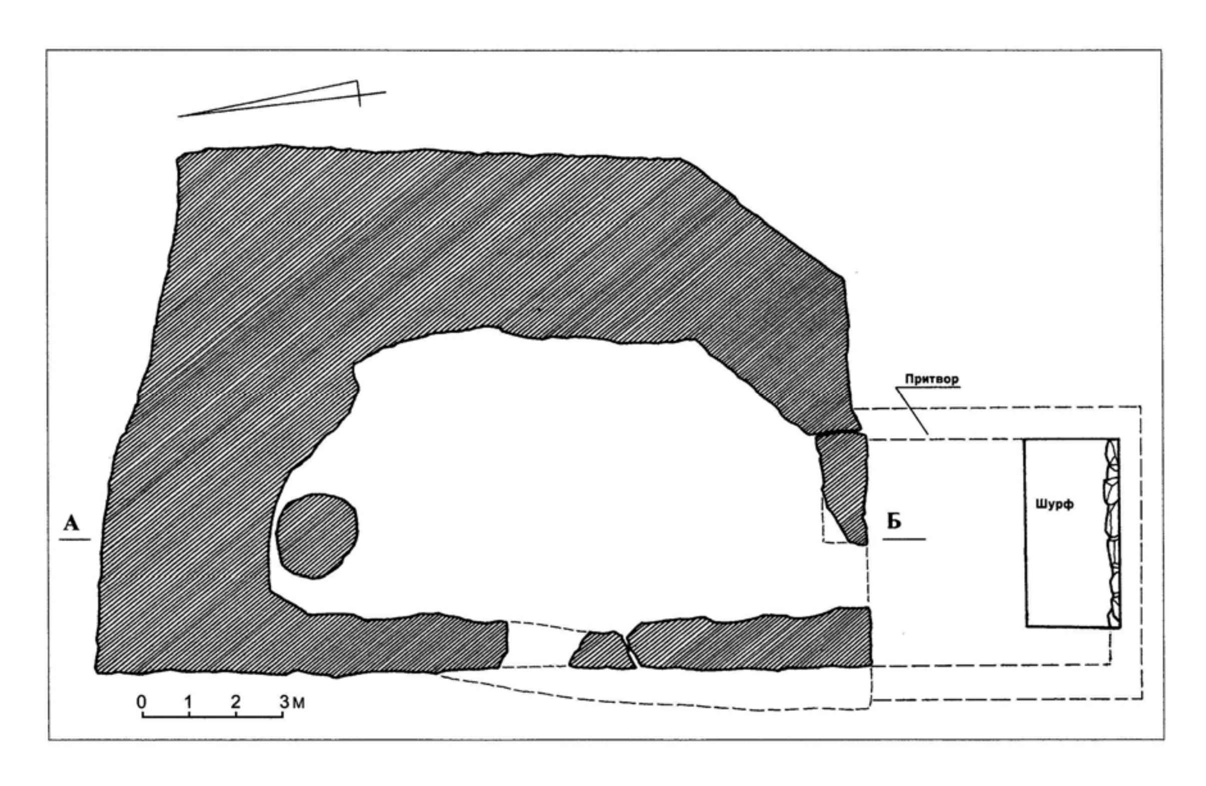

Рис. 7. План культового пещерного сооружения в урочище Бор-кая
(обмеры А.В. Джанова и А.М. Фарбея, 2000 г.).

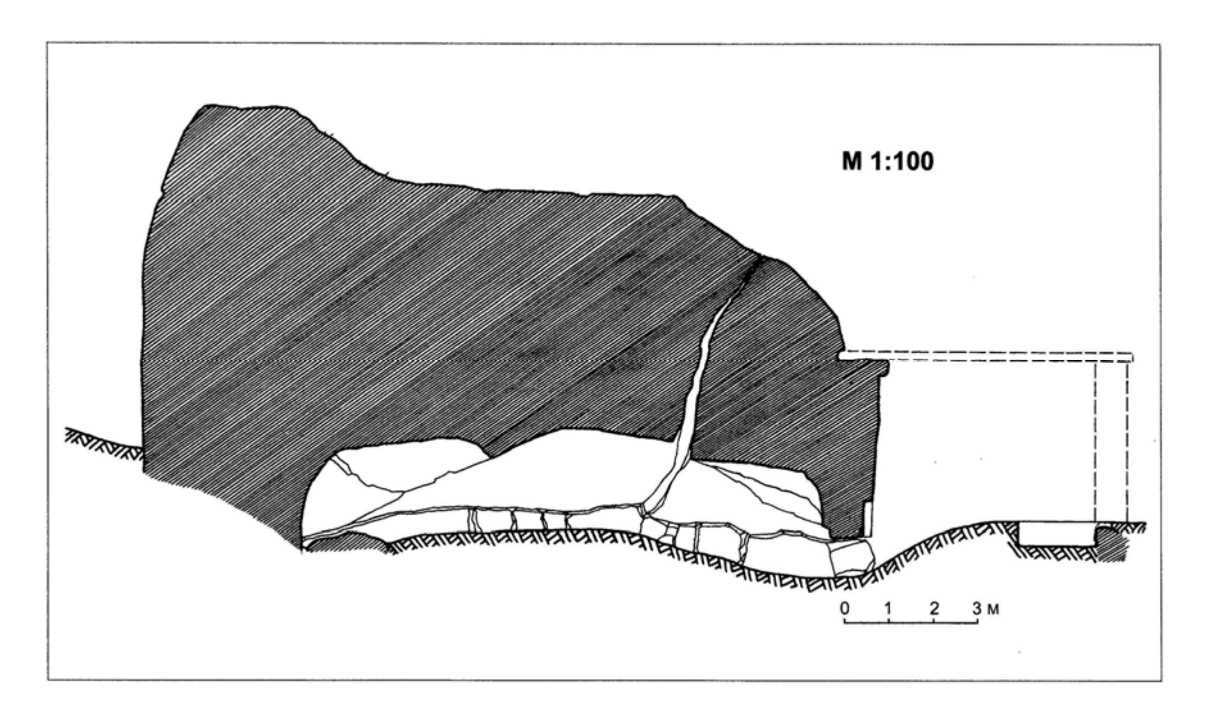

Рис. 8. Разрез культового пещерного сооружения в урочище Бор-кая
(обмеры А.В. Джанова и А.М. Фарбея, 2000 г.).

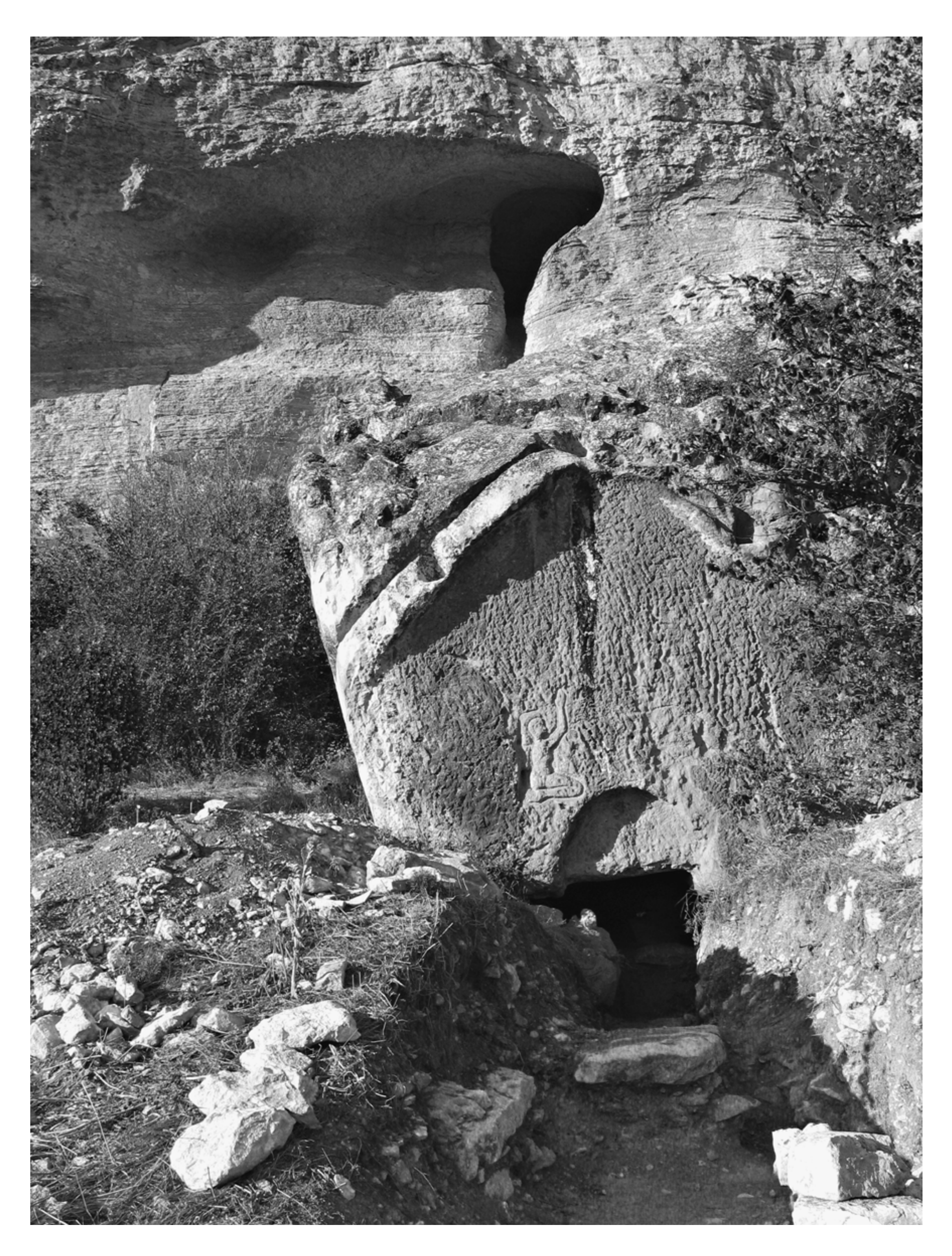

Рис. 9. Несанкционированный раскоп перед пещерным сооружением
(фото Н.В. Днепровского, 2008 г.)

Рис. 10. Тесаный камень в стене несанкционированного раскопа перед входом в пещеру (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

Рис. 11. Тесаные камни в стене и на дне несанкционированного раскопа перед входом в пещеру (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

Рис. 12. Тесаный камень со дна несанкционированного раскопа перед входом в пещеру (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

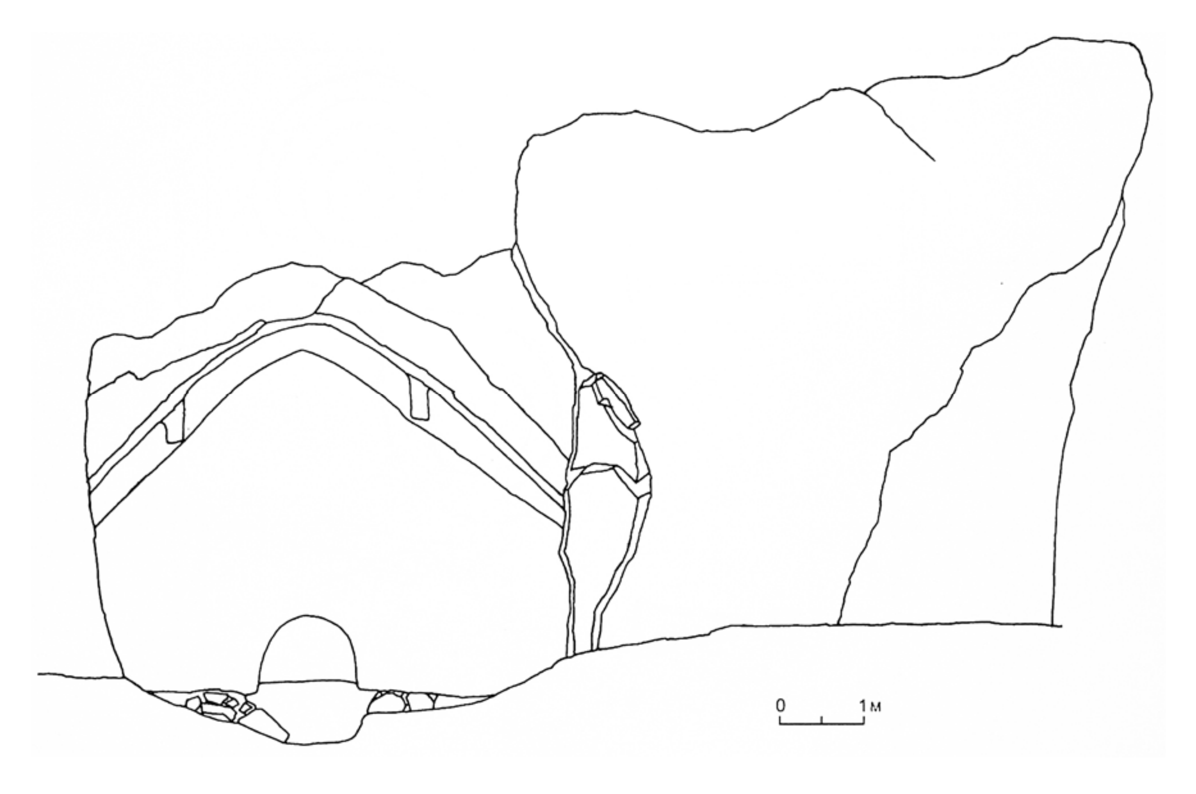

Рис. 13. Юго-западный фасад культового пещерного сооружения в урочище Бор-кая (обмеры А.В. Джанова и А.М. Фарбея, 2000 г.).

Рис. 14. Вход в пещеру (фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.).

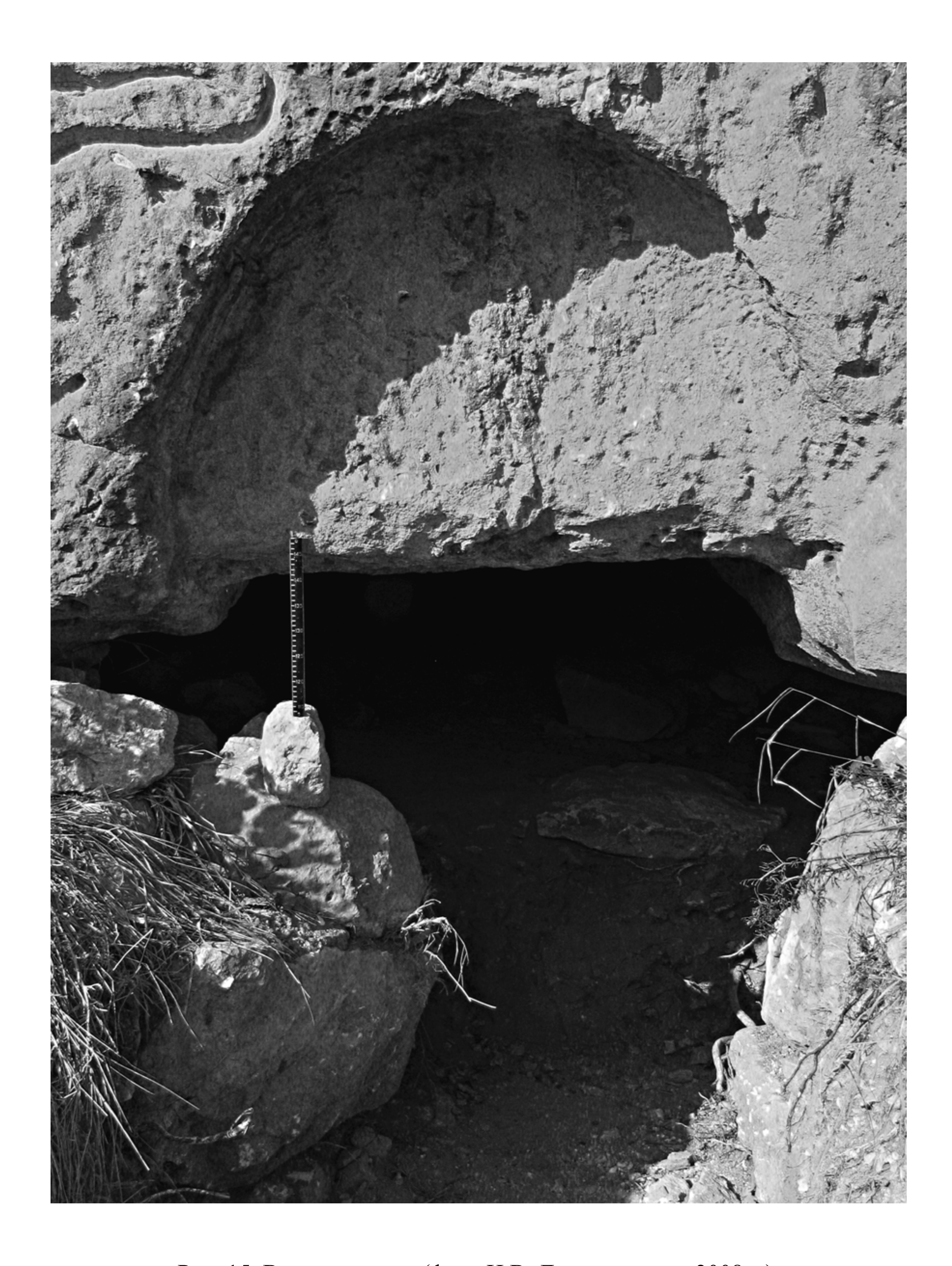

Рис. 15. Вход в пещеру (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

Рис. 16. Пазы для установки продольных кровельных балок притвора
(фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.).

Рис. 17. Водоотводная канавка над местом примыкания притвора к юго-западному фасаду
(фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.).

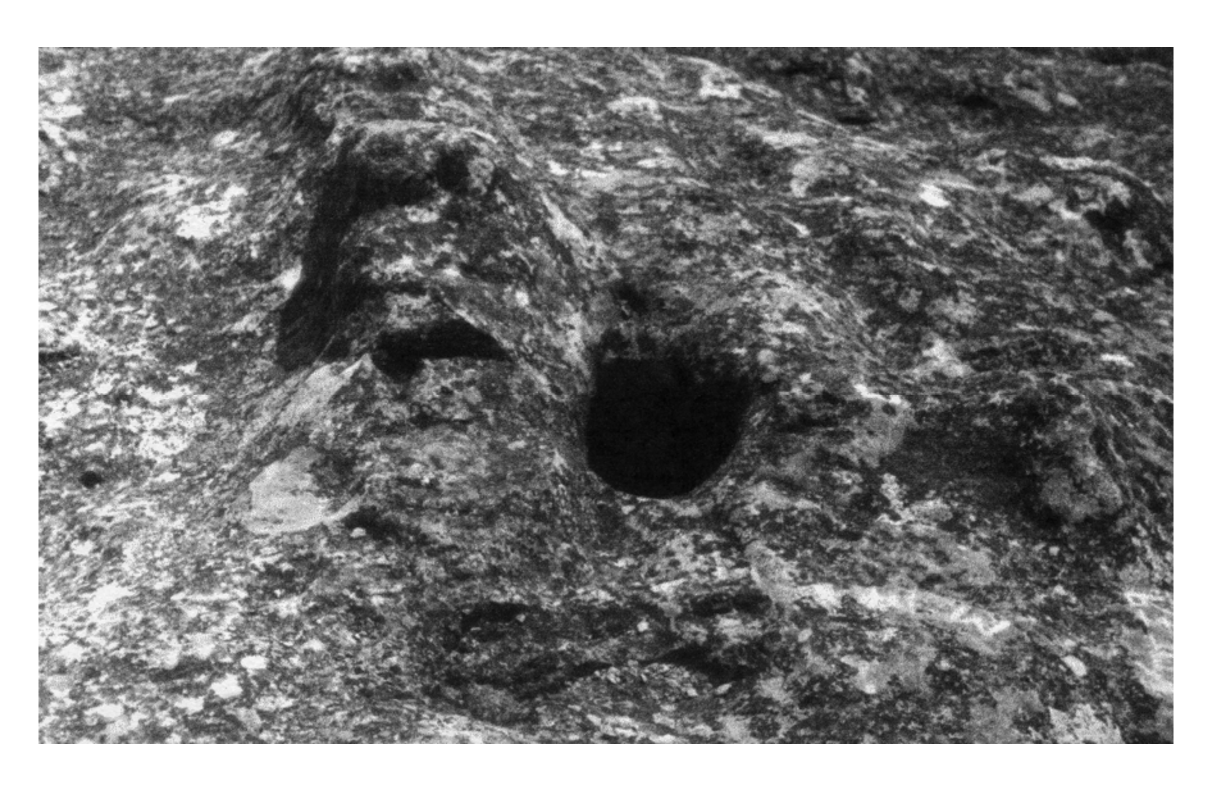

Рис. 18. Углубление для установки креста (фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.).

Рис.19. Привходовая часть пещеры. Вид с юга (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

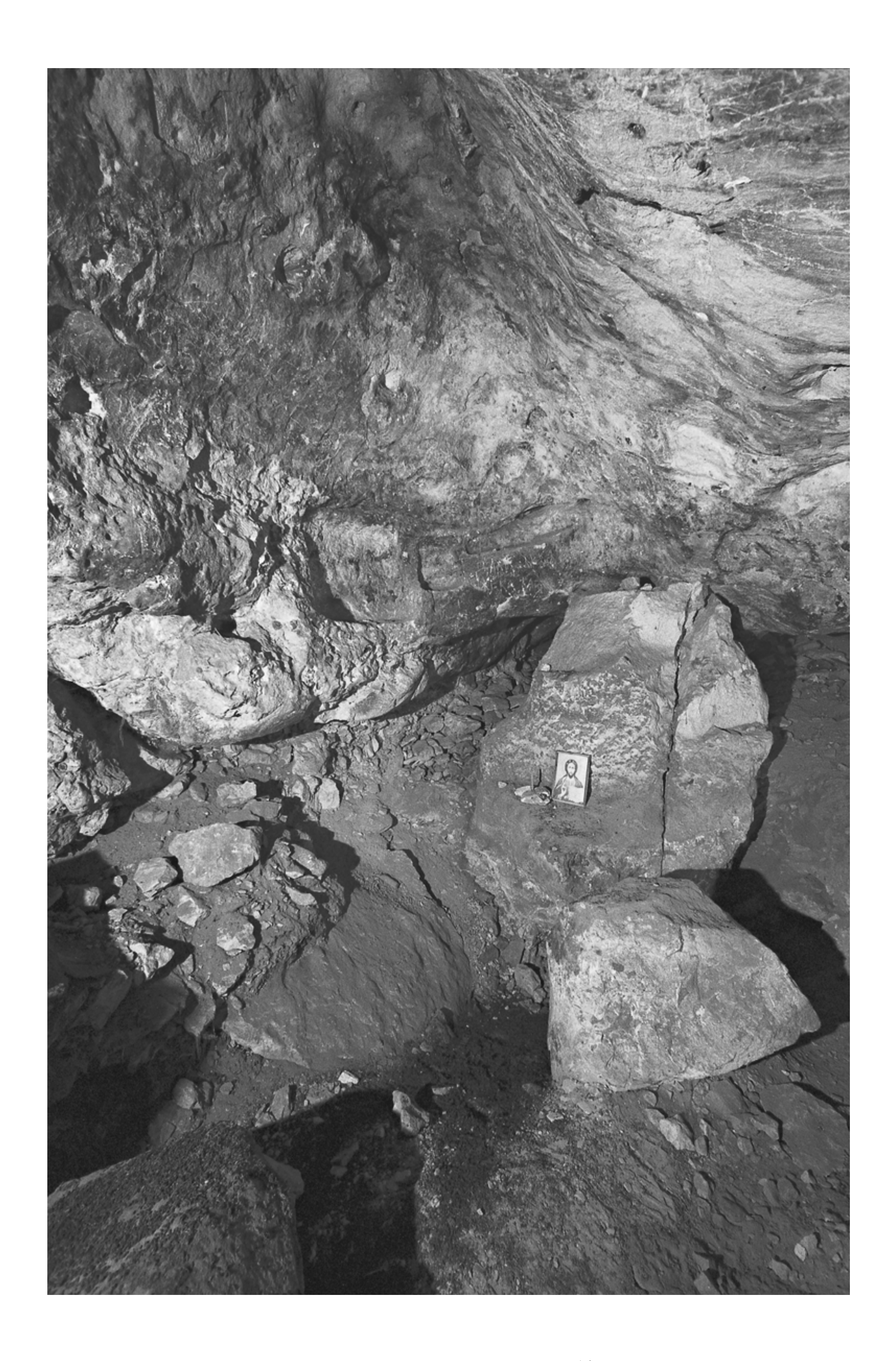

Рис. 20. «Алтарная» часть пещеры и «алтарный» камень (фото Н.В. Днепровского, 2008 г.).

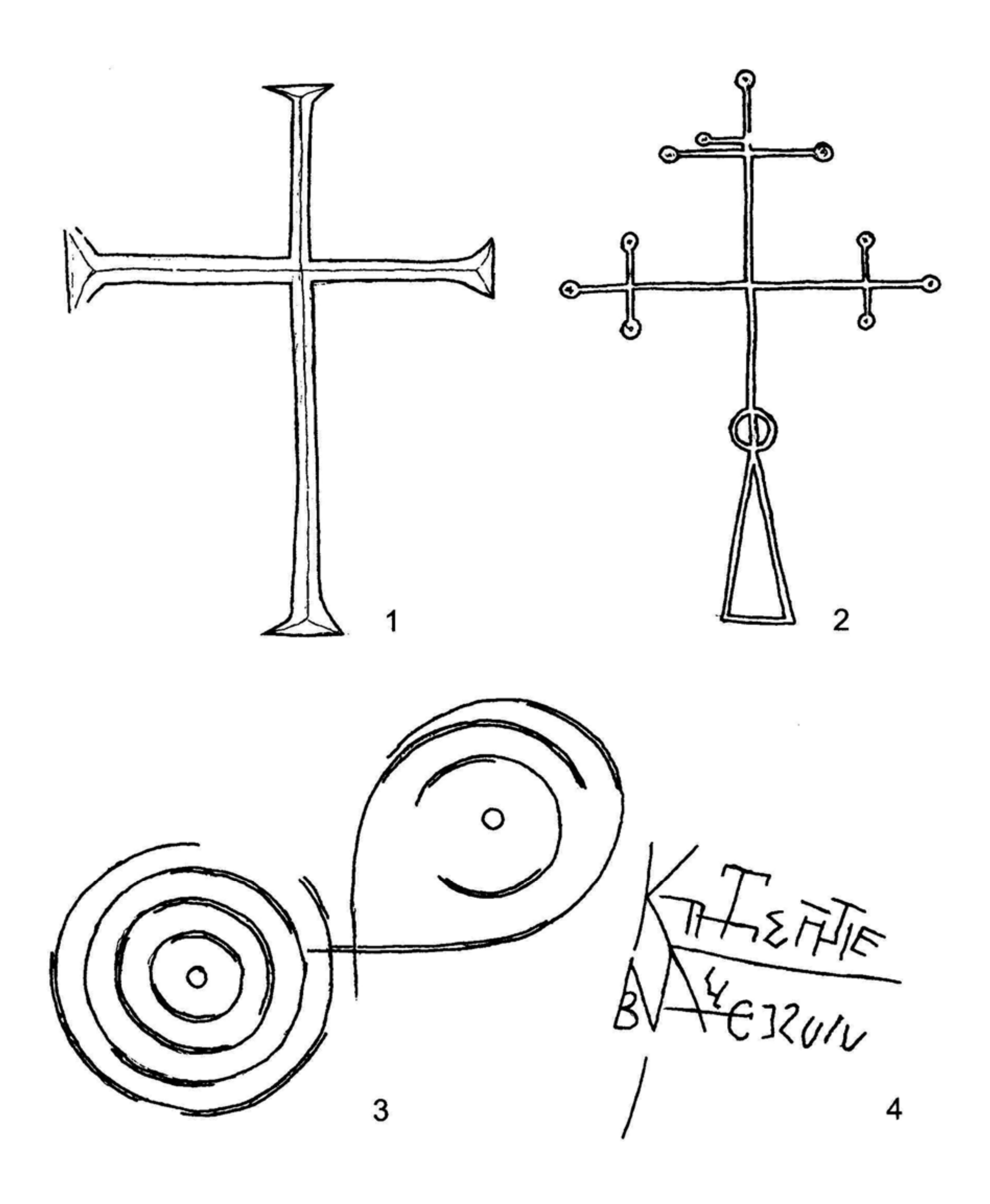

Рис. 21. Граффити на потолке привходовой части культового пещерного сооружения (прорисовка А.В. Джанова и А.М. Фарбея, 2000 г.).

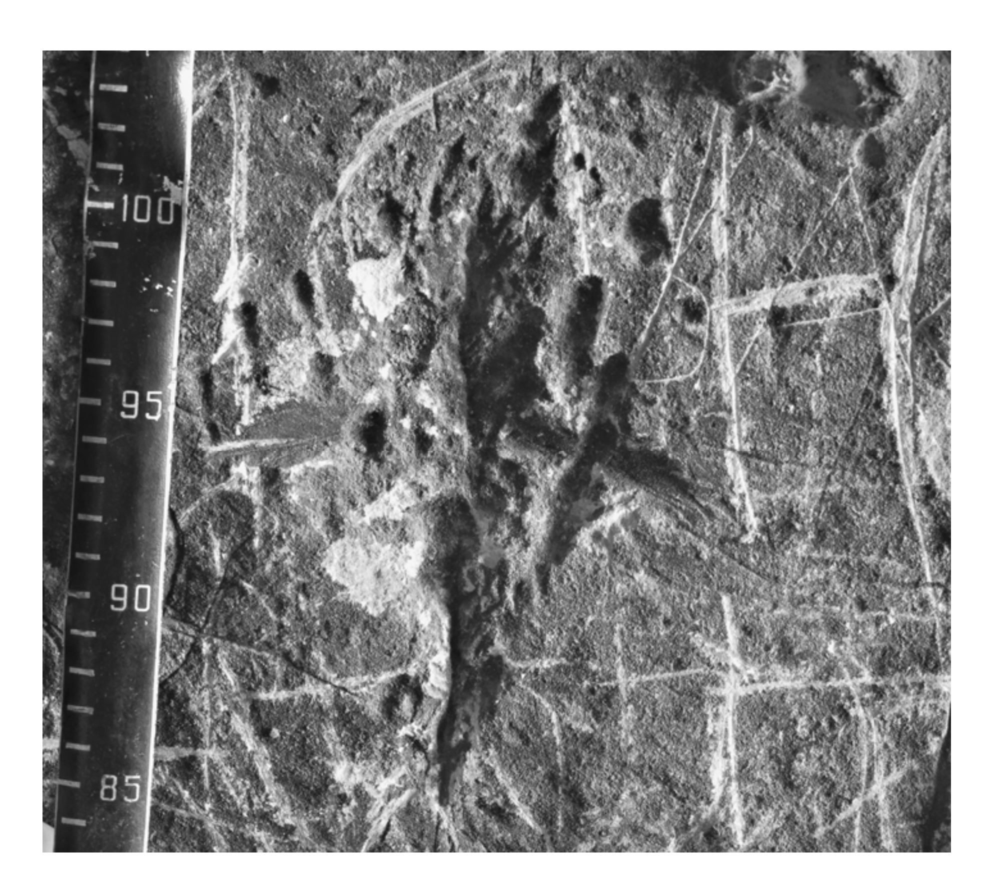

Рис. 22. Кресты со следами намеренного уничтожения на восточной стене пещеры (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 23. Граффити на потолке привходовой части пещеры (фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

Рис. 24, 25. Интерьер пещеры. Вид с севера (вверху) и с юга (внизу) (фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

Рис. 26. Интерьер пещеры. Западная стена (фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

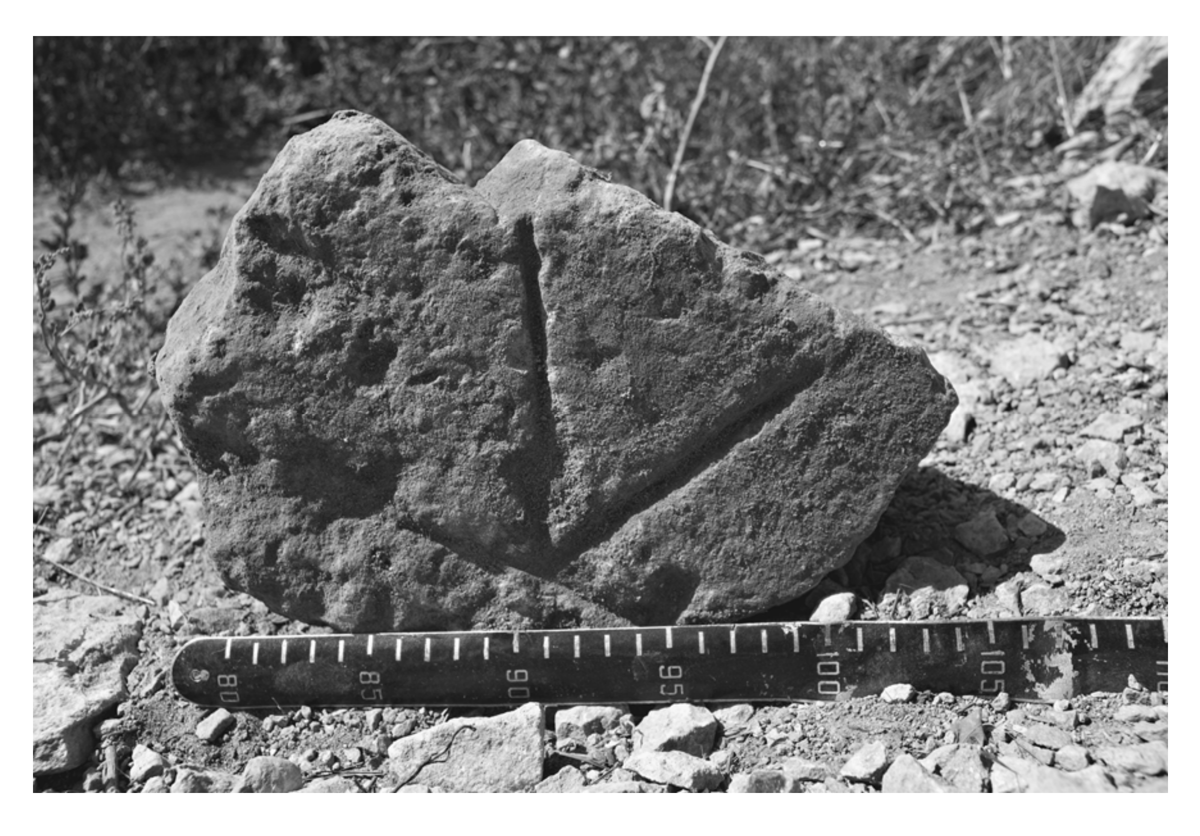

Рис. 27. Камень кладки с двусторонними изображениями (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 28. Камень кладки с двусторонними изображениями (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 29. Камень кладки периметра вторичного использования с рельефным изображением (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 30. Вымостка пола пещеры. Вид с севера (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.)

Рис. 31. Камни северо-восточного угла периметра, ныне исчезнувшие
(фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

Рис. 32. «Алтарная» часть пещеры и «алтарный» камень (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

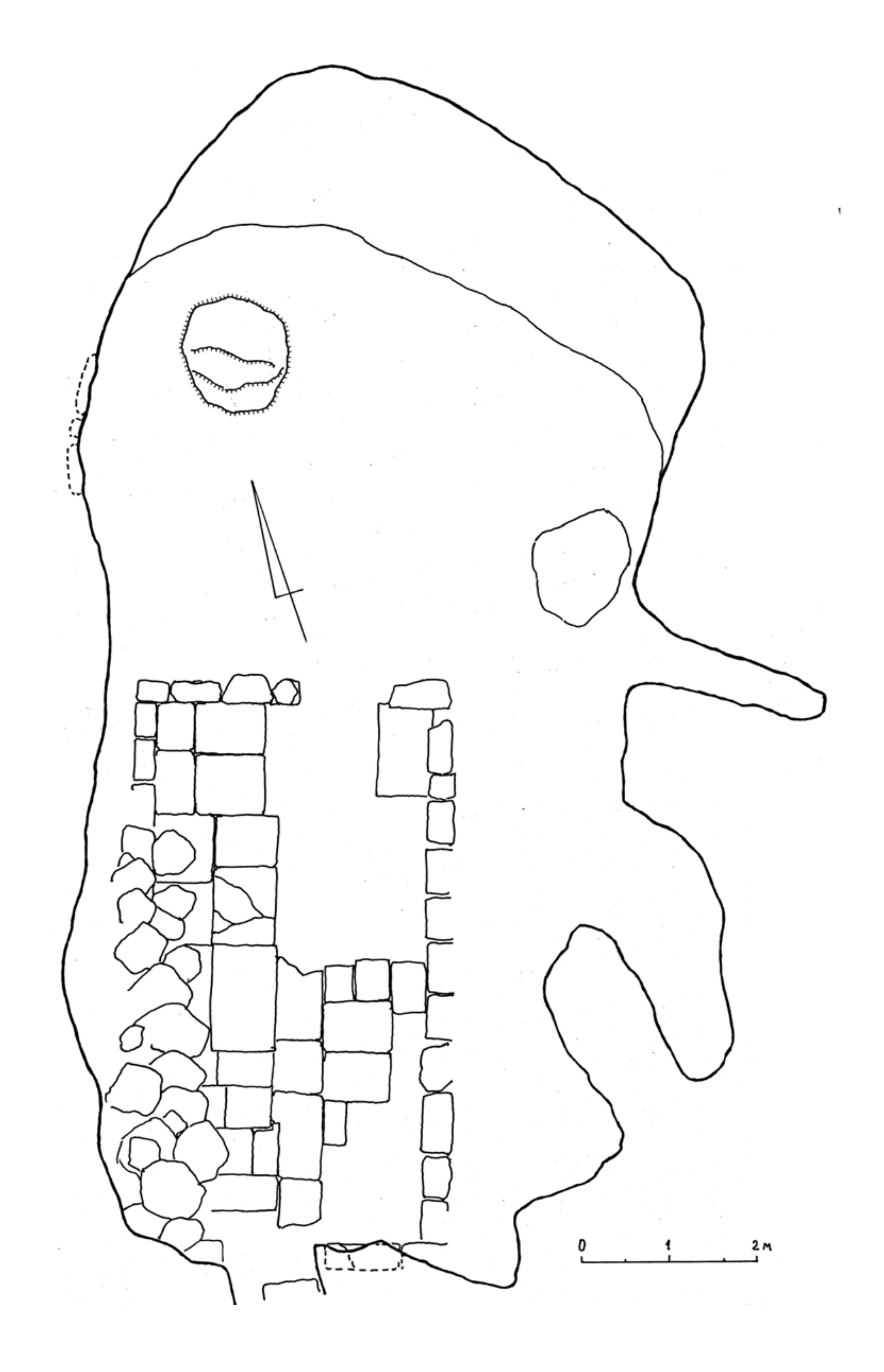

Рис. 33. План пещерного помещения
(обмеры А.М. Байбуртского, Н.В.Днепровского и Е.М. Ситниковой, 2009г.;
Н.В. Днепровского, 2011 г.).

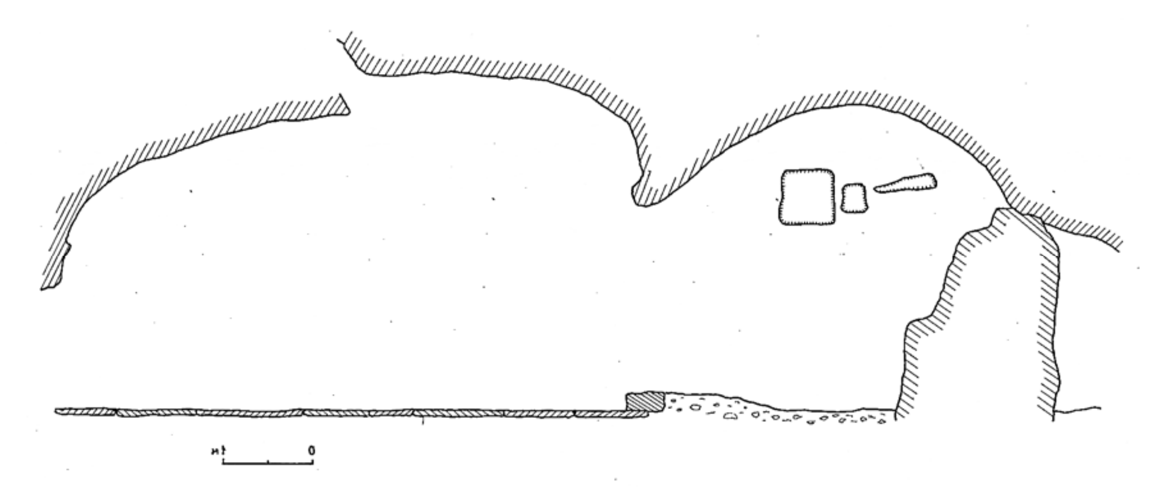

Рис. 34. Разрез пещерного помещения
(обмеры А.М. Байбуртского, Н.В. Днепровского
и Е.М. Ситниковой, 2009г.; Н.В. Днепровского, 2011 г.).

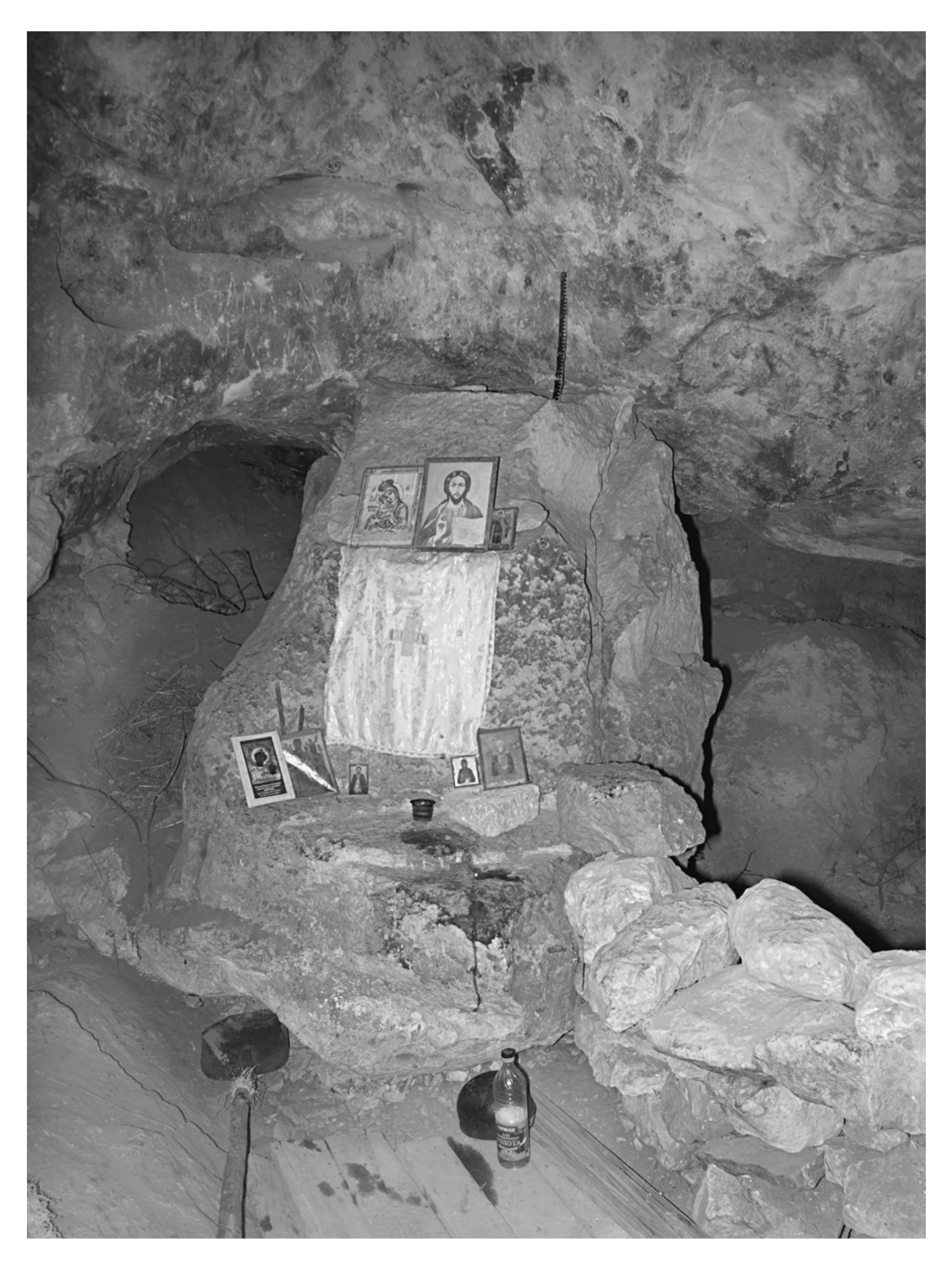

Рис. 35. «Алтарный» камень и следы росписи над ним (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

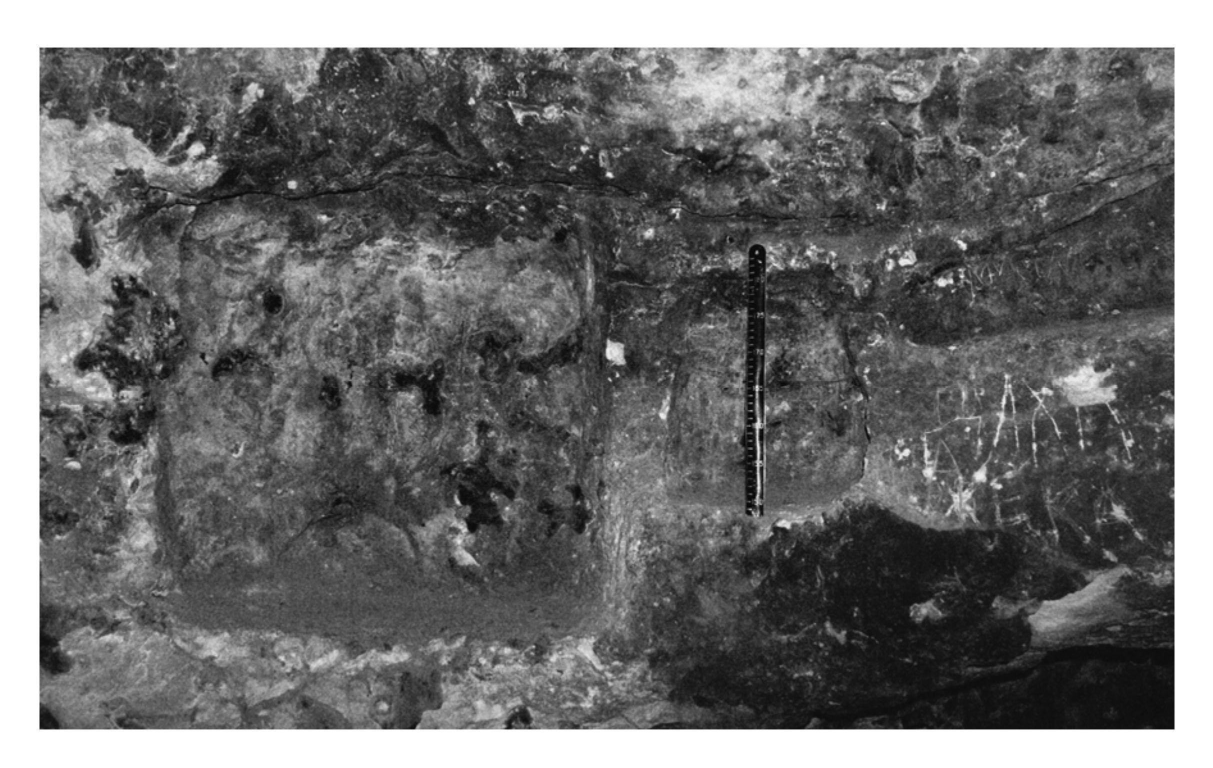

Рис. 36. Ниши в западной стене (фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

Рис. 37. Ниши в западной стене (фото Н.В. Днепровского, 2009 г.).

Рис. 38. Остатки росписи над «алтарным» камнем (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

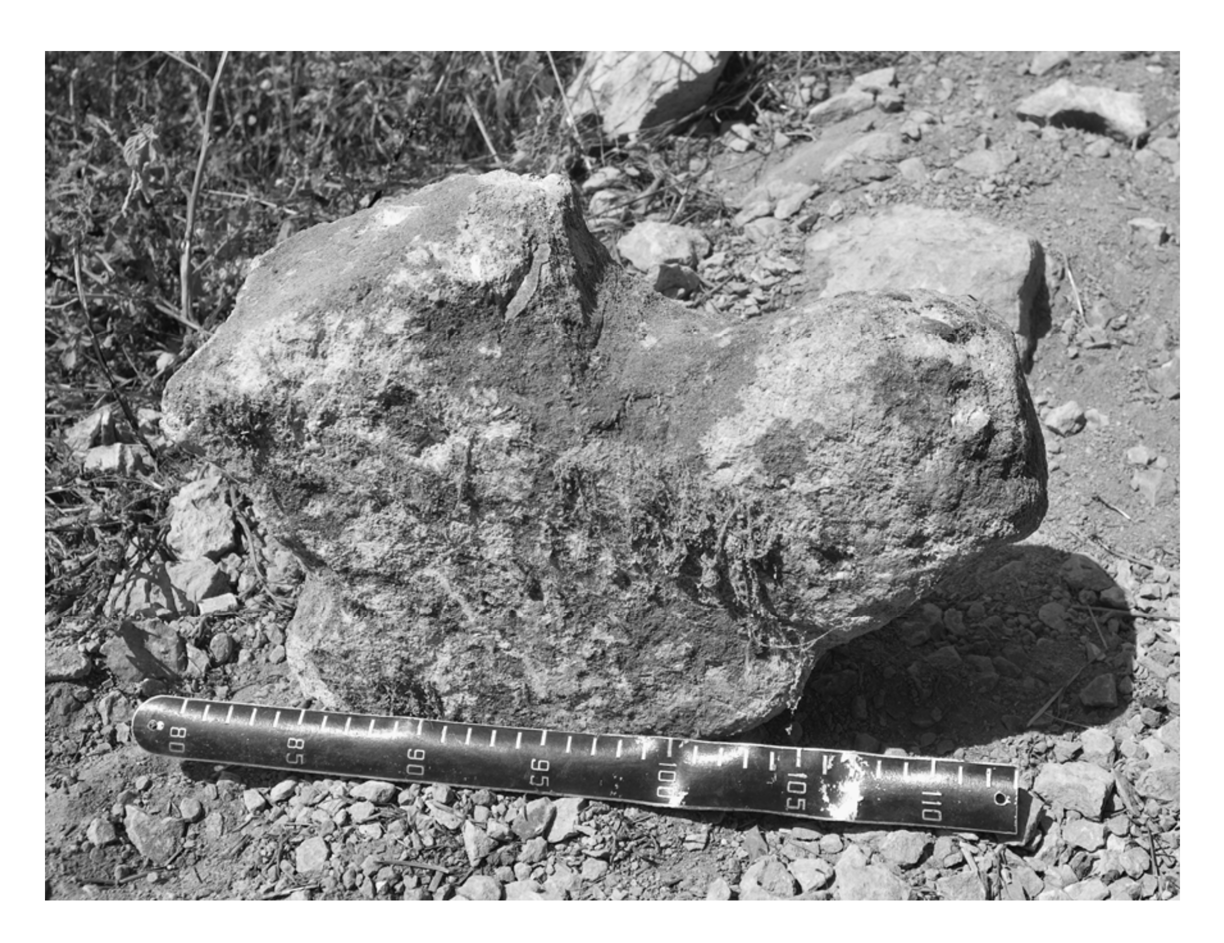

Рис. 39. Фрагмент каменного креста (?) (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 40. Глыба с предполагаемым храмовым некрополем (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

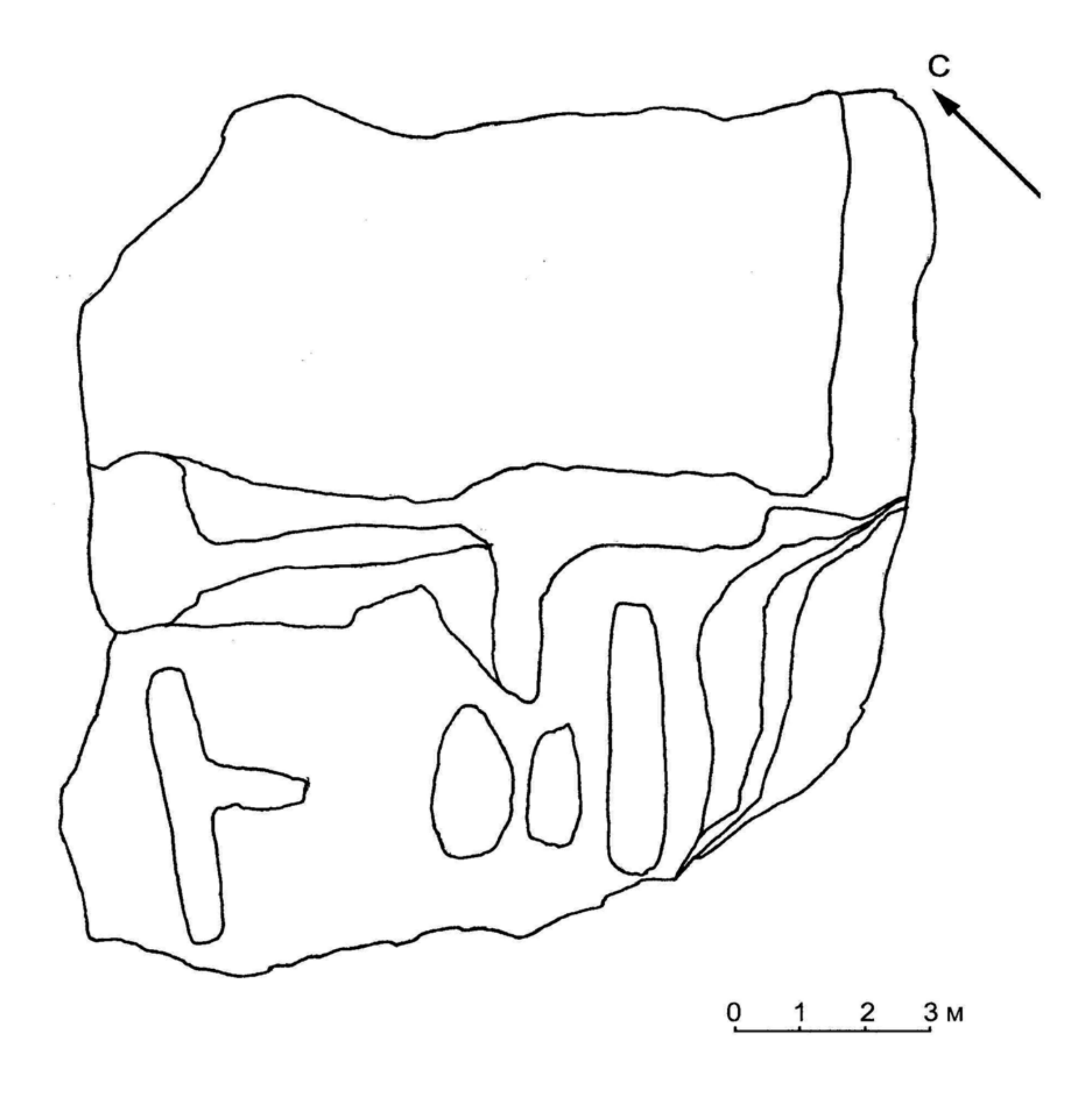

Рис. 41. План предполагаемого прихрамового некрополя
(обмеры А.В. Джанова и А.М. Фарбея, 2000 г.).

Рис. 42. Предполагаемый храмовый некрополь (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 43. Фрагменты керамики из раскопа вокруг пещерного сооружения (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

Рис. 44. Древние крепиды с восточной стороны культового сооружения
(фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

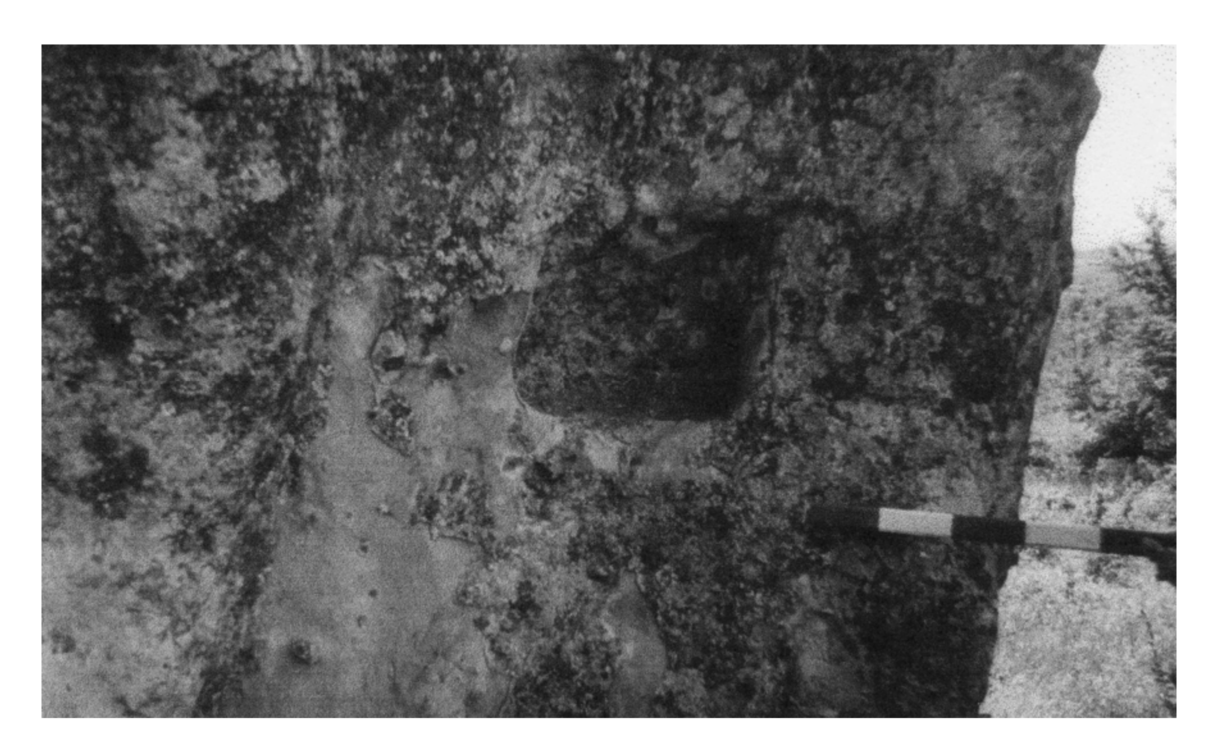

Рис. 45. Ниша для светильника в глыбе, расположенной к югу от «пещерной церкви» (фото А.В. Джанова, А.М. Фарбея, 2000 г.).

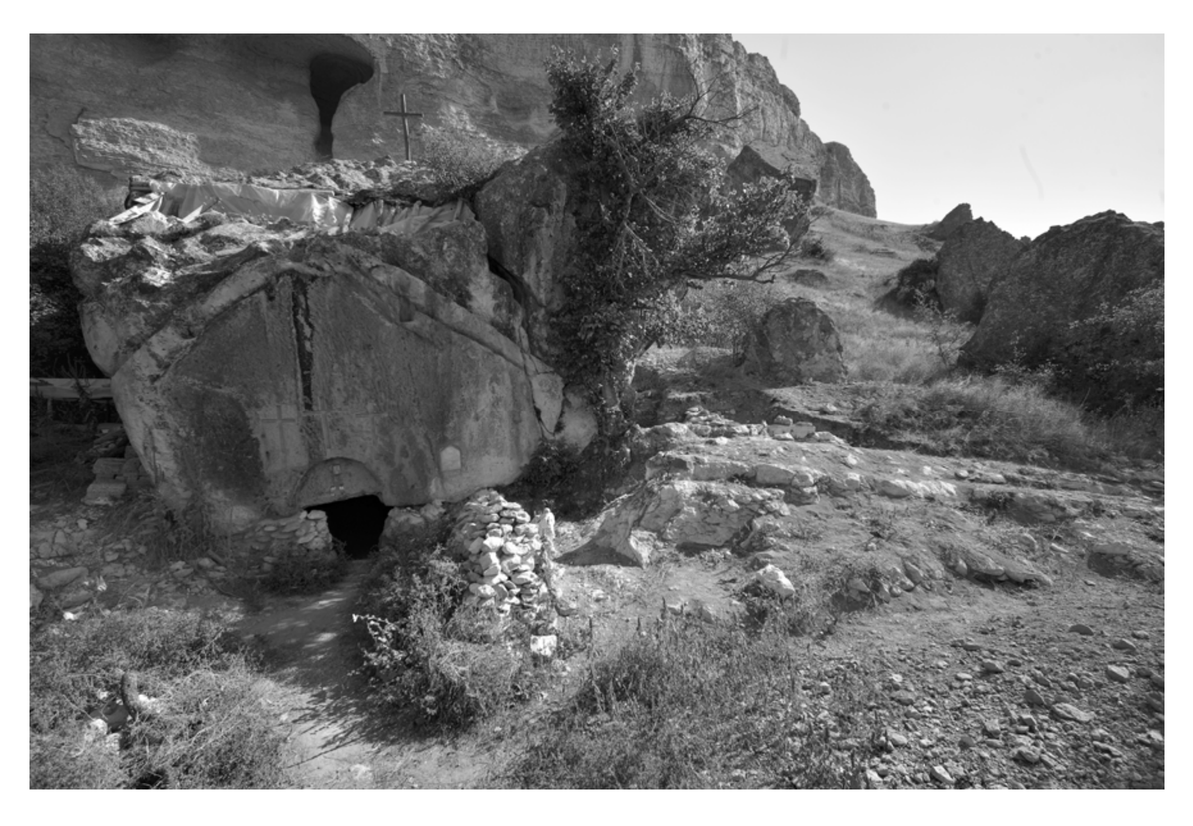

Рис. 46. Древнее террасирование склона вокруг пещерного сооружения (фото Н.В. Днепровского, 2011 г.).

НУМИЗМАТИКА

М.М. Чореф

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА МИХАИЛА III И ВАСИЛИЯ I МАКЕДОНЯНИНА: ПЕРЕХОД К ЭМИССИИ ТАВРИЧЕСКИХ ФОЛЛИСОВ

Уже не первое поколение нумизматов приурочивает к правлению Василия I Македонянина денежную реформу, в результате которой в денежное обращение Таврики поступили относительно крупные литые монеты нового типа – с «*крестом на Голгофе*» на реверсе (рис. 2,*2–15*). Полагаем, что это были фоллисы. Столь же широко распространена уверенность, что монетное дело Василия I Македонянина уже досконально изучено. До последнего времени мы безоговорочно принимали эту точку зрения. И, соглашаясь с точкой зрения В.А. Анохина, считали возможным выделить только две разновидности монет Василия I Македонянина: гемифоллисы с «П̊» – аббревиатурой слова «πόλις», обрамленной двумя крестами (рис. 3) и фоллисы с «*крестом на Голгофе*» на реверсе[1] (рис. 2,*2–15*). Однако вновь открывшиеся обстоятельства требуют внимательного осмысления. Займемся их анализом.

Начнем с того, что как мы уже писали, единственная подлинная монета из Чумну-бурунского клада (рис. 1,*1*) представляет собой самый ранний тип фоллиса Василия I Македонянина. На ее аверсе была оттиснута «B», а на реверсе вокруг восьмиконечного креста различима легенда «ΒΑΣ[Ι]ΛΕ[ΙΟ]Σ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝΣΤΑΝ[ΤΙΝΟΣ]». Выясненное обстоятельство позволило нам не только датировать сокрытие Чамну-Бурунского клада, но и определить время ослабления византийского влияния в Юго-Западном Крыму. Как ни странно, не это главное. По крайней мере, с нумизматической точки зрения. Как верно заметили А.Г. Герцен и В.А. Сидоренко, на заинтересовавшей нас монете, кроме всего прочего, просматриваются следы изображений двух императоров на аверсе и на реверсе[2] (рис. 1,*1*). Правда, ученые заключили, что они были выбиты штемпелями, весьма схожими с теми, что использовались для изготовления прочих подражаний из Чумну-Бурунского клада[3]. По мнению первоиздателей комплекса, на эти штампы были нанесены поясные изображения Льва III Исавра и его сына Константина V. Мы же в свою очередь установили, что монета была отлита в подрезанных формах, причем при Василии I Македонянине. А это дает нам право отвергнуть атрибуцию А.Г. Герцена и В.А. Сидоренко. Очевидно, что херсонские монетарии не стали бы при Василии I Македонянине переделывать «*антикварные*» литейные формы, изготовленные при Льве III Исавре, непонятно зачем хранившиеся без использования не менее 130 лет. В любом случае, хорошо заметные элементы первоначального оформления позволяют установить правителя, при котором они были изготовлены. Т.е. выяснить время проведения денежной реформы в Херсоне. Попытаемся разобраться с этим вопросом.

---

[1] *Чореф М.М.* К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I . С. 122. [Электронный ресурс] // Сайт «Филиал МГУ в г. Севастополе». Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/downloads/MAIASK1.pdf.

[2] *Герцен А.Г., Сидоренко В.А.* Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. 1988. Вып. 24. С. 128. Рис. 6.

[3] Там же. Но, заметим, не идентичными (См.: Там же). В любом случае, считаем, что этот вывод А.Г. Герцена и В.А. Сидоренко крайне плодотворным, т.к. он предопределил успех исследования ранних серий херсоно-византийских фоллисов.

Начнем с того, что сама идея размещения поясных изображений императоров на аверсе и реверсе для денежного дела Византии отнюдь не нова. Так оформляли деньги со времен иконоборцев, а, точнее с начала религиозной реформы Льва III Исавра[4]. Правда, тут речь идет исключительно о золоте, т.е. о солидах и их фракциях. В тоже время на реверсах медных и серебряных монет продолжали размещать христианские символы и буквенные обозначения номинала. Впервые медь без указания на достоинство, но с портретами василевсов на аверсе и реверсе появилась при Никифоре I, причем, как принято полагать, на разменных деньгах сицилийского чекана[5]. Действительно, сама небрежность, и даже скажем, примитивность их оформления как будто бы свидетельствует об их провинциальном происхождении.

В любом случае, это новшество прижилось. Подобным образом оформленные монеты чеканили при Михаиле I Рангаве[6] и Льве V Армянине[7], и, опять-таки, как полагают, в Сиракузах. Однако Михаил II и Феофил таких фоллисов не выпускали[8]. Производство «*двухпортретной*» меди возобновилось в последний период правления Михаила III, т.е. когда он сопричислил к власти Василия I Македонянина. А это, как помним, было в 866–867 гг. Но теперь «*двухпортретные*» фоллисы стали чеканить и в Константинополе. На рис. 2,*1* приведено изображение одной из таких монет. Она производит лучшее впечатление, чем примитивно оформленные «*двухпортрентые*» монеты предыдущих правителей. Стоит обратить внимание на высокохудожественные изображения василевсов, и, главное, на грамотно составленные и размещенные надписи. Из них следует, что Михаил III был императором, а Василий – только Rex'ом[9]. Получается, что если раньше, в период иконоборчества, размещение портретов правителей на обеих сторонах монет можно было бы трактовать как весьма удачный и уместный пропагандистский ход, то при Михаиле III оно уже не служило цели прославления правителей. Судя по легендам, оно доносило до населения сведения о неравенстве сфер их компетенций. Понятно, что император ромеев Михаил III обладал большими полномочиями, чем носящий варварский титул Василий. И, судя по активной эмиссии «*двухпортретных*» монет, этому придавалось огромное значение. Ведь не случайно как на столичном, так и на провинциальных монетных дворах перешли к выпускам столь информативных фоллисов. Херсон не мог быть исключением. Полагаем, что его монетарии успели изготовить формы для отливки «*двухфпортретных*» монет. Однако выпустить тонкую литую, столь сложно оформленную монету им сразу же не удалось – сказалась примитивность тогдашней технологии. Тем более что произошедшая вскоре революция 867 г., приведшая к устранению Михаила III и к приходу к власти Василия I Македонянина, заставила вовсе отказаться от идеи выпуска «*двухпортретных*» монет. Формы же для их отливки в силу своего несоответствия новому режиму были срочно

---

[4] Полагаем, что с помощью этого изобразительного приема пропагандировалось благочестие императоров. Ведь их изображения были размещены вместо культовых символов (См.: *Чореф М.М.* Иконография императоров–иконобоцев как средство легитимизации власти // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева. Севастополь, 2012. С. 108–110 [Электронный ресурс] // Сайт «Филиал МГУ в г. Севастополе». Режим доступа: http://www.msusevastopol.net/science/publications/sb2012/lomonosov-2012.pdf).

[5] Степанова Е.В. Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 76–84.

[6] *Grierson P*. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. I. – Leo III to Michael III, 717-867. P. 369–370. № 9–10.3. Pl. XVII.

[7] Ibid. P. 383–385. № 16–18.8. Pl. XIX.

[8] Ibid. P. 403–405, 440–441. Pl. XXI, XXVI. Зато при них продолжилась эмиссия золота, оформленного в том же «*двухпортретном*» стиле (См.: Ibid. P. 399 – 403, 440–441. № 12–20, 18.1–19.3. Pl. XXI, XXVI).

[9] Это единственный случай титулования византийского правителя подобным титулом, a priori резавшего слух каждого образованного ромея.

переделаны. Тем более что Василий I Македонянин за весь период своего правления не выпустил ни одной разновидности «*двухпортретных*» монет прежней композиции – на медных деньгах его чекана изображения автократора и его сыновей размещали исключительно на аверсе.

Но факт остается фактом. Литьем фоллисов в Херсоне планировали начать уже при Михаиле III. Василий I Македонянин всего лишь продолжил это начинание своего предшественника. Первой серией его фоллисов стали редкие монеты с восьмиконечным крестом и плохо читаемой легендой «ΒΑΣ[Ι]ΛΕ[ΙΟ]Σ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝΣΤΑΝ[ΤΙΝΟΣ]» на реверсе. Но сложность технологии производства не позволила выпускать их в нужном количестве. В Херсоне были вынуждены лить и гемифоллисы. Сама идея выпускать тонкую и высокохудожественно оформленную монету подвигла использовать столь же сложную технологию и для изготовления денег низшего номинала. Только этим можно объяснить выпуск тонких, фактически, листовых гемифоллисов с нечетко оттиснувшимися элементами оформления (рис. 3,*2*). Относительная же редкость ранних фоллисов свидетельствует о непродолжительности их эмиссии. Вернее всего, уже в 870 г.[10] в Херсоне стали изготавливать толстые увесистые монеты с упрощенным оформлением. Мы выделяем их во вторую серию. Речь идет об фоллисах с «В» и кружком под ним на аверсе и с «крестом на Голгофе» на реверсе (рис. 2,*3*). Причем сначала их лили в перерезанных формах, использованы ранее для литья гемифоллисов. Об этом убедительно свидетельствует отмеченное нами наличие кружка – составного элемента монограммы «П̊», а также столь примечательная и по-иному не объяснимая поперечная черта, являвшаяся, безусловно, излишней нижней составляющей «В», сохранившаяся до времен Василия II Болгаробойцы и Константина VIII. Полагаем, что к этой же серии стоит отнести и весьма неординарные монеты с державой на аверсе и с крестом на Голгофе на реверсе (рис. 2,*4*). К слову заметим, что размещение на их лицевой стороне одного из важнейших символов императорской власти не дает нам никаких оснований видеть в них выпуски от имени религиозных властей Херсона, как это, к примеру, полагает В.А. Анохин[11]. Вернее всего, эти монеты были своего рода пробными фоллисами херсонского литья. Возможно, что форма их аверса была изготовлена путем основательной модификации штампа лицевой стороны гемифоллиса, в результате чего, в силу случайности, «°» превратилась в значительное углубление, а вертикальные составляющие «П» были срезаны. Это могло произойти только в результате ошибки резчика, попытавшегося исправить свою оплошность путем разработки невиданной ранее композиции аверса. Но его работа не была утверждена. Редкость монет этой разновидности тому свидетельство.

Однако херсонские монетчики не планировали модифицировать все формы, прежде использованные для литья гемифоллисов. Напротив, большая часть этих приспособлений продолжала работать до полного износа. Причем их периодически, и, к слову, не слишком аккуратно подрезывали – потребность в мелких деньгах все еще сохранялась.

Но куда с большей тщательностью изготавливали новые штампы для фоллисов серии III. Похоже, что для их формовки использовали своего рода патрицы[12]. Подобная новация позволила быстро насытить обращение нужным количеством однотипных монет. В результате за долгий период правления Василия I Македонянина на денежном дворе Херсона было отлито сравнительно немного разновидностей фоллисов последней серии, различимых как формами основных элементов композиции, так и наличием дифферентов. С учетом раннее выделенных групп, получаем:

---

[10] Одновременно с прекращением литья первого вида фоллисов Василия I.

[11] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977 С. 126.

[12] Эту идею сформулировал и обосновал В.А. Сидоренко в личной беседе с нами осенью 1999 г. Правда, В.А. Анохин ее не разделяет (*Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 116).

Серия I (рис. 1, 2,*2*)

1.AV: «B» без дополнительных обозначений,
RV: восьмиконечный крест, вокруг него «ΒΑΣ[Ι]ΛΕ[Ι Ο]Σ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝΣΤΑΝ[ΤΙ ΝΟΣ]».

Серия II (пробные выпуски)

1.AV: «B», под ней «°» – часть монограммы «Π̊»,
RV: «крест на Голгофе», по его сторонам справа и слева – две точки (рис. 2,*3*);

2.AV: крест на державе, вырезанной поверх «°» – части монограммы «Π̊»,
RV: «Крест на Голгофе», по его сторонам две точки (рис. 2,*4*).

Серия III (регулярные выпуски)

1.AV: «B» без каких-либо дополнительных обозначений,
RV: «Крест на Голгофе», по его сторонам две точки (рис. 2,*5–8*);

2.AV: Сначала стандартная, а потом искаженная «B»[13], в ее нижней части заметна точка,
RV: «Крест на Голгофе», по его сторонам две точки (рис. 2,*9–11*);

3.AV: «B»[14], по ее сторонам две точки,
RV: «Крест на Голгофе», по его сторонам две точки (рис. 2,*12–15*).

Причем, что интересно, каждая из разновидностей третьей серии со временем решительно деградировала. И это при том, что, по мнению В.А. Анохина, для их отливки использовали «*соответствующее количество новых штампов*»[15]. Далее он же заявляет, что считает бронзы с двумя точками на аверсе самыми поздними[16]. Но, если считать их разновременными, как предполагает В.А. Анохин[17], то у нас есть все основания полагать, что монетчики Херсона, имевшие в распоряжении значительное количество эталонных штампов, тем не менее старались их не использовать. По логике В.А. Анохина, они должны были ставить перед собой цель выпускать безобразно исполненные монеты. Причем, похоже, что они патрицами почему-то также не обменивались. Иначе, чем еще можно объяснить возникновение разновидностей? Полагаем, что этот момент заслуживает глубокого осмысливания.

Да, В.А. Анохин объяснил это явление исключительно непрофессионализмом херсонских монетчиков, будто бы не способных освоить методику оттискивания формы с помощью эталонной монеты или патрицы[18], и, похоже, портивших их в процессе производства. Но вот что странно. Вслед за безобразно исполненными поздними монетами Василия I Македонянина в Херсоне стали лить почти идеальные монеты его сыновей Льва VI Мудрого и Александра. А потом уже качество литья не портилось практически до прекращения эмиссии фоллисов, т.е. до второй четверти XI в. Получается, что или при Льве VI Мудром на денежном дворе Херсона произошла техническая революция, что, как нам кажется,

---

[13] В форме восьмерки.
[14] Аналогичной или близкой конфигурации.
[15] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса… С. 113.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.

совершенно невероятно, или, что куда более правдоподобно, его монетчики продолжили отработку навыков, развитых за десятилетия работы во время предыдущего царствования.

Полагаем, что при Василии I Македонянине в Таврике была освоена технология оттискивания форм в глине с помощью эталонных патриц. Не случайно, что при этом императоре отказались от литья тонких монет сравнительно большого диаметра. Их изготовление теперь было бы уже невозможно. Все это делалось с целью насытить рынок значительным количеством *однотипной* монеты. Причем изначально создавалось три территориально удаленных монетных мастерских, продукция которых различима по дифферентам и особенностям композиций аверса и реверса[19].

Полагаем, на монетах Херсона дифферентов не проставляли. И на его монетном дворе лили *однотипные* фоллисы до конца правления Василия I. По крайней мере, только на бронзах херсонского литья прослеживается преемственность в оформлении аверса и реверса, а, значит, он работал непрерывно. Судя по схожести начертания букв и культового символа – «Креста на Голгофе» с короткой поперечной перекладиной и практически равной ей по длине планкой, размещенной в верхней части фигуры, монеты на рис. 2,*5,6,8* представляют собой элементы одного ряда. Складывается впечатление, что форма первой из них (рис. 2,*5*) была оттиснута эталонным штампом. Монету на рис. 2,*6* лили уже в подрезанной форме. Во-первых, добавили обрамление монетного поля из черточек и крупных точек, а, во-вторых, прорезали заново точки по сторонам креста на реверсе. Похоже, что модификация была вызвана выгоранием формы, хорошо прослеживающейся по образованию рельефных выпуклостей правее и левее «Креста на Голгофе».

И вот что интересно. Ко времени выпуска этой монеты эталонный штамп уже не использовали. Единственным объяснением может быть только то, что он выработал свой ресурс. И формы стали оттискивать самими монетами. Фоллис, изображенный на рис. 2,*8*, был отлит именно таким образом.

Правда, временами монетчики пытались разработать новые формы. И монеты, отлитые в них, довольно хорошо известны. Обратим внимание на фоллис, изображенный на рис. 2,*7*. Элементы его композиции переданы тонкими, изящными, но неглубокими росчерками. Полагаем, что форму для его отливки прорезали в необожженной глине.

О допустимости нашего предположения говорят физические характеристики таких монет. Как правило, они относительно тонки. Получается, что форму для их отливки не оттискивали готовым штампом, а разрабатывали вручную.

Понятно, что при такой технологии не было возможности выпускать стандартные фоллисы. Да и отлитые таким образом тонкие монеты не могли, в свою очередь, служить патрицами для штампов. И денежники Херсона были вынуждены вернуться к отработанной схеме литья, оттискивая формы ходячей монетой.

Вскоре после налаживания поточной эмиссии фоллисов в Херсоне заработал монетный двор с дифферентом «•» на аверсе. Судя по его ранним фоллисам (рис. 2,*9*), для их производства был задействован ординарный штамп аверса, используемый для формовки первых херсонских фоллисов Серии III. Только его немного доработали – добавили «•», поместив ее в нижнем полукружье «В». Однако эталонный штамп реверса им предоставлен не был. Похоже, что сначала его оттискивали монетой. Однако уже вскоре его пришлось формовать самостоятельно. В результате на фоллисах мастерской «•» он изначально стал практически равносторонним – греческим, а не с непропорционально короткой перекладиной, как на херсонских бронзах. Кроме того, все его стороны заканчиваются

[19] Мы не видим оснований принять точку зрения В.А. Анохина, считающего, что реверсы этих монет были оттиснуты весьма близкими по композиции штампами. Чтобы совершенно удостовериться в ошибочности этого утверждения, рекомендуем рассмотреть изображения монет на рис. 1.

небольшими поперечными перекладинами, чего, как видим, на херсонских фоллисах также не наблюдается[20] (рис. 2,*5–8,9–11*).

Похоже, что мастера эмиссионного центра «•» так и не смогли разработать собственные патрицы. Последующие их выпуски были отлиты в периодически подрезаемых формах (рис. 2,*10–11*). В результате монеты этого центра все более и более отличались от херсонских. На них появились «В», схожие со знаком «∞» на аверсе и на греческий крест на реверсе. Впоследствии эти элементы композиции еще более исказились.

Полагаем, что столь разительное, и, в тоже время, хроническое падение качества продукции не могло наблюдаться длительный период. Вернее всего, центр «•» работал относительно недолго и был закрыт задолго до смерти Василия I. Считаем, что он был своего рода временным монетным двором, обслуживающим экстраординарные нужды.

Другое дело мастерская с дифферентами «• •» по сторонам «В». Судя по известным изображениям (рис. 2,*12*) уже самые ранние ее монеты были отлиты в формах, вырезанных вручную. Об этом говорит изящество тонких линий и, собственно, новая трактовка уже ординарной композиции, не характерная для денежников Херсона. Причем, очевидно, что ее разрабатывали под заметным влиянием мастеров эмиссионного центра «•». Чтобы быть совершенно в этом уверенными обратим внимание на написание «В» на аверсе и на форму «креста на Голгофе» на реверсе.

Впоследствии качество ее литья столь же сильно снизилось. Хотя мастера этого центра активно использовали наработки своих херсонских коллег – оттискивали формы монетами, сама специфика производства в глине требовала периодической правки штампов. И на фоллисах их литья появились развернутые на 180° «В». В тоже время, судя по плавному падению веса монет этого центра, эмиссия в нем продолжалась столь же долго, что и в Херсоне. Полагаем, что монетный двор «• •» находился в важном административном и торговом центре.

Подытожим наши размышления. Полагаем, что только сам факт существования трех эмиссионных центров с различными дифферентами может объяснить отсутствие общих штампов у монет Серии III. Полагаем, что самые распространенные фоллисы – без дополнительных обозначений на лицевой стороне лили в Херсоне (рис. 2,*5–8*), а остальные – в пока неустановленных эмиссионных центрах византийской Таврики (рис. 2,*9–11,12–15*). Равновероятно, что они могли находиться как в Южном, Юго-Западном, так и в Восточном Крыму.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши выводы достаточно революционны. Однако нумизматические факты налицо – три разновидности фоллисов Серии III были изготовлены в результате использования разных групп штампов.

Полагаем, что задачей ближайших лет станет выявление этих эмиссионных центров, вернее всего, являвшихся административными и экономическими центрами фемы Херсон. Возможно, что первым из них окажется Боспор или Дорос, а вторым, определенно, Сугдея – один из крупнейших на тот момент экономических центров византийской Таврики. Если это так, то у нас есть все основания говорить о восстановлении в полном объеме византийского влияния в Таврике уже в период правления Василия I.

Но пока это только предположения. К сожалению, их будет очень трудно обосновать нумизматически. Ведь описанные нами монеты свободно обращались в пределах фемы, и, кстати, за ее пределами. Так что локализовать эмиссионные центры будет крайне трудно. Кроме того, на таврических бронзах не размещали указаний на дату выпуска. Следовательно, мы не можем установить из легенд время их эмиссии. Так что нам будет крайне трудно проследить политическую историю фемы Херсон времен правления Василия I

[20] Именно это обстоятельство подвигло нас предположить, что формы для монет, изображенных на рис. 2,*7,9* были изготовлены при участии одного и того же мастера. В этом случае, у нас есть основания считать эти эмиссии близкими по времени.

Македонянина. Поэтому мы пока прекращаем изучение монет его литья, планируя вернуться к этому вопросу после тщательного изучения иных, не нумизматических источников.

Но уже сейчас мы можем смело заявить, что гемифоллисы выпускали только в Херсоне – на всех известных нам монетах этого номинала отсутствуют дифференты (рис. 3). Судя же по качеству литья, производству этих монет уделяли куда меньше внимания, чем фоллисам. Заметны следы выгорания форм, выражающиеся в наплывах и в утратах элементов оформления. Сначала исчезли кресты по сторонам «П̊» на реверсе (рис. 3,*3–5*), потом разрушилась «B» на аверсе и ее стали прорезать весьма небрежно и даже зеркально (рис. 3,*5*). В конце концов гемифоллисы приобретают произвольную форму и крайне небрежные изображения и легенды.

Вообще, такое качество работы не должно нас удивлять – очень трудно было отлить монету малого диаметра. Полагаем, что их производство было свернуто одновременно с налаживанием эмиссии фоллисов Серии III. Однако гемифоллисы могли обращаться на рынке как привычная и удобная мелкая монета, по крайней мере, до конца правления Василия I Македонянина.

Резюме

До настоящего времени считалось, что в Херсоне начали эмитировать фоллисы при Василии I Македонянине. Эта точка зрения была общепринятой. Мы же, основываясь на результатах многолетних исследований, не только отказались и опровергли это утверждение, но и по-новому рассмотрели саму историю многолетней денежной реформы, приведшей к поступлению в обращение фоллисов таврического литья. Полагаем, что впервые монеты этого номинала были выпущены при Михаиле III. При Василии I Македонянине в обращение поступило три серии таких монет. Причем их выпускало три эмиссионных центра, территориально отделенных друг от друга.

Ключевые слова: денежная реформа, фоллис, Михаил III, Василий I Македонянин, Таврика.

Summary

Until now it was thought that in Cherson started issuing Follises under Basil I the Macedonian. This view has been generally accepted. We, based on the results of years of research, not only refused and refuted this claim, but in a new way looked very history of many years of monetary reform that led to the entry into circulation Follis of Tauride casting. We believe that the first coins of this denomination were issued under Michael III. Under Basil I the Macedonian in the treatment received three series of coins. And they produce three emission centers, geographically separated from each other.

Key words: monetary reform, Follis, Michael III, Basil I Macedonian, Taurica.

Рис. 1. Херсоно-византийские монеты с «В» на аверсе и с крестом, окруженным надписью ΒΑΣ[Ι]ΛΕ[ΙΟ]Ϛ [ΛΕ]ΩΝΚΟΝCΤΑΝ[ΤΙΝΟϚ] на реверсе.

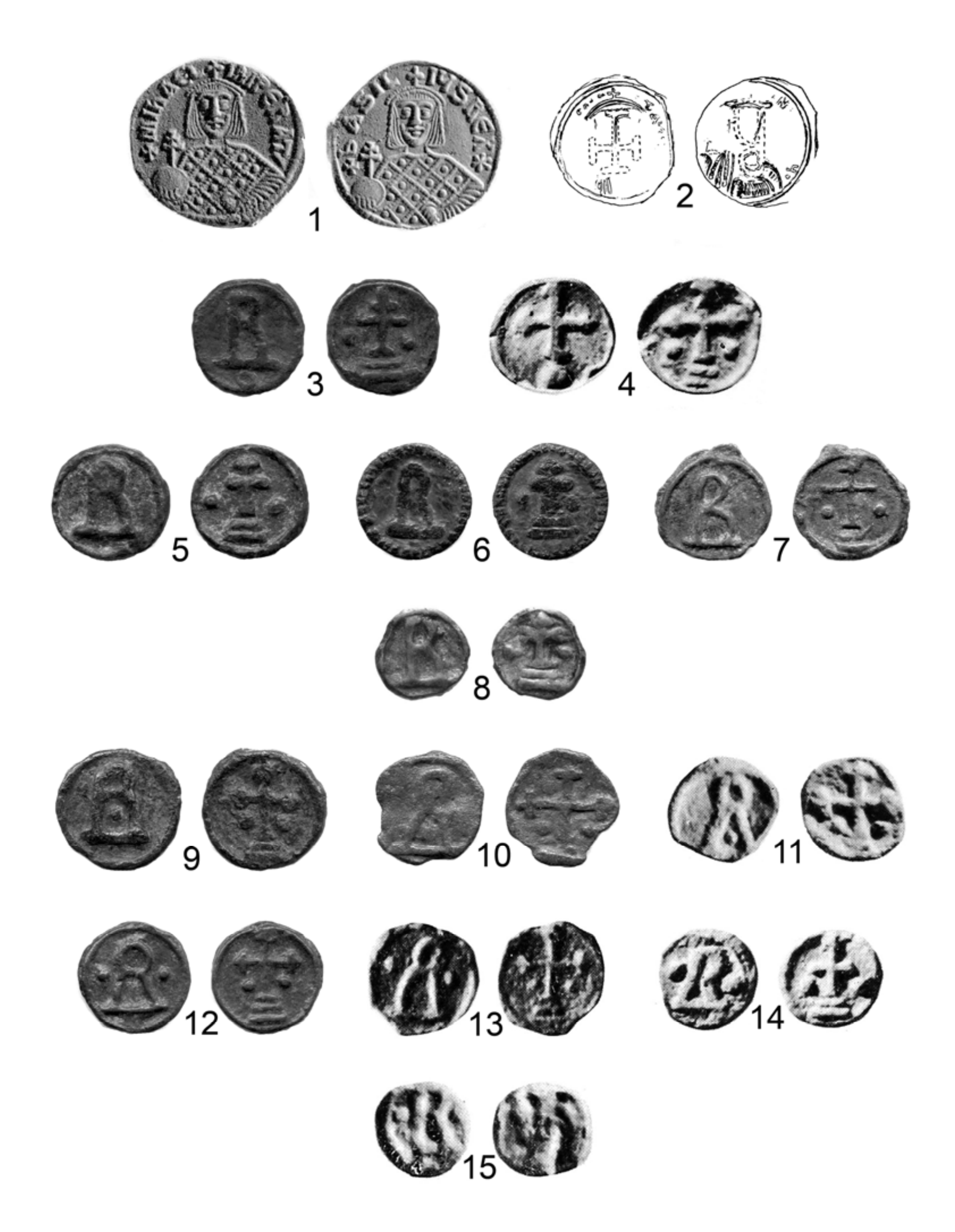

Рис. 2. К истории денежной реформы при Михаиле III и Василии I Македонянине

1 – константинопольский фоллис Михаила III и Василия I Македонянина; *2* – херсонский фоллис из Чумну-Бурунского клада со следами изображений Михаила III и Василия I Македонянина (первая эмиссия фоллисов Василия I Македонянина); *3,4* – фоллисы Серии II; *5–8* – фоллисы Серии III херсонской эмиссии; *9–11* – фоллисы эмиссионного центра «●»; *12–15* – фоллисы эмиссионного центра «● ●».

Рис. 3. Гемифоллисы времен Василия I Македонянина

А.П. Козлов, М.М. Чореф, А.В. Якушечкин

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ МЕДНЫХ МОНЕТ СЕРИИ «القوه قريم»

Речь пойдет о пулах с всадником на аверсе и с арабографичной надписью на реверсе. Первым их выделил О. Блау[1] (рис. 1,*1*). Ученый счел возможным отнести их к выпускам Сельчуков[2] Рума. Но он не смог обосновать свой вывод. Дело в том, что нумизмату не удалось прочитать легенду реверса заинтересовавшей его монеты. Правда, О. Блау разобрал двухстрочную легенду «لا..ولا قدره», но сложить из нее фразу ему не удалось. Позже он повторно вернулся к изучению этих пулов. Ученый предположил, что первая строка легенды могла начинаться с «لاقوه»[3], однако привести какие-либо соображения по поводу дешифровки этого буквосочетания он так и не смог.

Уже в наше время изучению меди этой разновидности уделил внимание российский нумизмат В.П. Лебедев[4]. Ему удалось выделить два типа их реверса (рис. 1,*2–4*). Кропотливое исследование нумизматического материала дало возможность ученому сделать крайне важное открытие – дешифровать легенду реверса. В.П. Лебедев разобрал в ней фразу «القوه قريم» – «*мощь Крыма*»[5]. Собственно, это обстоятельство и позволило нам выделить всю медь со всадником на аверсе и с подобной или схожей надписью на реверсе в одну группу «القوه قريم». Проблема осталась только с датированием монет. Дело в том, что отсутствие на них тамг и очевидных обозначений места и года выпуска не дало возможности В.П. Лебедеву высказать и обосновать какие бы то ни было соображения по поводу их датировки. Основываясь исключительно на отсутствии на них тамги дома Бату, ученый предположил, что заинтересовавшие его монеты могли быть выпущены после 1340 г., и, вернее всего, при Тохтамыше (1380–1395). Однако он не настаивал на верности этого рассуждения, находя его «*субъективным*»[6]. Получается, что вопрос о дате выпуска изученных им монет все еще остается открытым.

Итак, несмотря на уже более чем вековое исследование, изучение медных монет группы «القوه قريم» все еще нельзя считать завершенным. В сложившейся ситуации нам не остается ничего иного, как попытаться осветить проблему с учетом привлечения нового нумизматического материала. К счастью, в последнее время нам удалось выявить еще три разновидности меди этой группы. Целью нашей работы является ввод их в научный оборот, разработка первичной систематизации, а также а также высказать соображения по вопросу о периоде их выпуска.

---

[1] *Блау О.* Восточные монеты музея императорского Общества истории и древностей в Одессе / Blau O. Die orientalischen munzen des Museums der Kaiserlichen Historisch–Archäologischen Gesellschaft zu Odessa. Odessa, 1876. S. 17, № 207, Taf., 4.

[2] Мы настаиваем на верном прочтении слова «سلچوقلرى».

[3] *Blau O.* Nachlese orientalischer Münzen // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1877. Band. 8. S. 60–61.

[4] *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер.XIII – нач.XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса. 2000. Вып. № 2. С. 26. м52. Рис. 9,*м52*; Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья. Сборник вестников Одесского музея нумизматики. Выпуски №№ 1–30. С. 20. м52. Табл. м52.

[5] В дальнейшем, при описании разновидностей, мы будем ссылаться на прочтение В.П. Лебедева. Однако считаем вполне возможным выработку иного истолкования этой легенды.

[6] Там же.

Разновидность I

На рис. 1,*1,2,5–7* приведены изображения медных пулов этого типа.

AV: В центре конный лучник, скачущий вправо, целящийся назад. Его длинные волосы свободно ниспадают вниз, обрамляя лицо справа и слева. Мощный конский хвост развевается по ветру. Изображение обрамлено точечным ободком.
RV: В точечном ободке надпись в две строки «القوه قريم» – «*мощь Крыма*». Над второй строкой заметен двухлепестковый цветок[7]. Под надписью – виньетка, характерная для ранней меди чекана ордынского Крыма[8].

Разновидность II

В ходе исследования нами была изучены медные монеты группы «القوه قريم» (рис. 1,*8,9*), оформленные несколько в ином ключе, чем хорошо известная медь Разновидности I[9].

AV: В центре конный лучник, скачущий вправо, целящийся назад. Волосы его собраны в пучок на затылке. Хвост коня подрезан и уложен кольцом. Изображение обрамлено точечным ободком.
RV: В точечном ободке надпись в две строки «القوه قريم». Над второй строкой заметны два двухлепестковых цветка. Под надписью – крупная виньетка.

Разновидность III

Нами была выделена и подгруппа пулов (рис. 1,*10–12*), весьма схожих по оформлению на медь вышеописанной вариации, но с двумя существенными отличиями.

AV: В центре конный лучник, скачущий вправо, целящийся назад. Волосы его собраны в пучок на затылке. Голова обрамлена нимбом. Хвост коня подрезан и уложен кольцом. Изображение обрамлено точечным ободком.
RV: В точечном ободке нечитаемая надпись. Различимо только «القوه» – «*мощь*» в первой строке. Ниже ее расположена «ك». Похоже, что является первой буквой второй строки. Однако сопряженные с ней символы уверенно не читаются. Под второй строкой – крупная виньетка.

Заметим, что даже проблема с дешифровкой легенды оборотных сторон этих монет не дает нам возможности выделить их в какую-либо иную группу. Следует учитывать тот факт, что на аверсах пулов всех трех разновидностей были выбиты весьма схожие всадники. Считаем, что медные монеты с нечитаемой легендой могли быть выпущены после завершения эмиссии пулов Разновидностей I и II.

---

[7] Заметим, что В.П. Лебедев видел в нем «بم», а О. Блау – «ه». Мы не видим оснований принять эти предположения. Дело в том, что сам факт присутствия двух подобных элементов оформления на реверсе пулов Разновидности II не дает нам оснований видеть в ней ординарное «بم», встречающееся в «القوه قريم» лишь единожды.
[8] *Лебедев В.П.* Указ. соч. м3, м4, м5.
[9] Первым ввел их в научный оборот В.П. Лебедев. Однако он не обратил внимание на отличия в оформлении их аверса. Пользуясь случаем, приводим детальное описание этих монет.

Разновидность IV

Изображения монет этого типа приведены на (рис. 1,*13–14*).

AV: В центре конный лучник, скачущий вправо, целящийся вперед. Волосы его собраны в пучок на затылке. Голова обрамлена нимбом. В левой руке он держит поднятый лук, а в правой – две стрелы. Хвост коня подрезан и уложен кольцом. Изображение обрамлено точечным ободком.
RV: В точечном ободке нечитаемая надпись, аналогичная оттиснутой на оборотных сторонах монет Разновидности III. Под второй строкой – крупная виньетка.

Полагаем, что установленная многочисленность вариаций заинтересовавших нас монет свидетельствует как о длительности, так и о масштабности их эмиссии.
Но не это самое важное. Дело в том, что монеты серии «القوه قريم» стали объектами перечеканки. На рис. 2 приведены изображения двух пулов заинтересовавшей нас группы, на которых оставили оттиски штампы, используемые при выпуске, безусловно, ранних медных монет серии «بصرة الدني ف الدين» – «*Помощь мира и веры*». А они, по В.П. Лебедеву, были выпущены в последние годы правления Берке (1257–1266)[10].

Получается, что заинтересовавшая нас медь могла быть выпущена до начала эмиссии пулов серии «بصرة الدني ف الدين». Полагаем, что ее эмиссия прошла в перв. пол. 1260-х гг.

Считаем своим долгом обратить внимание нашего читателя на очень примечательный аспект. Дело в том, что медные монеты Разновидности IV весьма схожи с некоторыми монетами Сельчуков Рума. Обратим внимание на серебряный дирхем (рис. 3,*1*) времен первого правления Рукн ад-дин Кылыч-Арслана IV (1248–1249). На его аверсе выбит вполне узнаваемый всадник с поднятым луком в левой руке и с двумя стрелами в правой.

Мы не находим это обстоятельство случайным. Объяснением тому может стать факт выпуска их под контролем Сульчуков. Однако мы не настаиваем на истинности нашего заключения. Надеемся, что ввод в научный оборот новых нумизматических и письменных источников позволит должным образом осветить эту проблему.

[10] На реверсе заинтересовавшей нас разновидности пулов м1 (См.: *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер.XIII – нач.XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса. 2000. Вып. № 2. С. 7. м1. Рис. 3,*м1а,м1б*; Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья. Сборник вестников Одесского музея нумизматики. Выпуски №№ 1–30. С. 14. м1. Табл. *м1а*, *м1б*) и на серебряном ярмаке разновидности с1 (См.: *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер.XIII – нач.XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса. 2000. Вып. № 2. С.4. с1. Рис. 1,*с1*; Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Материалы по нумизматике и археологии древнего Северного Причерноморья. Сборник вестников Одесского музея нумизматики. Выпуски №№ 1–30. С. 12. с1. Табл. *с1*), датируемом С.А. Яниной концом правления Берке (См.: Янина С.А. О монетах, приписываемых чекану хана Ногая // Материалы сессии, посвященной итогам 1964 г. Тезисы доклада. Баку, 1965. С.169), была оттиснута одна и таже тамга. Основываясь на этом, полагаем, что медь разновидности м1 могла быть выпущена в тоже время.

Резюме

В статье речь идет о медных монетах Золотой Орды крымского чекана с всадником на аверсе и с надписью «القوه قريم» на реверсе. Эти монеты чеканили в первой половине 1260-х гг. Полагаем, что эмиссия этих монет прошла под контролем Сельчуков.

Ключевые слова: Крым, Золотая Орда, история, нумизматика, Сельчуки.

Summary

In the article focuses on the copper coins of the Golden Horde, the Crimean coinage with the rider on the obverse and the inscription «القوه قريم» on the reverse. These coins were minted in the first half of 1260-ies. We believe that the issue of these coins was under the control of the Selçuk's.

Key words: Crimea, Golden Horde, history, numismatics, Selçuk's.

Рис. 1. Пулы серии «القوه قريم»
1–7 – Разновидности I; *8–9* – Разновидности II; *10–12* – Разновидности III;
13,14 – Разновидности IV.

Рис. 2. Перечеканенные монеты серии «القوه قريم»
1,3 – натуральная величина; 2,4 – увеличено в два раза.

Рис. 3. Дирхем Рукн ад-дин Кылыч-Арслана IV и пул серии «القوه قريم» Разновидности IV.

Н.М. Фомичев

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОТТИСКОВ АЗАКСКИХ ШТЕМПЕЛЕЙ ДЛЯ ЧЕКАНКИ ДИРХАМОВ ТОХТАМЫША

В 1962 и 1977 годах в Азове были обнаружены два крупных клада дирхамов, спрятанные в 90-е гг. XIV в. Клад 1962 г. насчитывал 747 дирхамов и 3 ставрата, а клад 1977 г. – 3711 дирхамов. Большую часть этих кладов составляли именные дирхамы Токтамыша чекана Азака[1]. Многие из этих монет были однотипными. Чисто визуально изображения на монетах одного типа заметно отличались друг от друга. Хорошо просматриваемые отличия лицевых и оборотных сторон этих монет дали повод для начала работы по реконструкции полных изображений оттисков штемпелей.

Работа по реконструкциям изображений на штемпелях Азакского монетного двора времени Токтамыша произведена автором статьи в 1978-1979 гг. В 1997 г. на Пятой Всероссийской нумизматической конференции автором данной публикации был сделан доклад о проведенной им работе по реконструкции изображений на штемпелях Азакского монетного двора времени Токтамыша, тогда же участникам нумизматической конференции было роздано 30 комплектов изготовленных таблиц с рисунками реконструкций. С тех пор работа в этом направлении прекратилась, а подготовленные таблицы рисунков так и были не опубликованы. Осуществить публикацию подготовленных рисунков нас заставили следующие причины: перспектива того, что работа по полной разборке кладов займет времени еще не мало, необходимость составления описи кладов монет, для которой необходимы привязки к рисункам или фото в публикациях, но главное, что эта работа необходима нумизматам как определитель монет.

Как известно, техника чеканки джучидских монет была далека от совершенства. Часто при чеканке часть штемпельного изображения на заготовку монеты не попадала. Это создает исследователям немалые трудности атрибуции таких монет. Монеты, на которые при чеканке год не попал, исследователи нередко вынуждены датировать приблизительно. В большинстве случаев личный опыт позволяет определить дату верно. Однако если исследователь сомневается в правильности, он, как правило, либо ставит его под вопросом, либо вообще не указывает год, не исключены и просто ошибки в датах. Для определения и точной датировки таких монет, а также для их анализа по штемпелям, исключительную важность приобретает реконструкция полного изображения оттиска штемпеля.

Недостаток нумизматического материала заставляет некоторых исследователей делать не достоверную их реконструкцию, а лишь реконструкцию типа монеты, в котором обобщены сведения нескольких изображений однотипных монет разных штемпелей. Делать такие реконструкции значительно легче. Основной их недостаток – они не являются достоверной

[1] *Фомичев Н.М.* О реконструкции изображений на штемпелях дирхемов Азака // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1997. С. 33–34. Немало интересующих нас монет было и в кладе того же времени, обнаруженном в 1963 г. на усадьбе М.И. Дробитько в хуторе Задонье, расположенном напротив Азова, на правом берегу левого рукава основного русла Дона. Зарегистрирован клад был в фондах Азовского краеведческого музея под номером КП-Н–456/1-181. Сохранилась опись этого клада, сделанная Г.А. Федоровым-Давыдовым, со сносками на публикацию некоторых монет. К сожалению, в публикации опись клада сделана только с определениями, без сносок на публикацию монет и без иллюстраций самих монет (См.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 176–182). 12.08.1974 г. в результате взлома дверей фондов музея этот клад был похищен. Списан по ордеру МК РФ № 3912 от 07.12.1982 г. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

реконструкцией изображения штемпеля как памятника. Тем не менее, и такие реконструкции нужны, т.к. выяснение типа монеты позволяет делать правильные исторические выводы. Таким способом сделаны реконструкции, представленные в ранних публикациях Г.А. Федорова-Давыдова. Значительно лучше сделаны реконструкции изображений штемпелей джучидских монет в его последней работе[2].

Способ реконструкции изображений оттисков штемпелей проще всего можно понять, ознакомившись с самой технологией осуществляемых операций:

1. Из двух кладов нами выбирались монеты, имеющие совершенно идентичные лицевые или оборотные стороны;
2. Затем из такой группы монет выбиралась одна, имеющая наиболее полное изображение. Чем полнее изображение надписи попавшей на монету, тем легче делать ее полную реконструкцию;
3. Далее на белом листе бумаги торцом карандаша делалась протирка этой монеты. Способ изготовления протирки монеты острозаточенным концом простого карандаша дает хорошее качество, но осуществить это на практике нам не удалось;
4. По протирке монеты на стекле с подсветкой изображение монеты переводилось карандашом на оборотную сторону белого листа засвеченной тонкой фотобумаги. Такая фотобумага хороша тем, что при переводе рисунка в тушь чертежное перо не цепляется за бумагу. Таким образом, получается четкая ровная линия без заусениц. В нашей работе мы пользовались только простыми карандашами ТМ фирмы «КОХИНОР»;
5. Полученный перевод изображения сравнивался со всеми идентичными сторонами монет и недостающие части изображения на глаз дорисовывались с помощью карандаша до полного изображения оттиска;
6. Все изображения оттиска делались в масштабе 1:1, при этом особое внимание уделялось соответствию внутренних конфигураций, образующихся между деталями букв и реперными точками;
7. Реперными точками служили: наиболее визуально выделяющиеся детали надписей, взаиморасположение орнаментальных точек на поле монеты, всякого рода следы работы резчика штемпеля, мельчайшие точки на поле изображения оттиска, а там, где было возможно, учитывалось взаиморасположение точек ободка монеты и даже особенности рисунка края оттиска;
8. Особую сложность представляло изготовление изображения у края оттиска штемпеля, где обычно при штампе надпись незначительно расплывается, т.е. искажается. Этот участок изображения приходилось особенно тщательно подправлять по его частям, хорошо видимым на других монетах;
9. Далее полученный рисунок сравнивался с несколькими монетами, имеющими одну из сторон, идентичную нарисованному полному изображению оттиска. Убедившись в правильности проведения тонких линий, мы уже окончательно карандашом прорисовывали четкие линии изображения полного оттиска;
10. В тех группах дирхамов, в которых данных об ободке было предостаточно, ободок реконструировался полностью. В группах монет, в которых данных о точечном ободке было мало или недостаточно, фиксировались лишь видимые точки, а остальные точки ободка дорисовывались приблизительно;
11. Изготовленный таким образом карандашный рисунок с помощью чертежного пера переводился в тушь двумя способами, или путем обвода букв или путем их тонирования черным цветом.

[2] *Федоров-Давыдов Г.А.* Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ. 1980. Т. XIII. С. 58–76; Денежное обращение Золотой Орды. М., 2003.

В настоящее время нам известны три принципиально разные техники начертания изображения. У каждой из них имеются свои достоинства и недостатки:

Первый способ состоит в обводе всех деталей изображения оттиска штемпеля (картуша, букв, точек, звездочек, ободка) тонкой линией выполненной черной тушью. Это самый легкий способ рисования, т.к. позволяет достаточно точно отображать рисунок внутренних конфигураций, образующиеся между отдельными деталями букв. Подавляющая часть реконструкций сделана нами именно в этой технике.

Суть его такова. Вначале делается протирка интересующей нас стороны какой-либо монеты, имеющей наиболее полное изображение оттиска штемпеля. Затем путем перевода на стекле с подсветкой снизу на листе тонкой фотобумаги делается базовый рисунок этого изображения оттиска без контуров краев монет. Контуры краев монеты не воспроизводятся, чтобы они не мешали в дальнейшей реконструкции изображения. Далее все детали полученного изображения за исключением краев монеты обводятся первой тонкой линий простого карандаша 2М. Тонкая линия нужна, чтобы в случае ошибки его легко было при доводке подтереть. Затем путем осмотра идентичных сторон других дирхамов на базовом рисунке тонкой линией дорисовываются отсутствующие детали изображения оттиска штемпеля. Достоверность нарисованного таким образом полного изображения дополнительно выверяется путем сравнения отдельных деталей изображения базового рисунка с изображениями идентичных сторон других монет. Только удостоверившись в правильности реконструкции полного изображения, все детали изображения прорисовываются второй уже четкой окончательной линией, выполненной карандашом. Затем последняя прорисовка обводится четкой линией, нанесенной черной тушью.

Для получения необходимого качества нам нередко приходилось по несколько раз переделывать уже вроде бы готовые рисунки, каждый раз внося новые незамеченные, часто мельчайшие, но, тем не менее, характерные детали, которые невозможно было сразу обнаружить. Особая усидчивость и тщательность необходима при зарисовке монеты плохой сохранности, при забитости штемпеля, а также при исправлении неизбежных искажений изображения, у краев поля монет[3]. Первыми мы стали делать реконструкции азакских дирхамов 783 г.х. Небольшое число этих монет не позволило делать сразу полную реконструкцию изображения на штемпелях. Поэтому у всей этой группы изображений точки ободка нанесены произвольно, без учета их истинного расположения. В последующем, там, где это было возможно, мы старались делать и реконструкцию точек ободка.

Техника тонирования надписей черным цветом позволяет на белом фоне делать изображение оттиска штемпеля наиболее удобное для восприятия глазом. Здесь выполнялись те же операции что и в первом случае, но буквы и точки тонировались черным цветом туши. Главный недостаток этого способа – на глаз довольно трудно выдерживать линии рисунка внутренних конфигураций, образующихся в пространстве между деталями букв и расстояния между отдельными деталями изображения.

Третий способ реконструкции полных изображений оттисков штемпелей основывается на максимальном привлечении оргтехники. Этот способ является наиболее перспективным, т.к.

---

[3] В процессе изготовления рисунка реконструкции изображения оттиска штемпеля необходима особая тщательность, без всякого преувеличения можно сказать, ювелирная точность. Выполняемая полностью вручную, с опорой только на точность глаза, такая работа требует максимальной сосредоточенности на выполнение только одной этой работы. Совершенно исключена ситуация выполнения двух разных работ. Начинать ее нужно, обязательно, только хорошо отдохнувшим и с хорошим настроением и, несомненно, с наличием вдохновения. Все попытки начать такую работу на основной работе или уставшим неизбежно приводили к браку в работе, а по сути только к пустой трате времени. Поэтому такая работа, требующая большой усидчивости, выполнялась всегда только в свободное от основной работы время и только после хорошего отдыха. Соблюдение этих условий выводило такую работу на уровень свободного творчества.

в программах Paint, Photoshop и CorelDRAV большинство операций по реконструкции изображений оттисков штемпелей монет можно выполнять полностью в компьютере. Очень облегчает работу использование электронного чертежного столика.

Как это осуществляется? Все интересующие нас идентичные стороны монет сканируются в масштабе на сканере с хорошим разрешением (EPSON PERFECTION 2480; EPSON PERFECTION; EPSON PERFECTION V 500 PHOTO). Затем скан стороны, имеющей наиболее полное изображение оттиска, выводится на рабочий стол компьютера. В процессе реконструкции он является базовым. Внутри компьютера изображение увеличивается в 2–3–4 раза – как наиболее удобно. Затем в компьютер вводятся остальные сканы идентичных сторон других монет этой группы реконструируемого изображения. Далее на базовое изображение по одной накладываются сканы идентичных сторон других монет этой группы, имеющие детали, отсутствующие на базовом изображении. Так, путем накладывания одного скана на другой, монтируется полное изображение. Когда все детали реконструируемого изображения (картуши, буквы, точки, звездочки, ободок) совмещены такое полное изображение путем подтирок и дорисовок в компьютере доводится до совершенства. Чтобы изображения краев монет не мешало при реконструкции изображения ободков монет при совмещении сканов на компьютере они систематически убираются. Серый фон, образовавшийся после сканов, путем подчистки очищается до белого. Далее изображение такой увеличенной реконструкции распечатывается на принтере. Потом полное увеличенное изображение оттиска штемпеля прорисовывается четкой тонкой линией, а все детали изображения тонируются черным цветом. Далее тонированное увеличенное полное изображение оттиска штемпеля монеты вводится в компьютер и в нем уменьшается соответственно в 2–3–4 раза до масштаба 1:1. Полученный рисунок можно использовать уже в публикации.

Некоторые отечественные нумизматы давно уже успешно делают реконструкции изображений оттисков штемпелей джучидских монет с помощью оргтехники. Вопрос о пошаговой работе в Photoshop при реконструкции изображения штемпеля имеется на форуме сайта «Исламская нумизматика».

Представленная нами технология реконструкции полного изображения оттисков штемпеля дирхамов применима также к реконструкции полных изображений оттисков штемпелей медных монет. Следует, однако, иметь в виду, что качественные сканы медных монет получаются только с монет почищенных химическим способом, изображения монет почищенных механическим способом, чаще всего, получаются плохо видимыми, а, следовательно, непригодными для нашей работы. В таких случаях следует применять способ реконструкции, основанный на применении цифрового аппарата.

Мы прекрасно осознаем, что до окончательной обработки материалов обеих кладов, полноценные научные выводы делать пока еще рано. Тем не менее, некоторые предварительные предположения и наблюдения можно зафиксировать уже сейчас:

1. В кладах 1962 и 1977 гг. изображения отдельных штемпелей встречаются часто, другие значительно реже, а третьи вообще единичны. Большим количеством и разнообразием изображений штемпелей отличается время монетной реформы 1380 г. (50 экз. штемпелей аверса и 70 экз. штемпелей реверса). Значительно меньше реверсных штемпелей других лет: 780 г.х. – всего 3, 783 г.х. – 10, 786 г.х. – 10, 787 г.х. – 25, 788 г.х. – 3 , 792 г.х. – 1, 793 г.х. – 1, 796 г.х. – 2. Данными о том, как конкретно по годам штемпеля лицевой и оборотной стороны соотносятся друг с другом мы пока не располагаем, поэтому приведенные нами пропорции цифр штемпелей 80-х гг. XIV в. потребуют дальнейшего уточнения;
2. По стилю оформления некоторых отдельных деталей аверсных изображений на штампах уже сейчас просматриваются руки как минимум 6 резчиков штемпелей, которые делали

изображения штампов 782, 786, 787 г.х. Одним или двумя мастерами сделаны штампы монет, изображенных на рис. 1,*1–18*. Единство стиля изображения отличает работа мастера на рис. 1,19-25. Вероятно, им же или его учениками сделаны похожие изображения штампов на рис. 2,26-27 и на рис. 3, 54, 56-58. Еще один мастер, тоже похоже с учеником делали изображения штампов на рис. 2,*28,29,30*. Единство стиля изображения на штампах отличает работу мастера представленную на рис. 2,*31–39*, и, вероятно, рис. 3*,51*. Еще один мастер сделал изображения штампов на рис. 2,*40–45*, и на рис. 3,*52,67*. Несомненно, один мастер делал изображения штампов на рис. 2,*46-50*. И еще два мастера сделали изображение на штампах, представленные на рис. 3,*53* и рис. 3,*55*;

3. По тем же признакам можно отметить, что в 782 г.х. оборотки делали минимум 5–6 резчиков. Один мастер, может быть с учеником, резал штампы для монет, изображенных на рис. 4,*4–25* и на рис. 5,*26–30*. Второй мастер делал чеканы дирхамов, представленных на рис. 5,*31–50* и на рис. 6,*51–61*. Работа третьего мастера представлена на рис. 6,*63-68*. Четвертый мастер представлен на рис. 6,*69–70*. Изображения штампов 782г. х. и 786 г.х., представленные на рис. 6,*62* и на рис. 7,*85* резал пятый мастер;
4. Одним и тем же мастером сделаны и лицевики и оборотки азакских дирхамов 783 г.х., на рис. 3,*59–65* и на рис. 6*,71–77*. Эпитет Азак Богохранимый отразил, видимо, какую-то внешнюю угрозу, нависшую над городом, которую город благополучно пережил. В стиле орнамента чувствуется рука опытного мастера. Может быть, для выполнения срочного заказа этого чеканщика экстренно вызвали из столицы. Ни в предшествующие 783 г.х., ни в последующие годы этот мастер не появлялся;
5. В 780 г.х. в Азаке реверсные изображения штемпелей делали два – три резчика (рис. 4,*1,2,3*). Судя по рис. 4,*2–3* и рис. 5,*31–50* и рис. 6,*51–61* оборотки 780 и 782 г.х. сделаны одним и тем же мастером. По тем же признакам оборотки 780 и 787 г.х. представленные на рис. 4,*1* и рис. 8,*103–105* делал один и тот же мастер;
6. В 786 г. оборотки делали как минимум 2-3 мастера: один – рис. 7,*78,79,85*; второй – рис. 7,*80,81,82,86*; третий – рис. 7,*83,84,87*. Причем третий мастер в 787 г.х. делал оборотки представленные на рис. 7,*88–92*; а оборотки рис. 7,*78,79,85* делал тот же мастер, который делал оборотку 782 г.х., представленную на рис. 6,*62*;
7. В 787 г.х. оборотки делали как минимум 6 мастеров: 1-й мастер представлен на рис. 7,88-92; 2-й мастер – на рис. 7,93-102; 3-й мастер - на рис. 8, 103-105, а может быть и 106; 4-й и 5-й мастера – на рис. 8, 107,108; 6-й мастер – на рис. 8,109-113[4];
8. Рука одного мастера четко прослеживается на оборотках 782 г.х. – рис. 6,*69,70*; на оборотках 786 г.х. – на рис. 7,*83,84,87*; на оборотках 787 г.х. – рис. 7,*88–92*. Оборотки, представленные на рис. 7,*80,81,82,86* делал тот же мастер который делал оборотки 786 г.х. , представленные на рис. 8,*109–114*;
9. Одним и тем же мастером, возможно с учеником, делались лицевики представленные на рис. 2,*28–30* и оборотки 782 г.х., представленные на рис. 6,*69–70*; оборотки 786 г.х., представленные на рис. 7,*83,84,87*; оборотки 787 г.х., представленные на рис. 7,*88–92*;
10. В 788 г.х. оборотки делали, вероятно, всего два мастера: 1-й мастер представлен на рис. 8,114,115; 2-й – на рис. 8,116,117. Особо отметим, что оборотку рис. 8,115 сделал тот же мастер, который делал лицевики и оборотки 782, 786 и 787 гг, представленные на рис. 1,*19–25*, на рис. 5,*31–50*, на рис. 6,*51–61*;
11. На азакских дирхамах Бек Булата из клада 1977 г. не ясно просматриваются цифры года «796» (Л.с. рис. 3,*75*; О.с. рис. 8,*120*);

[4] Первая цифра года № 113 не ясна, мы предполагаем, что мастер так изобразил 787 г.х.

12. Уточнена атрибуция дирхама № 65665 представленного на ZENO.RU с предположительным определением: Чокре или Азак. На самом деле это именной чекан Токтамыша, весьма вероятно 787 г.х. (рис. 3,*55*);
13. Следует отметить несколько изображений оттисков штемпелей, имевшие цифры года, искаженные до неузнаваемости, в частности такие особенности почерка резчиков, по которым трудно определить к какому из этих лет можно отнести конкретную монету (рис. 8,*113,122,123*);
14. Определения монет клада 1962 г. сделала С.А. Янина. Проверка атрибуции монет, чеканившихся в Азаке в 80-х гг. XIV в., выявила три случая неточностей в определении дат монет, год чеканки которых не попал на монету или был плохо виден. Ошибки при этом получались в пределах трех разных лет 780, 782,786 гг.х.;
15. В работах А.П. Григорьева встречаются утверждения, что некоторые годы нанесены резчиком ошибочно, например, должен стоять 782 г.х., а написано 786 г.х., или должен быть 792 г.х., а стоит 892 г.х. Реконструкция полных изображений штемпелей позволяет в одних случаях подтвердить эти утверждения, а в других отвергнуть как необоснованные;
16. В то время, в которое выполнялась эта работа, мы не имели возможности воспользоваться компьютером для изготовления рисунков. Естественно, современная оргтехника позволяет делать такую работу несравненно быстрей, удобней и более совершенно. Тем не менее, мы надеемся, что наша работа, осуществленная вручную и на глаз, даром не пропала. В результате ее удалось установить датировку подавляющей части азакских дирхамов 1380-90–х гг., имевшихся в кладах 1962 и 1977 гг.

Резюме

Было исследовано два клада серебряных монет в XIV в., обнаруженных в Азове в 1962 и 1977 годах. Это позволило сделать реконструкцию изображений на марках монетного двора Азака времени Тохтамыша. Представленные реконструкции штемпелей позволяют уточнить атрибуцию дирхемов Азак 80-х годов и в первой половине 90-х годов XIV в. Классификация и анализ изображений послужили основой для идентификации почерка отдельных марках резчиков, установлено время их работы.

Ключевые слова: Азак, дирхем, Золотая Орда, Токтамыш.

Summary

I study was conducted two hoards of silver coins in the XIV detected in Azov in 1962 and 1977. It is allowed to make the reconstruction of the images on stamps mint Azak of Tokhtamysh time. Submitted image reconstruction stamps help to clarify attribution dirhams of Azak of 80s. and the first half of the 90's. XIV. Classification and image analysis provided the basis to identify the handwriting of individual carvers stamps, set the course of their work.

Keywords: Azak, dirham, Golden Horde, Toktamysh.

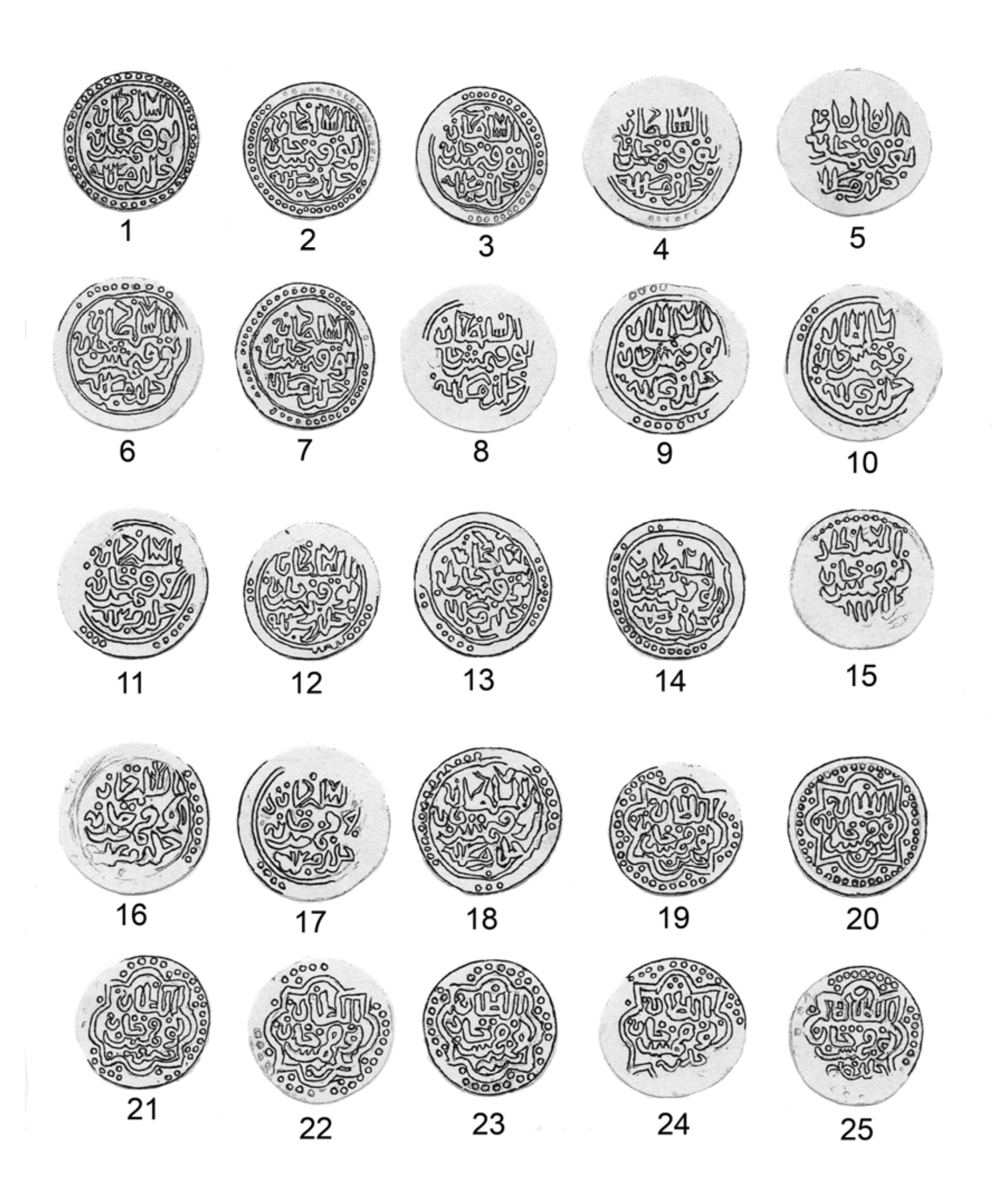

Рис. 1. Изображение аверса штемпелей монетного двора Азака 80-х гг. XIV в.

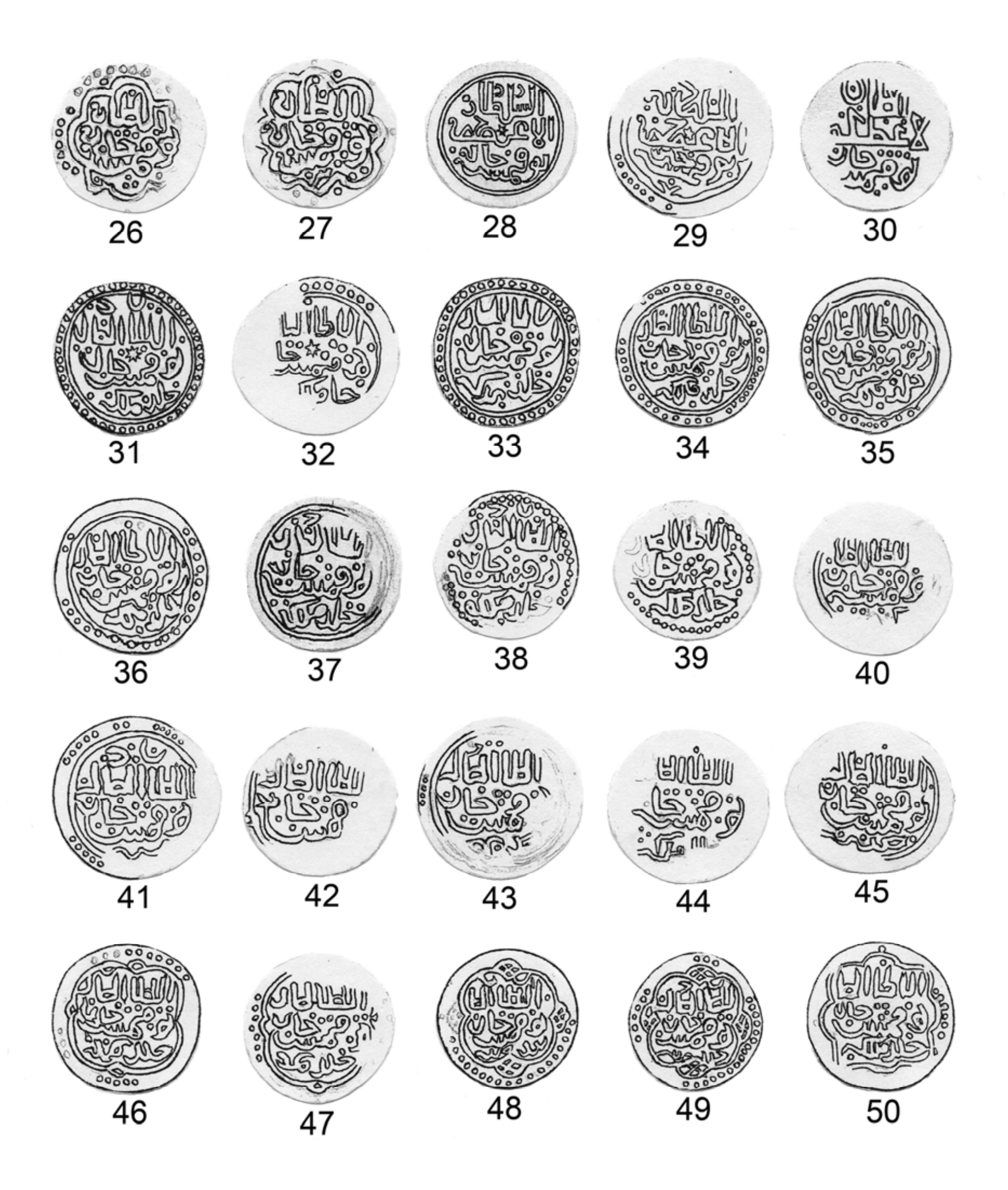

Рис. 2. Реконструкции аверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 1380-х гг.

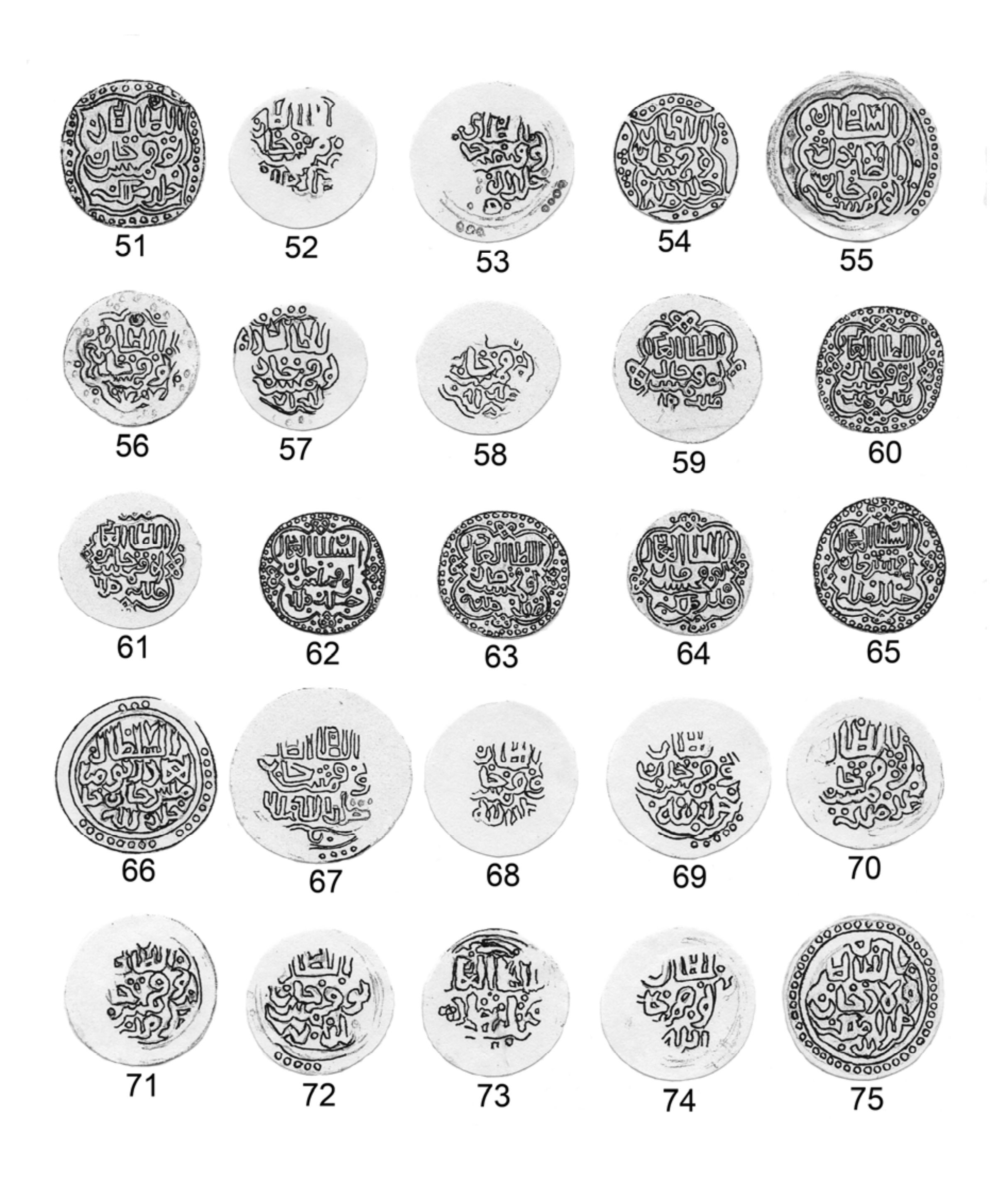

Рис. 3. Реконструкции аверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 1380-1390 гг.

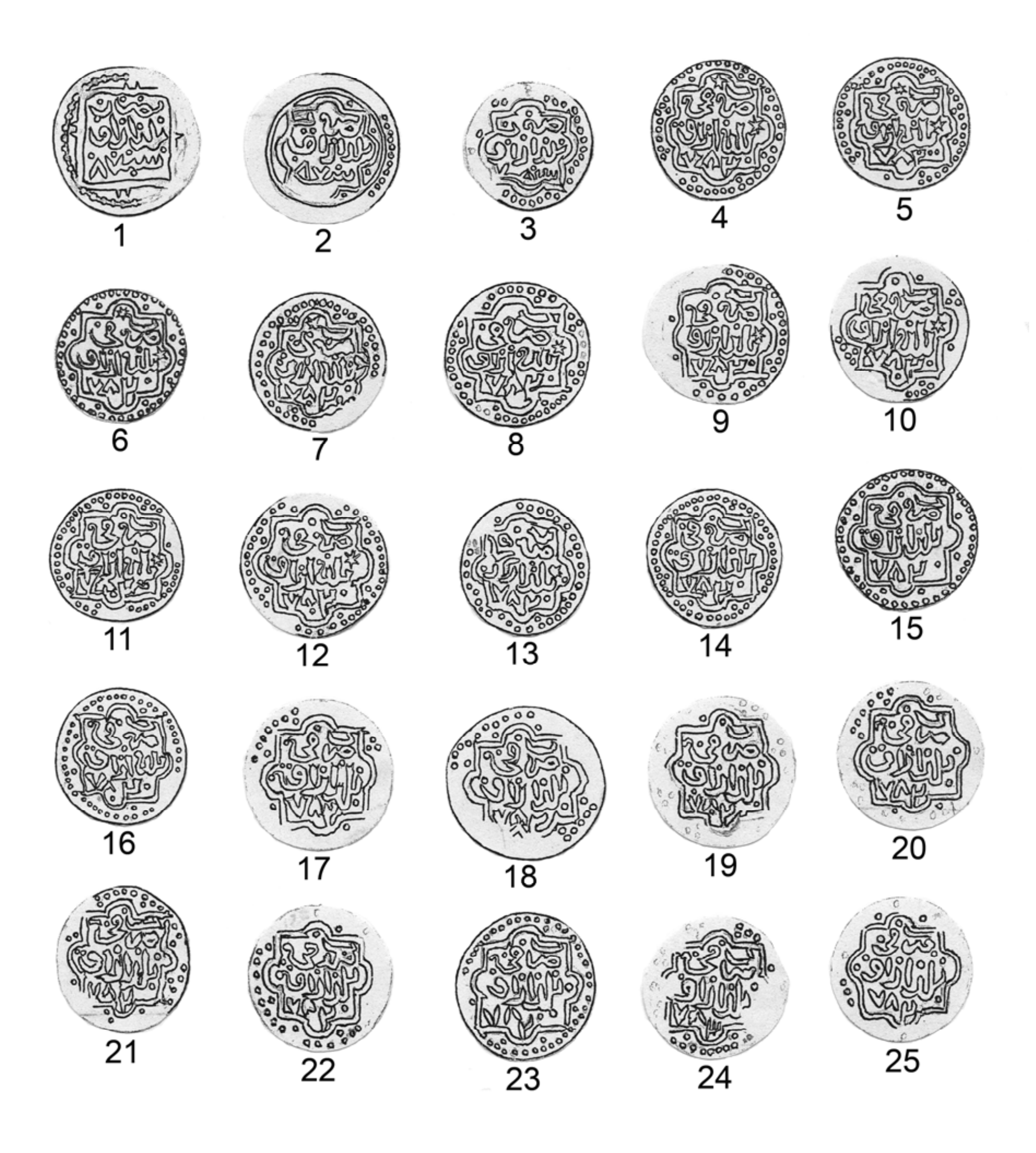

Рис. 4. Реконструкции реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 780 и 782 гг.х.

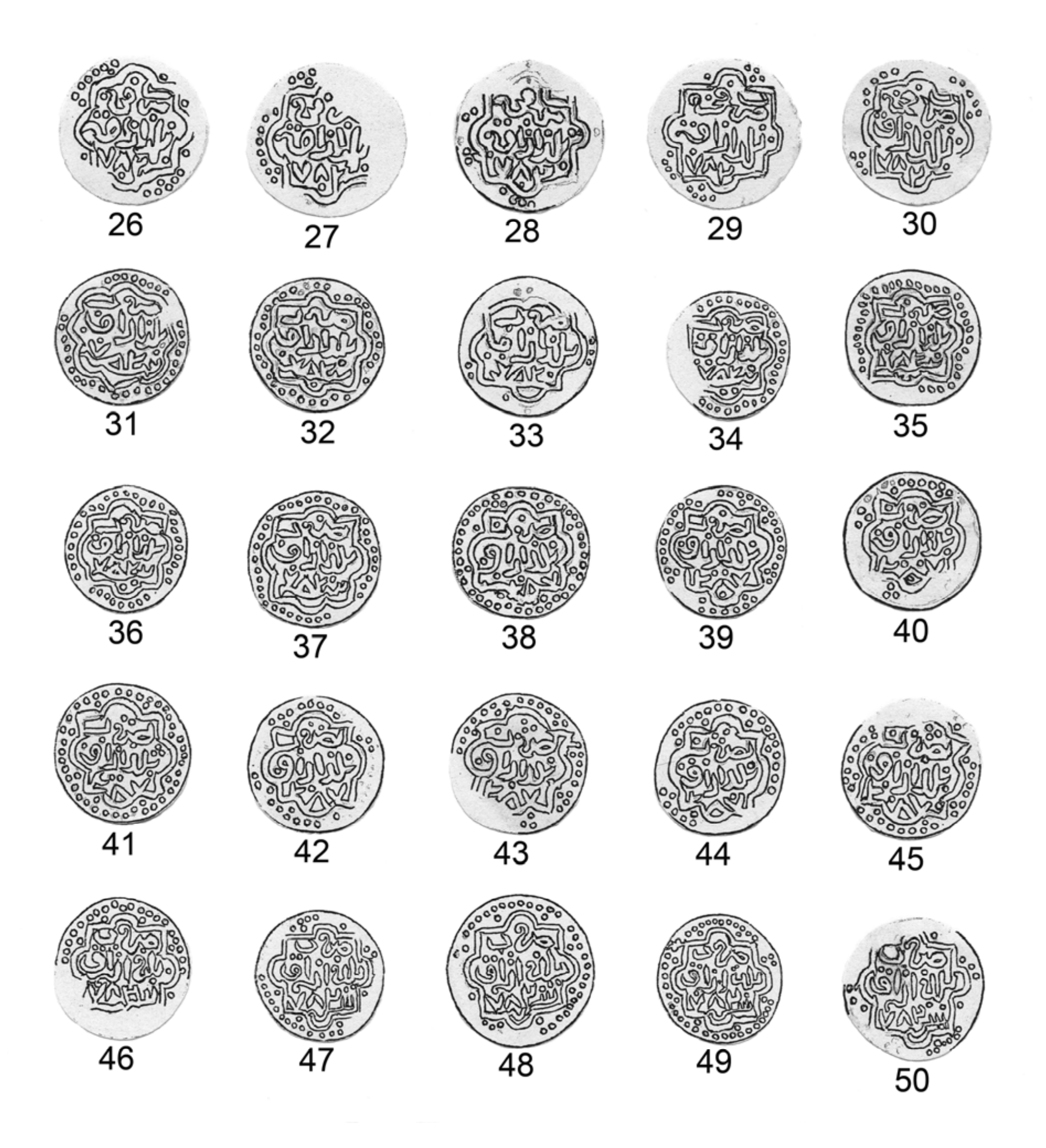

Рис. 5. Реконструкции реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 782 г.х.

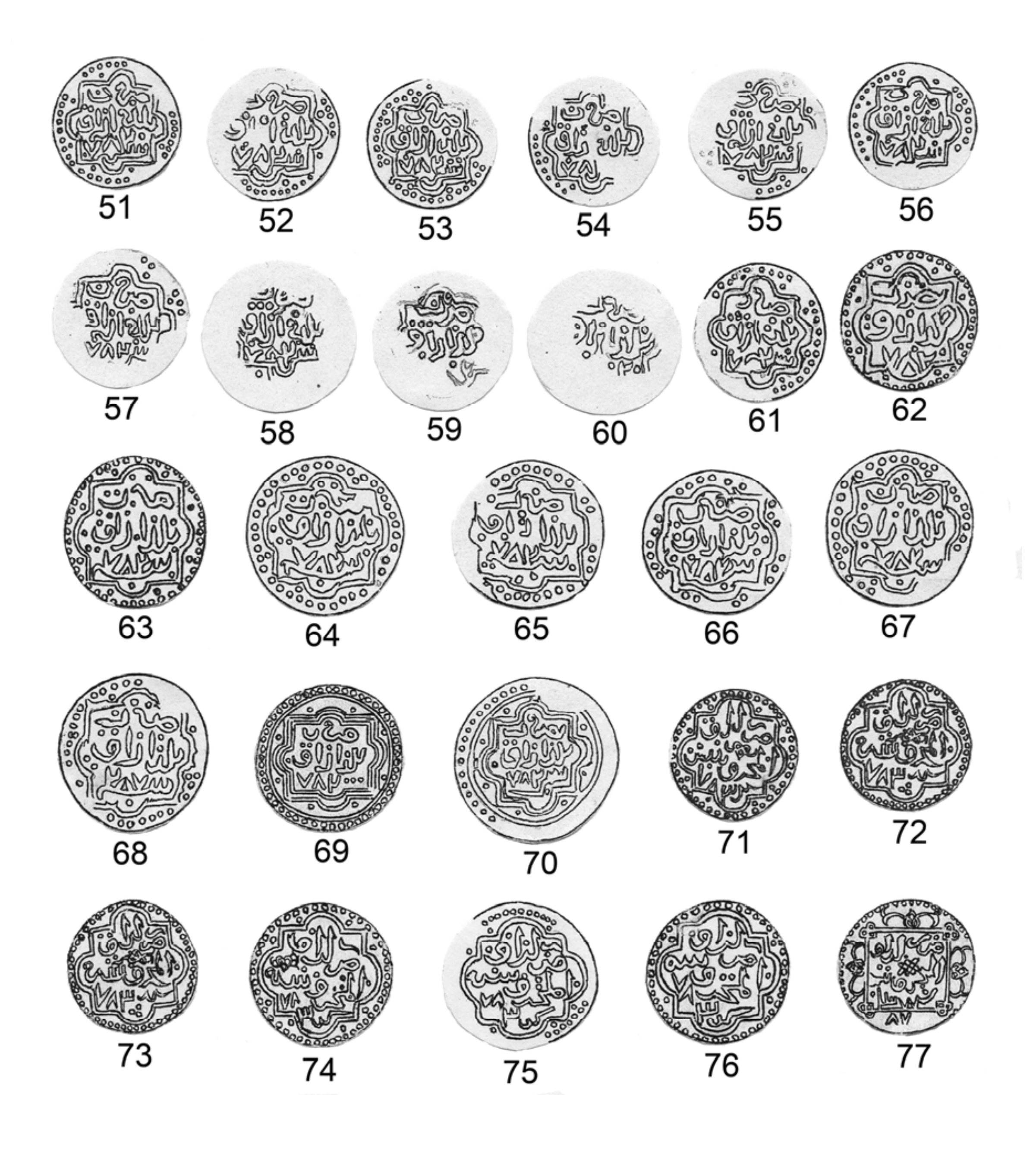

Рис. 6. Реконструкции реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 782 и 783 гг.х.

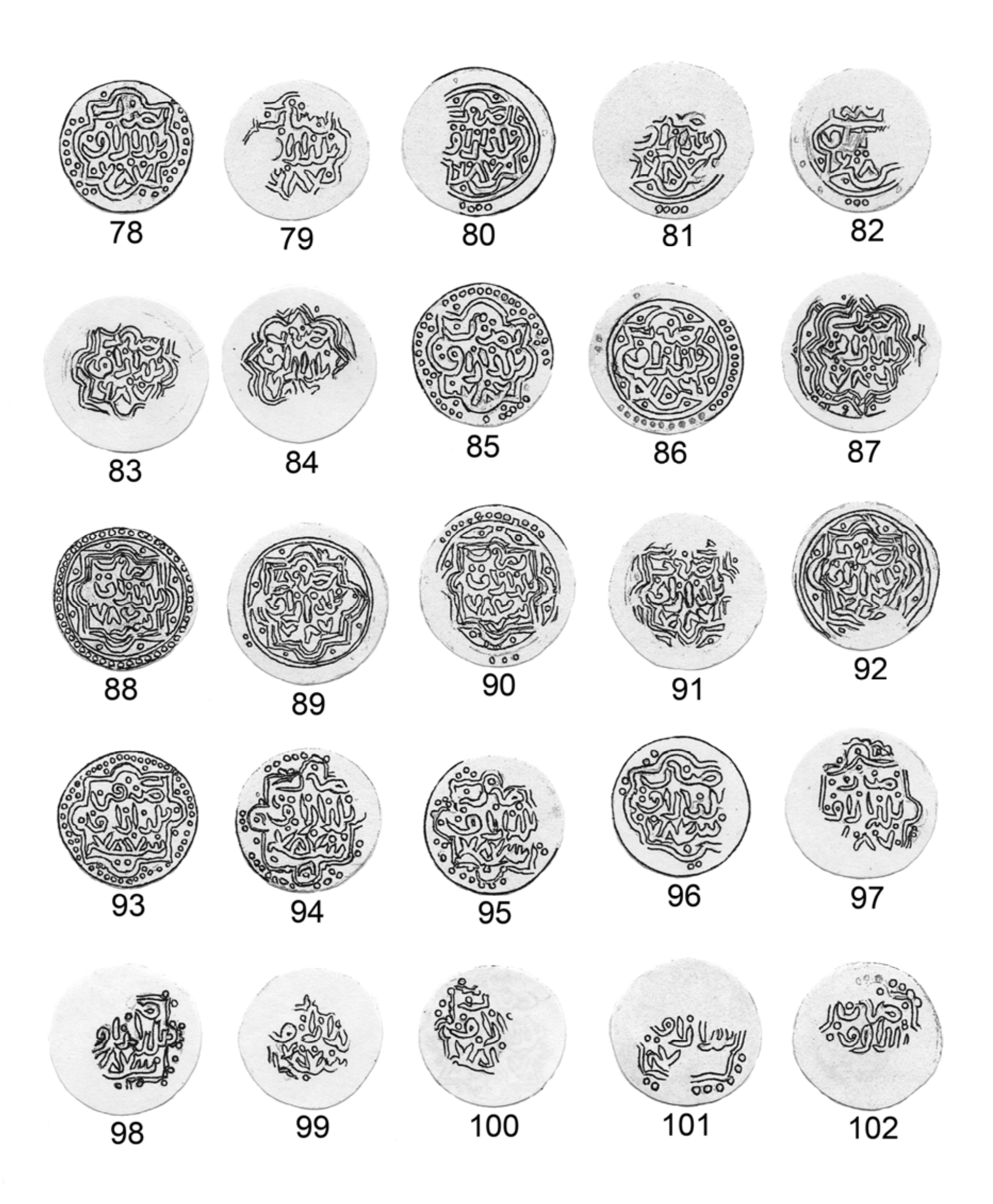

Рис. 7. Реконструкции реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 786 и 787 гг.х.

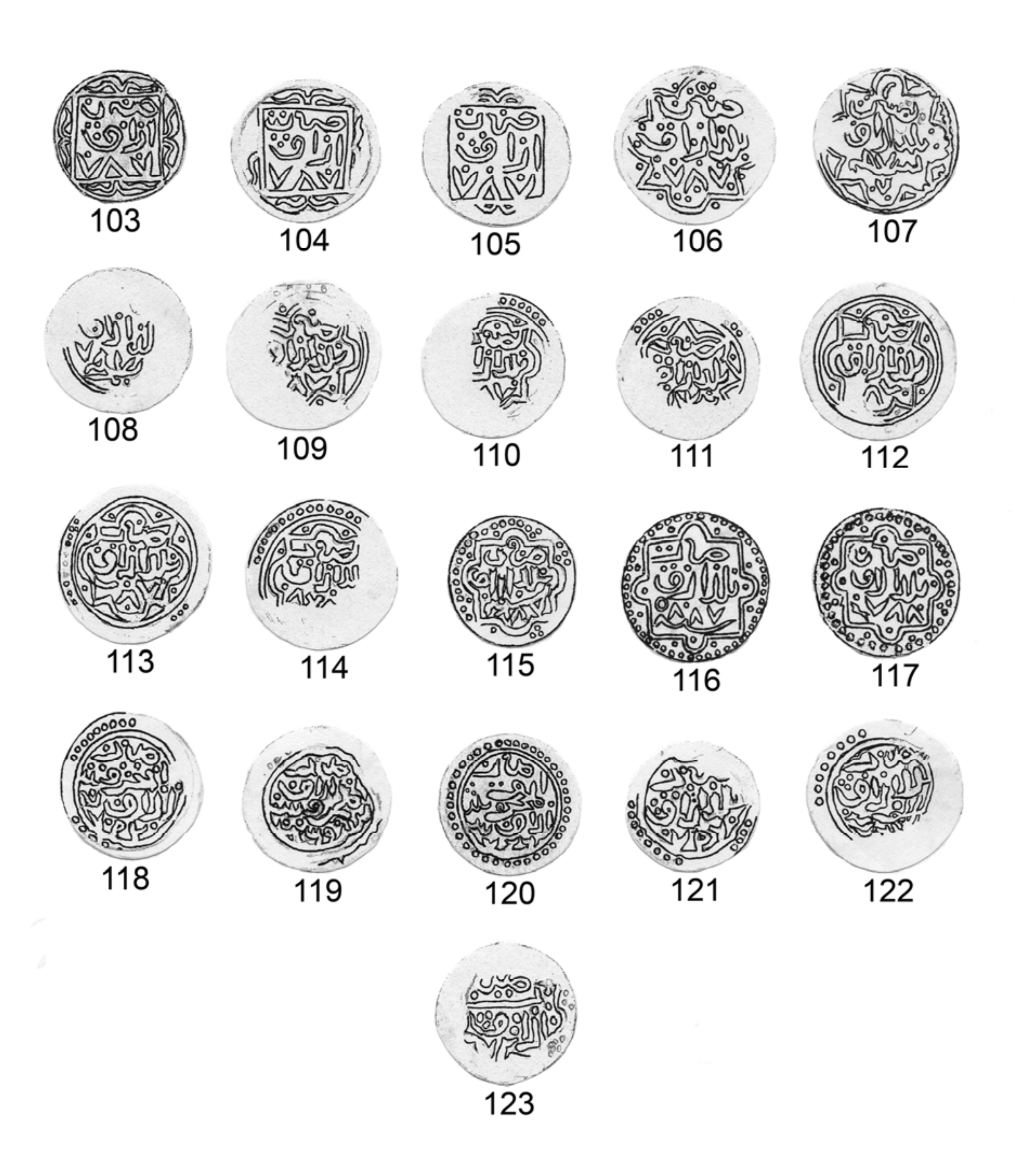

Рис. 8. Реконструкции реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 787, 788, 792, 793 и 796 гг.х.

-

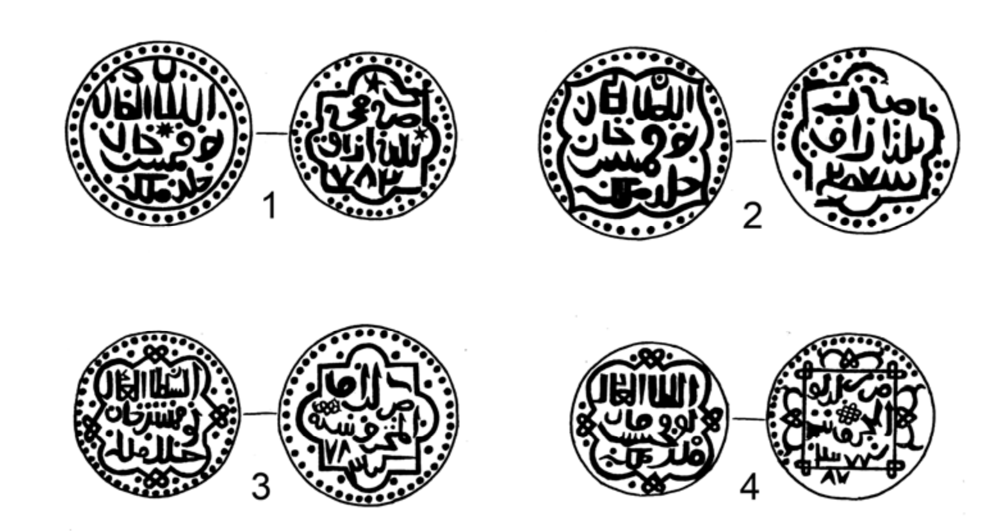

Рис. 9. Реконструкции аверсных и реверсных изображений штемпелей монетного двора Азака 782 и 783 гг.х.

А.В. Якушечкин

МОНЕТНАЯ СТОПА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В СЕРЕДИНЕ XVIII В. (ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Монетное дело Крымского ханства изучается уже не первое столетие. Однако исследователи в основном обращали внимание на атрибуцию разновидностей серебра, биллона и меди его чекана. В их работах приводятся сведения о весе монет, но, насколько нам известно, их проба еще никогда не анализировалась. Не проводится апробация монет и из музейных[1] и частных[2] коллекций. С целью исправить это упущение, мы считаем нужным начать изучение монетного дела Крымского ханства ab aeterno, а для этого обратимся к работам ученых путешественников, посетивших Крымское ханство. В этой статье мы попытаемся проанализировать сведения, содержащиеся в работах Ш.-К. де Пейссонеля[3] и Н.Э. Клеемана.

Ш.-К. де Пейссонель, будучи потомственным дипломатом, в начале своей карьеры был посланником Людовика XV в Смирне, а затем, в 1754 г. переведен на должность консула Франции при дворе крымского хана. В Крыму он пребывал до конца 1758 г., после чего был в 1760–1763 гг. переведен консулом на остров Крит, а затем снова в Смирну. Будучи на службе, Пейссонель написал подробнейший информационный доклад «*Записку о состоянии гражданском и военном Малой Татарии*». В 1788 г. в Амстердаме вышла его работа «*Трактат о черноморской торговле*». Ш.-К. де Пейссонель прибыл в Крым в конце 1754 г., а уехал в конце 1758 г.[4] Н.Э. Клееман посетил Крым во время своего путешествия в 1768–1770 гг.[5]

Несмотря на известность трудов Ш.-К. де Пейссонеля и Н.Э. Клеемана, до сих пор мало внимания уделялось изучению информации, содержащихся в этих работах, их которых можно получить метрологические детали о монетном деле в Крымском ханстве: монетная стопа, обменный курс денег Крыма по отношению к иностранным валютам и многое другое.

Данная работа имеет своей целью попытку проанализировать работы Ш.-К. де Пейссонеля и Н.Э. Клеемана именно с этой, метрологической точки зрения.

Вначале, для удобства, приведем два фрагмента из работ Ш.-К. де Пейссонеля, которые будем часто использовать в дальнейшем.

---

[1] Если не считать, конечно, возмутительных по своей нелепости апробаций монет, проводимых в советские годы. Напомним, что тогда считали нужным брать на пробу металл с поверхности монеты. В результате, к примеру, в Бахчисарайском музее хранятся акче Крымского ханства, изготовленные, будто бы, из чистого серебра. Но, очевидно, что это не так – на них под тонким слоем драгоценного металла проступает красная медь.

[2] Планируем заняться этим в ближайшем будущем.

[3] Шарль-Клод де Пейссонель (1727–1790). В русском языке существуют две традиции передачи фамилии исследователя: Пейссонель и Пейсонель. В данной работе мы будем придерживаться первого написания. Обзор работ Ш.-К. де Пейссонеля можно найти в (См.: *Сапожников І.В.* Південна Україна у середені XVIII ст. у працях Шарля де Пейсонеля. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. Режим доступа / http://www.cossackdom.com/articles/s/sapozhnikov_pesonel.htm; *Сапожников И.В., Полевщикова Е.В.* Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной и средневековой географии Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. 2005-2009. №4. С. 464–475).

[4] См. фрагмент «Б».

[5] *Тунманн*. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 80. Прим.

Фрагмент А[6]

«*Согласно приказа хана[7], которого они не могут ослушаться, сто драхм материала должно дать четыреста восемьдесят пять бешлыков (485) и в этих ста драхмах должно находится пятнадцать драхм серебра, высшего качества, и восемьдесят пять драхм меди. Пятнадцать драхм серебра, по цене девяти турецких пара – равны трем пиастрам и пятнадцати турецким пара, и четыреста восемьдесят пять (485) бешлыков, получающихся из ста драхм материала – равняются двадцати одному «пиастру бешлыков» и пяти бешлыкам; так как константинопольский пиастр стоит семь «пиастров бешлыков» то в результате четыреста восемьдесят пять бешлыков равняются только трем константинопольским пиастрам и пяти бешлыкам; следовательно, несомненно, откупщики потеряли бы тринадцать с половиною турецких пара на сто драхм материала, кроме того, они потеряли бы всю медь, все расходы и убыль материала при плавлении. Они изобрели, не так давно, способ чеканки бешлыков, при существующей цене, с выгодой, но это подкрепление могло быть только очень переходящим и в действительности, было очень непродолжительным. Бешлыки, чеканившиеся, начиная от Аджи-Селим Гюрай-хана[8] и до Селим-Герай Хана[9], предшественник нынешнего хана, – были из очень чистого металла, они состояли, почти на половину из серебра; хан издал приказ, повелевший всем, имевшим бешлыки в сумме одной бурсы, или пятьсот «пиастров бешлыков» – сдать их в казну и разрешил откупщикам брать обратно все старые бешлыки его предшественников, в размере двух процентов за обмен. Откупщики прибавили к этим старым бешлыкам необходимое количество меди, чтобы привести их к нынешней пробе и извлекли из этого значительные выгоды; но старые бешлыки скоро истощились, монетный двор с тех пор не работал больше и никогда больше и не будет работать, если хан не решится согласовать пробу этих монет с расценкой константинопольского пиастра, или если недостаток бешлыков не принудит, в конце концов, константинопольский пиастр спуститься до цены, пропорциональной действительной стоимости бешлыков, что должно непременно произойти, так как барышники, заметившие, что настоящая стоимость бешлыка превосходит ходячую стоимость, ежедневно перевозят их в Константинополь, где они продают их с значительной прибылью*».

Полагаю, что в этом месте уместно сделать следующее замечание. В научной библиотеке «Таврика» Крымского республиканского краеведческого музея находится машинописный перевод[10], который, озаглавлен «*Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 г. министром короля господином де Пейсонель*».

---

[6] Источник (См.: *Peyssonnel C.* Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris, 1787. Vol. 2. С. 296–297), текст дан по переводу (См.: [*Ш.-К. де Пейсоннель*] Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 г. министром короля господином де Пейссонель / Переклад В. Х. Лотошнікової. Сімферополь, липень, 1925. Машинопис / Кримський республіканський краєзнавчий музей. Наукова бібліотека «Таврика». 9 С 1 П-24. С. 37–38). Заменил написание бешелик на бешлык. Полагаю, что в этом месте уместно сделать следующее замечание. В научной библиотеке «Таврика» Крымского республиканского краеведческого музея находится машинописный перевод (См.: Там же), который, озаглавлен «*Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 г. министром короля господином де Пейсонель*». Но, сравнивая этот перевод с французским текстом (См.: *Peyssonnel C.* Traité sur le commerce de la mer Noire. Vol. 2), я убедился в их полной тождественности. К сожалению, в моем распоряжении нет французского оригинала «*Записки о Малой Татарии*» Ш.-К. де Пейссонеля для анализа этой ситуации. Но, вполне возможно, что издавая, в более поздние времена, свой труд «*Traité sur le commerce de la mer Noire*» Ш.-К. де Пейссонель включил туда материалы из более ранних «*Записок*» без изменения.

[7] Ниже мы докажем, что речь идет в данном месте именно о Арслане Гирае.

[8] Селим Гирай I, за совершение хаджа получил почетное звание Хаджи, что и было отражено на монетах его детей. Правил 4 раза: 1671-1678 , 1684-1691, 1692-1699, 1702-1704.

[9] Селим Гирай II, предшественник Арслана Гирая. Правил с середины осени 1743 года по май-июнь 1748 года.

[10] [*Ш.-К. де Пейсоннель*] Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии...

Но, сравнивая этот перевод с французским текстом[11] я убедился в их полной тождественности. К сожалению, в моем распоряжении нет французского оригинала «*Записки о Малой Татарии*» Ш.-К. де Пейссонеля для анализа этой ситуации. Но, вполне возможно, что издавая, в более поздние времена, свой труд «*Traité sur le commerce de la mer Noire*» Ш.-К. де Пейссонель включил туда материалы из более ранних «*Записок*» без изменения.

Фрагмент Б[12]

«*Ценность ханских монет находится всегда в полной зависимости от турецких монет, а стоимость последних повышается и понижается, смотря по обилию бешликов и редкости пиастров. Когда я прибыл в Крым, в конце 1754 г., турецкий пиастр, приравниваемый обыкновенно в 3 французским ливрам (ливр – 25 коп.), стоил 7½ пиастров крымских. Затем, во время дальнейшего моего пребывания в этой стране, ценность турецкого пиастра изменялась очень часто и при отъезде, моем, в конце 1758 г., понизилась до 6 пиастров! ... Ныне царствующий хан, Крым-Гирей, выпустил серебряную монету, также называемую бешлик, но последний стоит два действительных турецких пара, ценность этих последних бешликов не изменяется совсем и 20 их образуют турецкий пиастр. Крым-Гирей не воспретил однако же употребление и старой монеты, которая находится в таком же обращение, как новые бешлики и турецкие монеты. Кроме ханских и турецких обращаются в Крыму также и некоторые иностранные монеты: венецианский секин имеет там ту же цену, что и в Константинополе, т. е. 3 пиастра 35 пара (11 ливров, 12 су, 6 денье французских); la sevillacne продается по пробе серебра, которое по цене немного выше, чем в Турции; голландский секин, называемый по-турецки баджаклы, идет обыкновенно по 3 пиастра, 26 пара, 2 аспра (11 ливров); польское экю – по 1 пиастру, 20 пара (4 ливра 10 су), и ¼ экю, называемая Finfs, по 15 пара (1 ливр, 2 су, 6 денье)*».

Далее мы будем употреблять вместо названия «пиастр» более правильный, с точки зрения Крымского Ханства, османский «куруш». Монеты Арслан Гирая, Халим Гирая и Крым Гирая подробно описаны в «*Die Munzen der Girei*»[13].

Часть I. Монетное дело в Крымском Ханстве во время правления Арслана Гирая (1748–1756) и Халим Гирая (1756–1758)

Проанализируем фрагмент «А». Считаем нужным отметить, что в этом фрагменте существует противоречие. Дело в том, что 485 бешлыков составляют 24 куруша и 5 бешлыков. В самом деле, в одном крымском пиастре 100 акче = 20 бешлыков. 24 пиастра * 20 + 5 = 485 бешлыков. Т.е. в этом месте Ш.-К. де Пейссонель ошибся[14]. Это повлияло на его оценку выгодности чекана монеты.

Перейдем непосредственно к математической интерпретации сведений Ш.-К. де Пейссонеля.

---

[11] *Peyssonnel C.* Traité sur le commerce de la mer Noire. Vol. 2.

[12] *Peyssonnel C.* Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris, 1787. Vol. 1. C. 200–201, текст дан по переводу (См.: *Фелицын Е.Д.* Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1891. Т. 2).

[13] *Retowski O.* Die Munzen der Girei // ТМНО. М., 1905. Т. 3. Вып. 2. S. 218-220, 222, 225-234, 246-247.

[14] По фр. оригиналу количество монет «*quatre cents quatre-vingt-cinq*» (См.: *Peyssonnel C.* Traité sur le commerce de la mer Noire. Vol. 2. P. 296-297).

Драхма (дирхем) – 1/400 окка,
Окка = 1,283 кг[15],
Отсюда драхма равна: 1.283 / 400 = 3,2075 г[16],
100 драхм металла = 3,2075*100 = 320,75 г

Таким образом:
485 монет – 320,75 г,
Вес 1 монеты = 320,75/485 = 0,6613 г (1.1).

Далее, из пробы, указанной Ш.-К. де Пейссонелем (15 драхм чистого серебра и 85 драхм меди), получаем содержание чистого серебра в бешлыке:

0,6613 * 0,15 = 0,0992 г чистого серебра (1.2).

Проанализируем теперь данные Пейссонеля о денежном деле Османов.

15 драхм серебра = 3 турецких куруша (пиастра) + 15 пара.

Исходя из соотношения 1 куруш = 40 пара, получаем:

3 куруша 15 пара = 3 куруша + 15/40 куруша = 3,375 куруша,
3,375 куруша содержат 15 драхм чистого серебра = 15 * 3,2075 = 48,1125 г.

Таким образом, из работы Ш.-К. де Пейссонеля получаем содержание чистого серебра в османском куруше:

1 османский куруш = 48,1125/3,375 = 14,2556 г чистого серебра (1.3).

Или, округляя до одного знака после запятой (как в работе[17]), можно сказать, что, содержание чистого серебра в османском куруше 14,3 г.

Из «»[18] видно, что:

1740 г. – содержание чистого серебра в куруше 14,5 г,
1754 г. – содержание чистого серебра в куруше 14,2 г,
1757 г. – содержание чистого серебра в куруше 11,4 г.

Учитывая то, что полученный нами результат 14,3 г. Лежит между 1740 и 1754 гг., можно еще раз сделать вывод, что в данном месте речь у Ш.-К. де Пейссонеля идет именно о периоде первого правления Арслана Гирая (1748–1756 гг.).

Кстати, отсюда становится понятна и фраза Пейссонеля «15 драхм серебра, по расчету 9 турецких пара…». В самом деле, исходя из (1.3), получаем содержание серебра в паре:

В одной паре чистого серебра = 14,2556 / 40 = 0,3564 г,
3,2075 / 0,3564 = 9 (пара).

---

[15] Сведения были получены нами из (См.: Ottoman Empire: Prices and Wages. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. Режим доступа: /http://pierremarteau.com/wiki/index.php?title=Ottoman_Empire:Prices_and_Wages).
[16] (Ср.: *Pamuk Ş.* A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambdrige, 2000. S. 32).
[17] Ibid.
[18] Ibid. Tab. 10.1.

Т.е. из одной драхмы серебра выходит 9 пара.

Проверим, какое соотношение получается при этом между крымским (К.К.) и османским курушами.

Из (1.2): 1 бешлык содержит 0,0992 г чистого серебра.

Следовательно,

1 куруш = 20 бешлыкам содержит 20*0,0992 = 1,9840 г чистого серебра (1.4).

Из (1.3) и (1.4) соотношение османского к крымскому курушу:

14,2556 / 1,984 = 7,1853.

Проверим высказывание Ш.-К. де Пейссонеля об убыточности чекана Крымских монет. Нас интересует: «*...следовательно, несомненно, откупщики потеряли бы тринадцать с половиною турецких пара на сто драхм материала…*». Сразу скажем, что это выполняется в том случае, если из 100 драхм металла мы получаем, как указал Ш.-К. де Пейссонель, 21 «*пиастр бешлыков*» и пять бешлыков. Но, как мы уже указывали ранее, если это число перевести в бешлыки, том мы получим 21 * 20 + 5 = 425 бешлыков, а не 485! Все же, докажем, вначале, вывод Ш.-К. де Пейссонеля.

15 драхм серебра содержат в себе 3 османских куруша и 15 пар[19].

Это же количества металла (ошибка!) содержат в себе 21 крымский куруш и 5 бешлыков.

21 Крымский куруш и 5 бешлыков = 21 + 5/20 = 21,25 (К. К.).

Переведем эту величину в османские куруши (О.К.).

21,25 / 7 = 3,0357 (О.К.).

Эквивалент по содержанию серебра в османской монете:

3 О.К. 15 пар = 3+15/40 = 3,375 (О.К.).

Получили 3,0357 О.К.

Убыток от этой операции:

3,375 – 3,0357 = 0,3393 (О.К.).

Переведем эту величину в пара, помня, что 1 О.К. = 40 пара:

0,3393 * 40 = 13,572 (пара),

или, приблизительно, 13½ пара, как на это и указал Ш.-К. де Пейссонель.

[19] Из одной драхмы серебра – 9 пара, следовательно, из 15 драхм серебра – 15 * 9 = 135 пара. Учитывая, что в 1 куруше 40 пара, получаем, что 135 пара = 3 * 40 + 15 = 3 куруша + 15 пара.

Теперь сделаем этот же расчет, но учитывая, что из 100 драхм серебра произведено все же 485 бешлыков.

485 бешлыков = 24 К.К. и 5 бешлыков = 24,25 К.К.,
24,25 / 7 = 3,4643 (О.К.) – переводим сумму в О.К. по курсу 7 : 1. (1.5).

Получаем: 3,4643 – 3,375 = 0,0893 (О.К.) (1.6).

Переведем эту разницу между себестоимостью и курсовой стоимости в пара:

0,0893 * 40 = 3,572 (пара) – перевод разницы в пара.

Т.е. в этом случае при производстве монет из 100 драхм серебра в Крыму получалась «грязная прибыль» в 3½ пара. Скорее всего, эта прибыль была недостаточна, чтобы покрыть остальные затраты – стоимость меди (а это – 85% веса монеты), самого процесса изготовления, сопутствующих расходов и так далее.

В этом месте следует подчеркнуть, что Ш.-К. де Пейссонель некорректно подошел к самому понятию «рентабельности» чекана монеты. В самом деле, убыточность или прибыльность того, или иного мероприятия было бы правильно оценивать методом сравнения затрат и полученного результата. В данном случае, полученный результат – это 485 бешлыков.

Затратная часть слагается из:

А) расходы на закупку монетного металла (в нашем случае – серебро и медь);
Б) сопутствующие расходы: уголь, неизбежные потери металла, амортизация оборудования, и прочее;
В) вознаграждение персонала;
Г) возможная прибыль откупщиков, или сеньораж государства.

Только имея в своем распоряжении точно подсчитанную сумму расходов, можно говорить о рентабельности, или убыточности монетного производства на данном этапе в Крымском ханстве. Ш.-К. де Пейссонель же сравнивает, насколько рентабелен был процесс производства, при этом учитывая только соотношение содержания серебра и обменный курс. Докажем это.

В Крымском ханстве для изготовления 485 бешлыков требовалось 15 драхм серебра. Эквивалентом этих 485 бешлыков, как мы уже показали (1.5), есть 3,4643 (О.К.). Посчитаем, каков эквивалент этой суммы в чистом серебре. При норме 9 пара из 1 дирхема серебра, получаем, что на один османский куруш идет 40 / 9 = 4,4444 драхм (1.7).

Отсюда, для изготовления 3,4643 куруша надо: 4,4444 * 3,4643 = 15,3967 драхм чистого серебра (1.9).

Таким образом, если для изготовления 485 крымских бешлыков требуется 15 драхм серебра, то для изготовления такой же по стоимости суммы в османском эквиваленте требуется 15,3967 драхм серебра. Разница составляет 0,3947 драхмы, или 2,64%[20]!

Т.е., с учетом содержания серебра, заниматься контрабандой монет не имело смысла, так как в крымских монетах его было меньше. Что же заставило Ш.-К. де Пейссонеля говорить о

[20] Можно предположить, что эта разница, в 2,64% могла быть связанна с разной ценой серебра в Крыму и в Османской империи.

невыгодности чекана и о контрабанде? Думаю, что ответ на это вопрос в другом компоненте монетного сплава – в меди.

Для 485 крымских бешлыков – это 85 драхм. Вычислим содержание меди в эквиваленте – 3,4643 османского куруша. Из «»[21] получаем, что в период правления Арслан Гирая монетный сплав состоит из 60% серебра. Из этого, зная содержанием серебра, легко вычислить и содержание меди:

15,3967 * 40 / 60 = 10,2645 (драхм) меди.

Можно составить следующую таблицу:

Весовые характеристики	Крым	Османы
	485 бешлыков	3,4643 куруша
Вес серебра (дирхем)	15	15,3967
Вес меди (дирхем)	85	10,2645
Всего (дирхем)	100	25,6612
Вес единицы (дирхем)	0,2062	7,4073
Вес единицы, г	0,6614	23,7589

Из таблицы видно, что меди для производства крымских бешлыков затрачено в 8 раз больше, чем для производства османского эквивалента!

Именно этот фактор, на мой взгляд, и является основополагающим в том положении, что сложилось в монетном деле в период Арслана, и, очевидно, Халима Гирев.

Можно следующим образом реконструировать последовательность событий: Арслан Гирай, так же, как и его предшественники, занялся государственной порчей монеты, но при этом уменьшение содержание благородного металла не повлекло за собой адекватного снижения общего веса монеты, а происходило в виде изменения доли серебра в сплаве. Скорее всего, это было сделано для того, чтобы скрыть явное мошенничество от граждан. Но Арслан в своих действиях зашел слишком далеко, уменьшив долю серебра в сплаве в три раза по сравнению со своими предшественниками (с 50% до 15%). Замещение массы серебра шло за счет увеличения массы меди. С точки зрения экономики внутри государства это было выгодно – ведь благородный металл замещался более дешевой медью. Но, как мы видели, с точки зрения обменного курса по отношению к османской монете в расчет принималось только содержание серебра. Именно этот факт и сыграл главную роль в том, что стало выгодно заниматься контрабандой монеты.

Пусть некий контрабандист решил заработать на этом. Для этого ему достаточно ввезти в Крым некое количество османской монеты, разменять ее в Крыму на равновеликую по серебру сумму крымских бешлыков[22]. При этом он, компенсируя затраты по серебру, имеет в прибыли всю ту лишнюю медь, которая с таким превышением содержалась в крымской монете по сравнению с османской!

Можно высказать о том, что Ш.-К. де Пейссонель, несмотря на свою дотошность и скрупулезность, все же не до конца разобрался в подлинной причине причины выгодности контрабанды монет. Возможно, косвенно, ему помешало сделать правильный вывод его досадная ошибка в пересчете бешлыков в куруши, о которой я неоднократно уже говорил.

Уместно еще и обратить внимание на пассаж Ш.-К. де Пейссонеля о том, что откупщики, путем переплавки старых бешылков, добавляя туда медь, получали «значительные выгоды».

[21] Ibid. Tab. 10.1.

[22] За исключением той самой разницы в 2,6%.

Думаю, что это может служить косвенным свидетельством именно грабительского характера уменьшения пробы монеты при Арслан Гирае – т.е., судя по всему, проба уменьшилась, а номинал монеты остался тот же. Непонятно только, зарабатывал ли на этом казна самого хана, ведь слабо вериться, что на столь выгодной «денежно-финансовой операции», а, попросту говоря, просто афере, зарабатывали только откупщики!

Проанализируем фрагмент «Б». «Когда я прибыл в Крым, в конце 1754 г., турецкий пиастр, приравниваемый обыкновенно в 3 французским ливрам (ливр 25 коп.), стоил 7 ½ пиастров крымских». На 1754 г. Ш. Памук[23] дает содержание чистого серебра в османском куруше 14,2 г

Отсюда, серебряное содержание крымского куруша (из курса 7,5 : 1):

14,2 / 7,5 = 1,8933 г

А, в одном бешлыке Арслан Гирая в 1754 году было чистого серебра:

1,8933 / 20 = 0,0946 г

Если принять, что содержание серебра в монете было 15%, то получаем вес бешлыка:

0,0946 / 0,15 = 0,63 г

Сравнивая эти данные, и данные, полученные из фрагмента «А», можно увидеть, что серебряное содержание бешлыков Арслан Гирая не был стабильно.

Интересный результат можно получить для периода 1754–1757 гг. Из «»[24] мы видим, что в этот период содержания серебра в османском куруше изменилось с 14,2 г до 11,4 г.

Период первого правления Арслан Гирая пришелся на 1748–1756 гг. Его сменил Халим Гирай, который правил в 1756–1758 гг. Судя по той информации, что дает нам Ш.-К. де Пейссонель, курс 6 : 1 установился в Крыму в 1758 г. То есть, есть основания считать, что в начальный период правления Халима Гирая курс был еще 7 : 1.

Попробуем рассчитать вес бешлыка Халим Гирая[25]. В 1757 г. османский куруш содержал 11,4 г чистого серебра. Отсюда, серебряное содержание крымского куруша (из курса 7 : 1): 11,4 / 7,00 = 1,6286 г

Следовательно, в одном бешлыке Халим Гирая в 1757 г. было чистого серебра:

1,6268 / 20 = 0,0814 г

Если принять содержание серебра в 15%, то получаем вес бешлыка:

0,0814 / 0,15 = 0,5427 г.

---

[23] Ibid.

[24] Ibid.

[25] Следует помнить, что как мы уже неоднократно подчеркивали, вычисление веса крымской монете по соотношению весов чистого серебра является лишь приблизительным Для более детальной проработки это этой проблемы, а также для того, чтобы попытаться получить базу для дальнейших вычислений и реконструкции эволюции монетной стопы в Крымском Ханстве, произвести статистическую обработку комплексов монет Крыма данного периода, и тем самым вычислить «модельные» веса бешлыков Крыма. При этом надо учитывать, что распределение веса монет одного хана могут быть многомодальными, т.е. являться суперпозицией весовых распределений нескольких монетных стоп. Подробнее математический аппарат подобных расчетов можно посмотреть в (См.: *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2010).

Сформулируем краткие выводы Части I:

1. Мы показали, на основе весовых характеристик османских монет, что речь в начале фрагмента «А» идет именно об Арслане Гирае;
2. Высказана гипотеза, о том, что монетная стопа при Арслане Гирае менялась;
3. Вычислена монетная стопа на один из периодов правления Арслана Гирая;
4. Выгодность контрабанды монет Крымского Ханства в Османскую Империю стало значительное превышение в монетах Крыма меди;
5. Сделана попытка восстановить монетную стопу при Халим Гирае.

Часть II. Реформа Крым Гирая

Нам известны два исторических источника, в которых упоминается некая реформа денежного дела Крым Гирая. Приведем фрагменты этих источников.

А) Выдержка из донесения российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирая[26]: «*Вторым ферманом велено: реченным Крым-Гиреем истребленную в противность давнему обычаю, из давних лет от прежних ханов изданную монету, именуемую черные-башлыки, в народ ходить по прежнему, а сделанные, за его бытность, из Российской серебряной монеты и в народ выпущенные по примеру турецких серебряных пара, под жестоким наказанием пара называть запрещено, а именовать – тремя денежками*».

Б) Выдержка из работы Ш.-К. де Пейссонеля, фрагмент «Б».

Для периода правления Крым Гирая Ш. Памук[27] дает следующие данные
по серебряному содержанию османского куруша:

1757 г. – вес куруша 19,0 г, проба 60%, содержания чистого серебра в куруше 11,4 г,
1766 г. – вес куруша 19,2 г, проба 60%, содержания чистого серебра в куруше 11,5 г.

Как видим, это был период некой стабильности в монетном деле Османской империи, и мы можем взять для времени первого правления Крым Гирая усредненное содержание в куруше 11,45 г чистого серебра.

Турецкая система денежных номиналов:

1 оттоманский куруш = 40 пара = 120 акче.

Отсюда получаем содержание чистого серебра в одной османской паре:

11,45 / 40 = 0,28625 г (2.1).

Учитывая указание Ш.-К. де Пейссонеля (бешлык равен двум турецким пара), мы должны положить чистое содержание в новом бешлыке Крым Гирая в:

---

[26] Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея // ЗООИД. 1844 г. Т. 1. С. 377.
[27] *Pamuk Ş.* A Monetary History of the Ottoman Empire. Tab. 10.1.

0,2862 * 2 = 0,5725 г (2.2).

По сообщению Ш.-К. де Пейссонеля, в 1758 г. османский пиастр стоил 6 крымских.

1758 г. – это взошествие на престол Крым Гирая, который ввел новый бешлык, так, что новый крымский куруш (состоящий из 20 новых бешлыков) стал равен османскому курушу.

Т.е. до реформы:

1 крымский куруш = 1/6 османского куруша.

После реформы:

1 новый крымский куруш = 1 османский куруш.

Отсюда видно, что:

1 новый крымский бешлык = 6 старым[28] крымским бешлыкам.

Проверим это. Найдем соотношение старого, дореформенного бешлыка (чекана Халим Гирая ?), и нового, послереформенного бешлыка Крым Гирая.

Для этого учтем соотношения (1.2) и (2.2). Получим:

0,5725 / 0,09927 = 5,7671 (2.3).

Как видно из (2.3) точного соотношения 1/6 не получается. Так что, возможно, Халим Гирай ввел свою собственную стопу, уменьшив содержание чистого серебра в монете. Есть и еще одно объяснение – соотношение 1 : 5,76 вместо 1:6 является следствием той самой недооценки курса крымских бешлыков, о которой мы говорили в первом разделе.

К сожалению, мы пока не знаем пробы монет Крымского ханства в правление Крым Гирая. Поэтому, на данном этапе будем вынуждены делать некоторые предположения об этой пробе. Монеты османов имели в это время 600 пробу[29], но, в то же время, мы знаем из сообщений Пейссонеля, что проба монет предшественников Крым Гирая не поднималась выше 500.

Поэтому, имеем следующую сводку:

При 60% серебра – фактический вес бешлыка 0,950 г,
При 50% серебра – фактический вес бешлыка 1,145 г.

Среди выпусков монет Крым Гирая (1758–1764, 1768–1769) времен его первого правления выделяется группа монет с необычным весом в районе 0,55–0,60 г[30]. К моменту прихода к власти Крым Гирая в монетном деле Крымского Ханства устойчиво выделяются только два номинала монет – акче и бешлык (5 акче). Попытаемся разобраться с номиналом монеты Крым Гирая в 0,55–0,60 г.

---

[28] Специально не употребляем здесь эпитеты «*кара*» и «*бияз*», речь о которых пойдет ниже.

[29] *Pamuk Ş.* A Monetary History of the Ottoman Empire. Tab. 10.1.

[30] *Retowski O.* Die Munzen der Girei. S. 229. № 25,26, Taf. XV. Кроме того, эти монеты представлены на ресурсе (См.: «Портал Нумизматики Крыма». [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. Режим доступа: COINS.UCOZ.RU).

По сообщению Ш.-К. де Пейссонеля, в 1758 г. турецкий пиастр стоил 6 крымских. 1758 г. – это взошествие на престол Крым Гирая, который ввел новый бешлык, так что новый крымский куруш (состоящий из 20 новых бешлыков) стал равен османскому курушу.

Отсюда видно, что новый крымский бешлык равен 6 старым. И, соответственно, 1 новое акче (скорее всего, это была уже чисто счетная единица) по стоимости равно 6 старым.

Теперь попробуем разобраться с пара.

1 османский куруш = 40 пара,
1 новый крымский куруш = 20 новых бешлыков.

Таким образом, 1 новый крымский бешлык = 2 пара.

А монета, по весу в половину бешлыка, вполне может быть равна по стоимости 1 пара. Но, с другой стороны, как мы показали, это будет 3 старых бешлыка[31]. Именно это, очевидно, и является основой для того, чтобы назвать новый номинал, введенный Крым Гираем, — «тремя денежками» (донесение Никитина).

Вычислим соотношение акче османи и «нового» акче Крым Гирая.

Итак:

1 куруш османи = 1 куруш «новый»,
120 акче османи = 100 «новых» акче.

Т.е.,

1 «новый» акче = 1,2 акче османи.

Соответственно,
1 «старый» крымский акче = 1,2 / 6 = 0,2 акче османи.

Фактически, Крым Гирай, произведя свою реформу, и тем самым, приблизив содержание серебра в монетном сплаве к османскому стандарту[32], полностью устранил ту самую лазейку для контрабанды монет Крыма в Османскую империю, о которой мы писали в предыдущем разделе. Можно допустить, что данное действо также было одним из побудительных мотивов проведения этой реформы!

Подведя краткий итог, можно дать следующую сводку номиналов крымского ханства.

---

[31] В этом месте хотелось бы отметить еще и следующее. 1 пара содержит в себе три акче османи. Т.е., возможность интерпретации фразы Никифорова о «трех денежках» как о трех акче османи. Но, на мой взгляд, все же подобный вывод был бы неверен. Пейссонель писал, что курс Крымского Куруша по отношению к Османскому не стабилен. За несколько лет от изменился от соотношения 7,5 : 1 до 6 : 1. В то же время у местных жителей была своя собственная монета – бешлык. Судя по всему, сразу после отстранения о власти Крым Гирея его денежная реформа была упразднена. Именно поэтому и правильно привязывать «денежку» Никифорова к «дореформенному» бешлыку Крым Гирея, а не к неустойчивому по курсу акче османи.

[32] В рамках данной работы мы, к сожалению, лишены возможности экспериментального исследования состава монетного сплава монет Крымского Ханства. Но в будущем мы планируем обязательно этим заняться.

Непосредственно до реформы Крым Гирая:

1 акче содержал 0,0191 г чистого серебра,
1 бешлык содержал 0,0954 г чистого серебра,
1 акче = 0,2 акче османи,
1 крымский куруш = 1/6 османского куруша.

Реформа Крым Гирая:

1 акче содержал 0,1145 г чистого серебра,
1 бешлык содержал 0,5725 г чистого серебра,
1 пара содержал 0,2862 г чистого серебра,
1 акче = 1,2 акче османи,
1 бешлык = 6 акче османи,
1 крымское пара = 3 акче османи = 1 пара османи,
1 крымский куруш = 1 османский куруш.

Номинал	Содержание чистого серебра в монете, г	
	До реформы	После реформы
акче	0,0191	0,1145
бешлык	0,0954	0,5725
пара		0,2862
куруш	1,908	11,45

Часть III. Обменный курс монет Крыма к некоторым европейским валютам в указанный период

Из фрагмента «Б» можно, кроме того, вычислить курс иностранных монет в Крыму по отношению к монетам Крымского ханства. Ш.-К. де Пейссонель: «*Кроме ханских и турецких обращаются в Крыму также и некоторые иностранные монеты: венецианский секин имеет там ту же цену, что и в Константинополе, т. е. 3 пиастра 35 пара (11 ливров, 12 су, 6 денье французских); la sevillacпе продается по пробе серебра, которое по цене немного выше, чем в Турции; голландский секин называемый по турецки баджаклы, идет обыкновенно по 3 пиастра, 26 пара, 2 аспра (11 ливров); польское экю - по 1 пиастру, 20 пара (4 ливра 10 су), и ¼ экю, называемая Finfs, по 15 пара (1 ливр, 2 су, 6 денье)*».

Из работы Ш. Памука[33] мы видим, что в 1758 г. обменный курс венецианского дуката к османскому курушу был 3 куруша 105 акче, что, учитывая соотношения 1 пара = 3 акче, полностью совпадает с курсом, указанным Ш.-К. де Пейссонелем.

Вычислим курс Венецианского дуката по отношению к крымским деньгам.

3 куруша 105 акче = 3 + 105/120 = 3 + 7/8 = 3,875 (османского куруша).

[33] *Pamuk Ş.* A Monetary History of the Ottoman Empire. Tab. 10.1.

Учитывая, что после реформы Крым Гирая, османский куруш равен крымскому, получаем, что:

1 венецианский дукат = 3,875 крымского куруша = 387,5 крымских акче
= 77 бешлыка 2,5 акче = 77,5 бешлыка Крым Гирая.

Можно это выразить по-другому:

1 венецианский дукат = 77 бешлыка + 1 пара Крым Гирая.

Теперь, учитывая, что в результате реформы Крым Гирая, произошло увеличение стоимости монет в 6 раз, вычислим курс венецианского дуката к дореформенным[34] деньгам:

77,5*6 = 465 дореформенных бешлыков (условно – бешлыки Халима Гирая) (а)

Голландский секин, это, очевидно, голландский дукат.

3 куруша 26 пара 2 акче[35] = 3+26/40+2/120= 3 + 0,65 + 0,0167 = 3,667 (О.К.)

Учитывая равенство крымского и османского куруша, получаем:

1 голландский дукат = 3,667 крымского куруша = 367 акче = 367/5 =73,4 бешлыка,
1 датский дукат равен 73 бешлыка 2 акче Крым Гирая.

Или,

73,4 * 6 = 440,4 = 440 бешлыков 2 акче (бешлыка Халим Гирая).

Польское экю (Польский злотый):

1 куруш 20 пара = 1,5 О.К. = 1,5 куруша Крым Гирая.

Отсюда,

1 польский злотый = 150 акче = 30 бешлыков Крым Гирая,
1 польский злотый = 180 бешлыков Халим Гирая.

Опрелим экивалант ¼ экю[36] в османской и крымской валютах:

15 пара = 15/40 О.К. = 0,375 О.К.,
0,375 О.К. = 0,375 куруша Крым Гирая.

Отсюда,

¼ экю = 37,5 акче = 7 ½ бешлыка Крым Гирая,
¼ экю = 45 бешлыков Халим Гирая.

---

[34] К тем самым кара-бешлыкам.
[35] Заменил «аспр» на «акче». Очевидно, что под аспром Ш.-К. де Пейссонель понимает османское акче.
[36] ¼ экю – ¼ польского злотого, т.е. один польский грош.

Так как Ш.-К. де Пейссонель приводит, параллельно, и стоимость во французских деньгах, то восстановим курс монет Крыма к французской монетной системе.

Вначале – о системе номиналов монет во Франции во второй половине XVIII века:

1 ливр = 20 су,
1 су = 12 денье.

Как указывает Ш.-К. де Пейссонель:

1 османский куруш = 3 ливра. (2.3)

Вначале докажем корректность вычислений Ш.-К. де Пейссонеля[37].

Венецианский дукат:

3 куруша 35 пара = 11 ливров 12 су 6 денье (2.4).

Для доказательства этого тождества переведем левую часть в ливры, учитывая курс 1 куруш = 3 ливра:

3 куруша 35 пара = 3 + 35/40 = 3⅞ (О.К.),
3⅞ (О.К.) = 3⅞ * 3 = 9 + 21/8 = 9 + 16/8 + ⅝ = 11⅝ (ливров) (2.5).

С другой стороны, распишем правую часть (2.4):

11 ливров 12 су 6 денье = 11 ливров + (12 + 6/12) денье = 11 ливров + 12½ денье,
11 ливров + 12 ½ денье = 11 +12,5/20 ливров = 11 +125/200 ливров = 11⅝ ливров.

Т.е.:

11 ливров 12 су 6 денье = 11 ⅝ ливров. (2.6)

Сравнивая (2.5) и (2.6) доказываем (2.4).

Голландский дукат:

3 куруша 26 пара 2 акче = 11 ливров (2.7),
3 (О.К.) 26 пара 2 акче = 3 + 26/40 + 2/120 (О.К.) = 3 + 13/20 + 1/60 (О.К.) =
= 3 +39/60 + 1/60 (О.К.) = 3 + 40/60 (О.К.) = 3⅔ (О.К.) (2.8).

Из (2.8), учитывая (2.3) получаем:

3⅔ (О.К.) = (3⅔)* 3 (ливров) = (11/3) * 3 (ливров) = 11 (ливров) (2.9).

Сравнивая (2.8) и (2.9) доказываем (2.7).

[37] Хотим тем самым еще раз подчеркнуть, насколько аккуратно подходил Ш.-К. де Пейссонель к подобным вычислениям. Оперируя различными номиналами монетных систем Османов и Франции, учитывая в каждой по три (sic!) номинала, получаем абсолютно точные результаты.

Т.е., можно составить следующую таблицу:

Иностранная валюта	Крым Гирай	Халим Гирай
Венецианский дукат	77½ бешлыка	465 бешлыков
Голландский дукат	73 бешлыка 2 акче	440 бешлыков 2 акче
Польский злотый	30 бешлыков	180 бешлыков
Польский грош	= 7½ бешлыка	45 бешлыков

Часть IV. О возможности использования эпитета «беяз» в нумизматике Крымского ханства

В своей работе А.Л. Бертье-Делагард, перечисляя и комментируя название монет, обращающихся в Крымском Ханстве, упоминает и «беяз бешлык», противопоставляя его так называемому «кара бешлыку»[38]: «*бешлык – пятерка, пятак. Номинал, известный в XVII–XVIII веках, особенно к концу, в Крыму. Почти медный, с ничтожной примесью серебра, стоящий пять таких акче, звался* кара *(черный) – бешлык; пять черных бешлыков равнялись одному серебряному, белому – биясы-бешлык*».

Практически то же самое пишет Н.Л. Эрнст в своих комментариях к «*Крымскому ханству*» Й.Э. Тунманна[39]: «*В начале XVIII века крымский акче содержал уже только 0,16 граммов серебра, и пришлось прекратить его чеканку из-за его миниатюрности. Начали чеканить новую монету – бешлык, т. е. пятак (беш – пять), содержавший пять акче. Но и его быстро снизили фальсификацией, доведя до эпитета «кара-бешлык», черный бешлык, ибо он стал по существу медным с ничтожной примесью серебра. Пришлось производить девальвацию, весьма, конечно, выгодную для казны, и выпустить новую монету беяз-бешлык (беяз, бeяс, бияс – белый), более похожую на серебро, считая в ней 5 кара-бешлыков или 25 акче, которые фактически уже не чеканились и лишь сохранились в памяти, в торговом обиходе, как мыслимая, фиктивная счетная единица. Кара-бешлык получил в народе презрительное название чурюк-бешлык, т. е. гнилой, порченый, фальшивый. Беяз-бешлык имел в 1770 г. 0,62 грамма серебра*».

Сам Й.Э. Тунманн пишет следующее[40]: «*Настоящие татарские монеты имеются только двух родов: 1) беас-бешлик, белый пятак, сделан из серебра и содержит пять карабешликов или двадцать ахче (Achtze); 2) кара-бешлик, черный пятак, сделан из меди с малым количеством серебра и содержит пять ахче. Воображаемые монеты следующие: 1) ахче*».

[38] *Бертье-Делагард А.Л.* Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 161.
[39] *Тунманн*. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 131.
[40] Там же. С. 28-29.

Проанализируем, что же именно написал Н.Э. Клееман о монетном деле Крымского ханства (в связи с неточностями, обнаруженными нами в[41], привожу этот фрагмент в собственном переводе с французского издания[42]. При переводе сверялся с изданием на немецком[43]). Далее, в сносках даю текст французского оригинала.

Монеты, которые обращаются в Татарии, следующие[44]:

1 Беяс бешлык, белый пятак[45].
2 Кара бешлык, черный пятак[46];
3 Беяз бешлык состоит из серебра, и равняется пяти кара бешлыкам, или двадцати татарским акче[47].
4 Кара бешлык состоит из меди с малым количеством серебра и равняется 5 акче[48].
5 Татарский пиастр – это фиктивная монета, которая также называется груш, или чуриг, и равняется 20 кара бешлыкам, или 100 акче[49].
6 Татарское акче также является фиктивной монетой, которая служит только для расчетов[50].
7 Турецкий пиастр стоил, когда я был в Татарии, 7½ грушей или чуригов, или 30 rups, или 150 бешлыков, или 750 акче[51].
8 Татарский Алтун равер 22½ груша, или 450 бешлыков, или 2250 акче[52].

На наш взгляд, Н.Э. Клееманн просто не разобрался в сути происходящего в монетном деле Крымского ханства того времени. Как мы видим, Крым Гирай произвел монетную реформу, введя в обращение новые монеты, которые, по своему курсу были выше предыдущих в 6 раз. Кроме того, народ назвал дореформенные монеты «*кара*», черные, подчеркивая малое содержание серебра в них. Но! При этом это название «*кара*», на мой

---

[41] Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию також в земли буджатских и нагайских татар. СПб, 1783.

[42] *Kleeman N.E.* Voyage de Vienne ă Belgrade et ă Kilianova, dans des Tartares Budziacs et Nogais dans la Crimĕe, et de Kaffa ă Constantinople, an travers de la mer Noire; avec le retour ă Vienne, par Trieste. Fait dans les annĕe 1768, 1769 et 1770: Trad. de l'all. Neuchatel, 1780.

[43] *Kleeman N.E.* Reisen von Vien über Belgrade bis Kilia nova, durch die Batchiack-Tartarey über Cavschan, Bender, durch die Nogeu-Tartarey in die Crim. Nebat einem Anharge von den besondern Merkwüurdigkeiten der crimmiesheu Tartarey. Leipzig, 1773. Auf. 1,2.

[44] «*Les monnaies de Tartarie font les suivantes*».

[45] «*Beas baschlick, cinq blancs*».

[46] «*Kara baschlick, cinq noirs*».

[47] «*Le beas baschlick qui est d'argent, est de cinq kara baschlick ou de 20 achtzes Tartares*». В этом месте – явная ошибка. Если исходить из того, что бияз-бешлык равен пяти кара-бешлыков (хотя, и это неправильно – на самом деле, новый бешлык равнялся 6 старым, дореформенным), то в одном бияз-бешлыке было 5 * 5 = 25 акче.

[48] «*Le kara baschlick qui est de cuivre mêlé d'une petite partie d argent a 5 achtzes, ou huitiemes*». Не совсем понятно во французском издании, что такое «*ou huitiemes*» (буквальный перевод «*или восьми*»). В немецком издании этого нет.

[49] «*La piastre Tartare est une monnoie fictive, on la nomme grufch ou tfchurig & est toujours de 20 kara balchlicks ou 100 achtzes*»..

[50] «*L'achtze Tartare est aussi une monnoie fictive & qui n'existe que dans les comptes*».

[51] «*La piastre Turque valoit pendant que j'étois en Tartarie 7½ gruschs ou tschurigs, ou 30 rups ou 150 baschlicks ou 750 achtzes*». В этом месте неясно, что подразумевается под «rups». В немецком издании это место выглядит так: "…oder 30. Rup, (Wűrfe)…". В русском издании: "…или 30 руб.". Но легко доказать, что 30 российских рублей не могли равняться турецкому пиастру. Да и сами авторы русского перевода далее, пишут, что турецкий пиастр равняется 60 российских копеек.

[52] «*L'althum Tartare a 22½ grutschs, ou 450 baschlicks ou 2250 achtzes*» Еще одна ошибка автора. Такой монеты, как алтун, в Крымском ханстве не было! Это «калька» с монетной системы османов.

взгляд, не противопоставлялось новым, «*беязам*», а было введено как противоположность более качественным бешлыкам предыдущих ханов.

Более того, мы имеем отличное свидетельство того, что в Крымском Ханстве для новой монеты применялся термин «*новый ханский сим*»[53]. По аналогии, можно предположить, что и монеты, выпущенные после реформы Крым Гирая также называли «*новые*», а не «*беяз*».

В заключении этой части работы хочется сказать о том, что сведения о монетном деле Крымского ханства, приводимые Н.Э. Клееманом, содержат, на мой взгляд, множество ошибок и неточностей. Но детальный анализ этого выходит за рамки настоящей работы.

Резюме

Была предпринята попытка приурочить известные по письменным источникам номиналы с реальными монетами крымского ханского чекана. Были учтены свидетельства Ш.-К. де Пейссонееля и Н.Э. Клеемана и проанализированы результаты нумизматических исследований.

Ключевые слова: Крымское ханство, история, нумизматика, номиналы.

Summary

An attempt was made to coincide with the known from written sources denomination coins with real Crimean khan coins. Were considered evidence C.-K. de Peyssoneel and N.E. Kleeman and analyzed the results of numismatic research.

Key words: Crimean Khanate, history, numismatics, ratings.

---

[53] *Биарсланов М.-Б.* Выписи из Кадыаскерского сакка (книги) 1017-1022 г. Хиджры (1608/9-1613г.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // ИТУАК. 1889. Вып. 8. С. 43.

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века.
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БТ	Богословские труды.
ВДИ	Вестник древней истории.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК	Известия (Императорской) Археологической комиссии.
ИИМК	Институт истории материальной культуры.
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КБН	Корпус боспорских надписей.
КРУ БИКЗ	Крымское Республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
НА НЗХТ	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический».
НЭ	Нумизматика и Эпиграфика.
РА	Российская археология.
СА	Советская археология.
САИ	Свод археологических источников.
ХСб	Херсонесский сборник.
IAHG	Introduction to Armenian Historical Geography.
REArm	Revue des Etudes Armeniennes.

ПРАВИЛА

ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «МАТЕРИАЛАХ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) Имя, отчество, фамилия, а также в скобках имя, отчество и фамилию в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
2) сведения об авторе – все ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, e-mail (адрес электронной почты) для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
3) название статьи;
4) аннотация – 3–4 предложения объемом не более 500 знаков, где изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
5) ключевые слова – 5–10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
6) текст статьи;
7) иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
8) Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Публикации, не содержащие указанных элементов, автоматически отправляются обратно авторам на доработку.

1.3. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@ukr.net), или передаются в редакцию на электронном носителе. После получения материалов из редакции отсылается подтверждение.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца – 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 12 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакциюМАИАСК вместе с текстом статьи.

2.3. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы. Библиографические ссылки в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. пункт 6. Согласно указанному ГОСТу в краткой форме вместо точки с тире в качестве разделительного знака между областями (элементами) библиографического описания может использоваться точка (.).

Примеры краткой формы:

[1] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977 С. 126.
[2] *Степанова Е.В.* Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистики и нумизматических памятников // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 76–84.

2.4. При указании имени автора в библиографическом описании предлагается использовать курсивное начертание шрифта.

2.5. Если ссылка дается на ту же работу, что и в предыдущей ссылке, но на другую страницу, используется выражение «Там же» и далее указывается новая страница:

[4] Там же. С. 306.

Если и работа, и страница совпадают с предыдущей, используется выражение «Там же.».

[5] Там же.

2.6. Если повторная ссылка на однажды указанную работу идет после других ссылок, желательно избегать формы «Указ. соч.» в названии работы, а давать имя автора, название (допустимо сокращенное – с троеточием) и номер страницы, например:

[1] Голубинский Е.Е. История канонизации святых… С. 399.

2.7. В ссылках на статьи, принятые в печать, но еще не опубликованные, следует указывать: «[в печати]».

2.8. Ссылки на Интернетресурсы допустимы, если указываемая информация недоступна автору в печатном виде. Интернет ‑ ссылка оформляется следующим образом (полужирным выделены служебные зарезервированные слова и знаки):

Автор. Название материала // Название сайта. URL: http://подробный_интернет-адрес_вплоть_до конечной_страницы_сайта (дата обращения: дд.мм.гггг). Адрес http дается без подчеркивания.

Например:

Феоктист, иером. Проповедь на акафисте Покрову Пресвятой Богородицы // Сайт МДА. URL: http://mpda.ru/node/7533 (дата обращения: 02.07.2009).

2.9. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится точка. Например: (Мф 3. 11–12).

2.10. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.11. Наличие в тексте статей прямых цитат из других работ отечественных или зарубежных авторов без кавычек и указания на источник недопустимо и служит причиной отказа в публикации статьи.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Вып. IV

Сборник

Редактор М.М. Чореф
Техническая редакция М.М. Чореф
Корректура К.С. Панченко
Верстка и оригинал-макет М.М. Чореф

Интернет-издание